

новелла ЧЕРНЫЙ ГОРОД

КРЫЛЬЯ

[HTTP://VK.COM/BOOKISH_ADDICTED](http://vk.com/bookish_addicted)

«ФАНАТЫ ГОРОДСКОГО
ФЭНТЕЗИ И
ЗАПРЕТНОЙ РОМАНТИКИ
НЕ СМОГУТ УСТОЯТЬ
ПЕРЕД ЭТОЙ КНИГОЙ»
USA TODAY

ЭЛИЗАБЕТРИЧАРДС

Натали оказывается разлученной с Эшем и неожиданно воссоединяется со своими родителями, включая отца, которого считала мертвым. Но все ее мысли только об Эше. Она не сыскала ни слова о нем с тех пор, как их с Элайджей дотавили в тайную штаб-квартиру Стражей, восставших против правящего режима. Но она клянется найти его. Тем временем Эш возвращается в Блэк Сити, в идеальное место, чтобы спрятаться от правительства Стражей. Но ненадолго. Он не откажется от Натали или от намерения положить конец правлению Пуриана Роуза.

ЧАСТЬ 1

ПЛАЧЬ ФЕНИКСА

1

ЭДМУНД

Янтарные Холмы, Штат «Горный Волк»

30 лет назад

ЦЕРКОВНЫЕ КОЛОКОЛА ПРОЗВОНИЛИ ПОЛНОЧЬ, ознаменовав начало смес Ночного дозора. После наступления темноты на улицу никому нельзя. Да... в общем, выходить никто и не осмелится. Ночь для созданий, живущих за стеной. Тех, что скрываются в тени леса. Тех, кто сейчас наблюдает за мной.

От шепота ветра, холодного как зимнее дыхание, меня пробирает озноб. Я поднимаю воротник шерстяного мундира, когда патрулирую Пограничную стену, окружающую наш лагерь. О чем я только думал, когда вызвался в патруль? Хотя очевидно же, что думал я о Кэтрин. Может быть теперь, когда я стал Дозорным, она перестанет видеть во мне Лучшего Друга Эдмунда и увидит во мне *Мой Потенциальный Парень Эдмунд*.

Я удивился, что Гильдия позволила мне устроиться на работу — чаще берут охотников, а не восемнадцатилетних внуков городских священников — но я неплохо обращаюсь с оружием... эээ... с пневматическим оружием. Запросто могу застрелить крысу, попав твари в глаз, с тридцати ярдов. Я взвешиваю винтовку в руках. Потяжелее, но разницы особой нет.

Где-то во мраке, за стеной, воет Люпин, и его вой эхом разносится в ночи. Я вздрагиваю. Я не особо обращаю внимание на их вой днем, когда солнце в зените и вокруг толпы народу, но все меняется с наступлением темноты. Нет, это точно была плохая идея.

— Все чисто, — раздается грубый голос мистера Кента, стоявшего дальше. Он один из четырех Дозорных вышедших на дежурство, включая меня. Он достаточно далеко, поэтому я могу разглядеть только его темную фигуру, движущуюся в ночи.

Я внимательно просматриваю линию деревьев в поисках Люпина. Со своей точки обзора, находящейся на тридцатифутовой стене, мне виден Лес Теней, убегающий в сторону вулкана, Горы Альба. Местные её зовут Коготь за своеобразную форму пика.

— Все чисто, — кричу я в ответ. — Ревунов нет.

Мы прозвали их так, потому что они издают такой звук, когда зовут друг друга. Меня снова передернуло. Ночка предстоит долгая.

— Эдмунд?

Я резко поворачиваюсь, оружие наготове. Я готов выстрелить в напуганную девушку с

каштановыми волосами, стоявшую на вершине лестницы. Кэтрин! У меня мороз пробежал по коже.

— Черт тебя подери, Гусеничка. Не подкрадывайся так к парню с оружием, — говорю я, опуская винтовку.

— И тебе привет, — говорит она, надувая губы. — И не зови меня так. Ты же знаешь, я это прозвище терпеть не могу.

Она взбирается ко мне на стену. У неё подмышкой зажато одеяло. Сама она одета в простую хлопковую ночную сорочку, которая цепляется за всяческие неровности на стене, отчего она то и дело спотыкается. Поверх сорочки был накинут длинный красный плащ. Она изменилась. Это больше не та тощая Гусеничка, которая с радостью будет драться и валяться со мной в грязи. По прошествии лета, когда ей исполнилось семнадцать, она начала краситься и укладывать красиво волосы, и теперь она выглядит, ну... как настоящая девчонка — что заметили все парни в городе, включая меня.

Она не единственная изменилась. За последние несколько месяцев я и сам вытянулся на голову, и одежда на мне стала сидеть лучше. У меня даже появились намеки на черную щетину, которая сможет потом закрыть некоторые шрамы на лице. Так что я теперь весьма неплохо выгляжу. Не сказать, что классно, но не задротом, это уж точно.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я. — Не то что бы я жалуюсь, но ты же знаешь, отбой-то уже был. — Я оглядел стену, чтобы убедиться, мистер Кент нас не видит. Он идет к восточному углу стены. Мы в безопасности.

Она закатывает глаза.

— С каких это пор тебя волнуют комендантские часы? Кроме того, каким другом я была бы, не приди сюда и не отпразднуй твою первую ночь в качестве Ночного дозорного?

— Просто ужасным, — подыгрываю я.

— Худшим, — соглашается она и расстилает одеяло на каменную дорожку, которая тянется по всей длине стены. В одеяле оказались два красных яблока и сыр с синими прожилками. — Я подумала, может ты проголодался.

Мои ноздри улавливают запах вонючего сыра и у меня крутит живот.

Кэтрин хмурится, видя мою реакцию.

— Это все, что я могла стащить из магазина, чтобы родители ничего не заметили.

— Это просто замечательно, Гусе... Кэтрин, спасибо. — Я уселся рядом с ней на колючем пледе. Я сел достаточно близко, чтобы вдыхать её аромат. В состав её духов входят цветок апельсина и мед. Я прислоняюсь к каменной орудийной башне и провожу рукой по своей упрямой шевелюре. — Дай мне яблоко, что ли.

Наши пальцы соприкасаются, когда она передает мне яблоко. И я испытываю желание к этой девушке.

— А помнишь, когда мы пробирались сюда детьми? — спрашивает она.

Когда мне было двенадцать, а Кэтрин одиннадцать, мы прокрались сюда, после комендантского часа, чтобы посмотреть на огни Серого Волка, ближайшего города к нашему лагерю. Я помню, как они мерцали вдалеке, ярче звезд. Кэтрин расплакалась и сказала, что их вид заставляет её грустить. И вот тогда я понял, чего она не поняла — мы здесь в ловушке.

Никто из нас не покидал безопасные чертоги нашего города, Янтарных Холмов — обнесенную стеной коммуну, выстроенную Гильдией сто лет назад, чтобы позволить нам жить вдали от грехов современной жизни.

— Мир может и погряз в грехах, но мы не обязаны следовать его примеру, — говорил

отец Кэтрин, мистер Лэнгдон, стремясь напомнить нам, что мы ходим по тонкому льду. Вообще-то, я редко когда соглашаюсь с ним. Но вот сейчас, в данную секунду мы видим своими глазами. Мы знаем, что там снаружи. Демоны. На краткий миг я хватаюсь за свой кулон на шею — символ нашей веры. Наша вера хранит нас от них. Она и стена. Кэтрин носит такой же кулон, правда он у неё золотой, а не деревянный как у меня.

— Я помню, как твой отец отправил поисковый отряд за тобой, — говорю я. — А после принялся избивать меня, пока дед не вмешался.

Она хмурится, явно тоже вспоминая тот эпизод.

— Он чересчур заботлив; это сводит меня с ума порой. Он считает, что раз он глава Гильдии, то это дает ему права контролировать всю мою жизнь.

— Мне кажется, он просто ведет себя как отец, вот и все, — говорю я с непринужденной улыбкой. Хотя откуда мне знать, я своего отца в глаза не видел.

— Наверное, — соглашается она, откусывая яблоко. — Ну и как тебе первая ночь в Дозорных?

Я пожимаю плечами.

— Да вот все никак не пойму, чего столько суеты вокруг этого. Не так уж тут и страшно, — нагло лгу я.

И тут рывкает другой Люпин. Очень близко. Кэтрин от страха взвизгивает и бросается ко мне на шею. Аромат её духов ударяет мне в нос. Я изо всех стараюсь сдержать улыбку.

— Никто не посмеет тебя обидеть, когда я на посту, — уверяю я её. — С парочкой Ревунов я справлюсь. Из меня отличный стрелок.

— Я не только их боюсь, — говорит она, отстраняясь. — Патрик говорит, — она заговорила тише, — в лесу полно Дарклингов.

— Ну, раз так говорит твой брат, наверняка так и есть.

Кэтрин буравит меня глазами.

— Он постоянно охотится в тех лесах с Харриет и Дрю.

— Ну и что, он хоть одного видел?

— Ну нет, — признается Кэтрин. — Он нашел двух оленей с колотыми ранами на шее.

— Да эти раны мог сделать кто угодно, любое животное, — отвечаю я. — Кроме того, ты сама-то когда-нибудь видела Дарков? Неужели кто-нибудь из них мог выжить за все эти годы?

Она трясет головой и слегка вздрагивает.

— Нет, к счастью. Они пугают меня больше, чем все остальные демоны вместе взятые.

— Почему это? Люпины точно так же легко смогут растерзать тебя, а яд Бастетов может заставить гнить твои кости.

— Да знаю я, — говорит она. — Но Дарклинги, они другие. Они не просто убьют сначала они наиграются с тобой. Они опьянят тебя, заставят поверить, что ты влюблена в них, и потому охотно согласишься, чтобы он питался тобой. И он выпьет тебя досуха. Это отвратительно.

Я перекатываю яблоко между ладоней.

— Ну, тебе не стоит переживать из-за этого. Кровососы давно исчезли, — говорю я, и кусаю яблоко. — В том лесу только Людоеды-Люпины остались.

— Это утешает.

Я ухмыляюсь.

— Обращайся.

Темные дождевые облака затягивают небо. Звезды, одна за другой, исчезают. Начинает моросить, но Кэтрин, к счастью, не делает никаких попыток, чтобы уйти — на самом деле, она даже теснее прижимается ко мне, отчего её ночнушка слегка задирается. У неё на коже видны крошечные веснушки, интересно, а под хлопком есть еще или нет...

— Ты пялишься на меня, Эдмунд, — говорит она.

Я смущенно откашливаюсь.

— Прости.

Мы надолго умолкаем, позволяя звукам ночи говорить за нас: шелестом листьев, уханьем Призрачных сов, мерному капанью дождя. Я рассеянно провожу языком по верхней губе. Привычка с детства.

— У меня есть новое платье для завтрашнего вечера танцев, — говорит Кэтрин.

У меня ёкает сердце. Вот уже всю неделю все только и делали, что болтали без умолку о танцах. Прошло восемнадцать лет с тех пор как мы объединились с Люпинами и выгнали Дарклингов из леса, закончив тем самым период конфликта, известного как Мучение, и каждый год Гильдия в честь празднования этого события устраивает танцы для горожан. С тех самых пор у нас с Люпинами мир, плохенький, но ни одна из сторон не хочет возвращаться к насилию. Правда за последние шесть недель они уже несколько раз врывались в наш город и хватали людей. И мы не знаем, зачем и почему они это делают. У нас уже три жертвы, включая профессора, мистера Смита, вот почему я сегодня в дозоре.

— Идешь с кем-нибудь? — спрашиваю я, как можно непринужденнее.

— Нет. — Она тяжело вздыхает. — Я вроде как надеюсь, что меня пригласит Эрик Крэнфилд, но, похоже, Патрик его отпугнул.

Мой рот дергается при мысли о её брате. Он решил посвятить всю свою жизнь, превращению моей жизни в ад. Однако, я рад, что он распугивает её ухажеров. Теперь у меня будет шанс с Кэтрин.

— Как печально, что Патрик хуже... хуже отца. Он считает, что я принадлежу ему, — продолжает она. — А ты уже кого-нибудь пригласил?

— Ну разумеется, все девчонки наперебой назначают свидания местному уродцу, — бормочу я.

— Не называй себя так, — говорит она.

— А почему нет? Все же именно так меня и зовут.

— Эдмунд, ты привлекательный парень. — Кэтрин слегка касается моей ноги. У меня замирает сердце. — Если девушки этого не видят, то им нужно обратиться к врачу, чтобы проверить голову.

Я опускаю глаза.

— Мы... эээ... может, тогда, ну знаешь, мы вместе ходим на танцы, раз уж мы оба без пары?

— Ну конечно, — говорит она, убирая руку.

Я улыбаюсь.

— Серьезно?

— А почему бы и нет? Будет весело, — говорит она. — Мы можем позвать с собой Харриет и Дрю.

Да я бы лучше глаза себе выколол: ненавижу этих двоих так же, как и Патрика, и я не позволю им испортить мне вечер.

— Это свидан... блин! — У меня сжимается грудь от резкой боли.

— Ты как? — взволновано спрашивает Кэтрин.

— Нормально. — Я растираю свою ноющую грудь. Как там это называл Её Всесилие? — Просто судорога.

— В груди, да? — спрашивает она.

Яжимаю плечами, не в силах придумать другое объяснение. Что бы там ни было, сейчас боль отступила. Так что не о чем волноваться.

Неожиданно вдалеке раздаются раскаты грома. И небо будто прорывает, тучи проливаются дождем. Нас же словно окатили ледяной водой из ведра. Наша одежда мгновенно промокает насквозь. Мы спешно убираем клетчатый плед.

— Я провожу тебя домой, — говорю я. Мне запрещено покидать свой пост, но меня не будет всего минуту. Я бросаю одеяло в сторону стены, и оно падает на землю, тридцатую футов ниже. Мы спускаемся по лестнице, медленно, чтобы не свалиться со скользких ступенек.

Как только мои ступни касаются земли, я помогаю спуститься Кэтрин. Мои руки скользят по тонкому стану, обнимая её за талию, и мои ладони задерживаются дольше, чем я позволял себе раньше. Её щеки розовеют.

У нас над головой вспыхивают молнии. Я смотрю в небо. Вдруг на его фоне что-то мелькает, неужели Призрачная сова? Невозможно сказать наверняка, дождь льет как из ведра, и снова нас окутывает тьма. Еще один взрыв боли в моей груди, и я задыхаюсь. Мне приходится прислониться к стене. Я прижимаю руку к груди. Какого черта?

— Эдмунд? Ты в порядке? — спрашивает Кэтрин, а у меня в груди пожар.

— Я... я не знаю, — отвечаю я сквозь зубы. — Мне как-то нехорошо.

И вот спустя мгновение в небе очередная вспышка, и что бы я там не видел в прошлый раз, уже исчезло. Наверное, Призрачная сова. В лесу их сотни. Я опускаю руку. Пожар в груди гаснет так же быстро, как зажегся. Я выпрямляюсь, чувствуя себя лучше.

— Может, отпросишься домой у мистера Кента, раз тебе нехорошо, — предлагает она.

— Нет, со мной все в норме, — говорю я. И это правда. Я не болею; просто судорога или приступ острой изжоги. — Давай лучше доставим тебя домой.

Мы спешим к поселку, наши башмаки шлепают по быстро появляющимся лужам. Мощные улицы пусты, не считая какого-то кота, пробирающегося между домами. Мы пробегаем мимо дома миссис Хоуп, покосившегося строения с зеленой дверью и круглыми окнами, которые всегда закрыты независимо от времени года. Сама старуха стоит на крыльце и поливает и без того влажные цветы. Похоже она не в курсе, что на улице дождь. Она крошечная — метр с кепкой, сутулая, седые волосы висят, как попало. Её сухопарое тело одето только в ночнушку.

— И чем же ты занимаешься полоумная карга? — бормочу я себе под нос.

Кэтрин хлопает ладошкой по моей руке.

— Веди себя прилично, Эдмунд. Ты же знаешь, она сама не своя, с тех пор как доктор Хоуп умер в прошлом году. Кому-то придется завести её внутрь. — Она многозначительно смотрит на меня.

Я вздыхаю и бегу к крыльцу. Кэтрин остается ждать на улице. Миссис Хоуп озадаченно смотрит на меня, когда я забираю у неё лейку и ставлю её на землю.

— Вам нужно вернуться в дом, — говорю я громко, специально для неё.

Миссис Хоуп, молча, косится на меня мутными глазами.

— Ты же сын Священника Гектора, да?

Я киваю, хотя Гектор мой дед, а не отец.

— Что-то я не видела сегодня в церкви твоей сестры, — продолжает старуха. — Кэсси заболела?

— Она мертва, — говорю я резко. — Она мертва вот уже восемнадцать лет, и Кэсси была моей матерью, а не сестрой.

— О... ну да, — бормочет миссис Хоуп, когда я завожу её в дом. — Точно-точно. Она повесилась, оставив бедного малыша в ванночке с кипятком.

Я замираю как вкопанный.

— Чего?

Она подносит пальцы к губам, будто пытается вспомнить только что сказанные ею слова.

— Миссис Хоуп?

Она мне слабо улыбается.

— Ты же мальчик Священника Гектора, да?

Я закатываю глаза и захлопываю за ней дверь. Сумасшедшая старая ведьма.

Когда я присоединяюсь к Кэтрин, она с любопытством смотрит на меня.

— А я думала, твоя мать упала с лестницы и сломала себе шею.

— Именно так, — говорю я. Вскоре после того, как я родился, моя мама случайно уронила меня в ванну с горячей водой. Она тут же побежала к доктору и, сбегая вниз по лестнице, упала. Во всяком случае, так рассказал мне дед. Я оглянулся на дом миссис Хоуп. Её муж был городским доктором, и первый оказался на месте происшествия. Неужели она знает больше меня?

Кэтрин берет меня за руку, одетую в перчатку, и я выхожу из задумчивости. Мы быстро бежим по ночным улицам, хотя вымокли уже до нитки. В центре нашего городка находится площадь Лэнгдон, названная в честь семьи Кэтрин, которая заправляет скотобойней, универсальным магазином и бутиком. Мы пробегаем мимо часовни, в которой живу я. В течение дня шпиль отбрасывает на Янтарные Холмы длинную тень, напоминая нам, что где бы мы не находились, мы всегда под бдительным оком моего деда и Гильдии. Мы останавливаемся перед магазином «Лэнгдон и Сын», оба задыхаясь от бега. Её семья живет над магазином.

— Что ж, спокойной ночи, Эдмунд, — говорит Кэтрин, застенчиво мне улыбаясь.

— Доброй ночи, Гусеничка. — Я смотрю ей в глаза. Мне очень хочется её поцеловать. Да просто поцелуй её и все! Я наклоняюсь...

Её глаза округляются.

— Эдму...

Её слова приглушают мой поцелуй. У её губ вкус яблока и дождя.

— И чем это во имя Его Могущество ты тут занимаешься с моей сестрой, а?

Я подсказываю, от голоса Патрика. Он пялится на нас из дверного проема, сложив руки на широкой груди. Я выше Патрика, но так как он стоит на ступеньке проема, то наши глаза на одном уровне. Он полная противоположность Кэтрин. Она темноволосая и миниатюрного телосложения, он же блондин и по телосложению больше похож на медведя. Вот из кого бы получился отличный Дозорный, но Кэтрин говорит — он боится высоты.

— Он ничего не сделал, — говорит Кэтрин.

— Да он же целовал тебя! — гневно восклицает Патрик.

— Это был всего лишь поцелуй на ночь, дружеский, — говорит она, глядя неуверенно

на меня. — Правда, Эдмунд?

Я вздрагиваю от этого слова. Дружеский. Но потом понимаю, это она говорит специально для брата; она не хочет, чтобы он спугнул меня, как Эрика и всех остальных.

— Правда, — говорю я.

Патрик затаскивает её внутрь, а потом возвращается ко мне.

— Думаю доложить о твоей самоволке, — сообщает мне Патрик.

— Валяй, чтобы у твоей сестры были неприятности. Она ведь гуляла после наступления комендантского часа, — говорю я. — Сильно сомневаюсь, что тебе это нужно.

— Держись от неё подальше, — рычит он. — Иначе...

— Иначе что?

А вот это было ошибкой. Патрик ударяет меня, и я валюсь на землю. Мои шерстяные штаны промокают насквозь. Но я успеваю перехватить взгляд Кэтрин, перед тем как Патрик закрывает дверь. В её глазах читалась жалость. Я зло хватаю винтовку и встаю на ноги, стряхиваю грязь со штанов. У меня в голове миллион мыслей, как отомстить Патрику. Я плетусь через весь город к своему посту. Дождь хлещет мне на голову.

Что-то промелькнуло впереди.

Что это было? Моя рука хватается за винтовку. Если Ревун пробрался внутрь, у меня серьезные неприятности. Здесь рядом домик миссис Хоуп. Окно в её спальню широко распахнуто, длинная металлическая щеколда стучит о стену. О нет! Я, не стучась, захожу в дом.

— Миссис Хоуп, это Эдмунд, — говорю я чуть хрипловатым голосом.

Свет потушен, только свеча горит в коридоре. Вдоль стены полки с кучей медицинских книг. В конце коридора тикают часы.

Половицы под ногами поскрипывают.

Я иду вверх по шаткой лестнице, оружие наизготовку. Инстинкты подсказывают мне бежать, но странное тянущее ощущение манит меня наверх, будто кто-то тянет меня за нить паутины, вплетенную мне в грудь, увлекая за собой наверх.

Я облизываю пересохшие губы.

— Кто бы это ни был, убирайтесь, у меня оружие!

Мою грудную клетку пронизывает тупая боль, когда я подбираюсь к спальне.

Я открываю дверь.

— Миссис Хо... — Слова застревают у меня в горле. Старуха находится прямо перед окном, её ступни не касаются пола, она парит, её длинная ночная сорочка развивается на ветру. За талию её обнимает бледная рука — кто-то тащит её через окно. Я делаю шаг к ним, и в моей груди происходит взрыв боли. Я падаю на колени, оружие выпадает из рук.

— Помогите! — кричит миссис Хоуп.

Я еле-еле поднимаюсь на ноги и, шатаясь, иду к ней, чтобы успеть схватить её. Она протягивает руку, наши пальцы тянутся друг к другу, а затем...

Она исчезает.

2

НАТАЛИ

— НЕ ВИЖУ ДРУГИХ ВАРИАНТОВ, кроме того, чтобы самой украсть Транспортёр отправиться на поиски Эша, — говорю я Элайдже, вернее его затылку. Он стоит на коленях, дергает морковку из грядки и задорно помахивает хвостом.

Мы в УП — огромном подземном парнике, который освещается ультрафиолетом, поэтому его называют ультрафиолетовая теплица или парник, или сокращенно УП. Он не похож на те, в которых я уже бывала — по всей ферме расставлены фруктовые и цветочные оранжереи, хозяйственные постройки и водонапорная башня. Мы собираем припасы на обед. Ну, вообще-то Элайджа собирает, а я им «руководжу» из рокария рядом, наслаждаясь ароматом, проклюнувшихся между камнями, красочных первоцветов.

УП определенно мое любимое место в цитадели мятежников Стражей — секретной военной базе, которая слаженно функционирует под Галлием, столицей Медного штата. Правда, прямо сейчас я не могу оценить его красоту. Прошло уже девять дней с тех пор, как Рейф Гаррик и свора его Люпинов доставили нас сюда, и мое терпение на исходе. Эш где-то там, на передовой, в то время как я застряла здесь и жду новости о нем. У меня в кармане потрескивает радио, словно в очередной раз напоминая об этом. Радио постоянно настроено на канал «Жар-птица», пиратскую станцию вещания, которой рулят «Люди за Единство», чтобы не пропустить новости об Эше — к счастью мы можем получать сигнал благодаря комплексу системы ракет-носителей — но до сих пор не было ни слова о Фениксе.

— Классная идея, красotka, — говорит Элайджа, бросая корзину с пучком моркови к моим ногам. — Если не считать того, конечно, что ты так себе в обращении с Транспортером.

Я хмурюсь. Он прав. У меня нет пилотной подготовки.

— Ладно, я похищу Гаррика и заставлю его пилотировать, — говорю я.

Элайджа приподнимает удивленно брови.

— Ну, ладно-ладно, это плохая идея. — Я подбираю с земли садовый нож и верчу его между пальцами. — Почему мои родители бросили Эша одного? Если бы они просто привезли его сюда, не было бы проблем.

— Ну, ты же понимаешь, почему так вышло, — терпеливо говорит Элайджа. — Они думали, что тебе будет лучше без него.

Я сердито вздыхаю. Да-да, я все еще зла на родителей. Я вроде как понимаю ход их рассуждений — они хотели забрать меня с сестрой Полли, к себе, чтобы наша семья воссоединилась, но здесь не было место Эшу и его планам. Когда я потребовала объяснений, мама всплеснула руками и созналась во всем.

— Натали, этот мальчик плохо влияет на людей. Наркодиллер и разыскиваемый преступник, он не принес тебе ничего кроме неприятностей, с тех пор, как вы стали встречаться. Он разрушил нашу семью! Мне не нравится, что он полностью завладел тобой, — сказала она. — Это нездорово. Боже, тебе же всего семнадцать, а ты уже собралась замуж.

Я обратилась к папе за поддержкой, но он только покачал головой.

— Тали, мы действуем только в твоих интересах.

Я крепче сжимаю нож в руке. Родители в своем репертуаре. Они контролировали мою жизнь, когда я была маленькой, и все еще продолжают делать это. От досады я одним махом казню несколько цветов, срезая их бутоны. Одна из садовниц (симпатичная брюнетка по имени Джоси, у которой вечно грязный нос) одаривает меня холодным взглядом. В отличие от Элайджи, после «инцидента» в столовой у меня тут так себе репутация.

Вскоре, после моего появления на базе, я подожгла столовую, после того, как отец отказал энный раз в моей просьбе забрать сюда Эша. И это сработало. Он отправил в Виридис отряд Бета, но к тому времени, как она туда добрались, Эш и два брата Элайджи (Ацелот и Марсель) уже исчезли, а город наводнили солдаты Пуриана Роуза. Отряд едва унес

ноги. После этого провала и еще двух неудавшихся миссий по поиску Эша во Фракии и в Центруме, моему отцу был отдан приказ больше не рисковать людьми.

— Извини, но таковы инструкции Командующего. У меня связаны руки, — сказал он.

Да мой папа занимает не последнее место на базе, но он не во главе восставших Стражей. Это какой-то богатей, которого все знают как Командующий. Он финансирует эту операцию в течение многих лет, и он единственный, кто принимает решения здесь. Я не знаю его настоящего имени, оно держится в строжайшем секрете, дабы защитить его.

Я подпираю подбородок руками, думая, что же делать дальше, пока Элайджа возвращается к работе. Золотые браслеты на его запястьях блестят, когда он закидывает три мешка с удобрениями себе на мускулистые плечи и несет их на овощные грядки. Потом он вилами разбрасывает удобрения по земле и ровняет лопатой. Он то и дело прерывается, чтобы вытереть пот со лба, размазывая грязь по коже. Но отчего-то потный и грязный, он выглядит еще шикарнее... поэтому группка женщин бросают на него заинтересованные взгляды.

Я, смеясь, закатываю глаза.

— Боже, ни стыда, ни совести. — Элайджа приподнимает брови, и я киваю в сторону млеющих женщин. — Да они тебе в матери годятся.

В его глазах мелькает боль.

— Ой, Элайджа, прости, я не хотела...

— Да все нормально, — тихо говорит он.

Его мама, Иоланда, пропала около месяца назад вместе с тетей Эша, Люсиндой Кумбус, и их другом детства Кираном. Все они были членами террористической группировки «Четыре Королевства», цель которой — объединение всех четырех рас, любыми средствами. До своего исчезновения, эти трое разыскивали «Ора» — мощнейшее оружие, которое, как предполагается, содержит желтую чуму. Желтая чума поражает всех носителей V-гена — Стражей. До того пока нас не разлучили в Виридесе, нашим заданием с Эшем и Элайджей было найти «Ора».

— Мы её найдем, — говорю я ласково. — Гаррик дал слово, что найдет их в Сером Волке. Надеюсь, его люди скоро вернутся с новостями.

— Ну да, будем надеяться, — с сомнением в голосе произносит Элайджа. — Как бы мне хотелось, чтобы Эсме рассказала нам больше.

Эсме — это жена Кирана. Мы с ней встретились во Фракии. Она рассказала нам, что трио связывалось с ней по прибытию в Серый Волк. Они сказали ей, что собираются на соседнюю горную гряду под названием Коготь, чтобы добыть «Ора». И это были последние известия от них. Нам не удалось расспросить Эсме подробнее, потому что на нас напали гвардейцы Стражей. В итоге Эсме застрелили. Мы попытались выяснить самостоятельно, что это за гора такая, Коготь, но не обнаружили её ни на одной карте, имеющейся в нашем распоряжении. Я думала, что это вроде как прозвище, как у Кармазинной горы, второе название которой — Вилка Дьявола из-за её раздвоенной вершины, но ближайшая гора к Серому Волку — Гора Альба, и у неё вместо вершины кратер. Так что это не может быть она. Она совершенно не подходит под описание когтя. Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начали.

Мои антикварные часы пищат, и я со вздохом встаю. Пора идти на ежедневный прием к доктору Крейвену Идену. Элайджа, все понимая, не говоря ни слова, собирает наши вещи. Он несет корзину моркови Джоси.

— Спасибо, котенок, — говорит она, кокетливо улыбаясь.

Он заливается румянцем и бормочет в ответ:

— Да чего там. Всегда рад помочь.

Я ухмыляюсь.

— Котенок, значит?

Он краснеет как помидор. Эта милая, застенчивая версия Элайджи так отличается от высокомерного напыщенного парня, которым он был еще несколько недель назад — парня, чьим любимым хобби был флирт с девушками, который и пальцем бы не пошевелил, чтобы кому-нибудь помочь. Но скорее всего он просто выдавал себя за своего испорченного брата, Марсея, поэтому я только-только узнаю настоящего Элайджу.

Я убираю складной нож в карман, намереваясь вернуть его в сарай к инструментам.

Мы не торопясь идем на выход. Я не спешу становиться подопытной доктора Крейвена. Будто мне мало было болезни сердца (в восьмилетнем возрасте мне сделали пересадку), а еще я заразилась и вирусом Разъяренных. Меня укусил зараженный мальчик-Дарклинг. С момента моего появления на базе повстанцев врачи Стражей только и делали, что пытались меня вылечить, накачивая мое тело экспериментальными вакцинами да лекарствами. Пока я не оказалась здесь, то почти смирилась со смертью. Но теперь во мне забрезжила надежда и я уже в ужасе от того, что лечение не поможет.

Элайджа прячет руки в карманы, рукава на его комбинезоне закатаны, тем самым обнажая леопардовые пятна на коже. Металлические обручи на запястьях блестят в лучах поддельного солнца. Глядя на них, можно подумать, что это просто красивые украшения, но я-то знаю, что они представляют собой на самом деле: кандалы. Они демонстрируют статус раба у Консула-Бастета, который по совместительству еще является и твоим отцом. Мягко скажем, у Элайджи с отцом сложные отношения. Вернее, были сложными. Девять дней назад Консула Бастетов расстреляли, вместе со свободным братом Элайджи, Донатьеном.

— Как ты справляешься? — негромко спрашиваю я.

Элайджа пожимает плечами, прекрасно понимая, о чем я его спрашиваю.

— Нормально. Ужасно. Я скучаю по ним, несмотря ни на что. — Он опускает взгляд. — Хотя не могу не думать о том, что папа получил по заслугам.

Взгляд его топазовых глаз встречается с моим.

Я ничего не отвечаю, но в глубине души я с ним согласна. Консул использовал Элайджу, чтобы заманить меня с Эшем в Виридис, под предлогом, что они хотят присоединиться к восстанию. Впрочем, это было лишь уловкой, чтобы мы сами прибыли в Виридис и он смог сдать нас войскам Пуриана Роуза. План имел неприятные последствия, произошла перестрелка, в которой его отец был убит. Мы едва сумели спастись.

Мне бы следовало ужасно злиться на Элайджу (что я и делала несколько дней к ряду), но он только выполнял приказ отца. Кроме того, когда Гаррик похитил меня из Виридиса, Элайджа рискнул жизнью и бросился за мной. Никто из нас не знал, что Гаррик работает на моего отца, так что это был храбрый поступок с его стороны. И теперь он «постоянный гость» здесь, которому запрещено покидать базу, чтобы он никому не смог проговориться о восставших Стражах. Какое-то время Элайджа не сможет покинуть это место, по крайней мере, пока я не смогу уговорить отца отменить этот нелепый запрет. Я думаю, именно поэтому он вызвался работать в УП. Это самое лучшее, что есть снаружи.

Мы проходим мимо куста ярко-желтых лилий Поллианны, и я провожу пальцами по

цветам. Оранжевая пыльца развивается по ветру.

— Мою сестру назвали в честь этих цветов.

На губах Элайджи появляется грустная улыбка. Полли была убита месяц назад моим бывшим телохранителем и парнем, Себастьяном Иденом, по приказу Пуриана Роуза. Элайджа был со мной, когда я нашла её тело. Горе стягивает мое горло, будто виноградная лоза, угрожая задушить меня.

Я убираю руку в карман и пальцами нахожу нож. В тот день я дала обещание своей сестре. Я пообещала ей, что не перестану бороться, пока не сравняю Центр с землей. И когда это мгновение настанет, я доберусь до этого ублюдка Пуриана Роуза и всажу этот нож в его черное сердце. Я прохожу мимо сарая с инструментами, моя рука не разжимает нож, спрятанный в кармане.

3

НАТАЛИ

БОЛЬНИЦА НАХОДИТСЯ НА ЭТАЖ ВЫШЕ УП, рядом с главным входом, и к то времени, когда мы до неё добираемся, я уже вся запыхалась.

Я останавливаюсь у стеклянных дверей, набираясь смелости, готовясь к тому, что меня ждет — капельница, которая должна помочь с анемией, коктейль из противовирусных препаратов, и еще несколько мучительных, болезненных инъекций. Я прохожу эти процедуры каждый день, с момента моего попадания сюда. И хотя я благодарна за то, что меня лечат — я ненавижу каждую секунду этих процедур.

Я перевожу взгляд на Элайджу. Его кадык неравно дергается вверх и опускается вниз, когда он смотрит на двери, ведущие в больницу. Я ласково беру его за руку.

— Тебе не обязательно идти вместе со мной, — говорю я. — Я знаю, как ты ненавидишь это место.

Моя мама с доктором Крейвеном держали Элайджу в заложниках в Блэк Сити и ставили над ним эксперименты. Это его яд они использовали для создания «Золотого Дурмана», который убил несколько подростков в городе, в результате чего моя мама попала в тюрьму. Так что очевидно, почему Элайджа не большой фанат больниц. Или доктора Крейвена. Или моей мамы.

Его взгляд падает на мою руку, которая все еще держит его предплечье.

— Ради тебя все, что угодно.

На меня волной накатывает чувство вины, и я убираю руку. На его лице мелькает боль. Пару недель назад Элайджа признался в чувствах ко мне, когда мы были во Фракии. После мы притворились, будто этого разговора не было, но это признание теперь висит тенью над нашей дружбой. Он открывает стеклянную дверь мне, и я захожу в больницу.

Внутри все по-больничному стерильно и бело, кроме зеленых дверей в конце комнаты, которые ведут в лабораторию доктора Крейвена.

Палата заполнена всевозможным оборудованием, которое шумит и пищит, чья единственная, как по мне — вызывать мигрень. По обеим сторонам комнаты тянутся ряды коек, возле одного из них стоят мои родители и ругаются.

— Джонатан, я не собираюсь опять это обсуждать, — говорит мама. Она болезненно худая. Острые скулы обтянуты бледной кожей. Черные волосы собраны заколкой в шиньон.

— Она была и моей дочерью, — говорит отец таким голосом, который у него бывает,

когда очень зол. — Я вырастил её, как родную.

Я до сих пор никак не могу привыкнуть к тому, что мой отец жив. Мне надо как-то свыкнуться с тем, что этот человек — мой отец.

Папа обладал классической красотой, как актер из старых фильмов моей сестры и я очень хорошо помню тот волевой подбородок, озорные голубые глаза и легкую улыбку. Он больше не улыбается, вообще. Хотя, наверное, это нелегко, после того, как Разъяренный изуродовал ему лицо.

Я была с ним, когда на него напали. Раны были настолько тяжелыми, и казалось невозможным, что доктор Крейвен мог бы его спасти. Так что, когда мама сообщила, что папа умер, я ей поверила. Я даже не задала ни единого вопроса, когда она отказала мне в просьбе взглянуть на его тело, сказав, что не стоит лишний раз травмировать свою психику. Я ничего не сказала и на её решение хоронить папу в закрытом гробу. А на самом же деле доктор Крейвен стабилизировал его состояние и позже тайно перевез в это учреждение, чтобы здесь его выходили, пока мы хоронили пустой гроб.

Мне было больно от того, что родители держали этот секрет от меня, но я понимаю, почему они так поступили. Мой отец считался предателем государства, и было бы безопаснее для всех нас, если бы он остался «мертвым», а мама продолжала работать на Пуриана Роуза, словно она была по-прежнему ему предана. Надо заметить, что вообще-то она была за сегрегацию, но в первую очередь мама была предана своей семье. Я поняла это, когда она призналась, что согласилась заразить Дарклингов, только потому, что Пуриан Роуз угрожал Полли и мне. Она всегда заключала только выгодные союзы. Прямо сейчас ей выгодно быть среди повстанцев.

— Шивон, мы не можем продолжать отмахиваться от этого. Её не вернуть, — говорит отец.

К моему удивлению, мама издает страдальческий всхлип и прижимается к отцу.

— Джонатан, я не могу, просто не могу, — всхлипывает мама.

Папа обнимает маму. Я ошеломлена её видом. Она выглядит такой сломленной. Только однажды мне довелось её такой увидеть. В тот день её отправили в тюрьму. Она не рассказала мне, что с ней там произошло, но слухами земля полнится: пытки, лишение сна, морение голодом, накачивание наркотиками — в общем, все, что должно сломать заключенного.

Дверь в конце помещения открывается и к ним выходит доктор Крейвен с планшетом в руке. Это высокий мужчина, средних лет с яркими, зелеными глазами и кудрявыми, бронзовыми волосами. На его длинном носу восседают очки, линзы которых в форме полумесяца. Поверх комбинезона бутылочного цвета, на нем надет белоснежный халат. Доктор Крейвен работал с моей мамой в Блэк Сити на протяжении двенадцати лет, занимая должность главы «Департамента Науки и Технологии против Дарклингов». Он так же был нашим семейным доктором, почти двадцать лет. Именно он провел операцию по пересадки мне сердца.

И это доктор Крейвен создал C18, вирус «Разъяренных», который был разработан как оружие против Дарклингов. Поэтому он моя надежда на излечение. Папа, к счастью, не заболел, после того, как подвергся нападению зараженного Дарклинга, но я оказалась не так удачлива. Возможно, это связано с тем, что у меня сердца Дарклинга. В буквальном смысле. А может у папы просто был иммунитет. Не знаю, мы все еще пытаемся это выяснить.

— Привет, конфетка, — говорит доктор Крейвен.

Родители резко отстраняются друг от друга, и мама быстро вытирает слезы.

— Привет, доктор Крейвен, — говорю я, присаживаясь на край койки. — Давненько не виделись.

Он в ответ ухмыляется. С тех пор, как я появилась здесь, большую часть времени я провожу в больнице.

Мамин поясной пейджер пищит и она смотрит что там. Она поворачивается к папе.

— Это Командующий. Он хочет, чтобы я немедленно с ним связалась.

Папа управляет здесь военными операциями, но как самый высокопоставленный правительственный чиновник на базе, технически моя мама у него начальник. Она неуверенно смотрит на меня.

— Все в порядке. Иди, — говорю я, немного перегибая с энтузиазмом. Я люблю маму, но нам не удастся провести больше пары минут, прежде чем мы не начинаем ругаться.

Элайджа одаривает маму ледяным взглядом, когда она проходит мимо. Как только она исчезает в дверях, папа достает из кармана книгу: Приключения Капитана Рыжая Борода. Мое сердце млеет. Хотя, книга, определенно, больше в папином вкусе, чем в моем.

— Тебе не обязательно оставаться, я знаю, что у тебя полно дел.

— Для своей девочки я всегда найду время.

Меня слегка передергивает. Он все еще видит меня своей маленькой девочкой. Отец усаживается рядом со мной на узкой койке и вытягивает ноги. Элайджа садится, скрестив ноги, на кровати рядом с нами. Они по очереди читают диалоги в книге на разные голоса и очень смешат меня. Элайджа уморительно изображает девицу, попавшую в беду. Они оба прекрасно отвлекают меня от неприятной процедуры — доктор Крейвен ставит мне капельницу. Лечение начинается.

К счастью для меня, доктор Крейвен очень осторожный человек и начал работать над противоядием вируса, сразу же, как только создал его несколько лет назад, на случай, если он перекинется на другие расы. И у него были все основания переживать — я живое (гмм, умирающее) тому доказательство. Но противовирусные препараты никогда не были испытаны на людях, так как он не успел завершить испытания, уйдя в подполье после скандала с «Золотым Дурманом». Так что мы понятия не имеем: подействуют ли они.

Я стараюсь сосредоточиться на сюжете, пока доктор Крейвен берет у меня кровь, а потом ставит капельницу. Он забирает образец в лабораторию, чтобы провести несколько тестов и понять насколько эффективно лечение. Я не очень-то верю в лечение: последние восемь образцов показали, что никаких изменений в моем состоянии не произошло.

— Из-за чего вы с мамой спорили? — спрашиваю я папу.

Папа обнимает меня.

— Мы обсуждали проведение поминальной службы по Полли. Мне кажется, пора её провести, но мама не хочет. Она все еще не готова.

Я вспоминаю, какой сломленной мне показалась мама пару минут назад и понимаю, о чем говорит папа.

— Ты скучаешь по ней? — шепотом спрашиваю я.

Папа кратко кивает, сжав челюсти. Он любил Полли, очень. Даже, несмотря на тот факт, что она не была его биологической дочерью. Её настоящим отцом был Пуриан Роуз. У мамы была интрижка с ним, почти сразу же после того, как она вышла замуж за папу. И она забеременела Полли от Роуза.

— Почему ты не ушел от мамы, когда узнал, что Полли не от тебя? — спрашиваю я.

Папа бросает взгляд на Элайджу, но тот притворяется, что читает книгу и не обращает на нас никакого внимания.

— А я ушел, — отвечает папа. — Когда правда обнаружилась.

Я выпрямляюсь. Меня удивляют его слова.

— Надо же, я ничего не знала. — Мама, конечно, это заслужила, но мне все равно её жаль. — А почему вернулся?

— Твоя мама очень сожалела о содеянном, — говорит папа. — И мне пришлось принять на себя часть ответственности за случившееся. Работа вынудила меня оставить её на несколько месяцев. Останься я, и ничего бы не было. — Его губы сжимаются в тонкую линию. — Между нами возникло напряжение, и меня не было рядом с Шивон, когда я был так ей нужен. Поэтому она нашла утешение с другим.

— Пурианом Роузом, — бормочу я. Мерзость, какая.

— Совершила ли она ошибку? Безусловно. Но виновата ли только она? Нет. Мы видели в этом наш второй шанс сохранения семьи, Тали. Было непросто, но со временем я простил её. И я рад, что сделал это, потому что у нас была Полли, а двумя годами позже появилась на свет ты. — Он целует меня в лоб. — Я люблю твою маму. Мне не о чем жалеть.

Я опускаю взгляд на свое обручальное кольцо, думая об Эше. Мы преодолели много испытаний, поэтому я могу понять, почему отец сумел простить её.

— Пап, я тут вот думаю...

— Тали, мы не будем это обсуждать, — говорит он, отстраняя меня.

— Но ты ведь даже не знаешь, что я хочу сказать, — отвечаю я.

— Ты собираешься попросить отправить поисковый отряд за Эшем, — отвечает он.

— Если бы ты только позволил мне поговорить с Командующим...

— Он предельно четко отдал приказ, — говорит папа, используя голос, которым обычно говорит со своими подчиненными. — Он считает, что мы уже достаточно сделали. Натали, мы не можем растрачивать попусту наши ресурсы. У нас есть приоритеты.

— И он должен быть одним из них. — Я поднимаюсь и выдергиваю капельницу из руки. — Эш — жизненно важная часть в войне против Пуриана Роуза. Он же Феникс! Неужели это ничего не значит для твоих людей?

Отец вскакивает на ноги.

— Куда это ты собралась?

— В Виридис. Может отряд Бета что-то упустил. Кто-то наверняка должен знать, куда отправился Эш. — Я разворачиваюсь к Элайдже. — Идешь?

Он кивает, вставая.

— Сядь! — приказывает отец.

И Элайджа тут же садится.

— Не слушай его, — говорю я Элайдже, а потом вновь обращаюсь к папе, — у тебя нет права держать его здесь в плену. Мы уходим.

— И как именно ты доберешься до Виридиса, а? — интересуется папа.

— Попроюсь на поезд, угоню грузовик. Сделаю все, что потребуется. — Это рискованное путешествие через вражескую территорию, вот почему мне так не хотелось это делать самой, учитывая свое здоровье. Но, похоже, у меня просто не остается выбора.

Он преграждает нам дорогу.

— Ты не покинешь базы.

— Вот только не надо тут мной командовать, я не одна из твоих лейтенантов.

— Я твой отец, — резко говорит он. — Я понимаю, что тебе кажется, будто ты любишь этого сопляка...

— Я не просто его люблю, мы с ним связаны. — Я прижимаю руку к груди. — Когда вы забрали меня — ранили Эша. Но вам этого никогда не понять. Папа, он страдает. Я это чувствую.

— Натали... — голос папы теплеет.

— Эш заслуживает лучшего, — не унимаюсь я. — Он пожертвовал собой ради меня. Он взял вину на себя за убийство, и был буквально распят из-за этого! И вот как вы отплатили ему? — Моя кровь кипит от ярости. Как же я зла на папу, на Командующего. Я устала пытаться убедить их найти Эша. Очевидно, что этого не будет. А он по-прежнему там и каждый день подвергается опасности. Если я хочу его найти, то должна сделать это сама. — Я отправляюсь на его поиски, и ты не сможешь меня остановить.

Я отталкиваю отца и иду дальше. Элайджа идет за мной.

— А как же лечение? — спрашивает отец.

Я застываю в нерешительности. Да, этот пункт я не продумала. Как долго я смогу прожить без уколов? Хватит ли у меня времени, чтобы найти Эша и привести его сюда, пока не станет слишком поздно для меня? Вот уж не знаю.

— Прошу тебя, Натали, не нужно, — умоляет меня папа. — Мы с твоей мамой уже достаточно пострадали. Мы не можем тебя потерять. Зная, по твоим рассказам Эша, могу с уверенностью утверждать, что он бы тоже не хотел твоей смерти.

Все так.

Элайджа смотрит на меня.

— Ну что? Мы никуда не идем? — спрашивает он тихонько.

Я качаю головой и возвращаюсь к койке. Я повержена.

Как раз в этот момент из лаборатории возвращается доктор Крейвен. Он сводит брови, пока изучает самые последние результаты анализа моей крови. У меня же сводит желудок от страха неизвестности. Элайджа переплетает свои пальцы с моими. У него слегка мозолистая, но теплая рука. Этот жест немного успокаивает меня.

— Итак, какие новости, док? — Я стараюсь говорить непринужденным тоном, но пальцы мои непроизвольно сжимают сильнее руку Элайджи.

— Ну, сожалею, но ты все еще больна, — отвечает Крейвен. — Поэтому придется продолжить курс лечения...

— Я умру? — запальчиво спрашиваю я.

Элайджа с папой выжидательно смотрят на доктора. Мы все затаили дыхание. Так тихо, что я слышу, как в висках стучится кровь. Он снимает очки.

— Нет, конфетка, — отвечает доктор. — Хотя ты еще не выздоровела, похоже, вирус вошел в стадию ремиссии. А это означает, что лечение работает. — Он улыбается мне. — Ты будешь жить.

4

НАТАЛИ

Папа с Крейвеном обсуждают результаты анализа — по-видимому, если мы продолжим делать инъекции в течение последующих нескольких месяцев, то очень вероятно, что вирус войдет в стадию полной ремиссии — но мне трудно это представить. С моих губ срывается странный звук: нечто между всхлипом и смешком. Похоже, я буду жить.

Элайджа затягивает меня в свои объятия.

— Я так и знал. Знал, что ты поправишься, красотка.

Я лгну к нему, благодарная за поддержку, хотя и крошечная часть меня хочет, чтобы это было плечо Эша, на котором сейчас покоится моя голова.

— Надо бы отпраздновать.

Я с надеждой смотрю на папу.

— А можно выйти на поверхность?

Он смотрит на меня суровым взглядом.

— Конечно, нет. Мы уже это проходили.

— Нас может сопровождать Отряд «Альфа», и тогда тебе не нужно будет переживать за нас. Мы всего-то и просим — выйти на поверхность на несколько часов, папа. Я не прошу о чем-то неразумном или невозможном. Мы уже неделю здесь маринуемся, вряд ли это хорошо скажется на моем здоровье.

— Немного солнечного света пойдет ей на пользу, Джонатан, — соглашается со мной доктор Крейвен.

Я расплываюсь в благодарной улыбке, в ответ на которую он озорно мне подмигивает.

— А что, если кто-нибудь вас узнает? — спрашивает папа.

— Так мы же замаскируемся.

Он вздыхает. Он больше не в силах сопротивляться.

— Команда «Альфа» должна быть в командном центре.

ДА!

* * *

Как следует из названия, командный центр находится в сердце лагеря, на стыке между больницей, офисами администрации лагеря и столовой. Пока мы идем по Главной улице, мимо нас каждую минуту со свистом проносится электричка за электричкой. Для перемещения по городу, размером с военный комплекс, солдаты используют поезда, но, после того, что случилось со мной и Элайджей, когда мы последний раз ехали на поезде (на нас напала банда Разъяренных), мы решили пройтись пешком. Меня все еще удивляет количество времени и денег, потраченные на строительство этой базы. Но больше всего меня удивляет, что Пуриан Роуз ничего о ней не знает и что у него в администрации есть предатели, о которых он даже не подозревает.

Эта секретная база была построена в первую войну, в качестве убежища для кучки параноидальных правительственных чиновников, которые планировали спрятаться здесь, если Дарклинги вдруг победят в войне. Дарклинги проиграли, но те же чиновники, возглавляемые Эмиссаром Винсентом (которая управляла Медным штатом, пока её не убили несколько недель назад) продолжали использовать базу, чтобы создать армию против Роуза, при поддержке Командующего. Они предполагали, что Роуз приведет страну к социальной и экономической катастрофе, благодаря своей одержимости Дарклингами. Это было время перемен. Эти чиновники здесь, на базе. Хотя, если честно, мне кажется, я ни разу никого из них не видела. Они предпочитают держаться в своих роскошных кварталах, подальше от всякой «гопоты».

Солдаты в комбинезонах цвета ржавчины тут же прекращают свои занятия и салютуют моему папе, когда он проходит мимо. Даже, несмотря на то, что папа одет точно так же, как

и они, он излучает власть. Он кивает нескольким солдатам, даже пытается улыбнуться губами, исполосованными шрамами, но солдаты все равно держаться на почтительном расстоянии от него.

Доктор Крейвен посмеивается, в то время как Элайджа хватает мою руку и кружит меня всю дорогу вниз по Главной улице. Мы оба смеемся. Мимо проходящие солдаты одаривают нас недоумевающими взглядами. Но мне все равно. Приятно получить хотя бы толику хороших новостей после стольких страданий в последнее время. Мы все потеряли близких нам людей, включая доктора Крейвена, чей сын Себастьян пропал вместе с Эшем и сводными братьями Элайджи. Трудно волноваться о Себастьяне, когда он изнасиловал и убил мою сестру, но он по-прежнему сын доктора Крейвена; и я понимаю, почему доктор беспокоится о нем. Тем не менее, доктор не может рассчитывать на сочувствие ни от кого из здесь присутствующих. Если Себастьян появится прямо сейчас, то он будет немедленно казнен и доктор Крейвен знает это. Для Себастьяна было бы намного лучше остаться не найденным.

В комнате центрального управления очень шумно, когда мы входим в нее. Это круглая комната, заполненная интерактивными столами военного класса и стеклянными стенами, покрытыми цифровыми экранами, на которые потоком поступают обновления о военных операциях Стражей-поставстанцев. Солдаты, работающие за интерактивными столами, приветствуют моего отца, когда мы прогуливаемся по комнате. На одном экране я заметила отряд «Зета» врывающийся на военный завод, а на другом, «Омикрон» только что разрушил мост. На том месте они водружают лазурно-голубой с черным флаг — тот самый флаг, который Эш придумывал для «Людей за Единство». Я морщу лоб. Элайджа недоуменно смотрит на меня.

— Что они делают? — спрашивает он.

Я поворачиваюсь к папе:

— Вы присваиваете эти нападения «Людам за Единство»?

Он кивает.

— Зачем привлекать к себе внимание, если нам этого не нужно? «Люди за Единство» — отличное прикрытие. — Он улыбается, довольный собой. — Я опасался, что они будут мешаться под ногами, но они оказались очень полезны, отвлекая внимание Роуза на себя. А это позволяет нам заниматься своими делами.

— Ну, вообще-то, мы не только занимались тем, что «привлекали внимание» Пуриана Роуза, — ворчу я сквозь зубы. Даже, если технически я — Страж, в первую очередь я себя считаю членом «Людей за Единство». — Две недели назад мы освободили Фракию.

— И вы проделали прекрасную работу, Натали, — говорит папа, поглаживая меня по плечу. — Но нам нужно сосредоточиться на первоочередных задачах, которые помогут выиграть эту войну.

Я плотно сжимаю губы. Меня раздражает его покровительственный тон. Неужели он действительно только что это сказал?

Папа подходит к интерактивному столу регистрации, ну а я перевожу взгляд на информштиты. Мне нужно успокоиться, а то ляпну что-нибудь такое, о чем потом пожалею. Один из мониторов вещает последние новости Си-Би-Эн, правительственного канала вещания. Новости читает гламурная, зеленоглазая блондинка, представительница Февральских полей.

— И главная новость сегодняшнего дня: Посол Дарклинггов Сигур Марвик был признан

виновным по обвинению в терроризме, за участие в бомбардировке Блэк Сити, где погибло двадцать гвардейцев Стражей и сотни получили ранения.

Экстренный выпуск новостей начинается с Сигура, которого выводят из суда. Он выглядит изможденным, с темными тенями под глазами. Его определенно заставили голодать. С тех пор, как он был ослеплен — один его глаз молочно-белого цвета, а другой сверкающий оранжевый. Он одет в серый, тюремный комбинезон, который висит на его тонком теле. Его длинные, льдистобелые волосы закручиваются и клубятся вокруг угловатого лица, почуяв в воздухе вокруг него кровь. Я знала, что Сигур будет признан виновным, но, несмотря на это, новости пугают меня.

«Февральские поля» возвращаются на экран.

— Казнь посла должна пройти через два дня. По другим источникам, подготовка к национальной церемонии Очищения уже началась в каждом городе СШС. Она пройдет на следующей неделе и будет крупнейшей в своем роде, когда-либо транслируемой в прямом эфире на телевидении. Правительство Стражей ожидают более восьмидесяти миллионов Паломников, которые будут присутствовать на публичных церемониях, где Пури...

— Уберите это дерьмо с глаз моих долой, — говорит Гаррик у интерактивного стола в центре зала. Люпин огромен — ростом более чем семь футов — и каждый его дюйм — это хорошо развитая мускулатура. У него пятнистая, седая грива, которая уложена как акулий плавник, уходящий вниз от центра головы.

Рядом с ним стоит другой Люпин, Саша, у которой выкрашенная в розовый грива и на губах, в тон волосам, неоновая помада. На ней комбинезон с коротким, металлическим пояском на талии, который расстегнут, чтобы показать ее декольте. Люпины составляют две трети команды «Альфа». Заключительный член команды — Дестени Винсент, сногсшибательная, темнокожая девушка около двадцати, с длинными косичками, которые уложены сзади в опрятный пучок.

Почти все мужчины на базе равнодушны к Дестени, из-за ее модельной внешности — раньше она регулярно украшала обложки Ежемесячного журнала «Юность Стража», когда была в моем возрасте, но под этой красивой внешностью скрывается девушка, с которой лучше не связываться.

Она перехватывает мой взгляд и подмигивает. Мы с Дестени сразу же нашли общий язык, потому что у нас много общего. Мы обе родом из высокопоставленных семей-Стражей (ее тетя была Эмиссаром Винсент) и мы вращались в одних и тех же социальных кругах, пока росли, так что у нас достаточно тем для сплетен.

Во главе интерактивного стола — моя мать. Она сама сосредоточенность, когда смотрит на экран, который отбрасывает голубоватое свечение на ее бледную кожу. Карта Центрума проецируются на экран. Пять светящихся оранжевых точек перемещаются по карте. Мужской голос потрескивает из динамиков.

— Это «Омега». Мы на позиции, — говорит он.

Мама поднимает глаза по мере того, как мы приближаемся к интерактивному столу. Они расширяются, когда она замечает наши лица и улыбается. Она с надеждой смотрит на доктора Крейвена.

— Лечение работает, — говорит он.

Мать сжимает интерактивный стол, как будто она может упасть, и выпускает прерывистый выдох. Она не делает ни шагу, чтобы обнять меня, она не из тех, кто приветствует публичное проявление чувств.

— Это замечательно, просто замечательно.

— Натали с Элайджей хотят выйти на поверхность. Я дал добро. Отряд «Альфа» может сопровождать их, — говорит отец.

Гаррик с Сашей обмениваются взглядами. Они определенно не рады этой перспективе, а вот Дестени радуется возможности выйти на поверхность. Похоже, я ни одна такая — отчаянно мечтающая выбраться отсюда. Я улыбаюсь маме.

Она вздыхает и кивает.

— Ладно. Только вернись к обеду.

Дестени, Гаррик и Саша берут пистолеты из оружейной, и присоединяются к нам возле дверного проема.

— Есть что-нибудь новое о маме? — спрашивает Элайджа, обращаясь к Гаррику.

Гаррик качает головой.

— Прости, что так долго ничего не можем выяснить, но Серый Волк кишмя кишит гвардейцами. Что понятно — этот город ближе всего находится к «Десятому», поэтому мои ребята стараются особо не высовываться. — Он сжимает рукой плечо Элайджи. — Мы найдем их.

Элайджа хмурится. Он сомневается.

Поиски Иоланды, Люсинды и Кирана могли бы пойти быстрее, предложи Командующий содействие, но он приказал папе не тратить ресурсы впустую на поиски какой-то «Ора», которую он не считает «стратегически важной целью» для восставших Стражей. К счастью для нас, свора Гаррика базируется как раз рядом с Серым Волком, поэтому в качестве одолжения, он попросил их провести расследование.

Как только мы собираемся уходить, папа хватает Гаррика за руку и останавливает. Уходя, я слышу папины слова:

— Если Бастет попытается сбежать — пристрели его.

У меня по спине пробегает холодок от папиных слов, и я спешу догнать Элайджу.

* * *

Час спустя мы пыхтим вдоль по течению реки на Фоггере, на крытом пароходе с осыпающейся краской с металлического кузова, а проржавевший дымоход, которого, извергает облака сажи в бурые, как смола небеса. Фоггер уродлив, но мы отлично гармонизируем с остальными лодками на этом оживленном, водном пути. Я пристально смотрю вниз на реку, цвет которой ярко-оранжевый — побочный продукт десятилетий загрязнения от заводов по производству боеприпасов.

Река проходит через сердце Галлия и как нельзя лучше подходит для передвижения по переполненному городу. Мы проплываем мимо возвышающихся небоскребов. Их фасады покрыты листами тусклого металла, которые создают лоскутное одеяло из грязной бронзы, зеленеющей меди и серой, пушечной бронзы, напоминающее мне такой известный вид живописи, как кубизм, который я однажды видела в доме Эмиссара Брэдшоу в Центруме. Прохладный, весенний воздух хлещет через окна Фоггера, поэтому я кутаюсь в куртку и сажусь на длинную, деревянную лавку.

Как и многие люди в Галлии, я надела респираторную маску, которая покрывает нос и рот, заслоняя нижнюю часть лица. Кроме того эта удобная маскировка защищает легкие от вредных испарений, выделяемых военными заводами по всему городу. Пары не убьют тебя,

но я все же предпочитаю не вдыхать их, так как воздух воняет. Маска довольно клаустрофобная, тем не менее, я регулирую ремень, ослабляя его немного. В дополнение к маске, на мне надеты черные, кожаные штаны, плотный, серый жилет и накидка с капюшоном, под которой прячется пистолет в кобуре вокруг моего плеча. Дестени и Элайджа одеты точно так же, хотя его куртка больше, чем у нас, чтобы скрыть хвост.

Гаррик и Саша находятся в рубке управления судном. Они оба в костюмах, подобных нашим, даже при том, что они не находятся в большой опасности. Люпины считаются союзниками Пуриана Роуза, так что они не состоят в его списке Скверны для отправки в «Десятый» — лагеря размером с маленькое государство — в отличие от Дарклингов, Бастетов, Даков или «предателей расы» — таких как я, и это не редкость видеть их гуляющими по улицам. Гаррик и Саша сильно рискуют, помогая Стражам-повстанцам. Приятно знать, что не все Люпины слепо подчиняются Пуриану Роузу; некоторые из них не согласны с его Единой Верой, Единой Расой, Единой Национальной политикой и хотят лишить его власти. Это дает мне надежду.

Я скрещиваю ноги, и что-то колет мне бедро. Это садовый нож, который я украла из УП сегодня утром. Я беру его и кручу в руках. Он около пяти дюймов в длину, с крепкой, деревянной ручкой, покрытой желтой краской. Я выцарапываю слово на краске ногтем большого пальца. Когда я заканчиваю, Дестени подходит ко мне, нетвердо стоя на ногах из-за качки Фоггера. Она смотрит на мою работу.

— Полли? — говорит она, читая слово, нацарапанное на рукоятке. — Интересное название. Моё оружие называется «Господин Стрелок», — говорит она, поглаживая кобуру.

Я посмеиваюсь, пряча клинок обратно в карман. Я достаю список покупок, в котором записано то, что доктор Крейвен попросил нас приобрести, поскольку мы направляемся в город. Мои родители были изначально против нашего похода в магазин, но я напомнила им, что мы будем в масках. Кроме того, я участвовала в восстании последние несколько месяцев. Я смогу справиться со списком покупок.

— А куда мы можем отправиться, чтобы достать все из этого списка? — спрашиваю я.

— В «Бэббидж и сын» на Проточной площади, — отвечает, не задумываясь, Дестени. — Скотт — мой друг.

— Пойду, скажу Гаррику, — говорит Элайджа.

Я наблюдаю за ним, как он идет к кабине. У него между бровей пролегла складка. Он о чем-то очень глубоко задумался. Наверное, опять думает о маме.

— Надеюсь, люди Гаррика найдут Иоланду и остальных, — говорю я.

— И что в этом будет хорошего? — спрашивает Дестени. — Сомневаюсь, что Командующий разрешит спасательную операцию, подруга. Элайдже ничего не светит.

— Но они могут привести нас к «Ора», — говорю я. — Мы должны найти её. Нет гарантии, что оружия повстанцев хватит, чтобы победить. Разве запасной план повредит? — У повстанцев имеется внушительный арсенал оружия, но это все равно не сравнится с силами Пуриана Роуза.

— Слушай, тебе не нужно меня убеждать, — говорит Дестени. — Моя тетя всегда говорила: «Дестени, у тебя должен быть план «Б». Никогда не знаешь, что может случиться». Но попробуй взглянуть на ситуацию глазами Командующего. Если что-то произойдет и вирус распространится по лагерю. Куча народу погибнет. К счастью, не я. У меня нет V-гена, — добавляет она и усмехается. — Но процентов пятнадцать наших солдат уж точно пострадают. Поэтому я понимаю, почему он проявляет осторожность. Я думаю,

что он не прав — у нас должно быть преимущество — но я понимаю.

Я вздыхаю, понимая, что обсуждать это бессмысленно. Дестени не может повлиять на мнение Командующего, впрочем, как и я. Наша лодка заворачивает, следуя течению реки, и Дестени выглядывает в окно.

— Блин, этот город такой отстой, — говорит она. — Не думала, что вновь увижу эту дыру.

— А почему вернулась? — спрашиваю я.

— Тетя упростила, — отвечает она. — В Центруме мозги набекрень съезжают. Я связалась с плохой компанией несколько месяцев назад, и тетка упростила меня вернуться домой, чтобы присоединиться к отряду «Альфа».

— А что за плохая компания? — спрашиваю я. Мне интересно узнать побольше о жизни в столице, где она работала моделью. Полли тоже хотела построить там карьеру. Она, наверное, легко бы подружилась с Дестени.

— Знаешь, подруга, я бы предпочла не вспоминать об этом. Все в прошлом. — Дестени вновь выглядывает в окно. — Я скучаю по Центруму.

— Кстати, а чем занимается там отряд «Омега»? — спрашиваю я, вспоминая, как все толпились у интерактивного стола в командном центре.

— Ты же знаешь, я не могу тебе рассказать.

— Но...

Но её решительный взгляд заставляет меня умолкнуть. Я не настаиваю, прекрасно зная, когда можно надавить, а когда нужно отступить.

* * *

Фоггер замедляется по мере приближения к Проточной Площади — главной площади города, где расположено гетто Дарклингов. Или располагалась. Печально известные, медные ворота, ведущие в гетто, свисают со своих петель, и теперь это место пусто, всех Дарклингов, увезли в «Десятый» в соответствии с Законом Роуза. Силы Пуриана Роуза, захлестнули страну и планомерно зачищают гетто, город за городом. Галлий был зачищен несколько недель назад, в то время как Эш, Элайджа и я были в бегах.

Гаррик причалил лодку к пристани рядом с Проточной Площадью, и мы все поднялись, убедившись, что наши лица скрыты капюшонами. Городская площадь забита рабочими Бутсами, устанавливающими деревянную сцену в центре площади. Я смутно припоминаю новости «Февральских полей» об общенациональной церемонии Очищения, которая будет происходить на следующей неделе. Это будет огромное событие, которое будет демонстрироваться по телевидению, миллионы людей, посещающие церемонии по всей стране. Я предполагаю, что сцена для этого.

Я наблюдаю за группой Паломников, проникающих в церковь на западной стороне Проточной Площади. Они с бритыми головами и с тату в виде розы над левым ухом — отметка последователя веры Чистоты, религии, которую Пуриан Роуз создал несколько лет назад. Членство разрослось за прошлые несколько недель, поскольку люди усиленно доказывают свою преданность Пуриану Роузу из-за страха быть сосланными в «Десятый». Похоже, ничто так не воодушевляет веру, как страх.

— «Бэббидж и сын» вон там. — Дестени тычет пальцем на обшарпанную лавчонку возле церкви.

Пятеро из нас направляются через шумную городскую площадь в магазин. Я опускаю капюшон ниже на лицо, поскольку группа Паломников проходит мимо нас, раздавая листовки прохожим о церемонии на следующей неделе. Одна из женщин впихивает листовку в мою руку, и я быстро беру ее, засовывая в карман, поскольку мы приближаемся к магазину. Потускневшая медная вывеска нависает над входом, сообщает, что перед нами — «Аптека Бэббиджа и сына». Серебристый колокольчик звенит, когда мы входим вовнутрь.

Магазин тесный и мрачный, с неприятным запахом серы в воздухе. Застекленные шкафы, заполненные красочными баночками с зельями и лекарствами, стоят вдоль боковых стен, большое зеркало висит на стене за стойкой, создавая впечатление, что магазин больше, чем есть. Мы направляемся в сторону прилавка. Гаррику и Саше приходится склонить головы, чтобы не удариться о низкие, металлические балки над ними.

За прилавком стоит мужчина, на вид ему около двадцати пяти, с непокорными рыжими волосами и сонными карими глазами. Медные часы свисают из нагрудного кармана его красного жилета. Я предполагаю, что это есть «сын» из «Бэббидж и сын».

— Привет, Скотт, — говорит Дестени, снимая маску.

Его худое лицо расплывается в широченной улыбке.

— Ба, какие люди! — Он выходит из-за прилавка и кратко обнимает Дестени. — Слышал, ты уезжала, чтобы помедитировать или типа того.

Дестени натянуто улыбается.

— Нет. Всего лишь отрывалась в Центруме.

— Жалко твою тетку, — говорит он. — После её смерти мир катится к черту. Она по крайней мере, держала этих поганных гвардейцев в узде. А теперь они приходят в мой магазин, требуя бесплатно это, бесплатно то, типа они здесь хозяева. — Скотт разворачивается ко мне, и я чуть опускаю голову. Хотя учитывая маску и капюшон шансы, что он узнает меня, мизерны. — Ну а вам, ребята, чего понадобилось?

— Да так, ничего особенного, — отвечает Дестени. — Запишешь на мой счет?

Он приподнимает бровь.

— Записать-то я могу, но вот оплатишь ли ты его когда-нибудь, Дес?

Она улыбается.

— Твоя правда, но так прикольно притворятся, что я когда-нибудь это сделаю, а?

Он усмехается, а я недоуменно смотрю на Дестени.

— Отец Скотта работал с моей тетей, — объясняет она. — Во время последней войны, он позволил ее врагам использовать магазин, чтобы устраивать их встречи, таким образом, она могла шпионить за ними.

Скотт идет к большому зеркалу, висящему за прилавком, и берется руками за его раму. Раздается щелчок, открывающий секретный замок, и зеркало начинает двигаться вперед, открывая взору скрытую комнату, достаточно большую, чтобы удобно пройти одному человеку, ну или втиснуться двоим.

— Это потайная комната, — объясняет он. — Зеркало наполовину посеребренное, так что вы можете смотреть, что происходит в магазине, но никто не увидит вас.

— Аккуратненько, — говорит Элайджа, снимая свою маску так, что она свободно свисает вокруг его лица. Я стреляю сердитым взглядом на него. *Мы должны быть в маскировке.* Он морщится виновато. *Не мог дышать.* Глаза Скотта слегка расширяются, когда он замечает окраску Элайджи на щеках, подобную гепарду, понимая, что он — Бастет. Он бросает любопытный взгляд на Дестени, но ничего не говорит, поскольку спокойно

приступает к собиранию наших покупок. Дестени доверяет Скотту, так что я, наверное, тоже могу, но все же, я не снимаю маску. Он ставит банку с семенами льна на прилавок и откручивает крышку. Он открывает банку и Элайджа начинает бурно чихать. Гаррик и Саша радостно лают на это.

— Это не смешно, — говорит Элайджа между чихами. — У меня аллергия на лен.

Скотт надевает крышку обратно, прежде чем у Элайджи будет припадок, и начинает взвешивать другие ингредиенты. На его столешнице есть портативный, цифровой экран, на который потоком идут последние новости из Эс-Би-Эн. Звук выключен, но это очевидно, что на экране отчет о мосте, что был разбомблен отрядом «Омикрон» сегодня утром. Вдруг появляется изображение Эша на мониторе, и я быстро тянусь через прилавок, чтобы увеличить громкость.

— ...Эти последние нападения приписывают к террористической организации «Люди за Единство», возглавляемой разыскиваемым преступником Фениксом, чье местонахождение неизвестно. «Февральские поля» вывешивают изображение Эша. Я смотрю на картинку. Оно было подделано, чтобы Эш выглядел более угрожающим — они усилили впадины на щеках, его черные глаза сузили в жестокую щель и удлинили его клыки. Это не тот, Дарклинг-полукровка. Это не мой Эш. Я протягиваю руку, чтобы коснуться экрана, хотя быть поближе к нему, затем отрываю ее обратно, когда я вспоминаю, что Скотт наблюдает. Но слишком поздно.

Он переводит взгляд с меня на Элайджу, а потом на Дестени.

— Вы из восстания?

— Мы здесь не для того, чтобы отвечать на вопросы, — рычит Гаррик, сверкая клыками.

Скотт вскидывает руки.

— Эй, спокойно, в этом нет необходимости. Я на вашей стороне. — Он указывает в сторону Паломников возле своего магазина. — Эти уроды отпугивают клиентов. Это хреново для бизне... — Он хмурится. — Ну, классно, Жестянщики приперлись. Этих я ненавижу больше, чем придурков-Пилигримов.

— Жестянщики? — я поворачиваюсь. Идущие по площади представляет собой группу людей, одетых в металлическо-серую форму Они похожи на Ищеек — элиту полиции, которые специализируются на охоте на Дарклингов — но их форма не того цвета. Они направляются напрямик в магазин.

— А ну залезайте в тайник, — велит Дестени, пихая меня и Элайджу в битком набитую комнатуху.

Элайджа ворчит от боли, поскольку мой локоть врезается ему в живот. Я едва успеваю обернуться, прежде чем Дестени захлопывает дверь, запирая нас. Комната немедленно погружается в темноту. Здесь жарче, чем в аду, из-за чего трудно дышать. Я сдергиваю свою маску и делаю несколько глубоких, больших глотков заплесневелого воздуха. Элайджа ерзает позади меня, его рука, случайно пробегает по моей спине, поскольку он пытается расположиться удобно.

Звенит колокольчик.

Через двустороннее зеркало, я вижу, как пятеро мужчин зашли в магазин. Они все с бритыми головами и носят темно-серые пилотки. Скрипят половицы от того, как они ходят в унисон по комнате. Они игнорируют Гаррика и Сашу, которые притворяются, что изучают баночки на полках. Дестени около прилавка со Скоттом. Она застывает, когда командир

обращается к ним. Он — мужчина средних лет с бледной кожей и пронизательными глазами, которые соответствуют цвету мундира. На груди приколотая серебряная медаль в виде бабочки. Кто эти люди?

— Доброе утро, джентльмены. Чем могу помочь? — спрашивает Скотт.

— Нам нужен литр «Ночного шепота», — говорит мужчина бесцветным голосом.

— Блин, ну надо же, простите ребята. У меня его сейчас нет в наличии, — говорит Скотт. — Нужно заказать в Центруме. — Он достает блокнот и ручку, и при этом случайно опрокидывает баночку с семенами льна. Тяжелая склянка разбивается при ударе об пол, и золотые семена разлетаются повсюду. Некоторые заносит к нам в узкую щель между зеркальной дверью и полом. Вот, блин. Элайджа зажимает руками нос и рот, чтобы не чихнуть. Мужчина подозрительно сощуривает глаза, и мое горло сжимает паника. Неужели он что-то слышал?

— Вот я растяпа, — нервно смеется Скотт. — Сколько вы сказали вам нужно? Литр?

Лидер команды игнорирует Скотта и ходит вокруг прилавка. Он останавливается перед зеркалом. Наши лица находятся всего в нескольких сантиметрах друг от друга, разделенные только тонким листом из двухстороннего стекла. Я не смею дышать, испугавшись, что такой пустяк может выдать нас. Позади него рука Дестени медленно двигается к кобуре ее пистолета. В странных, бледных глазах мужчины сверкнул блеск, который отливает металлом. Он качает головой.

— Что ты выдумываешь, — бормочет он про себя, затем отворачивается и адресует Скотту: — Сделай два. Он понадобится нам на выходных.

Он присоединяется к четырем другим мужчинам, и они уходят. В тот момент, когда они скрылись, Дестени открывает зеркальную дверь, и мы с Элайджей выпадаем оттуда, оба задыхаясь.

Скотт пристально смотрит на меня.

— Это ты.

Я понимаю, что на мне нет маски, и я пытаюсь схватить ее и надеть, но ущерб уже нанесен. Гаррик и Саша быстро формируют защитный барьер передо мной. Низкий, гортанный рык вырывается у Саши через неоновые-розовые губы, и Скотт благоразумно отступает.

— Не смей ляпнуть кому-нибудь то, что ты видел, — предупреждает его Дестени.

— Мой рот на замке. — Он жестом показывает, как застегивает губы на молнию.

— Кто эти ребята? — спрашивает Элайджа, указывая на дверь магазина.

— Новые силы безопасности Роуза, — говорит Скотт. — Их перебросили в город в течение прошлых нескольких недель, пугая народ в предоставлении им имен всех, кого можно подозревать в антиправительственных настроениях. Он передает Дестени покупки, из-за которых мы приехали: — Используйте выход через подвал. Так безопаснее.

Мои мысли все еще заняты этими «Жестянщиками» в то время как мы вылезаем из двери подвала, которая ведет в темный переулок рядом с церковью. Колокол издает грустный донг-донг-донг из церковной колокольни, сообщая Паломникам, что утреннее богослужение вот-вот начнется. Зачем Пуриану Роузу нужны новые отряды сил безопасности? Это может означать только неприятности. Дестени, Гаррик и Саша входят на аллею первыми, Элайджа и я следуем за ними.

Дорожка заполнена мусорными баками, которые переполнены мусором уже нескольких недель, и я осторожно перешагиваю через груды хлама. Почти сплошь одни стеклянные

бутылки. Некоторые из них до сих пор имеют молочно-серый осадок внутри. Они, должно быть, из-под зелья Скотта. Я случайно пнула одну из бутылок, и она покатила по мостовой, ударяясь о грудку тряпья. Материал пошевелился, и человек с морщинистым лицом появляется между складками. С моих губ срывается хрип. Его землистого цвета кожа насквозь промокла от пота и покрыта сочащимися язвами, которые поглотили его лицо так, что часть его носа и век отсутствуют. Даже через респиратор моей маски я чувствую липкий запах разложения, смердящего от него. Он хватает меня за лодыжку, и я кричу в испуге.

— Помоги мне... — скрежещет он, разбрызгивая кровь из его потрескивавших губ.

— Отпусти её! — Элайджа пинает мужчину по руке.

Мы спешим навстречу к другим, мое сердце бешено колотилось. Что с ним? Хуже раны были только у Разъяренных, но у него не было никаких признаков этого вируса: ни желтых глаз, ни отсутствия волос. Так что это с ним?

— Все нормально, подруга? — спрашивает меня Дестени, когда мы подбегаем к остальным.

— Нет, тому человеку требуется наша помощь.

— Скотт с ним разберется, — говорит Дестени, твердо беря меня за руку.

Она тащит меня вниз по дороге, игнорируя мои протесты вернуться. Как раз перед тем, как мы проскользнули в толпу, я смотрю через плечо. Через тени, гниющее лицо бездомного человека всматривается в мою спину.

5

ЭШ

Я СМОТРЮ НА РУИНЫ СГОРЕВШЕГО ЗООПАРКА Блэк Сити, ожидая почувствовать печаль, горе, ну что-то подобное этому. Это место где раньше собирались Дарклинги. Это место, где Натали, и многие другие, укрылись, когда Пуриан Роуз напал на город месяц тому назад. Это был наш дом. Но глядя на него сейчас, я чувствую удивительную пустоту. Может быть, это потому, что я помог организовать нападение на Блэк Сити, что и стало причиной произошедшего. Или, может быть, это потому, что мой настоящий дом там, где Натали, и это не здесь. Я больше не знаю, где мой дом.

Я поворачиваюсь спиной к зоопарку. Я знал, что он будет разрушен, но я должен был увидеть это сам. За эти три дня, что мы были в Блэк Сити, я посетил почти каждое место, которое было значимо для меня и Натали, как будто это так или иначе приблизит меня к ней: мост, где мы встретились в первый раз (разрушенный); Школа Блэк Сити, где мое сердце забилося (в щебень); дом, где она жила с семьей Дей (стерт с лица земли). Я должен набраться смелости, чтобы посетить дом моего детства, Церковь Плюща. Может быть, некоторые места лучше избегать.

Воздух свеж, в то время пока я прогуливаюсь по разваливающемуся гетто Дарклингов. Несмотря на то, что стоит ранняя весна, вы бы не подумали так, глядя на шлаковые небеса. Мои ноги поднимают пепел, который осел на всем: от извилистой, мощеной дорожки до тысячи дешевых, металлических лачуг, в которых когда-то размещался мой народ.

Впереди Пограничная Стена делит горизонт. Простое, бетонное строение тридцати футов высотой простирается вокруг всего гетто, деля Блэк Сити на две части — люди на одной стороне, Дарклинги на другой. Я хмурюсь. Несмотря на десятилетнюю войну, воздушный налет и ад, Пограничная Стена все еще стоит.

Существуют сотни Стен в Соединенных Штатах Стражей как эта, самая большая из них

окружает «Десятый». Я провожу пальцами по шероховатому бетону. Перед тем, как я встретил Натали, я раньше часами ходил вдоль этой стены, гадая, какой была жизнь на стороне Дарклингов. Теперь я знаю. Голод, болезни, смерть. То, что я здесь увидел, изменило все, я больше не мог игнорировать страдания моего народа.

Я прижимаю ладонь к холодному камню.

Эта стена уязвимая. Её можно сломать.

Это просто бетон.

И я собираюсь довести дело до конца. Я соберу всех воедино и освобожу свой народ.

Я опускаю руку и направляюсь к ближайшим воротам, которые ведут на городскую площадь. Площадь почти неузнаваемая. Она покрыта слоем серого пепла, и у меня занимает одну минуту, чтобы сориентироваться. Тлеющая куча щебня в северной стороне площади была однажды Школой Блэк Сити. Несколько метров на восток — то место, где мы с Себастьяном начали борьбу, которая зажгла бунт и привела к моему аресту. Мои глаза дрейфуют к груде пепла, где некогда стояли три креста. Там, где Пуриан Роуз пытался казнить меня. Я ненадолго прикрываю глаза, вспоминая огонь, который охватывал мое тело, удушающую высокую температуру, которая украла дыхание с моих губ...

Лязг! Мои глаза распахиваются при звуке удара металла о землю, после чего следует поток гневных проклятий. В центре площади садится Транспортёр Мини МВ5, который является компактным вариантом самолета с поворотным крылом, используемый Стражами для транспортировки солдат и заключенных, более известный как Минипорт. МВ5 является делюксовой моделью: покрытый глянцевой, белой краской, имеющий подогрев кожаных сидений. В основном им пользуются богатые Стажи-бизнесмены и политики для коротких перелетов между городами. Хотя этот частный Минипорт принадлежит бывшему консулу Бастетов и его жене. Серьезное повреждение пролегает по левой стороне самолета, где металлическая обшивка крайне вдавлена, потому что его брат Марсель разбил его несколько месяцев назад во время увеселительной поездки. Из-под самолета торчит пара кожаных ботинок и длинный пятнистый хвост.

— Все хорошо, Эйс? — спрашиваю я.

Высокий парень Бастет выскальзывает из-под Минипорта, его лицо и зеленая рубашка все в масле. В его руке лежит металлический диск. Он вскакивает на ноги и торжествующе улыбается мне улыбкой, от которой появляются морщинки в уголках его кошачьих глаз.

— Я устранил утечку топлива у Алисы, — говорит он, любовно поглаживая Минипорт.

У нас не было времени, чтобы должным образом починить летательный аппарат до появления Стражей в Виридесе, и нам пришлось бежать. Это было мое предложение, чтобы спрятаться в Блэк Сити, до того времени, пока мы не смогли бы починить самолет и собрать кое-какие припасы, потому что мы не думаем, что они будут искать нас здесь. Все-таки наш замысел состоит в том, чтобы достать «Ора», а затем спасти Натали и Элайджу, когда мы выясним, где они держат пленников. Я склоняюсь к тому, что это Центрум, но если Гаррик притащил ее к Пуриану Роузу, то почему о ее захвате не объявили во всех новостях?

— Эмм, разве это не должно быть прикрепленным к чему-то? — спрашиваю я, указывая на металлический диск в руке Ацелота.

Он застенчиво улыбается мне.

— Даааа, прости, я, возможно, случайно сбил его. Но не волнуйся, это не жизненно важно, — спешно добавляет он, когда видит тревогу на моем лице. — Я думаю, что это часть теплообменника, который регулирует подогрев сиденья. Он вертит его в руках и его улыбка

блекнет. — Хуже, если это от системы охлаждения двигателя. Тогда возможно у нас проблемы.

— Какие проблемы? — спрашиваю я настороженно.

— Ну, может произойти крошечный взрыв, когда мы запустим двигатель.

— Насколько крошечный? — спрашиваю я.

— Я практически уверен, что это от нагрева сидения, — говорит он, уклоняясь от вопроса.

Ацелот прячет диск в карман и достает носовой платок с монограммой. Он пытается стереть масло с лица, но ему это не слишком удастся. Между Ацелотом и его сводным братом Элайджей определенно есть семейное сходство. У них обоих одинаковые, медового цвета глаза и подобные гепарду пятна на загорелой коже — хотя Ацелот худощавее. С этими своими короткими, каштановыми волосами и длинным мальчишеским лицом он выглядит моложе своих девятнадцати лет. Разве что глаза его выдают, в которых светится ум и опыт. Со смертью его родителей, благополучие его братьев, Марсея и Элайджи, а так же целого народа Бастет находится в его руках. Это тяжелое бремя для любого человека, не говоря уже о подростке. Я знаю, что он чувствует.

Сдавшись, Ацелот со вздохом прячет платок обратно в карман и проворно забирается в кресло пилота. Я сижу рядом с ним. Ветровое стекло и пульта управления сильно потрескались, а система навигации еле работает. Однако, он еще может летать.

— Тут ничего не происходит, — говорит Ацелот и нажимает кнопку «Запуск Двигателя».

Я крепко держусь за пульт управления и тихо молюсь, в то время как, двигатели, оживая, ревут, поднимая тучи пепла вокруг самолета, но, к счастью, не смертельный огненный шар. Я выпускаю облегченный вздох, когда самолет дергается вверх, а мир (и мой желудок) резко падают вниз.

Ацелот слегка ухмыляется.

— Я же сказал, что это ничего страшного, друг мой!

— Я никогда не сомневался в тебе, — говорю я, снимая свои пальцы с приборной панели.

Блэк Сити простирается под нами и Ацелот уверенно ведет самолет между тлеющими зданиями. Все в руинах. В парке кучи мусора; рынок Шантильи Лейн — немногим больше чем дырка в земле; цифровые экраны, которые когда-то висели на крышах, сейчас валяются разбитыми на мощеных улицах. Нам не нужно подлетать ближе к Вытяжкам, что бы знать, что они были уничтожены, поскольку Шлакоблочные заводы продолжают изрыгать струи удушливого дыма в небо. Несколько других гражданских самолетов мелькают в небе — наверное, мародеры — но в остальном город пугающе тих.

— Я отремонтировал Алису, как смог, — сказал Ацелот. — Она должна продержаться достаточно долго, чтобы мы добрались до «Десятого» и обратно.

Мой живот скручивает от этой мысли. Я достаю из кармана старую фотографию. Это фотография моей мамы, когда она была моложе. Мы похожи — те же черные волосы, худое лицо и темные глаза. Она стоит в лесу с Люсиндой и моими бабушкой с дедушкой, Паоло и Марией Кумбусами. Позади них — еще Дарклинг — сурового вида мужчина с родимым пятном на щеке. Я понятия не имею, кто он. На заднем плане фотографии — Гора Альба, как она выглядела раньше, до извержения, превратившее ее в когтеобразный пик.

С помощью этой фотографии и старой карты, которую я увидел в посольстве Бастетов в

Виридисе, я выяснил, что Коготь и был горой Альба. Именно там, где находится «Ора» и куда моя тетя, Киран и Иоланда отправились, чтобы достать его. Единственная беда, гора Альба находится в самом сердце «Десятого». Я не в восторге от идеи прогулки в тюремный лагерь, но мне надо выполнить свое задание. Какой смысл откладывать.

— Давай, полетим сегодня, — говорю я. — Который час?

Ацелот проверяет свои дорогие, золотые часы.

— Только пробило два.

— Хорошо, мы должны побыстрее добраться до станции, — говорю я, имея в виду Новостную станцию Блэк Сити, на окраине города. Мы ранее обследовали городские окраины, и к счастью оказалось, что станция все еще существует, будучи избавленной от злейших пожаров из-за ее отдалённости от охваченных огнем районов города. — Я хочу отправить сообщение, перед тем, как мы выдвинемся.

Ацелот поворачивает к Унылой улице и сажает самолет в переулке возле штаб-квартиры Стражей, так он в не поле зрения кого-либо скитающегося по улице. Хотя это была моя идея укрыться в Блэк Сити, но на самом деле это было предположение Себастьяна, чтобы мы фактически создали базу в бывшем штабе Стражей. Я сначала отказывался, учитывая, что я не доверяю всему, что выходит изо рта этого придурка, особенно с тех пор, когда он стал нашим заложником, но это оказалось хорошим выбором. Не то, чтобы я признаюсь ему в этом.

Обычное, беломраморное здание покрытое копотью с просевшей частью крыши, но в остальном относительно невредимое. Поэтому я удивляюсь, когда вижу темный дым, поднимающийся из одного из окон на первом этаже.

Мы входим в здание через кухню и бежим по коридорам в сторону столовой, туда, где идет дым. Я толкаю дверь. Марсель стоит у окна, пытаюсь разогнать дым из комнаты, а Себастьян наблюдает с интересом. Он сидит рядом со столом из красного дерева, привязанный к одному из стульев веревкой. Стол покрыт грудami оружия, консервами и медикаментами, доставленными сюда из арсенала и лаборатории внизу. На антикварном коврике рядом со столом разбитый масляный фонарь. На ковре большая, выжженная дыра.

Ацелот прогуливается по ковру и подталкивает его ногой.

— Я уверен, что на нем не было столько дыр, когда мы уезжали.

Марсель драматически закатывает глаза. Мальчику Бастету — пятнадцать лет, он только на два года младше меня, но ведет себя как двенадцатилетка. Он безукоризненно одет: в малиновый сюртук, черные брюки и высокие, до колена, лакированные сапоги, как будто он на приеме у правительства. Тот факт, что мы в бегах от Стражей, и держим в заложниках главу Ищеек, кажется, ни коем образом его не касается.

— Я не виноват, — говорит Марсель, насупившись. — Я пошел за припасами, и когда вернулся, ковер уже был в огне. Я не знаю, как это произошло.

Я могу догадаться. Я смотрю на Себастьяна, который ухмыляется мне в ответ. Блондинистая щетина покрывает его обычно бритый затылок и лицо, частично скрывая татуировку в виде розы над левым ухом. Это было опрометчивое решение — притащить его сюда, но, по крайней мере, теперь я все время знаю, где он находится. Я перевожу взгляд на разбитый фонарь на коврике. Он, должно быть, как-то сбил его со стола. Полагаю, он надеялся, что это вызовет достаточно большой пожар, чтобы заставить Марселя, развязать его, так что бы они смогли покинуть здание.

— Могу я поговорить с тобой снаружи, Марс? — спрашивает Ацелот, кивнув в сторону

прихожей.

Марсель вздыхает и выходит за Ацелотом из комнаты, пока я проверяю пути Себастьяна. Голос Ацелота доносится через открытую дверь.

— Ты не должен был оставлять без присмотра Себастьяна, — говорит он. — Что бы случилось, если бы он освободился? Он мог убить тебя.

— Я просто пытался помочь! — отвечает Марсель. — Боже, я не могу заслужить твоего одобрения: «Сделай это, Марс», «Не делайте этого». Ты хуже папы.

— Эй! Я делаю все возможное, — говорит Ацелот. — Может быть, если бы ты хоть раз сделал то, что я говорю, то мне бы не пришлось придирааться к тебе.

— Я не обязан делать все, что ты скажешь, — отвечает Марсель. — Я не сопливый жополиз, как Элайджа.

— Не смей так говорить о нем, — рычит Ацелот.

— Почему ты всегда встаешь на его сторону? — спрашивает Марсель.

Себастьян смеется.

— Такая драма, — иронизирует он. Я дергаю веревки вокруг его запястий, и его зеленые глаза сверкают гневом. — Поосторожнее, кровосос.

— Хочешь, чтобы тебе заткнули пасть? — огрызаюсь я.

Он поглядывает вниз, на свои связанные запястья и холодно улыбается.

— Ты знаешь, Натали раньше нравилось, когда я связывал ее вот так. Она постанывала, когда я...

Я врезал Себастьяну по лицу. Его голова откинулась, и кровь стала брызгать из его разбитой губы. Он покачал головой, приводя себя обратно в чувство, а потом засмеялся.

— Задел за живое? — говорит он, облизывая кровь с губ.

Я отвернулся, досадуя на себя, что позволил ему задеть меня за живое. Я знаю, что Натали никогда не спала с Себастьяном, что он был подонком и изменил ей, но они встречались друг с другом целый год. И от этой мысли у меня мурашки пробежали по всему телу.

Марсель врывается в комнату и опускается на один из стульев рядом со столом. Ацелот приходит сразу за ним. Его взгляд метнулся к Себастьяну, разбитая губа которого начала раздуваться, и он удивленно поднимает бровь.

— Так-так, Эш, — произносит с издевкой Ацелот. — Что мы там говорили про избиение наших пленных?

— То, что это хорошее дело, и я должен делать это постоянно? — отвечаю я.

Себастьян хмурится. Ацелот хихикает и садится рядом с Марселем.

— Прости за ковер, — пробормотал Марсель.

Ацелот треплет волосы брата, и Марсель игриво ударяет его по руке — снова друзья.

Братья помогли мне сделать инвентаризацию припасов. Их достаточно, чтобы удержать нас на плаву, пока мы не доберемся до «Десятого». На полу валяется мой синий вещевой мешок. Я перебираю содержимое, убедившись, что Марсель ничего не взял — он вечно сует нос в мои вещи.

Внутри немного одежды, испускающей довольно затхлый запах, черный платок, мамин дневник, подарочная коробка на память, и несколько вещей, которые мне удалось вытащить из сумок Натали и Элайджи, оставленных ими в Виридесе, в том числе лекарства для сердца Натали и лист бумаги, аккуратно сложенный ею квадратиком. Я открываю его — любопытно узнать, что это такое, мы были так заняты, что я даже еще не успел взглянуть на

него.

Я с удивлением обнаружил, что это лабораторный отчет о так называемом «Проекте Куколки», со всякими цифрами и уравнениями. Я в этом ничего не соображаю, наука — конёк Натали. В верхней части документа штамп со словами «ЛАБОРАТОРИЯ БЕСПЛОДНЫХ ЗЕМЕЛЬ», внизу логотип в виде бабочки с серебряными крыльями. Вряд ли я могу знать, о чем этот отчет, но очевидно, Натали подумала, что это достаточно важно, чтобы взять его с собой.

— Можешь разобрать что к чему здесь? — спрашиваю я, повернувшись к Ацелоту.

Он берет документ, рассматривает его. В конце концов, он качает головой.

— Прости.

Я запикиваю документ в задний карман штанов.

— Нет, что-то мне не сильно верится, что ты жаждешь помогать, — поворачиваюсь я к Марселю, который выдергивает ниточки из своего малинового сюртука, явно скучая. — Помоги мне загрузить эти припасы в Минипорт — а после мы можем выбираться отсюда.

Он нехотя поднимает одну банку бобов. Ацелот привлекает мое внимание, и я закатываю глаза. Я беру в охапку припасы, а Марсель следует за мной из комнаты, держа банку бобов. Мы направляемся по коридору, обвешанному портретами Пуриана Роуза, идя бок обок. Этот мальчик ростом мне где-то по грудь, но я знаю, что не стоит его недооценивать: Бастеты гораздо сильнее, чем Дарклинги.

— Ты знаешь, что будешь делать, если мой брат погибнет, да? — говорит Марсель, когда мы находимся за пределами слышимости. — Я знаю, ты ненавидишь меня за то, что произошло в Виридисе, и я сожалею, ладно, мне жаль, что они забрали твою подругу, но Эйс — это все, что у меня осталось, так что, если он умрет... — Марсель моргает и его золотисто-карие глаза блестят. — Пожалуйста, не дай его убить.

— Я не дам, — говорю я, но мое обещание не стоит и ломаного гроша. Я не могу гарантировать безопасность Ацелоту.

— Хорошо, — бормочет Марсель.

Мы продолжаем нашу прогулку к самолету в тишине. Это занимает добрых полчаса, чтобы перенести всю еду и оружие на самолет, благодаря «помощи» Марселя. Он старается изо всех сил, но физический труд — это явно не его стезя.

Мы загружаем последние припасы в самолет, запикивая их под кожаные сиденья. Марсель откидывается в кресле пилота, его пятнистый хвост дергается туда-сюда над металлическим полом.

— Как вы думаете, Элайджа и Натали мертвы? — спрашивает Марсель. — Себастьян считает, что так оно и есть.

Мои клыки наполняются ядом.

— Нет, не думаю.

Боже, только я начинаю тепло относиться к этому парню — он говорит что-то вроде этого. Волоски у основания моей шеи внезапно начинают покалывать, когда слабый, мускусный запах просачивается в Минипорт, ударяя в мои ноздри. Я нюхаю воздух снова. Марсель втягивает носом — он также учуял его.

— Это ты? — спрашивает он, и я рычу на него. — Что? Все вы Дарки воняете.

Я смотрю из открытого люка. На улице тишина, но что-то не так. Я не могу избавиться от ощущения, что за нами наблюдают.

— Давай вернемся, — бормочу я.

Марсель издает длинный вздох, как будто это самая тяжелая и муторная повинность в мире, и следует за мной на улицу. В то мгновение, когда мы выходим из самолета, я понимаю, что мы совершили ужасную ошибку. С крыши самолета раздается низкий гортанный рык. Я медленно поворачиваюсь, мой пульс ускоряется, заглядывая в холодные, стальные глаза мужчины-Люпина с серебристыми волосами, колышущимися на прохладном ветерке.

Позади нас, слышится зубосводящий звук от когтей, проведенных по кирпичу. Я опасно бросаю взгляд через плечо и вижу женщину-Люпина медленно приближающуюся к нам. Она одета во все красное. Вокруг ее горла — кольцо, сделанное из клыков Дарклингов. Охотники за головами носили такие же во время первой войны. Я сглатываю. Стражи, должно быть, оставили Люпинов здесь, чтобы охранять город — или то, что от него осталось — и чтобы найти оставшихся.

— Я говорила тебе, что кто-то расположился на прежнем месте Эмиссара, Дольф, — говорит она мужчине Люпину. Затем обращается ко мне. — Я увидела дым из окна. Вы должны были быть более осторожны, сладкие. Здесь есть очень опасные люди. — Она одаривает меня убийственной улыбкой.

— Беги, — шепчу я Марселю, который застыл рядом со мной. — Беги!

Моего повышенного тона достаточно, чтобы вывести Марселя из транса, и он удирает к двери на кухню, ведущую в штаб-квартиру Стражей, в то время как, самец-Люпин набрасывается на меня. Я успеваю метнуться в сторону, он щелкает челюстями, но его острые, как бритва когти, задевают мою рубашку, разрезая материю и мою плоть под ней. Я ворчу от жгучей боли, которая проносится вниз по моей руке, но у меня нет времени думать об этом тогда, когда Люпин поворачивается и бросается на меня снова. На этот раз он ловит меня, сбив с ног. Я жестко падаю на землю. Поблизости, самка Люпин воет, и у меня скверное чувство, что она вызывает оставшуюся стаю, разбросанную по городу. Я борюсь с самим Люпином, используя всю свою силу, и стараюсь держать его на расстоянии вытянутой руки. С его клыков капает слюна, а его горячее дыхание воняет гниющим мясом.

— Не кусай его за лицо, Дольф, — проговорила самка. — Мы же хотим, чтобы он был узнаваемым, когда потребуем нашу награду.

Дольф презрительно фыркает и его лицо так близко к моему, что я вижу свое отражение в его серебристых глазах. В них нет света, только смерть и тьма. Вдалеке я слышу вой других Люпинов, когда они приближаются к Унылой улице. Мне бы следовало паниковать, но вместо этого на меня накатывает волна умиротворения. Так это оно и есть? После недель беготни, это все вот так закончится?

Внезапно слышится: хлоп-хлоп, хныканье, а затем звук удара чего-то тяжелого о землю. Шум отвлекает Дольфа, и мне хватает времени, чтобы нанести удар, который чуть не ломает мне руку, когда она сталкивается с его квадратной челюстью. Он падает назад, твякая от удивления.

Стоя на пороге кухни, появляется Ацелот с винтовкой в руках. Я перевожу взгляд в сторону самки-Люпина, распростертой на улице с ужасной дырой во лбу. Ее безжизненные глаза смотрят на меня, широко раскрытые от шока. Дольф издает страдальческий вопль и бросается к мертвой женщине, потянув ее в свои объятия. Я сразу забываю о его горе. Ацелот направляет пистолет на Дольфа и стреляет ему дважды в грудь. Мужчина опрокидывается на свою подругу.

— Спасибо, — говорю я Ацелоту. Второй раз он спасает мою шкуру — первый раз был

в Виридисе, когда он застрелил Стражей-охранников, которые гонялись за мной, и теперь это. Вопли других Люпинов приближаются, они скоро будут здесь. — Запускаем Минипорт. Я принесу остальное.

Я забираю Марсея и Себастьяна, держа руки Ищейки связанными за спиной, затем бегу обратно к самолету. Ацелот закрывает люк в тот момент, когда свора Люпинов появляется на Унылой улице. Их, по меньшей мере, десять, все они будут жаждать крови, когда заметят нас. Двигатели гудят, и твари приближаются к нам. Несколько Люпинов бросаются вверх на самолет в тот момент, когда мы взлетаем, хватаясь за все, что можно, пытаясь опустить нас обратно на землю. Минипорт шатается, но Ацелот включает закрылки и мы набираем скорость, уносясь прочь так, что Люпины падают на землю, бум, бум, бум. Один упрямый самец-Люпин цепляется за крышу, свесив ноги на стойку ветрового стекла. Ацелот наклоняет самолет, влево, вправо, стряхивая тварь.

— Я слышал про дождь из кошек и собак, но это, вообще, как-то чересчур нелепо, — бормочет он.

Я оборачиваюсь к Себастьяну в тот момент, когда мы покидаем Унылую улицу и ударяю его во второй раз за сегодня, не обращая внимания, что костяшки моих пальцев кровоточат от удара Дольфа. Это по его вине мы чуть не стали собачим кормом, после его фокуса с опрокидыванием керосиновой лампы. Себастьян падает на пол, и кровь сочится из раны на голове — результат моего удара — сливаясь с красной розой-татуировкой над левым ухом. Я сжимаю ноющую руку и присоединяюсь в кабину к Ацелоту.

— Держим курс на Новостной центр Блэк Сити, — говорю я, занимая место рядом с ним.

Ацелот поворачивает самолет влево и направляет нас на окраину города. Станция радиовещания — это относительно современное на вид здание по стандартам Блэк Сити, с надписью «НОВОСТИ БЛЭК СИТИ» выведенной красными буквами над входом. Ацелот сажает самолет на привокзальной площади. Мы здесь как на ладони, но я надеюсь, что мы уедем раньше, чем Люпины догонят нас. Мы быстро осматриваем местность на наличие признаков ловушек или камер, прежде чем отправиться в отдел новостей. Я держу Себастьяна на небольшом расстоянии перед собой, так чтобы он не смог сбежать.

Студия находится в заброшенном состоянии, офис усыпан брошенными бумажками. Мы пробегаем по лабиринту коридоров, пока не находим студию закадровой озвучки. Я легким щелчком включаю свет, который заполняет комнату тусклым, оранжевым свечением. Пока я привязываю Себастьяна к стулу, Ацелот проверяет оборудование. Марсель откидывается на потрепанный диван в углу комнаты и наблюдает за нами.

— Я запрограммировал систему транслировать сообщение в течение двадцати четырех часов, а затем она остановится, — говорит Ацелот. — К тому времени, когда они его отслежат, мы будем уже далеко.

— Так, давайте запишем его, и уберемся отсюда, — говорю я, усаживаясь перед микрофоном.

Горящая красная лампочка дает мне знать, что я в эфире. Мне остается только надеяться, что Жук и Роуч слушают.

30 лет назад

Я ЕРЗАЮ на жесткой скамье, пытаюсь заставить кровь циркулировать по моим худым ногам, но это безнадежно. Церковь переполнена людьми так, как весь город оказался на похоронах миссис Хоуп. Многим приходится стоять на улице и наблюдать церемонию через открытые двери. Я удивлен, что так много людей собралось, но ничто так не привлекает толпу, как убийство.

Патрик Лэнгдон и его друзья, Харриет и Дрю О'Мэлли, обнаружили ее труп в лесу. Её тело лежало так, словно женщина просто уснула. Сейчас же ее тело, окутанное в саван, плавает в резервуаре рядом с кафедрой проповедника. Веточки лаванды подвешены над поверхностью воды, чтобы замаскировать запах разложения, но это не помогает. Все люди вокруг меня деликатно прикрывают носы и рты платками, когда слушают проповедь моего деда.

На вид он мрачный мужчина, одетый в церемониальные одежды, которые соответствуют цвету его густых волос и серо-стальных глаз. Все говорят, что мои глаза похожи на его. Это единственное, что у нас есть общего, кроме одинаковых ожогов на моих руках. Именно дед выдернул меня из кипятка, когда я был ребенком и спас мне жизнь.

Он стоит за кафедрой — чрезмерной, витиеватой конструкцией, выполненной из дуба и палисандра, изображающей сцены из древних писаний. У основания кафедры вырезано гнездо Дарклингов, их конечности скручены вокруг друг друга, так что невозможно сказать, где заканчивается один и начинается другой Дарклинг — это просто искаженная масса обнаженных тел, их когтистые руки распростерты, они пытаются затащить невинных девушек в их яму порока.

— Эти последние шесть недель были тяжелым временем для нашего сообщества, — говорит дед, глубоким голосом, охватывающим всю часовню. — Со времен Мучения, произошедшего восемнадцать лет назад, мы испытали на себе, что такое насилие и беспорядки. Мы потеряли семью, друзей, но не нашу веру.

— Как говорит нам Господь, — ропщет паства.

Сейчас за Люпинами числилось четыре жертвы. Ребенок по имени Томми Стивенс был первым, который был выхвачен из больничной койки в середине ночи. Через неделю, они забрали хромую женщину, миссис Саммер, потом еще через две недели, Дозорного и городского пьяницу мистера Смита. Миссис Хоуп стала номером четыре. Чего я не понимаю, зачем они это делают. Люпины убивают людей, но только тех, которые проникают на их территорию, так что изменилось?

Я посматриваю через проход на Кэтрин. Она сидит в первом ряду с остальными из клана Лэнгдонов и недовольно кривит рот. Это не ошибка, что они во главе собрания. Первые четыре ряда на правой стороне прохода зарезервированы для Гильдии — самых богатых или самых влиятельных семей в городе. За Лэнгдонами идут О'Мэлли, потом Кент, и, наконец, завершается нашей семьей. Это ответственность Гильдии отстаивать слово Его Всесилия и защищать наши души от скверны.

Кэтрин одета в дорогое синее кринолиновое платье из магазина одежды ее родителей, ее волнистые, каштановые волосы аккуратно зачесаны в шиньон, о чем позаботилась ее мать. Кэтрин раздраженно сбрасывает руку матери подальше от себя, когда миссис Лэнгдон пытается заправить выбившийся локон. Я ощущаю, что недавнее превращение Кэтрин из простой и маленькой Гусенички в прекрасную бабочку было целиком и полностью делом рук ее матери.

Патрик сидит рядом с ней, его ноги скрыты под объемными слоями юбки Кэтрин в виде колокола, которая угрожает поглотить всю ее семью нижней юбкой из тафты. Он хмурится, меняя положение на скамье, чувствуя себя явно не в своей тарелке, что меня очень радует. Рядом с ним находится его отец, мистер Лэнгдон, который наблюдает службу с напряженным вниманием. Красавец-мужчина с песочно-светлыми волосами, как у Патрика, карими глазами и ухоженной бородой.

Кэтрин чувствует, что я смотрю на нее, и слегка поворачивает голову в мою сторону, грустно улыбаясь. Она бросает на меня взгляд, который говорит, как ты? Мы знаем друг друга так долго, что можем общаться без слов. Я хмурюсь и качаю немного головой. *Средне.* Я не могу вспомнить образ миссис Хоуп, вытащить его из задворков моей памяти. Она слегка касается своего сердца и поднимает взволнованную бровь, обращаясь к судорогам в груди, которые были у меня той ночью на стене. Яжимаю плечами. Я понятия не имею, что вызвало их, но они не вернулись. Патрик слегка кашляет, и Кэтрин переводит внимание обратно на службу. Он резко смотрит на меня, и я отворачиваюсь.

— Тем не менее, мы не виновны в их смерти, — продолжает дед. — После почти двух десятилетий мира, мы утратили бдительность, и теперь мы расплачиваемся за это.

Я гляжу на плавающее в резервуаре тело миссис Хоуп, обернутое в саванн. Если бы я только добрался туда раньше, я мог бы спасти ее.

— При этом мы не должны смотреть на смерть миссис Хоуп как на трагедию, ибо она страдала, но теперь гуляет в вечном царстве Его Величия, — продолжает дед, шагая вниз с кафедры к алтарю, где его ожидают кубок и две чаши — одна белая, другая красная. — Люпины могут пожирать наши тела, но они не могут навредить нашим душам, ибо мы чисты сердцем и духом. Именно эта чистота и защищает нас от порочности зла. Поэтому я приглашаю всех вас пройти вперед и выпить из Священного Кубка, и очиститься от вашей скверны.

Паства, молча, встает со своих мест, и формируют упорядоченную очередь к алтарю. Я в хвосте, в очереди за Кэтрин. Перед ней находятся Патрик и его друзья Дрю и Харриет О'Мэлли. Родные брат и сестра выглядят очень похоже, что прискорбно для Харриет. Хотя длинный тонкий нос и сплюснутый подбородок придают благородство лицу Дрю, а вот Харриет благодаря таким же чертам лица больше похожа на землеройку. Харриет оборачивается и глядит на меня. В отличие от других женщин в городе, она носит брюки и мальчишескую рубашку с жилетом. К ее поясу пристегнут нож.

— Так держать, урод, — говорит она мне громким шепотом. — Это, каким же надо быть тупым, чтобы покинуть свой пост на стене. Ты что, свихнулся?

— Какая мать, таков и сын, — произносит Патрик, растягивая слова.

— Как это понимать? — говорю я, теряя самообладание.

Верхняя губа Патрика изгибается вверх с ироничным оскалом.

— Никак, Эдмунд, — отвечает Кэтрин, стреляя предупреждающим взглядом в брата. — Просто какой-то бред нам мам рассказывала.

— О чем?

Она закусывает нижнюю губу.

— Что твоя мама слышала голоса в своей голове.

— Это неправда, — отвечаю я сразу, хотя я ничего не знаю о своей матери. Дедушка никогда не говорит о ней или о моем отце, но это только и стоило ожидать.

Насколько всем известно, мой отец был бизнесменом в Сером Волке, который ухаживал

за моей наивной мамой-подростком, когда она сбежала, а потом она забеременела, и он бросил ее, чтобы жениться на другой девушке. Ничего из этого не было правдой... разве что, кроме момента, где моя мама сбежала в Серый Волк, но она уже была как шесть недель беременна к тому моменту. Был страшный скандал в то время. Горожане простили нам это только после того, когда моя мама трагически умерла, и дедушке пришлось одному поднимать дефектного, незаконнорожденного внука.

— Я знаю, что моя мать лжет, — говорит Кэтрин, нежно дотронувшись до моей руки своей ладонью в кружевной перчатке. — Она все еще держит обиду на твою мать, потому что она раньше встречалась с моим отцом, когда они были подростками. Это глупо. Только моя мать может ревновать к покойнице.

Я смотрю на мать Кэтрин, находящуюся в очереди впереди нас, и смотрящую с обожанием на мужа. Я понятия не имел, что мистер Лэнгдон раньше встречался с моей матерью. Я так много узнаю о ней, чего раньше не знал. Я вспоминаю, что миссис Хоуп сказала прошлой ночью, что моя мама повесилась, связывая это с новым слухом, что она слышала голоса в голове, и страшное, мерзкое чувство начинает подниматься в животе. А что если эти истории — правда, и моя мать действительно была сумасшедшая? Эти мысли по-прежнему тревожат меня, в то время как очередь продвигается вперед и миссис Лэнгдон шагает к алтарю. Она макает кубок в белую чашу.

— Помоги Его Величию смыть мои грехи, — говорит миссис Лэнгдон, принимая напиток. Внешний вид блаженства почти мгновенно проступает на ее лице. Она мечтательно улыбается деду, когда он окунает палец в красную чашу, наполненную родниковой водой, и проводит им по ее лбу — «знак чистоты», чтобы отогнать зло.

— Вы чисты, дочь моя, — говорит дед.

Миссис Лэнгдон движется в сторону, ее движения слегка вялы, позволяя следующему человеку в очереди, подойти, чтобы получить кубок.

— Я чувствую себя так плохо из-за миссис Хоуп, что не могу спать, — тихонько говорит мне Кэтрин, когда очередь движется мимо резервуара. — Это моя вина, что она мертва, если бы ты не оставил свой пост, чтобы проводить меня домой, может быть, Люпин не перелез бы через стену.

— Это не твоя вина, ясно? — отвечаю я. — Там было три Дозорных на дежурстве в ту ночь. Мы все упустили тварь.

— Странно, как они нашли ее, не думаешь? — говорит она. — Патрик сказал, что она была привязана к скале, похоже, они хотели, чтобы тело было обнаружено.

Это было странно. На самом деле, все было не так с этими нападениями.

Дед перехватывает мой взгляд, и его рот вытягивается в неодобрительную линию. Ему не нравится, что я разговариваю с Кэтрин. Он думает, что Лэнгдоны больше заботятся о деньгах, а он считает, что деньги — это грех, именно поэтому я всегда одет в эти шерстяные вещи, вызывающие зуд кожи по всему телу; это самые дешевые костюмы, которые вы можете купить в магазине. Лично я думаю, что Его Величие благословляет тех, кого он любит больше всего и они богатые. Иначе, почему у Лэнгдонов так много всего — красота, богатство и популярность — а у меня так мало? Мы единственная семья, принадлежащая к Гильдии, небогатая, но как проповеднику, моему деду было автоматически предоставлено место в Совете, когда он впервые переехал в Янтарные Холмы молодым человеком. Власть и влияние так же важны для Гильдии, как и богатство, а в религиозной общине, как Янтарные Холмы, проповедник имеет и то и другое.

— Я люблю эту часть церемонии, а ты? — шепчет Кэтрин, когда очередь продвигается вперед. — Она всегда поднимает мне настроение. А именно это мне необходимо прямо сейчас.

Я ничего не говорю. Дрю следующий в очереди, кто возьмет кубок. Он залпом выпивает содержимое, затем отодвигается в сторону, позволяя Харриет и Патрику подойти к алтарю и выпить из кубка. Я не могу поверить, что иду на танцы с этими придурками... то есть, если Кэтрин все еще хочет пойти со мной. Воспоминание о нашем кратком поцелуе с Кэтрин задерживается на моих губах. Я разочарован, что она не подняла эту тему, но все, что у нас было на уме, это убийство миссис Хоуп.

— Мы же идем на танцы сегодня вечером? — спрашиваю я.

Она сверкает на меня неодобрительным взглядом.

— Это не то место, чтобы обсуждать танцы.

— Извини. — Я жду несколько секунд, а затем добавляю. — Так идем?

— Да, конечно, мы идем, — говорит она с тоскливым шепотом, в тот момент, когда движется к алтарю.

Она принимает кубок у моего деда и пьет. Я, молча, наблюдаю, как она закрывает глаза, и как он оставляет на ней знак чистоты. Ее губы озаряются радостной улыбкой.

— Ты чиста, дочь моя, — говорит дедушка.

Ее веки, дрожа, открываются, а она уставляется на моего деда с полным обожанием. На моего деда все смотрят снизу вверх, потому он в прямом и переносном смысле — самый высокий человек в городе. Если бы они только знали правду. Кэтрин присоединяется к другим. Теперь моя очередь. Я беру кубок у моего деда, с понимающим взглядом, происходящего между нами. Вина ползет вверх к горлу, когда я пью горькую жидкость.

— Помоги Его Всесилю очистить мои грехи, — говорю я.

Дед опускает свою руку в красную чашу и проводит большим пальцем по моему лбу.

— Ты чист, сын мой, — говорит он.

Я присоединяюсь к остальным у резервуара для окончательного подношения в конце похорон. Обычно мы бросаем венки, сплетенные из листьев дерева Кэрроу в воду, так что мне становится любопытно, когда Патрик направляется в заднюю комнату вместе с Дрю. Приход начинает роптать. Дед смотрит в недоумении.

Мистер Лэнгдон поднимает руки и наступает тишина.

— Гильдия решила отказаться от привычного места подношения, и перенести подношения в более... подобающее такому случаю место.

Этот объявление увечило взволнованный шепот среди собравшихся.

— Меня никто не проинформировал об этом, — говорит дедушка, хмуря серые брови.

— Разве? — невинно говорит Мистер Лэнгдон.

Дед смотрит на одного из членов Гильдии, мистера Крэнфилда — сухопарого человека с волосами бронзового цвета, как и у его сына, Эрика, одетого в дорогой, черный костюм. Мужчина смущенно отворачивается. Не к добру это.

Именно в этот момент, дверь в подсобку распахивается, и появляются Патрик с Дрю, таща брыкающуюся, кричащую девушку. Хотя у нее на голове надет мешок из дерюги, всем понятно, что это — Ревун. Паства издает испуганный вздох, и некоторые женщины хватают своих детей и бросаются к задней части часовни, подальше от твари.

— Что это? — требовательно спрашивает дед.

Мистер Лэнгдон не отвечает, так как он срывает с девушки-Ревуна капюшон. Когда я

посмотрел на нее, у меня сперло дыхание. Я никогда до этого не видел Ревуна во плоти, и она совершенно не похожа на монстров, описанных в Гильдии. Девушка была опасно красивой, с глазами цвета ртути и гривой белоснежных волос. Ее запястья были связаны веревкой.

— Патрик нашел этого зверя в лесу, рядом с телом миссис Хоуп, — говорит мистер Лэнгдон.

Толпа охает и свистит. Мы все знаем, как нашли миссис Хоуп — привязанную к скале — но никто не упомянул, что они нашли там Люпина!

— Отпусти меня! — кричит Ревун. — Икар виноват, не я!

Дед ошетиливается, когда слышит имя.

— Опустите ее в резервуар, — спокойно говорит мистер Лэнгдон. — Жизнь за жизнь.

— Нет! — орет девушка, когда Патрик и Дрю тащат девушку к воде.

— Это зашло достаточно далеко! — говорит бабушка. — Это дом почитания и я не допущу этого. — Он пытается, встать между Патриком и резервуаром, но мистер Крэнфилд и мистер Кент тянут его назад. Их лица становятся красными от натуги.

Мистер Лэнгдон поднимает руку в молитве.

— И Его Всесилие разговаривал с Паломниками и сказал: «Хотите ли Вы изгонять вск Скверну из мира, ибо только Чистые вступают мое Королевство?» и Паломники воскликнули: «Хотим!»

— Изгнать ее! Изгнать ее! — скандировала паства, в то время как Патрик срывает с девушки одежду и тащит ее в резервуар рядом с телом миссис Хоуп. Паства толкает ее к краю воды, чуть не сбив меня с Кэтрин в воду. Я хватаю ее, не дав ей упасть. Она прячет свое лицо у меня на груди, когда девушку-Люпина топят в воде. Ее рот открывается в безмолвном крике, и она молотит руками по Патрику, Харриет и Дрю, отчаянно пытаясь всплыть на поверхность. Локоны ее белых волос идут рябью вокруг ее обнаженного тела, и на мгновение она похожа на красивую, морскую нимфу, а ее светящиеся глаза сверкают на нас из воды.

— Изгнать ее! — скандирует толпа.

— Прекратите это! — кричит дед.

Ревун отчаянно дергается под водой. И мое сердце сжимается, так что я не могу дышать, как будто это я тону. Ее серебряные глаза расширяются от ужаса удушья, и она ловит предсмертный вдох. Все кончено. Они вытаскивают ее из резервуара и сбрасывают ее тело к моим ногам. Брызги воды попадают на мой ботинок. Дед угрюмо смотрит вниз на ее тело.

— Пусть это послужит предупреждением Люпинам, — говорит мистер Лэнгдон. — За каждую жизнь, которую они отбирают, мы заберем одну из их.

— Так говорит Его Всесилие, — скандирует каждый.

Кэтрин бросает виноватый взгляд в мою сторону. Я опускаю взгляд на девушку-Ревуна, стыд наполняет мой желудок.

— Ибо сказано так нам, — говорю я.

7

ЭДМУНД

ПАТРИК И ДРЮ ВЫНИМАЮТ обмякшее тело девушки и относят ее в коридор, пока остальные прихожане выходят из часовни. Миссис Лэнгдон смотрит на мужа снизу вверх с обожанием, когда они идут по проходу. Слезы блестят в глазах Кэтрин, но она послушно

следует за ними.

Октябрьский воздух снаружи чист, прозрачен и свеж, земля еще влажная от вчерашнего ливня. Женщины суетливо поднимают юбки, чтобы предотвратить попадание грязи на их подола. Они сплетничают с подружками про сегодняшние танцы и о том, что они собираются надеть. Разговоры вежливые и притворные. В центре городской площади находится большой деревянный крест, более восьми футов в высоту.

Во времена Мучения — годового столкновения между Дарклингами, Люпинами и людьми Янтарных Холмов, приведшего к гибели сотен людей — любых граждан замеченных в общении с Дарклингами, привязывали к кресту, по приказу Гильдии. Они оставались там в течение многих дней. Многие умирали от холода или голода. Крест не использовался уже почти два десятилетия, до сегодняшнего дня. Патрик привязывает мертвую девушку к нему, что является предупреждением любому из ее вида, если они вернутся сюда в поисках очередной жертвы.

Мистер Лэнгдон подходит к деду, а его жена до сих пор держит его под руку. Он, должно быть, не на много старше тридцати шести, но благодаря рыжей бороде он выглядит старше. У всех детей в Янтарных Холмах молодые родители, так как принято жениться в восемнадцать лет и заводить первого ребенка уже в девятнадцать. Я смотрю с тоской на Кэтрин, которая находится снаружи ее дома с ребятами из школы.

Эрик Крэнфилд — парень, надеющийся позвать Кэтрин на танцы — подходит к ней. Он долговязый, но не долговязо нелепый, а крутой, с небольшим количеством веснушек на носу и рыжими волосами. Он опускает свою голову и что-то шепчет ей на ухо перед тем, как утешительно обнять ее за плечи. Внутри меня разгорается ревность.

— Прекрасная служба, Гектор, — говорит мистер Лэнгдон, привлекая мое внимание.

— Спасибо, — холодно отвечает дедушка. — Окончание ее, безусловно, было открытием.

Мистер Лэнгдон натянуто улыбается.

— Важно показать свою силу в эти страшные времена. Мы не можем позволить Ревунам думать, что они могут уничтожать наш народ без последствий.

Дед хмурится.

— И из-за этого действительно стоило начинать конфликт между нашими видами, из-за четырех человек?

— Если вы спросите меня, то Ревун получила то, что заслуживает, — вмешивается миссис Лэнгдон, игнорируя тот факт, что никто не спрашивал ее мнение. Она выглядит так же, как и ее дочь, такая же брюнетка, с бледной кожей и лицом в форме сердечка. — Если бы я делала по-своему, я бы отправила их всех в преисподнюю. Мы должны защищать детей, Гектор.

Дед скользнул взглядом по мистеру Лэнгдону.

— Я всегда защищаю детей.

Мускулы на лице мистера Лэнгдона напрягаются.

— Ты сегодня идешь на танцы? — спрашивает меня миссис Лэнгдон, а ее взгляд постоянно блуждает в сторону девушки-Ревуна. Я подозреваю, что она хочет получить длинные, белоснежные волосы девушки — мех Люпинов стоит немалых денег.

— Да. Я, на самом деле, иду с Кэтрин, — говорю я.

Густые брови деда поднимаются.

— Ах, вот как... замечательно, — отвечает миссис Лэнгдон, явно разочарованно. —

Тебе придется прийти в магазин попозже, чтобы мы могли подобрать тебе новый костюм.

Я перевожу взгляд на свои коричневые шерстяные штаны и куртку. Я хотел одеть это.

— Я не могу... хм... новый костюм будет стоить очень дорого, — бормочу я.

— Не волнуйся, Эдмунд. Это за счет заведения, — говорит мистер Лэнгдон, смахнув какую-то воображаемую пыль со своего дорогого сюртука с узором геральдической лилии.

— Спасибо, — говорю я, испытывая только благодарность. Хотя я и ненавижу благотворительность — это то же самое, что и жалость.

— Вы не извините нас? — произносит дедушка.

Я нехотя следую за ним внутрь церкви, бросая на Кэтрин один последний, долгий взгляд. Она слишком занята разговором с Эриком, что бы заметить, что я ухожу. Мы поднимаемся вверх в наши жилые помещения. В нашем распоряжении всего четыре комнаты: кухня, крошечная ванная комната, дедушкина спальня и чердак, где я сплю. Наш дом можно описать одним-единственным, но емким словом — нищета. Стены выкрашены белой краской, паркетные полы и мебель — коричневой.

Не так уж много предметов на кухне, которая является главным помещением в доме. На столе стоит стеклянная банка, наполненная мертвыми бабочками, на стене висит телефон и старая фотография моей мамы. Мы очень похожи, с одинаковыми серыми глазами, темными волосами и большим, тонким ртом. Неужели она и правда покончила с собой, как сказала миссис Хоуп?

Дед поворачивается ко мне.

— Ты не идешь на танцы с этой девушкой Лэнгдон. О чем ты думал, Эдмунд? Ты же знаешь, что запрещено встречаться Дарклингам с людьми.

— Только потому, что Гильдия так говорит.

— И для этого есть очень веские причины. Тебе придется посмотреть на себя и понять почему.

Я вздрагиваю.

— Прости меня, Эдмунд. Я не это имел в виду... — Дед смотрит на меня добрыми глазами, которые так похожи на мои собственные. Я прославляю Его Могущество каждый день, в связи с тем, что я унаследовал глаза матери, а не моего отца. — Я знаю, что ты не такой, как другие Дарклинги, ты хороший мальчик. Но Его Могущество никогда не подразумевал, что наши виды будут вместе. Поэтому их потомство...

— Проклято застывшим сердцем, — бормочу я, цитируя святое Писание. — Это не справедливо.

— Я знаю, Эдмунд, — говорит дед. — Я молюсь Его Могуществу каждую ночь, чтобы он сжалился над тобой и благословил тебя сердцебиением. Это все, что я хочу для тебя.

Я отстраняюсь от него и подхожу к окну. Большинство людей вернулись домой, но некоторые слоняются около городской площади, в том числе Кэтрин и Эрик Крэнфилд. Компанию им составляют брат и сестра О'Мэлли. Патрик разглядывает свой серебряный кинжал, в то время как брат и сестра бездельничают на крыльце магазина Лэнгдонов. Я наблюдаю за ними некоторое время, представляя, на что бы это походило, если бы я был ими. Им не нужно оправдываться, когда их приглашают на ужин, потому что еда делает их больными, или задерживать дыхание, когда кто-то истекает кровью, а ее аромат разрывает их внутренности на части. Им не надо было вырывать зубы, когда они были маленькими, чтобы скрыть тот факт, что они родились с клыками, или им не надо врать своим лучшим друзьям о том, кто они есть... если бы они только знали... если бы знали. Они не должны

сталкиваться ни с чем из этого, потому что они живы, а я... Я прикасаюсь рукой к своей груди и ощущаю тишину под ней. Демон.

Дедушка говорит, что я не похож на других Дарклингов, что я — хороший. Но я уверен, что это только из-за нашей веры, которая направляет меня на истинный путь. Если бы у меня не было этого, я уверен, я бы не оказался на этом пути. Хищник всегда там, таящийся внутри меня, вожделеющий, голодный. Но это не единственная часть меня, у которой есть желания: человеческая часть меня тоже жаждет. Я смотрю на Кэтрин долгим взглядом, наблюдая, как она развязывает волосы, позволив им упасть свободными, коричневыми волнами на ее узкие плечи. Эрик улыбается.

— Ты никогда не сможешь быть с ней, — мягко говорит дед. — Я беспокоюсь не только из-за твоей безопасности, но и из-за ее. Ты же знаешь, что желания внутри тебя, греховны, Эдмунд.

Я пристыжено уставляюсь на пол. Мой отец изнасиловал мою мать, поэтому я точно знаю, на *что* я способен. Я ненавижу тот факт, что его кровь течет в моих жилах. Но я никогда не трону Кэтрин!

Дед тянет меня подальше от окна.

— Ты голоден?

Я киваю, усаживаясь за кухонный стол, пока дед достает нож и стакан из шкафа. Он кивает в сторону банки с мертвыми бабочками на столе.

— Ты измельчишь немного для меня? — спрашивает он.

Я снимаю перчатки и откручиваю крышку, вывалив несколько бабочек с серебристо-голубыми крыльями в каменную ступку. Я начинаю перемалывать их пестиком в мелкий порошок. Мой дед подмешивает их в Святую воду в течение многих лет, в соответствии с решением Гильдии, чтобы горожане были спокойными. Нелегко быть заключённым внутри территории обнесенной стеной, и не сойти с ума через некоторое время, так что это для их же блага. Я высыпаю порошок в небольшой горшок.

— Этого должно быть достаточно, — говорит дед, садясь за стол. Он закатывает рукава его темной туники, обнажая его руки. На его руках порезы: некоторые старые, некоторые свежие. Он режет свою руку ножом и льет кровь в бокал. Ржавый запах щиплет мне ноздри. Он наполняет стакан до краев, прежде чем передать его мне. Я жадно пью.

— Помедленнее, Эдмунд, — говорит дед. — Это все, что ты получишь на этой неделе.

Я заставляю себя перестать хлебать кровь и попытаться смаковать ее, но это трудно, когда я голоден. Тепло распространяется по моему языку, пробуждая мои вкусовые рецепторы. Кровь обладает легким, горьковатым оттенком, который мне не нравится, но в любом случае — это хорошо. Я ставлю пустой стакан на стол и вытираю губы тыльной стороной руки, покрытой шрамами. Они по-прежнему выглядят просто ужасно, даже спустя столько лет. У Дарклингов имеются удивительные способности к регенерации, и у меня в какой-то степени тоже — эти раны убили бы человеческого ребенка.

— Почему ты спас меня в тот вечер, когда мама оставила меня во время купания? — тихонько спрашиваю я.

— Потому, что в тебе есть добро, Эдмунд. Человеческая часть, та часть, которая может быть спасена. — Он вздыхает, вставая, и тянется за телефоном. — Я должен позвонить миссис Лэнгдон и сказать ей, что ты не забереешь Кэтрин на танцы. Я скажу, что ты нездоров.

— Нет, подожди, — говорю я в спешке. — Это будет выглядеть странно, если я не

пойду. Все там будут.

Его рука висит над телефоном. Есть еще одна вещь, которую он ненавидит больше, чем семью Лэнгдонов, — это сплетни о нас.

— Хорошо. Но ты перестанешь видеться с девушкой после сегодняшнего вечера.

Я киваю, не глядя на него, зная, что не смогу сдержать данное обещание. Я устал смотреть на мою жизнь со стороны. Если все пойдет хорошо с Кэтрин сегодня вечером, то мне плевать, на какие риски я иду: я попрошу ее быть моей девушкой.

Я кладу руку на мое безмолвное сердце. Хотя бы раз в жизни, я хочу знать, каково это — жить.

8

ЭДМУНД

РОЙ БАБОЧЕК поднимается в моем животе, когда я стучу в дверь магазина Лэнгдонов. Позади меня, на городской площади, танцы уже в самом разгаре, мужчины и женщины одеты в свои лучшие наряды. На стоящих в цепочку нескольких магазинах развешан рукописный баннер, с надписью «ПРАЗДНОВАНИЕ 18 ЛЕТ МИРА». Девушка-Люпи привязана к кресту в центре городской площади. Ее мертвые глаза тупо пялятся на баннер.

Слева, подготовлена сцена для группы, а справа — стоит длинный ряд столов, где выложены тщательно продуманные закуски. Мой живот скручивает. Я надеюсь не подходить к еде: человеческая пища делает меня больным, но иногда я должен проглотить что-то, чтобы соблюсти приличия перед Гильдией.

Я быстро, в сотый раз проверяю свой наряд, мои нервы на пределе, когда я жду, что Кэтрин откроет дверь. Миссис Лэнгдон едва смогла скрыть презрение, когда я приходил к ней за костюмом. Она выбрала для меня бордовый, бархатный сюртук, с жилетом и галстуком золотисто-коричневого цвета, с темно-коричневыми брюками и ботинками. В моей правой руке зажат фиолетовый букетик на запястье.

Звуки шагов в коридоре, и наконец, дверь распахивается. Я улыбаюсь, держа букетик.

— Это тебе, — говорю я, ожидая увидеть Кэтрин.

— Зря пришел, — отвечает сухо Патрик. Он одет в дорогой чернильно-синий фрак и соответствующие брюки. В поясе заправлен серебряный кинжал. Много людей носят оружие в эти дни, с тех пор как Люпины начали утаскивать людей из города.

Я смотрю мимо него, вглубь дома.

— Кэтрин здесь?

— Она уже на танцах. С Эриком, — говорит он, кивая через мое плечо.

Я слежу за его взглядом, и мое лицо сникает. Кэтрин снаружи, у магазина диковинок мистера Элвина с Харриет, Дрю и, к моей растерянности, с Эриком. Они изучают жуткие предметы в витрине: чучела Призрачных сов, застывших во время полета, череп Бастета со сверкающими, саблезубыми зубами — и самое пугающее из всего — стол со стеклянными банками, наполненными сердцами Дарклингов.

Кэтрин одета в платье из шелка с лютиками, желтого цвета, с объемной юбкой-колоколом и тугим корсетом сверху, который выставляет напоказ ее изгибы, к очевидному восхищению Эрика, давая ему возможность продолжать искоса смотреть вниз на ее декольте, когда она думает, что он не смотрит.

— Ох. Я думал, что... — бормочу я, не совсем понимая, что происходит.

Патрик смотрит на мой наряд, потом на фиолетовый букетик, и его голубые глаза

развлечено сверкают.

— Офигеть, ты же не думал, что ты с Кэт идешь на свидание, не так ли? — говорит он.

— Нет. Я думал, что мы вначале встречаемся здесь, — вру я. Это было бы куда правдоподобнее, если бы я не притащил этот дурацкий букетик. — Это для твоей матери, чтобы поблагодарить ее за костюм.

Патрик хохочет и проталкивается мимо меня, шепотом бормоча: — Ты жалок. Я запихиваю букетик в карман своего сюртука и следую за ним через площадь. Дедушка находится рядом со сценой с мистером и миссис Лэнгдон. На губах миссис Лэнгдон играет самодовольное выражение. Кэтрин улыбается, когда видит меня.

— Ты здесь! Я уже начала думать, что ты не придешь, — легкомысленно говорит она. *Она выпила что ли?*

— Хороший костюм, — искренне говорит Эрик, проводя рукой вниз по спине Кэтрин.

Я яростно хватаю Кэтрин за руку и увожу подальше от группы. Патрик наблюдает за нами с ухмылкой на устах.

— Какого черта, Кэтрин? — огрызаюсь я. — Я думал, что у нас свидание сегодня вечером.

— Что?.. — Небольшая складочка появляется между ее бровями, а затем ее глаза вдруг расширяются, когда она все понимает. — Ах, Эдмунд, нет, прости. — Она легонько трогает меня за руку. — Я имела в виду, что мы придем вместе, *как друзья*. Вот почему я еще пригласила Дрю и Харриет.

— Но мы целовались, — говорю я.

Ее щеки заливаются краской, и она опускает взгляд.

Я вспоминаю тот поцелуй и осознаю, что не было смысла напоминать Кэтрин о нем. Она же сказала Патрику, что это был просто поцелуй на ночь между друзьями, потому что именно так она о нас и думает. Она пыталась подвести меня к этому мягко, чтобы не ранить мои чувства. Это моя вина, что я предпочитал игнорировать знаки. Харриет весело хихикает, явно подслушивая наш разговор. Я не осмеливаюсь посмотреть на реакцию Патрика.

Кэтрин нервно теребит свои желтые, кружевные перчатки.

— Эдмунд, ты мне не безразличен, правда. Просто... — она кидает взгляд на Эрика.

— Тебе он нравится больше, — заканчиваю я за нее, отпуская ее руку.

— Мне жаль, — говорит она, и ее карие глаза полны слез. — Пожалуйста, скажи, что прощаешь меня. Я не перенесу, что ты злишься на меня, Эдмунд.

— Не волнуйся об этом, Гусеничка. Это моя ошибка. Не вини парня за попытку, — я тихо хихикаю, но это больше похоже на хрип. — Друзья?

Она одаряет меня благодарной улыбкой.

— Самые лучшие.

Кэтрин берет меня за руку, пока мы идем обратно к остальным. Больше всего на свете я хочу отправиться домой, но я не хочу давать Патрику почувствовать удовлетворенность, осознание того, насколько отказ Кэтрин жалит меня. Харриет смеется, когда мы присоединяемся к группе.

— Дебил думал, что это свидание? — говорит она.

— Это не смешно, Харри, — говорит Кэтрин.

Эрик почесывает веснушчатую шею.

— Прости, Эд, я не знал, что у тебя с Кэт были планы.

— Все нормально, — решительно говорю я, умирая в душе.

Патрик подходит ко мне. Он опускает свою голову так, что его рот находится всего в миллиметре от моего уха.

— Как ты мог когда-нибудь подумать, что моя сестра захочет быть с тобой, уродец?

Это довершило дело. Я оборачиваюсь и пихаю его. Патрик пошатывается, удивленный моей неожиданной силой. Ярость вспыхивает на его лице, кривя черты его лица, и он наносит ответный удар, который попадает прямо по моей левой щеке, выбивая два зуба, которые вылетают из моего рта. Они падают в грязь около ног Кэтрин, как две блестящие жемчужины. Она задыхается. Зубы аккуратно скреплены тонкой, стальной проволокой. Дрю и Харриет начинают смеяться.

— О мой Бог, этот урод носит зубные протезы! — визжит Харриет.

Музыка останавливается, и тишина опускается на городскую площадь, потому что все оборачиваются, чтобы поглазеть на нас.

Я падаю на колени и судорожно подбираю протезы, запихивая их в рот, не потрудившись вытереть грязь. Дед был прав, это было слишком рискованно! О чем я только думал? Патрик прищуривается своими голубыми глазами, смотря на меня. Кэтрин протискивается мимо него и садится рядом со мной, не заботясь, что ее желтое, шелковое платье становится грязным.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

Я не могу посмотреть на нее. Я не могу, не могу смотреть, так как страх и унижение прожигают меня подобно кипятку, который разрушил мою плоть.

— У многих есть зубные протезы, Эдмунд, — говорит она ласково. — Тоже мне невидаля.

Эрик садится на корточки рядом с ней.

— Да, в этом нет ничего страшного. Мой дядя в нашем возрасте потерял все свои передние зубы. Правда, ему в этом помогла лошадь, которая лягнула его в лицо...

Они еще не сложили два плюс два, но я не могу подавить панику, которая поднимается во мне. Это только вопрос времени, прежде чем они начнут удивляться, почему мальчик моего возраста нуждается в поддельных зубах. Тень ложится на нас, и я поднимаю голову, чтобы увидеть моего деда, вместе с Лэнгдонами.

— Кэтрин Элизабет Лэнгдон, ты губишь свое новое платье! — говорит миссис Лэнгдон.

Кэтрин закатывает глаза, поднимаясь на ноги. Дедушка помогает встать мне.

— Возможно, тебе стоит пойти домой? — говорит он. Его голос напряжен. Испуган.

Мистер Лэнгдон смотрит на своего сына.

— Патрик, попроси прощения у Эдмунда.

Ненависть кипит в голубых глазах Патрика.

— Сожалею, что ты такой урод.

— Патрик! — восклицает мистер Лэнгдон.

Мое сердце вдруг свело судорогой, и я вскрикиваю, прижимая ладонь к груди моей.

— Ах!

— Эдмунд, в чем дело? — спрашивает Кэтрин, положив свою руку на мою.

Я инстинктивно, по какой-то причине поднимаю голову, обращая свой взгляд на Пограничную Стену. Я всматриваюсь в темноту, ища что-то... Я понятия не имею что. Что-то проблескивает серебром на крышах.

— Все в порядке? — спрашивает Кэтрин.

Еще один проблеск серебряного промелькнул между двумя зданиями. На этот раз мне

хорошо видно.

— Ревун! — кричу я.

Городская площадь взрывается криками и хаосом, когда Люпин спрыгивает с крыши на площадь, и его длинный, дымчато-серый пиджак развивается позади него. Прохладный ночной ветерок треплет белоснежные волосы, которые украшены перьями и костями. Я знаю, кто он, основываясь на описаниях деда: Аларик Бэйн, вожак стаи Люпинов.

За ним, еще несколько Люпинов спрыгивают с крыши и окружают площадь, перекрывая пути побега. Другие остались на стене, их лица были скрыты тенями. Семьи в ужасе сжимаются вместе, понимая, что они в ловушке. Один из Ревунов — злобный на вид человек с пятнисто-серой гривой и с татуировкой в виде полумесяца на шее — стоит ближе всего к нам. Кэтрин всхлипывает и цепляется за Эрика, а мистер Лэнгдон принимает защитную стойку, закрывая жену. Краем глаза, я замечаю Патрика достающего кинжал из-за пояса. Харриет и Дрю делают то же самое.

Один из Ревунов — обычная на вид девочка-подросток с короткими волосами и обветренными щеками — медленно приближается к деревянному кресту. У нее подобные меху, белые волосы, как и у девушки на кресте. Учитывая то, как она смотрит на девушку, я задаюсь вопросом, не сестры ли они.

— Мы не хотим драться, — говорит Аларик моему деду, что мне кажется странным, поскольку мистер Лэнгдон является главным. — Я просто хочу забрать тело моей дочери.

— Вы посягаете на территорию Гильдии, Аларик, — говорит дед. — Вам придется ее покинуть.

— Только с моей сестрой, — отвечает девушка-Люпин.

— Ульрика, замолкни, — огрызается Аларик.

Рот девушки сразу же сжимается, но ее глаза похожи на камень.

— Ты похитил наших четверых человек и не вернул нам их тела, — говорит мистер Лэнгдон. — Возможно, это будет предупреждение...

— Я повторяюсь снова, пожалуйста, уйдите, — прерывает его дед, и мистер Лэнгдон бросает на него холодный взгляд, его щеки вспыхивают.

— Не уйдем, пока мы не получим то, за чем пришли, — Аларик подходит к деревянному кресту и используя свои острые, как бритва когти, разрывает веревки, связанные вокруг рук его дочери. Ее тело оседает на его плечо. Ульрика сжимает свои челюсти, заметно сдерживая свое горе, а ее отец откидывает голову и издает страдальческий вой. Другие Люпины присоединяются к нему. Большая ошибка.

На секунду они отвлекаются, в то время как Эрик тянется за чем-то на своем поясе — кинжалом, — и кидает его в Люпина рядом с ним. Лезвие погружается в тело мужчины, и он воем от боли. Эрик вытаскивает клинок и пытается ударить Люпина снова. Но на этот раз, он хватает Эрика и вырывает парню глотку, разбрызгивая вокруг горячую кровь. Мои чувства обостряются, так как хищник внутри меня ревет от жажды. Люпин бросает мертвое тело Эрика на землю.

Все происходит мгновенно: Патрик делает выпад в сторону Люпина и сильно ударяет его по когтистой руке, чтобы защитить себя, и в процессе этого, случайно, режет шею и грудь Кэтрин. Она вскрикивает, отскакивает назад, и кровь выступает на ее желтом, шелковом платье, в то время как Патрик и Люпин с грохотом падают на землю. Они катаются по грязи и борются за свою жизнь.

Харриет, Дрю и мистер Лэнгдон вытаскивают свои кинжалы и вонзают клинки в тело

Люпина, пронзая его снова и снова, пока земля не омывается его кровью. Миссис Лэнгдон падает в обморок, ее голубое, атласное платье распахивается вокруг нее, как океан. Город вскоре превращается в крошечный ад, люди толкаются и кричат, отчаянно пытаясь выбраться с площади. Во время рукопашной схватки, Кэтрин скользит в близлежащий переулок, явно стремясь уйти от Люпинов, преграждающих путь к ее дому. Я направляюсь следом за ней.

Извилистый путь тесноват и черен, как Шлак. Я иду по следам крови Кэтрин, мой голод разжигается с каждым шагом. Я больше не мальчик ищущий девочку, я — охотник, преследующий свою добычу. Я мотаю головой, пытаюсь вытеснить эти мысли.

Где-то позади меня, воет Аларик, призывая свою стаю. Я быстро просматриваю крыши. Люпины отступают к стене, Аларик впереди. В его руках его мертвая дочь. Замыкает стаю Ульрика. Звучат звуки выстрелов и пули мелькают рядом с ней, попадая в ее правую руку. Она ахает, теряет опору и падает вниз незаметно для других Ревунов. Они продолжают идти без нее, оставив ее на милость горожан. У меня нет времени, чтобы беспокоиться о ней сейчас. Я спешу к Кэтрин, которая тихо и спокойно лежит, свернувшись калачиком, на земле в дальнем конце улицы. Я встаю на колени рядом с ней.

— Эдмунд... благодарю Его Могущество... ты здесь, — кашляет она, заставляя этим алую кровь проливаться из ее ужасных ран на шее. Мои внутренности сжимаются, и я закрываю глаза, делая судорожный вдох, но слишком поздно. *Я учуял ее кровь. Я могу попробовать ее на вкус.* Моя жажда затрагивает каждый мой нерв, каждую клеточку моего тела, требуя одного: пить.

Она издает испуганный вздох, когда я вцепляюсь зубами в открытую рану на ее шее, и начинаю насыщать себя. В отличие от крови моего деда, ее кровь сладкая и вкусная. У меня горле формируется стон. Ее кулаки изо всех сил колотят мои руки, пытаюсь меня остановить, но это еще больше будоражит во мне хищника. В свои самые мрачные минуты я фантазировал о том, чтобы сделать это с ней, но реальность оказалась намного лучше, чем любая мечта. Я не скрываю сейчас, кто я есть на самом деле. Я могу взять ее так, как ни один парень не сможет, и она бессильна остановить меня.

Эта мысль проносится во мне и заставляет вернуться к реальности. Я отдергиваю свою голову, задыхаясь, со рта капает кровь. Я не монстр, я не такой, как мой отец! Я могу быть праведным, я могу быть хорошим. *О, Господи, что я наделал?* Я поспешно прижимаю руки к ее шее, пытаюсь остановить кровотечение. Страх и шок на ее лице заставляют меня чувствовать себя виноватым.

— Во имя Его Могущества! Что делаешь?

Я оборачиваюсь. Дед смотрит на меня с ужасом. Он отталкивает меня в сторону и быстро проверяет ее пульс.

— Мы должны отнести ее в больницу, — говорю я.

— Нельзя, — тихо говорит он. — Они казнят тебя, Эдмунд. И меня.

Глаза Кэтрин расширяются от ужаса, понимая, что это означает.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — говорит она сквозь слезы, опрокидывая голову ко мне. — Я не скажу, Эдмунд, я обещаю...

— Прости, Кэтрин, — отвечает дедушка. — Но я должен защитить своего внука.

Быстрым движением он хватает ее голову и резко поворачивает в сторону. Раздается ужасный хруст, как будто что-то внутри нее ломается. Страх сразу исчезает из ее глаз. Я отшатываюсь на здание позади меня и зажимаю рот руками, чтобы заглушить свой крик.

На соломенной крыше надо мной раздается шелест, и я смотрю вверх. Серебряные глаза Ульрики смотрят вниз на меня, а ее тело распласталось на соломе. Струйка крови от пулевого ранения струится по ее голой руке. Она выглядит испуганной, как и я. Как давно она там? Дедушка не заметил ее, так как он слишком занят, пялясь на свои окровавленные руки.

— Я видел, как Кэтрин пошла по этому пути! — зовет Патрик отца ниже по переулку.

Ульрика не ждет, пока ее поймают — она вскакивает на ноги и прыгает по крышам в сторону Пограничной Стены. Она взбирается на стену и спрыгивает вниз на другой стороне.

— Ты должен бежать, Эдмунд. Я скажу им, что нашел ее такой, — говорит дед.

Я кидаю последний, мимолетный взгляд на тело Кэтрин прежде, чем умчусь вниз к примыкающей аллее, которая ведет домой. Последнее, что я услышал перед входом в святилище церкви — гортанный крик Патрика.

9

НАТАЛИ

Я ПРОСЫПАЮСЬ, размышляя, что вытащило меня из моего сна. У меня был кошмар бездомном парне с гниющим лицом. Он был одет в сверкающие, белые одежды Пилигрима и гонялся за мной по улицам Блэк Сити. Затем он превратился в одного из мужчин, Жестянщиков, из магазина Скотта, и я внезапно попала в ловушку за зеркальной дверью, где была не в силах дышать, когда стены смыкались вокруг меня. Было страшно, но из-за чего-то же моя память его спровоцировала... одежды Пилигримов... и тут до меня доходит. Я видела Пилигрима во Фракии с мерцающими серыми глазами как у человека-Жестянщика! Я знала, что где-то уже видела такие глаза. Это, должно быть, какой-то генетический дефект, как у людей, у которых один глаз голубой, а другой карий.

Мой взгляд падает на совершенную комнату, которую я делю с моими родителями. Их кровати пусты. Я смотрю на часы. Каких-то семь часов утра. Где они? Слышу пробегающие шаги мимо моей комнаты, и я поднимаюсь с постели. Любопытно узнать, что происходит. Я чуть приоткрываю дверь. Несколько солдат устремляются вниз по коридору, направляясь в сторону комнаты управления.

Через коридор, дверь в комнату Элайджи открыта. Он одет в свободную белую футболку и в полосатые пижамные штаны, которые ему великоваты.

— Что происходит? — спрашивает он, небрежно проведя рукой по своим рыжим волосам.

— Понятия не имею. Давай выясним, — отвечаю я.

Я бегу обратно в свою комнату, чтобы влезть в комбинезон, а затем присоединиться к Элайдже в коридоре. Он сменил пижаму, и тоже надел комбинезон. Мы направляемся в сторону, куда ушли солдаты, и находим всех в комнате управления. Место гудит активностью. Я выискиваю своих родителей по всей комнате, которые здороваются с пятью солдатами у входа. Это команда «Омега»!

Лидер группы Адам Слейтер. Он похож на жителя с пляжей курорта «Золотые Пески», с выгоревшими волосами, загорелой кожей и зеленовато-голубыми глазами. Два члена команды «Омега» несут кого-то на носилках. Я стою на цыпочках, пытаюсь разглядеть, кто это. Всхлип застревает в горле. Он окровавленный и в синяках, но нет никаких сомнений, кто это.

— Сигур! — ору я.

Я пробираюсь через народ к нему, Элайджа идет по моим горячим следам. Я добираюсь до посла Дарклингов только тогда, когда его доносят до больницы.

— Прости, что мы тебя бросили, — выпаливаю я.

Ему удастся слабо улыбнуться, немного обнажая клыки, прежде чем его доставляют в палату, в сопровождении моих родителей. Я стараюсь идти вслед за ними, но Слейтер останавливает меня.

— Мне нужно увидеть его, — говорю я.

— Не сейчас, — отвечает Слейтер.

Я собираюсь протестовать, когда я слышу знакомый голос у себя за спиной.

— Натали?

Этого не может быть! Я оборачиваюсь, мое сердце стучит, не смея поверить.

На входе стоит довольно симпатичная, карамельно-смуглая девчонка, с глянцевыми черными волосами, с аккуратно заплетенной косой на боку и шоколадно-карими глазами. Она одета в темно-синие брюки, жилет и черный мальчишеский сюртук. На кончике ее длинного носа примостились очки.

— Дей! — визжу я.

Я спешу обнять ее стройное тело. Она обнимает меня так крепко, что тяжело дышать, но мне плевать. Она здесь, она здесь, взаправду, красивая, упрямая, чудесная Дей! Мы обе плачем и смеемся, когда мы держимся друг за друга.

— Эй, Бьюкенен, убери свои руки от моей девушки.

Я отпускаю Дей. От входа к нам идет лучший друг Эша — Жук. Шрам на его щеке морщится, когда он ухмыляется. Он красив в своем дурацком виде: с бледной кожей, спутанными каштановыми дредами и долговязым телом. Он одет в старый, потрепанный военный мундир, и его черные штаны заправлены в пару разношенных кожаных рабочих ботинок. Рядом с ним глава «Людей за Единство» — Роуч. Она очень похожа на своего племянника Жука, за исключением веснушчатой кожи и ярко синих волос. Элайджа быстро здоровается с Жуком, делая эти несурзные движения, которые обычно делают парни — полуобъятия и похлопывания по спине, а потом он обнимает Дей.

— Привет, очкарик, — говорит Элайджа. — Круто снова видеть тебя.

Дей покрывается румянцем, а Жук закатывает глаза.

— Я, между прочим, тут, — бормочет он, и Дей чмокает Жука в щеку.

— Ребята, как вы сюда попали? — говорю я, когда мы вместе выходим прогуляться.

— Нам пришлось двинуть в Центр, чтобы спасти Сигура, — объясняет Дей. — Но как только мы достигли его камеры, появились те солдаты, повсюду сверкая оружием и дымовыми пашками.

— К счастью Сигур велел им не стрелять, иначе мы все были бы мертвы, — добавляет Роуч.

— Мы понятия не имели, что вы здесь, — говорит Дей, а потом издает писк и восторг охватывает меня снова. — Что это за место, Нат?

— А где Эш? — прерывает Жук, прежде чем я успеваю объяснить. Он встревожен.

— Мы разделились еще в Виридисе. Но я уверена, что он жив. — Я жестом указываю в сторону моего сердца. — Я бы чувствовала, если бы он умер. — Во время провальной экзекуции над Эшем в Блэк Сити, я чувствовала эхо его сердцебиения, которое замирало внутри меня, и чувствовала, как его жизнь ускользала, так что я бы знала, если бы он был мертв.

— Ты знаешь, где он? — спрашивает Дей.

Я мотаю головой.

— Давайте что-нибудь съедим, — говорит Жук. — Ты можешь рассказать нам все за завтраком.

Роуч направляется к жилым кварталам, чтобы принять душ, пока мы сходим в столовую. По пути я захожу в свою комнату и захватываю радио, чтобы возобновить мою навязчивую проверку радиоволн. Мы с Дей идем следом за мальчиками в столовую. Жук энергично жестикулирует, описывая эпическую перестрелку между ним и несколькими Стражами-охранниками, в то время как Элайджа вежливо слушает, и его руки небрежно засунуты в карманы, пока он вышагивает рядом с Жуком, а его хвост лениво покачивается позади него. Привлекательная женщина-солдат с золотисто-каштановыми волосами проходит мимо и улыбается Элайдже, но он не замечает этого. Дей поднимает брови и смотрит на меня с удивлением.

— Элайджа хорошо себя чувствует? — шепчет она. — Это не похоже на него, чтобы игнорировать привлекательную девушку... на самом деле любую девушку.

Я смеюсь.

— Что смешного? — спрашивает она.

Прежний Элайджа не позволил бы красивой девушке пройти без какого-либо кокетливого комментария, но это было тогда, когда ему надо было притворяться кем-то другим.

— Что смешного? — спрашивает она.

— Нам нужно многое наверстать, — говорю я, беря ее за руку.

Столовая забита и гудит новостями о прибытии посла Дарклингов. В столовке еще стоит сильный запах горелого дерева и металла из-за моей недавней попытки поджога, но я не переживаю из-за этого — мне все это напоминает Блэк Сити.

Дестени сидит за одним из столов, болтая с шатеном солдатом. Ее черные волосы собраны на затылке, открывая угловатые, высокие скулы и миндалевидные глаза. Она очень похожа на тетю, Эмиссара Винсент. Она машет нам и мужчина уходит. Я быстро подвожу ее к Жуку и Дей, объясняя, как они сюда попали.

— Ты слышала о Сигуре? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Я знала, что отряд «Омега» был на задании: освобождение пленника из Центрума, но я понятия не имела, что это был посол Дарклингов. Твой папа держал это в секрете, от тех, кому по служебной необходимости этого знать не надо.

Дей разворачивается ко мне.

— Что, подожди? Твой папа здесь?

— Да, он жив, — говорю я. — Это долгая история.

— Что им нужно от Сигура? — спрашивает Жук Дестени.

Она пожимает плечами.

— Я предполагаю, что это возможность Командующему договориться с Дарклингами, — отвечает она. — Чтобы победить Пуриана Роуза, необходима поддержка «Людей за Единство» и других Дарклингов, сочувствующих нам, которые будут поддерживать новый режим Стражей. В противном случае, мы будем бороться, чтобы остаться у власти, учитывая то, как разделена сейчас страна.

— Подожди, новый режим Стражей? — спрашивает Жук.

— Дааааа, — медленно произносит Дестени. Она слегка растеряна.

— Нат, какого хрена здесь происходит? — спрашивает Жук.

— Это...

— Долгая история, — заканчивает за меня Дей, слегка ухмыляясь.

Дестени извиняется и уходит. Некоторые из нас взяли завтрак, в то время пока я несу Жуку и Дей кое-что, чтобы перекусить по-быстрому. Завтрак представляет собой причудливую смесь из овсянки, рыбы, фруктов и сырого мяса. Шеф-повар бесцеремонно накладывает застывшую овсяную кашу на тарелку, явно все еще злясь на меня за поджог ее столовой. Ее настроение сразу улучшается, когда она замечает Элайджу. Она услужливо накладывает ему щедрую порцию копченой рыбы. Хотя Бастеты известны как охотники на Дарклингов, их основной рацион — это рыба и ягоды. Люпины же, с другой стороны, как правило, едят сырую говядину и оленину, хотя они могут съесть и случайного человека. К счастью, такого сегодня нет в меню.

— Итак, давайте разъясним, — говорит Дей, когда мы берем наши подносы со стола. — Стражи-повстанцы планируют свергнуть правительство Пуриана Роуза и привести к власти правительство новых Стражей, возглавляемое этим таинственным «Командующим»? Затем они намерены освободить Дарклингов, для того, чтобы завоевать доверие сочувствующих Дарклингов, вроде нас, для предотвращения дальнейшего конфликта и дать стране шанс восстановиться?

— Ага, — говорю я. — Вроде того.

Мы садимся за один из металлических столов. Я ставлю радио стол, но не включаю его еще, так как есть так много всего, чего надо наверстать. Жук тут же набрасывается на свой завтрак.

— Почему они ждали так долго, чтобы ударить? — бормочет он с полным ртом овсянки.

— Они собирали свою армию, — говорю я. — Плюс, они ждали удобного момента, чтобы напасть. Пуриан Роуз отвлекся на «Людей за Единство», он слабеет.

— Что ж, это объясняет некоторые вещи, — говорит Дей. — Была куча нападков на нас в последнее время, чтобы мы не делали, и нам было интересно, кто стоит за этим.

— Итак, что же произойдет с Дарклингами при новом «режиме» Стражей? — говорит Жук. — Какую роль они будут играть в правительстве? Или Бутсы, если на то пошло?

— Эм... я не знаю, — говорю я, краснея.

— Как ты можешь не знать? — спрашивает Жук. — Ты здесь уже девять дней.

— Я вроде как была занята... — бормочу я.

— Натали больна, — объясняет Элайджа.

Брови Дей взметнулись вверх.

— Что с тобой?

— У меня вирус Разъяренных. Я подхватила его от Дарклинга, который укусил меня несколько месяцев назад, — говорю я, а затем поспешно добавляю, — но меня лечат. Доктор Крейвен работает над лекарством и есть положительная динамика. Вообще-то, я сегодня позже иду в больницу на очередной прием.

Нижняя губа Дей дрожит, и Жук берет ее за руку в знак утешения.

— Так что там за история с Эшем? — спрашивает Жук, переводя разговор.

Я кратко объясняю, что произошло: как Гаррик был направлен в Блэк Сити моими родителями, чтобы забрать меня и Полли, но когда она была убита, и город оказался в осаде,

Гаррику пришлось срочно корректировать план. Он последовал за мной по всей территории Соединенных Штатов Стражей, пока, в конце концов, не догнал нас в Виридесе. — Элайджа морщится, пока я рассказываю им о резне в посольстве Бастетов, и как Гаррик похитил меня, а Эш остался там.

— Я сожалею о твоей утрате, — говорит Дей, положив свою руку на руку Элайджи. — Есть успехи в поисках твоей мамы и «Ора»?

— Нет, — говорит Элайджа. — Но мы действительно кое-что узнали во Фракии. Жена Кирана, Эсме, сказала нам, что они ушли в город Серый Волк.

— Видимо, они направлялись в ближайший горный массив, называемый Коготь, чтобы найти оружие, — добавляю я. — Но мы не можем понять, какие это горы.

— Я разберусь с этим, не волнуйся, — радостно говорит Дей. — В справочниках должны быть какие-нибудь ссылки на это место. — Нет ничего такого, чего она любит больше, чем засовывать свой нос в книгу.

— Так что же происходило с вами, ребята? — спрашиваю я. — Есть ли какие вести от других?

— Мама, папа и ЭмДжей добрались до Северных территорий, — говорит Дей, и я выпускаю вздох облегчения. Я жила с семьей Дей в течение нескольких месяцев, так что я думаю Раджасинги мне как вторая семья. — Но мы ничего не слышали о Гарольде или Марте, — продолжает она, имея в виду отца Эша и мою старую Дарклинга-домработницу.

Я грызу ноготь большого пальца, переживая за них.

— Вы слышали что-либо о Нике и Джуно? — спрашивает Дей.

— Мы видели это в новостях, — отвечаю я, вспоминая кадры, как Ник был убит в результате взрыва во время беспорядков в Иридиуме. Ник был двойником Эша и путешествовал с повстанцами, притворяясь Фениксом, а мы пошли во Фракию на поиски «Ора». Джуно Джонс, ведущий репортер новостей Блэк Сити, была там же во время взрыва который убил Ника, хотя не было ясно, умерла ли она. — Это Джуно сделала?

— Нет. Эми и Стюарт попал в плен, — произносит Жук, говоря о младшей сестре Джуно и ее операторе, ехавших с ней. — Стю был казнен, вместе с массой других «Людей за Единство», но мы думаем, что Эми была направлена в «Десятый».

— О нет, — шепчу я. Эми — наш хороший друг.

Мы медленно переводим разговор на более беззаботные темы, не желая задерживаться на этих мрачных делах, и это подобно тому, как в старые, добрые времена вернуться в Блэк Сити. Мое сердце болит, думая об Эше. Я так скучаю по нему. Инстинктивно, я беру радио и включаю его. Радио трещит, пока я настраиваю его на «Жар-птицу», испытывая небольшое затруднение в нахождении сигнала. Кручу циферблат еще на одну дырочку справа, и вдруг голос звучит через динамики.

— ...местный фейерверк.

Я отпускаю радио, и мое сердце бешено колотится. Это были всего два слова, но я узнаю этот голос где угодно.

Эш.

10

НАТАЛИ

ЭЛАЙДЖА РЕЗКО ВЫБРАСЫВАЕТ руку и ловит радио, прежде чем оно падает на пол. Он передает его мне, и я увеличиваю громкость, но слышу только помехи. Мы ждем

нескольких мучительных минут, прислушиваясь, чтобы услышать Эша. *Поговори со мной Эш, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.* Как только я начинаю терять надежду, радио снова оживает.

— *Собираюсь в город недалеко отсюда, взглянуть на местный фейерверк,* — произносит голос Эша в эфире снова. Последние слова послания такие же, как и раньше, так что это явно запись, но даже если так, это — Эш! Он жив! Я закрываю лицо руками, содрогаясь всем телом, с облегчением. Элайджа нежно треплет меня по спине. Я знала, что Эш будет пытаться, отправить нам сообщение, я чувствовала это в моем сердце. Я поднимаю голову и делаю глубокий вздох. Я тонула в море беспокойства последние девять дней, а теперь я, наконец, могу вдохнуть.

Жук чешет шрам на щеке.

— Что означает сообщение?

— Он дает нам знать, куда он дальше отправится, — говорит Дей.

— Думаешь, что он ищет меня? — спрашивая я.

— Возможно, — говорит Дей. — Но вероятней всего, что сообщение об «Ора» поскольку Эш предполагает, что мы могли бы подумать, что ты и Элайджа все еще с ним, так как не было никаких новостей о вашем захвате.

Глаза Элайджи загораются надеждой.

— Ты думаешь, он нашел мою маму и остальных?

— Вполне возможно, — соглашается Дей.

— Это не очень-то информативно, чтобы идти дальше, — бормочет Жук. — *Собираюсь в город недалеко отсюда.* Где это «недалеко отсюда»? Как мы должны это выяснить?

Я покусываю губу, думая.

— Может быть, Эш ждет от нас, что мы отследим сигнал? Возможно, он едет в город, который недалеко от того места?

— Я так не думаю, — говорит Дей. — Достаточно трудно отследить радиосигнал. Вам нужен мощный антенный пеленгатор, чтобы триангулировать источник, и Эш знает, что у «Людей за Единство» нет ничего подобного, — объясняет она. — И даже если мы могли бы это сделать, я не могу представить, что это сообщение будет вещать достаточно долго, чтобы мы отследили сигнал. Плюс у нас бы возникли все те же проблемы с правительством, которые уже у нас есть с обнаружением наших трансляций и их искажений при распространении и... — она умолкает, когда замечает удивленный взгляд на лице Жука.

— Ты меня иногда поражаешь, детка, — говорит он. — Откуда ты все это знаешь?

Ее карамельная кожа покрывается розовым румянцем.

— Это называется чтением. Ты должен попробовать как-нибудь.

Он усмехается.

— Не, это звучит как большая и трудная работа.

Я вздыхаю. Эш дает нам подсказку, и я не могу разобраться, что он имеет в виду! Мы слушаем радио еще в течение десяти минут ожидания, как Эш начнет говорить снова, надеясь разобраться с загадкой.

— *Собираюсь в город недалеко отсюда, взглянуть на местный фейерверк,* — говорит Эш и мои часы издают звуковой сигнал. Я проверяю циферблат — 09:30. Время приема у Доктора Крейвена. Впервые, это мысль не угнетает меня. Не только потому, что мне стало лучше, но также потому, что это отличный повод увидеть Сигура.

Я выдвигаю мой стул.

— Мне пора.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Мы договорились встретиться через час, а пока я направляюсь в больницу с радио и крутящимися мыслями, пытаюсь понять подсказку Эша.

Я вхожу в палату. Мои родители, доктор Крейвен и Роуч сгрудились вокруг кровати Сигура, вовлеченные в серьезный разговор.

— Я слышал, как мои охранники в тюрьме говорили о новой силе безопасности, которой заручился Пуриан Роуз, — шепчет Сигур, его губы в синяках из-за чего ему трудно говорить. По всему его неприкрытому торсу раны, его пытали.

Отец кивает.

— Мы видели их разгуливающими по городу.

Интересно, относятся ли к ним Жестянщики, которых я видела в магазине Скотта.

— Ну, по словам тюремщиков, Пуриан Роуз заставляет этих людей принимать новый препарат. Это как часть посвящения в группу, — объясняет Сигур. — Они называют препарат «Крылья».

Отец поворачивается к доктору Крейвен.

— Вы слышали о нем раньше?

Доктор Крейвен качает головой.

— Что этот препарат делает? — спрашивает Роуч. Она небрежно сидит на краю своей койки, один грязный ботинок подпирает матрас, другая ее нога свешана вниз.

— Охранники думали, что это допинг, — говорит Сигур.

— Типа стероидов? — спрашивает отец.

— Мужчины, которые получали его, возвращались сильнее, агрессивнее, так что это подтверждает теорию охранников, — продолжает Сигур. — Но я не уверен. Возможно, полученный мною опыт сделал из меня параноика, — он смотрит, здоровым глазом в сторону доктора Крейвена, который притворяется, что протирает свои очки, но я подозреваю, что есть что-то большее в этом препарате, чем думают люди. Пуриан Роуз имеет тенденцию маскировать одно за другим.

— Ты имеешь в виду так же, как спрятанный вирус Разъяренных в «Золотом Дурмане»? — спрашивает Роуч, бросая взгляд на мою мать, чей рот вытягивается в тонкую линию.

— Я не понимаю, как этот препарат «Крылья» может стать угрозой для нас, — говорит мать.

Сигур поворачивается к ней.

— Возможно, я становлюсь параноиком, но когда дело доходит до Пуриана Роза, то я думаю, что лучше всего быть настороже, — говорит он. — Известно же, что он использовал «Золотой дурман» как Троянского коня, путем инфицирования вирусом Разъяренных и затем, позволяя моему народу кормиться людьми и тем самым передавая вирус нам. Так что, кто знает, какая скрытая угроза таится в этом препарате, или кому он действительно намеревается причинить вред? Мы должны быть очень бдительными, Эмиссар.

Отец кивает.

— Я пойду, разведу обстановку, посмотрю, что мы можем выяснить о том, что предпринимает Роуз.

Я кашлю, давая им знать, что я здесь.

— Извините за вторжение, но у меня назначен прием...

Доктор Крейвен подводит меня к кровати рядом с Сигуром. Я ставлю радио на

тумбочку, пока Доктор Крейвен берет тонкую, черную коробку и кладет ее на поднос рядом со мной. Он открывает ее и внутри нее находятся: бархатный мешочек с четырьмя шприцами, пачка игл и четыре небольших, медицинских ампул, каждая из которых с разноцветной крышкой.

— Что это? — спрашиваю я.

— Это лекарство от вируса Разъяренных, — отвечает он. — Его здесь много и я буду скучать по твоей компании, душенька. Я подумал, что ты захочешь научиться сама его вводить. Здесь лекарства хватит на неделю.

Я смеюсь в восторге от того, что мне не надо приходить в больницу каждый день. Доктор Крейвен показывает мне, как заполнить шприц, какими должны быть дозировки, а потом учит меня делать уколы. Это больно, и я запорола первую инъекцию, заполнив шприц кровью из своей вены. Сигур закрывает глаза, его челюсти сжимаются от запаха.

— Извините, — бормочу я.

Пока я пытаюсь сделать третью инъекцию, радио потрескивает, и голос Эша звенит в эфире, повторяя одно и то же сообщение.

Сигур резко поворачивает голову на голос.

— Это же...?

— Эш, да! — ухмыляюсь я, быстро все объяснив. Алые губы моей матери поджимаются, я думаю, что она в тайне надеялась, что он не объявится. — Я не знаю, что значит: «город недалеко отсюда», но Дей разберется.

— Я хочу помочь, — морщится Сигур садясь. — Мы можем организовать спасательную...

— Это невозможно, — прерывает его мой отец.

— Почему это? — шипит Роуч. — Какого хрена, нет?

Отец вздыхает.

— У меня приказ не тратить больше ресурсов на его поиск.

— Но Джонатан, он мой Кровный сын... — говорит Сигур.

— Вы зря сотрясаете воздух, — бормочу я, опершись на подушку.

Сигур и Роуч поделились понимающими взглядами и их лица стали суровыми.

— Тебе нужен отдых, — говорит отец Сигуру.

Мои родители покинули подопечного, а Роуч пошла по их горячим следам.

— Охренеть, это же безумие какое-то! — слышу я, как кричит она на моего отца, как только дверь захлопывается.

Сигур ложится, кривясь от боли. Он отворачивает голову, когда доктор Крейвен помогает мне с последней инъекцией. Когда мы закончили, я забираю шприц в черном мешочке и радио, и направляюсь к комнате Элайджи, обдумывая то, что сказал Сигур о препарате «Крылья», которое Пуриан Роуз вводит своим людям. Я смотрю на часы, задаваясь вопросом, есть ли у меня время, чтобы принять душ перед встречей с остальными. Сейчас 10:20. Я бы успела, наверное... радио трещит.

— *Собираюсь в город недалеко отсюда, взглянуть на местный фейерверк,* — произносит Эш.

Мое сердце болит при звуке голоса Эша. Что его послание означает? Должен быть способ определить место, где он находится! Ладно, думай, Натали. Где бы Эш не был, это могут выяснить «Люди за Единство», основываясь на подсказках. Есть шанс, что это знаковое место для повстанцев. Блэк Сити? Нет, зачем ему туда возвращаться? Ладно... эм...

Центрум? Вполне возможно, но не вероятно. Единственное другое место, которое я могу представить... Ой! Я внезапно останавливаюсь, из-за чего солдат, идущий за мной, врывается в мою спину.

— Извини, — бормочу я, когда он стреляет в мою сторону нетерпеливым взглядом.

Я изучаю мои часы, мой мозг трещит. Когда я была в столовой, то его сообщение пришлось ровно на 09:30. И когда я, только что, в 10:20 проверила свои часы, сообщение снова прозвучало. Я быстро сосчитала, сколько раз сообщение уже проигрывалось в течение последнего часа, и надежда начала возрождаться во мне. Пять раз. Может быть...? Я бегу через переходы до тех пор, пока я не добегаю до спальни Элайджи и врываюсь туда, даже не стуча. Он сидит на полу с Жуком и Дей, портативный интерактивный экран лежит на полу между ними, показывая спутниковую карту Штата «Горный Волк». Они, должно быть, пытаются выяснить, где Коготь. Они поднимают глаза.

— Между каждым сообщением десятиминутная задержка! — говорю я с замиранием сердца. — Это разгадка! Они в городе рядом с «Десятым». Вы знаете, где это? — я смотрю на Элайджу.

— Серый Волк! — отвечает он, ссылаясь на то, что Гаррик рассказал нам вчера о том, что Серый Волк переполнен Стажами-гвардейцами, потому что это ближайший город к лагерю.

— Собирайте вещи, — говорю я. — Мы отправляемся спасать Эша.

11

ЭШ

МИНИПОРТ РЕЗКО ДЕРГАЕТСЯ влево, заставляя меня проснуться. Я прово-затекшей рукой по лицу. Я даже не понял, что спал. Ацелот рядом со мной ужасно подпевает дрянной музыке, звучащей из стерео самолета.

— Твоя красота, как бесценное произведение искусства, ты — ключ, который отпирет тайны моего сееееердца, — поет он.

— Я бы не принял тебя за фаната Чака Лазло, — говорю я.

Он виновато улыбается и выключает стерео.

— Это альбом Марса. Мой младший брат может быть иногда капризным отродьем, но он настоящий романтик глубоко, глубоко внутри.

Я скептически приподнимаю бровь.

— Это не то, чтобы его вина, что он такой, — продолжается Ацелот. — Это не редкость среди тех, кто привилегирован. Ты думаешь, что мир должен тебе все.

— Ты не такой, — замечаю я.

— Я старше и, ну, не сказал бы, что мудрее, но, конечно, меньше придурок, чем был раньше, — говорит он. — Хотя мои бывшие девушки дома могут не согласиться. Элайджа единственный из нас, кто получился нормальным.

Я морщу лоб.

— Но Элайджа похож на Марсея.

— Ты шутишь? Они совершенно разные, — говорит Ацелот.

Мне подумалось, что Элайджа, которого я знал, притворялся своим младшим братом, так что я, на самом деле, не знаю «взаправдашнего» Элайджу вообще.

— Так какой он тогда? — спрашиваю я.

Ацелот пожимает плечами.

— Он тихий такой человек, понимаешь? Трудолюбивый, никогда не жалуется. И, мужчина, который может поймать рыбу! Мы прежде брали мою лодку каждые выходные, и один раз он зацепил марлина примерно четырех футов длиной. Потратили на него часа три, чтобы вытянуть, но достали его, в конце концов. — Ацелот счастливо улыбается воспоминанию.

— Похоже, что вы близки, — говорю я.

— Да, были, — говорит Ацелот. — Марс бесился из-за этого без конца. Может ты и не заметил, но он немного собственник.

Я посмеиваюсь и смотрю в ветровое стекло.

— Где мы?

— Приближаемся к Серому Волку, — говорит Ацелот.

Через стекло, впереди, виднеется старинный город. Он выглядит как сказочный городок прямо со страниц детских рассказов, с извилистыми, мощеными улочками и уютными, колониальными зданиями, которые напомнили мне кукольные дома, построенные из красного кирпича с терракотовыми, черепичными крышами и белыми оконными рамами, в комплекте с жалюзи.

Действующая железная дорога находится на восточной стороне города, а заброшенная — в Заводском районе на западной стороне, на окраине Серого Волка, рядом с широким каналом. Я смутно вспоминаю, как мой старый учитель истории, мистер Льюис, рассказывал о депрессии, охватившей регион вокруг горы Альба в то время, когда она извергалась. Многие граждане были переселены в более крупные города в поисках работы и новых возможностей, что объясняет, почему заводские склады находятся в ветхом состоянии и зарастают сорняками и листвой. Исходя из оживленной улицы под нами, город изменился с приходом войск Пуриана Роуза, которые используют город как военный центр, из-за его близости к «Десятому».

Зеленовато-голубые небеса вокруг нас заполнены Транспортными Стражей, прилетающими и улетающими из города. К счастью, из-за всего этого воздушного движения, наш Минипорт не слишком приметный, поэтому мы пролетаем над городом в поисках места для приземления.

— Попробуй на складах возле канала, — говорю я.

Ацелот выруливает самолет в направлении Заводского района. Он выглядит уставшим, с темными кругами вокруг глаз, но это и неудивительно — он не спал более двадцати четырех часов. На путешествие от Блэк Сити до Серого Волка обычно уходит всего около пяти часов, но ведь наши навигационные системы не работают, и мы сделали несколько неправильных поворотов. Я смотрю на часы на треснутой приборной панели. Почти обед.

— Как ты думаешь, «Люди за Единство» получили твоё сообщение? — спрашивает Ацелот, зевая.

— Надеюсь. Я хотел дать им знать, куда еду, не только для подтверждения того, что я все еще жив, но, и чтобы дать им подсказку к местонахождению «Ора», в том случае, если я не вернусь обратно живым. Я полон решимости освободить мой народ, и закончить эту войну, даже если я этого не увижу. В идеале «Люди за Единство» поймут, что я иду в Серый Волк, и что «местный фейерверк» это вулкан Альба, потому что при извержении он очень напоминает фейерверк.

Раздается громкий храп с сиденья у меня за спиной, и я смотрю через плечо на двух пассажиров. Марсель крепко спит на одном из кожаных кресел, его хвост свесился через

бортик сиденья. Его красный бархатный сюртук служит ему своеобразной подушкой, поэтому он спит в белой рубашке и в темных брюках. В пояс заправлен небольшой кинжал с рукоятью из слоновой кости. Через проход от него находится Себастьян. Он очнулся и цитирует строфы из Книги Сотворения, святой текст веры Чистоты. Он это делает с тех пор как мы покинули Блэк Сити.

— И должны мы избавиться от чумы Дарклингов с зеленой земли Его Могущества, ибо они бесы, посланные искушать нас своими наркотиками и телами, направляя нас на греховный путь. Но они проклятые твари! — говорит он. — И всякий, кто ляжет с Дарклингом будет проклят настолько, насколько проведет вечность в горящей глубине ада...

— Как ты, я подразумеваю? — говорю я, ссылаясь на разговор с Натали о Себастьяне, когда мы только начали встречаться о том, что он изменил ей с молодой домработницей Дарклингом. Себастьян обращает свои зеленые глаза на меня. Они полны ненависти. — Она забеременела от тебя, верно?

— Заткнись, — рычит Себастьян.

— Ты весь в этом, Себастьян, — говорю я. — Ты ведешь себя как праведник, но я знаю, что ты во Тьме, спал с Дарклингом, насиловал и убивал людей. Твой папа должен тобой гордиться.

Вся его голова краснеет от гнева, выделяя розу-татуировку над левым ухом.

— Мой отец любит меня.

— Конечно, — говорю я. — Напомни мне, когда ты в последний раз видел его?

Желваки дергаются на его лице.

— Никому ты не нужен, Себастьян, — говорю я. — Ни своему отцу, ни Пуриану Роузу. Ты для них ничто, кроме помехи. Вот почему они не будут искать тебя.

Себастьян выдерживает мой взгляд в нервном напряжении, затем отворачивается и нахмуривается. Я поворачиваюсь в кресле и снова смотрю на Ацелота.

— Это было мелко, — признаю я.

Ацелот вяло пожимает плечами.

— Да, но он этого заслуживает.

Мы летим над заброшенными складами, пока не замечаем подходящую крышу, до сих пор в основном целую, которая может нам предложить возможное укрытие. Ацелот мастерски влетает в распахнутые настежь ворота и приземляется внутри склада. Следует сильный толчок, как только он опускается на землю. Марсель у меня за спиной испугано вскрикивает, падая с сидения.

— Блин, Эйс! — вставая, огрызается Марсель. — Кто научил тебя летать?

— Эй, я, по крайней мере, я не разбивал его. Не то, что некоторые. — Ацелот подмигивает брату, а Марсель надувается.

Я выхожу из Минипорта, чтобы проверить, что наше местоположение является безопасным. Лучики солнечного света через отверстия в крыше, создают эффект крапинок на грязной земле. Несколько металлических полок находятся по левой стороне здания, а в дальнем конце склада — огромный штабель ящиков. Пыль и паутина покрывают все, сорняки торчат из земли. В стропилах гнездятся щебечущие ласточки. Здесь не наблюдается никаких камер, и тропа, уходящая за пределы склада, находится в заброшенном состоянии. Мы должны быть в безопасности, проторчав тут некоторое время.

Ацелот бродит у самолета позади меня, вытягивая руки над головой и разминая свою

спину. Марсель проталкивается мимо него, бросает взгляд на склад, сжимая губы, а потом топает обратно внутрь Минипорта.

— Так каков план, друг мой? — говорит Ацелот, как только мы оказываемся вне ушей Себастьяна. Мы должны быть осторожны, чтобы не обсудить что-нибудь о нашей миссии перед ним.

— Пообедать, а потом отправить разведчика в город, — говорю я. — Нам надо найти способ, чтобы попасть в «Десятый» незамеченными.

— Ладно, — отвечает Ацелот.

Я смотрю через плечо в сторону Минипорта. Марсель на четвереньках, ищет что-то под своим сиденьем, его хвост торчит в воздухе. Себастьян наблюдает с интересом.

— Тебе не придется идти в «Десятый», — говорю я Ацелоту. — Я не смогу гарантировать твою безопасность.

Ацелот мгновение смотрит на своего маленького брата.

— Мне придется пойти, — говорит он, в конце концов. — Я — Консул Бастетов, это мой долг — защищать мой народ. — Он переводит свои золотисто-карие глаза на меня. — Кроме того, я в долгу перед тобой после того, что сделали мои родители.

Он направляется в Минипорт, чтобы взять немного еды, пока я развожу небольшой костерок. Ацелот возвращается спустя минуту, неся с собой пару банок фасоли, стакан и сварливо смотрит на Марселя. Мальчик спрыгивает вниз на землю и вздыхает со скукой. Он рисует какие-то завихрения на грязи, пока Ацелот открывает консервированную фасоль и размещает ее на огне. Пока она готовится, он кусает свое запястье своими саблезубыми зубами и выливает кровь в стакан. На его руке уже несколько загрубевших ран, так как он это делал для меня прежде. Я беру стакан с благодарностью, мой желудок стонет от голода, и опрокидываю его внутрь в одно мгновение.

— Спасибо, — говорю я, вытирая рот.

Ацелот обортывает тряпкой свое запястье.

— Неа проблеме, — говорит он на своем родном языке. — Я предпочел бы, проснувшись, не обнаружить, что ты грызешь мою шею. Пойми меня правильно, ты хороший парень, но я предпочитаю не становиться первым блюдом на ужин. — Ухмыляется он мне, и я смеюсь.

Ацелот убеждается, что фасоль сварилась и затем передает банку

Марселю. Молодой Бастет кривит губы при виде ее, этот жест напоминает мне Элайджу. Ну ладно, Элайджу, который притворялся Марселем, во всяком случае. Боже, это сводит с ума!

— Разве у нас нету чего-нибудь повкуснее? — надувается он. — Я не люблю бобы.

Ацелот забирает их обратно.

— Тем лучше для меня, больше достанется.

Марсель вырывает банку, и Ацелот ерошит волосы брата, когда садится. Солнечный луч попадает на изящное лицо Ацелота, и он отклоняет голову немного назад, наслаждаясь теплом. Мы болтаем о ерунде, не обращая внимания на Себастьяна, который все еще сидит в Минипорте и жалуется на то, что голоден — ему может достаться немного холодных бобов... после, если повезет — и на мгновение я забываю о восстании и «Ора», и просто наслаждаюсь жизнью. Марсель оказывается на удивление забавным, когда рассказывает смешную историю об Ацелоте, который попал в очень щекотливое положение перед

родителями с одной из их служанок.

— Он утверждал, что помогал ей мыть пол, — рассказывает Марсель, посмеиваясь. — Отец просто стоял там, совершенно подавленный! И что там мама сказала?

— Ты пропустил пятно, дорогой, — женским голосом произнес Ацелот.

Я смеялся, надрывая живот, и чувствовал себя хорошо. Я не помню, когда такое было в последний раз.

Когда Ацелот и Марсель закончили с обедом, мы направляемся обратно в Минипорт, чтобы взять наше оружие и куртки с капюшонами. Марсель хватает свой темно-красный сюртук.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

Он хмурит брови.

— Я собираюсь с вами.

— Нет, ты следишь за этим болваном, — говорю я, указывая на Себастьяна. Ищейка кидает на меня суровый взгляд. — Только не давай ему приближаться к любым масляным фонарям, понятно?

Марсель вспыхивает, вспоминая инцидент в штабе Стражей.

Мы с Ацелотом надеваем куртки, низко натянув капюшоны, скрывающие наши лица, и направляемся в город.

* * *

Эта прогулка занимает не менее часа в оживленном Центральном районе, главным образом потому, что мы держимся извилистых улочек, и по возможности, стараемся остаться незамеченными. Центр города кишит людьми, и мы локтями пробиваем себе дорогу через толпу. Старый город Серого Волка не был предназначен для большого числа жителей. Узкие дороги стоят в пробках от военных машин. Кафе и постоялые дворы переполнены гвардейцами Стражей, которые вываливаются на улицы, пьют Шайн, курят и играют в карты.

Весь город превратился в крепость Стражей, куда не повернись, там еще один гвардеец или Люпин — Люпины долгое время были верными сторонниками Пуриана Роуза, так что это не удивительно видеть их здесь — но по иронии судьбы, из-за того, что здесь так много Стражей, нам намного легче вписаться. Несмотря на это, я продолжаю закрывать капюшоном свое лицо, а мои руки крепко сжимают пистолет в кармане куртки. На всякий случай.

В любое другое время, город был бы красивым, но Стражи-гвардейцы уже перевернули все вверх дном, бросая пустые бутылки и мусор прямо на тротуары.

Во всех витринах висят государственные пропагандистские плакаты. Я заметил несколько плакатов с рекламой публичной церемонии Очищения, которая пройдет на следующей неделе на площади Уинстон. «ПОСЕЩАЕМОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНА» — жирным буквами написано снизу.

Я замираю. В одной из витрин висит недавняя газетная статья. Заголовок гласит, что «ПОСОЛ ДАРКЛИНГОВ БЫЛ ПРИЗНАН ВИНОВНЫМ». Кто-то нарисовал усы и п дьявольских рогов на черно-белой картинке с Сигуром, сопровождающей статью. Я читаю статью. Каждое её слово отдается у меня в голове. Казнь Сигура назначена на эти выходные.

Шум вокруг меня затихает, когда я пялюсь на статью. *Они собираются убить его. Я*

протягиваю руку и касаюсь рукой стекла, которое отделяет меня от фото моего Кровного Отца. Миллион мыслей устраивают гонки в моей голове, пытаюсь понять, как его спасти. Но я знаю, что не смогу. *Я не буду.* У меня есть миссия. Я отворачиваюсь от витрины.

— Давай проверим железнодорожный вокзал. В Бесплодных землях я видел грузовой поезд, наполненный заключенными, — говорю я. — Я предполагаю, что они перевозили людей в «Девятый».

Мы направляемся вниз по длинной дороге, которая называется Колониальной улицей, и выходим на огромную площадь. В центре площади стоит колонна, более ста футов высотой, увенчанная бронзовой статуей Теодора Уинстона, одного из основателей страны. У основания статуи, команда Бутсов занята строительством деревянной платформы. Мои глаза привлекает к себе афиша — большой, электронный экран, расположенный на крыше здания слева от нас. Правительственная реклама проигрывается на экране, показывая собрание Пилигримов во время их утреннего Очищения. Ритуал завораживает, я никогда не видел что-либо подобного раньше. Только, когда я присутствовал на службе своего отца, но он был служителем старой веры — религии, за которой раньше следовали люди Объединенных Штатов Стражей, прежде чем вера Чистоты стала популярной.

Пилигримы идут к алтарю, по одному, где их ждут две чаши: одна белая, другая красная. Они пьют из белой чаши, и тогда проповедник погружает свой палец в красную чашу и рисует знак на их лбах. Все они выглядят безмятежно, под кайфом, после ритуала. Они напоминают мне моих клиентов под Дурманом — у них такая же эйфория и отсутствующий взгляд. Ролик заканчивается лозунгом: «ЕГО МОГУЩЕСТВО ЗАЩИТИТ ПРАВЕДНЫХ» качаю головой в недоумении. В основном, правительство говорит следовать за верой Чистоты, или будешь отправлен на «Десятый».

Ацелот указывает в сторону здания на другой стороне площади.

— Ну, вот тебе и железнодорожный вокзал. Мы должны заглянуть внутрь?

Я киваю. Только так мы будем знать наверняка, едут ли поезда сразу в «Десятый». Мы пересекаем площадь, направляясь в сторону вокзала. Это внушительное Готическое здание с возвышающейся часовой башней и арочными окнами.

Нутро вокзала манит своей прохладой. Внутри мраморные полы, а колонны подпирают высокий сводчатый потолок, выкрашенный в насыщенный зеленый цвет. С потолка свисает красно-белый флаг Стражей. Как и везде в Сером Волке, вокзал кишит людьми. Я заметил несколько Стражей-гвардейцев, сидящих в таверне вне вокзала, наслаждаясь своим обеденным перерывом, а остальные собрались вокруг многочисленных рыночных столов, где торговцы продают дешевые часы, грязные журналы, игральные карты, сигареты — в основном все, что они думают, Стражи-гвардейцы захотят. Гвардейцы весело торгуются с продавцами. Для них это просто большой отпуск. Яд наводняет мои клыки.

На фоне всего этого, свора Люпинов тащит тяжелые ящики с припасами вверх и вниз по лестничным пролетам, которые ведут к платформам. Мы небрежно прогуливаемся вокруг вокзала, пытаюсь вести себя нормально и гармонировать с другими пассажирами, хотя мое сердце колотится.

— Эш, смотри, — шепчет Ацелот, незаметно указывая на группу Люпинов, одетых в длинные бордовые куртки. Каждый из них несет ящик с печатью «ДЕСЯТЫЙ» на нем. Они направились вниз по лестнице к платформе шесть. Так вот откуда уходят поезда до «Десятого»? Один из Люпинов — женщина со снежно-белой гривой и естественными красными губы — смотрит в нашу сторону. Мы быстро отворачиваемся от нее.

— Давай убираться отсюда, — шепчу я, не желая здесь больше оставаться.

Мы спешим обратно на склад на западную сторону города, беря тот же маршрут, который мы использовали, чтобы добраться сюда. Я чувствую облегчение, когда мы подходим к хорошо-знакомому каналу, за пределами заброшенных складов, вдали от глаз Стражей.

— Я думаю, мы должны отправиться завтра на рассвете, — говорю я, и мы входим на склад. — Я не хочу сидеть здесь и долго ждать ...

Мы останавливаемся на подступе.

Минипорт исчез.

Завитки дыма спиралью поднимаются от затухающего костерка, который я соорудил ранее. Две брошенные банки фасоли лежат рядом с ним, вместе с моей синей сумкой. Содержимое валяется по полу — Марсель, должно быть, снова рылся в моих вещах. Рядом с моей сумкой кровавое пятно.

— Нет, — говорю я. — Затем громче, — нет, нет, нет, нет, НЕТ!

— Дерьмо! — Ацелот проводит рукой по своим волосам, запаниковав. — Он забрал Марса!

В глубине склада раздается стон. Мы направляемся по следам крови, которая змеится по земле. Капли крови становятся интенсивнее и интенсивнее, пока это не стабильный поток красного, который ведет за кучу ящиков.

Марсель ссутулился у стены. Рядом с ним находится кинжал из слоновой кости, покрытый кровью. Кожа мальчика блестит от пота, его губы призрачно-белые. На его рубашке алое пятно, чуть выше живота.

— Марсель! — Ацелот протискивается мимо меня и падает на колени. Он нежно укачивает своего брата на руках. Младший Бастет выглядит настолько маленьким, завернутый в руках своего брата.

— Что случилось? — спрашиваю я, прижимая рукой рану. Он мертвенно-холодный.

— Я уронил... мой кинжал в Минипорте... когда я свалился с сиденья до этого, — объясняет Марсель между рваными вздохами, каждое слово с усилием срывается с его дрожащих губ. — Я не мог найти его... Себастьян... он... он раздобыл его каким-то образом и высвободился.

Я могу представить себе эту сцену: Марсель, скучающий как всегда, просматривает мои вещи у костра, повернувшись спиной к Минипорту, даже не подозревая, что Себастьян достал кинжал из-под сиденья и использовал его, разорвав свои веревки. У парня не было шансов против опытной Ищейки. Судя по брызгам крови, Марсель, должно быть, получил один удар у Минипорта, потом его нагнали в этом углу склада и ударили снова.

— Прости, Эйс, — скрежещет Марсель.

— Мы собираемся позвать на помощь, — отвечает Ацелот, его глаза блестят. — Держись, брат.

Кровь Марселя просачивается сквозь мои пальцы и жжет ноздри. Я задерживаю дыхание, заставляя себя не дышать этим. Я чувствую, что пульс мальчика становится глуше под моими пальцами.

— Я умираю, — шепчет Марсель.

— Нет, ты не можешь, — говорит сипло Ацелот, моргая. Начинают падать слезы.

Марсель слегка улыбается.

— Ты всегда был ужасным лжецом, Эйс. — Он поглядывает вниз, на кровавое пятно на

его одежде. — Это же тоже была моя любимая рубашка...

Он вздрагивает и выпускает слабый вздох, последний в его жизни, оставленный ему. Его голова свисает. Низкий, мучительный вопль срывается с губ Ацелота, в то время, когда он прижимает своего брата к себе. Горе — это такая индивидуальная штука, и я чувствую себя, словно вуайерист, наблюдающий за его страданием. Я нежно пожимаю его плечо, потом встаю и иду на улицу.

Я нахожу место на берегу канала и встаю на колени, мою свои руки в холодной воде. Ленты крови спускаются по моей коже и танцуют на поверхности глубокой, голубой воды. Цвет напоминает мне темные крапинки в глазах Натали. Ноющая боль скручивает мою грудь, и я сижу, сложа руки, всасывая воздух рваным дыханием, но он едва ли заполняет мои легкие. Я не знаю, сколько еще дней я могу провести без нее. Если в намерение Гаррика входило мучить меня, захватив Натали, то это работает. Я разбит. Готов сдаться. Я сжимаю голову руками.

— *Где ты, Натали?*

12

НАТАЛИ

— ИТАК, КАК ИМЕННО мы собираемся украсть один из них? — спрашивает Дей.

Мы в самолетном ангаре повстанческой базы Стражей, где стоит флот Транспортеров. Несколько Транспортеров вылетают из тоннеля, посылая отряды Стражей-повстанцев на их следующие миссии, в то время как десятки солдат разгружают ящики с оружием из других самолетов. Они переносят их всю неделю.

Я рассматривала вариант пойти к моему отцу и попросить его помочь нам спасти Эша, но потом быстро передумала. Он должен получить разрешение от Командующего, и он уже высказал свое мнение по этому конкретному вопросу кристально ясно — он не хочет «впустую» бросать ресурсы на поиски Эша — и у меня нет времени, переубедить его в обратном. Мы должны добраться до Серого Волка, прежде чем Эш его покинет.

— Что более важно, кто будет управлять им? — спрашивает Дей. — Кто-нибудь знает, как пилотировать эти штуки?

— Гаррик умеет, но он нам не поможет, — говорю я. — Он потратил несколько недель, стараясь заманить меня сюда, он вряд ли позволит мне отчалить в Серый Волк, особенно с тех пор, как он кишит Стражами-гвардейцами. Моя мама содрала бы с него шкуру.

— А Роуч? — предлагает Элайджа.

Жук качает головой.

— Не вариант, приятель. Она не знает, как летать на них.

— Тогда кто? — спрашивает Элайджа.

Имя вдруг приходит на ум, и я щелкаю пальцами.

— Дестени!

* * *

Мы находим ее в командном центре. Она сама сосредоточенность и что-то вводит в интерактивный стол. Она одна в зале — я предполагаю, остальные все еще у Сигура. На цифровом экране позади нее карта Центрума. Я легко узнаю знаменитые, позолоченные здания и куполообразную крышу Цитадели из золота, где живет Пуриан Роуз. На карте

множество красных точек, плюс несколько областей выделены ярко-зеленым, в том числе и Цитадель.

— Вы планируете нападение на Центрум? — восклицает Дей, как только мы входим в комнату.

Дестени резко поднимает голову, вздрогнув.

— Господи боже, ребята, вы меня напугали до полусмерти! — Она выключает экраны, глядя на меня. — Ты не должна быть здесь, подружка.

— Собираетесь нападать на Центрум? — спрашиваю я.

— Вы знаете, я не могу сказать вам об этом, — сказала Дестени, кивнув головой.

Я немного ухмыляюсь. Она формально не говорит мне, и если она использует жесты вместо слов, так это не идет против приказа. Так вот почему они таскают все эти припасы на первый этаж, они готовятся к наступлению на столицу? Обидно, что отец не упомянул об этом мне, но опять же, зачем ему говорить мне? Я не один из его солдат, я просто его «маленькая девочка».

— Когда это произойдет? — спрашивает Жук.

— Мне не нельзя говорить, — отвечает она, шевеля пятью пальцами. *Пять дней.* Ух ты, все это может закончиться меньше чем за неделю. Это захватывающе и страшно одновременно, зная, что финальная битва скоро состоится. Она смотрит на меня.

— Ты что-то хотела, подруга?

— У меня есть крохотная просьба, — говорю я.

Она сужает свои карие глаза, переводя взгляд между мной и остальными.

— Почему я у меня такое чувство, что мне это не понравится?

— Мы должны попасть в Серый Волк, — говорю я. — Эш там и я собираюсь спасти его.

— Ты же знаешь, что я не могу, подружка, — сказала Дестени. — У нас есть...

— Приказы, я знаю. Но вот проблема: я не подчиняюсь приказам от людей, которых я не знаю, — говорю я. — Ты знаешь, кто этот Командующий?

Дестени хмурится, качая головой.

— Моя тетя не сказала мне.

— И все же мы должны слепо следовать за ним? — говорю я. — Я знаю, что многого прошу, но мне не к кому больше обратиться, Дес. Пожалуйста, помогите нам.

— Я не знаю... — говорит она.

— Если Эша схватят или он умрет, только подумай, сколько вреда это принесет восстанию, — я продолжаю, пытаюсь сменить тактику. — Я знаю, что Командующий не думает, что Эш является «стратегически важным», но он ошибается. — Жук и Дей кивают. — Ранее ты говорила, что новый режим Стражей нуждается в поддержке Дарклингов. Хорошо, представь, что будут думать Дарклинги...

— Или «Люди за Единство», — добавляет Жук.

— ...если они узнают, что Стражи-повстанцы отказали в помощи Фениксу, — говорю я. — Плюс, мы думаем, что Эш направляется за «Ора», и я знаю, что ты согласна, что нам следует искать его.

Показалось, что это возбудило ее интерес. Дестени кивает.

— Ладно.

— Ты идешь с нами? — спрашиваю я, ухмыляясь.

— Это то, что бы сделала моя тетя, — говорит Дестени, ссылаясь на Эмиссара Винсент.

— Она не боялась нарушать правила, если она верила, что это был правильный поступок. И лично я буду лучше спать ночью, зная, что Феникс здесь, в целости и невредимости.

Я обхватываю ее своими руками и крепко обнимаю.

— Спасибо!

Дестени хихикает.

— Не благодари меня пока, подружка. Мы должны еще выбраться отсюда.

На обратном пути к ангару, мы заскакиваем в наши комнаты, чтобы переодеться в свою гражданскую одежду. Я хватаю свои таблетки для сердца и черный мешочек со шприцами, который Доктор Крейвен дал мне, и кладу их в карман куртки, благодарная за то, что он предусмотрительно позволил мне самой управляться со своим лекарством. Я подозреваю, что он знал, что я пойду искать Эша в ближайшее время.

Собравшись в дорогу, я присоединяюсь к остальным, и мы делаем краткий пит-стоп у арсенала. Каждый берет пистолет, на случай, если мы попадем в какую-нибудь неприятность в Сером Волке, и следуем за Дестени в ангар. Мы уверенно идем через двор Дестени кивает нескольким солдатам, действуя, как будто ничего экстраординарного не происходит.

Я замечаю Люпина с розовыми волосами рядом с одним из Транспортеров, Сашу, ее комбинезон покрыт масляными пятнами. Мой пульс учащается. Если она заметит нас, тогда миссия закончится, не успев начаться. К счастью, она настолько сосредоточена на ремонте самолета, что не поднимает головы. Мы спешно минуем ее, идя к борту одного из Транспортеров. Внутри, самолет просто светится: я-только-что-сошел-с-конвеера. Мы садимся по местам.

— Ненавижу эти шутки, — ворчит Элайджа, нервно поигрывая золотым браслетом.

Я краснею. В первый раз, когда мы были на Транспортере вместе, меня вырвало на него.

— Я сижу спереди, — говорит Дей, перелезай через наши ноги. — Я хочу научиться летать на одном из этих красавцев.

Жук хлопает ее по заднице, когда она проходит мимо. Она садится на сиденье второго пилота, пока мы пытаемся устроиться поудобнее, хотя это трудно, когда меня так и распирает от нетерпения поскорее найти Эша. Рев двигателей оживает, следует рывок самолета, освобожденного от зажимов, и вскоре мы едем вниз по туннелю. Самолет вдруг поднимается, Дестени нажимает кнопку на панели управления, чтобы открыть охранные двери, блокирующие выход из тоннеля, и мы врываемся в дневной свет.

Город Галлии сверкает под нами металлической облицовкой зданий, похожей на монеты, рассыпанные на земле. А город не такой безобразный, как я сначала подумала. Это как в Блэк Сити — там красиво, если присмотреться.

— Как мы собираемся искать Эша, когда доберемся до Серого Волка? — спрашивает Элайджа. — Его послание нам сказало только, что он собирался в город, а не где он будет останавливаться. И мы до сих пор не обработали вторую часть его сообщения, о местном фейерверке. Где это?

Мое сердце ёкает.

— Я не знаю, — признаюсь я. Я надеюсь, что когда мы доберемся до Серого Волка, станет понятно, что он имел в виду.

Знакомый голос потрескивает из радио в кабине пилота.

— Дестени, это Генерал Бьюкенен. Немедленно возвращайтесь на базу.

Мой желудок подпрыгивает до горла. Им не понадобилось много времени, чтобы

сложить два и два.

— Натали, это твоя мама! — кричит из радио мамин голос. — Немедленно возвращайся, юная леди! Это...

Дей выключает радио.

— Упс, кажется, мы потеряли сигнал.

Она бросает взгляд на меня через плечо и ухмыляется.

— Спасибо тебе, — громко кричу ей сзади. Дей — настоящая подруга.

У нас уходит около трех часов, чтобы добраться до Серого Волка, хотя такое впечатление, что все сто. Жук и Элайджа перебирают всевозможные места для начала поиска Эша, Дестени дает Дей небольшой урок, как летать на Транспортере. Она схватывает очень быстро, но это и неудивительно. Дей великолепна во всем, кроме, пожалуй, выпечки. Я вспоминаю кривобокий торт, который она испекла мне на семнадцатилетие. Я встаю, вынужденная стряхнуть часть нервной энергии, и присоединяюсь к ним в кабину. Ветровое стекло заполнено стремительным голубым небом с облаками похожими на слойки с сахарной пудрой.

— Это так весело, Нат! — улыбаясь, поворачивается ко мне Дей, а в процессе этого случайно наклоняет джойстик своими руками. Транспортер сильно кренится вправо, и я издаю визг от страха за свою жизнь, цепляясь за ее сиденье.

Дей гримасничает и быстро корректирует положение самолета.

— Прости.

— Отличный полет, детка, — кричит Жук из пассажирского отсека позади нас.

— Я бы хотела посмотреть, как у него получится, — ворчит Дей.

Я отцепляюсь от ее кожаного сиденья и прислоняюсь бедрами к пульту управления. Я нервно кручу свое синее, бриллиантовое, обручальное кольцо.

— Ты в порядке, Нат? — спрашивает Дей.

— А что, если мы не найдем его? — говорю я.

— Найдем, — мягко отвечает она.

Дестени забирает управление, как только мы приближаемся к земле. Самолет наклоняется вправо, и передо мной открывается фантастический вид на Серый Волк через ветровое стекло. Гора Альба далеко вдаль, ее белая, снежная шапка выделяется на фоне бледно-голубого неба. Дестени сажает Транспортер в заброшенной северной части города. Мы вылетаем. Погода теплая, но с прохладным ветерком. Мы накидываем капюшоны, которые должны скрыть наши лица, и двигаемся в центр города.

В городе людская толча, от которой на меня начинается клаустрофобия. А потом на меня накатывает какое-то ужасное, щемящее чувство. Как же мне теперь найти Эша здесь? Мы поворачиваем за угол и замечаем отряд Жестянщиков в их фабрично-серой униформе, идущих с другой стороны. Толпа разделяется. Они маршируют вниз по улице в нашу сторону.

Мы срываемся с места, бежим в книжный магазин и укрываемся за стеллажом с книгами, прежде чем они поравняются с нами. Мы делаем вид, что рассматриваем полки, чтобы не вызвать слишком много подозрений у других клиентов, но в то же время бросаем осторожные взгляды в сторону окна. Практически везде висят государственные плакаты с лозунгами, вроде: «ОДНА ВЕРА, ОДНА РАСА, ОДНА НАЦИЯ ПОД ЕГО МОГУЩЕСТВОМ», а сквозь их просветы я вижу, как мужчины проходят мимо.

Как и гвардейцы в Галлии, они носят металлическую булавку в форме бабочки на груди. Они маршируют в ногу. Их лица ничего не выражают. Они проходят мимо уличного

торговца, который продает выдавшие виды фигурки, выложенные на тротуаре перед ним. Не нарушая своего шага, они растаптывают вдребезги эти фарфоровые фигурки. Продавец трясет кулаком им в спину. Мы выжидаем несколько минут, прежде чем отправиться на оживленную улицу, чтобы удостовериться, что они ушли.

— Так, где мы начнем поиски? — спрашивает Жук.

Я оглядываюсь по сторонам, в надежде получить какое-нибудь вдохновение, но не могу ничего придумать.

— Я не знаю, — бормочу я.

— Мы не можем продолжать бесцельно бродить, — говорит Дей.

— Я знаю! — говорю я, с постигшим разочарованием. — Но я не знаю, где он находится. Не похоже, что я на каком-то подсознательном уровне связана с ним.

— Эм... на самом деле, вы как бы так и связаны, — говорит Дей, поправляя свои очки на носу.

Я моргаю. Я не думала об этом, но Дей права — существует особая связь между мной и Эшем. Раньше, перед тем как мы начали встречаться, я часто находилась в тех же местах, где был он, например, под мостом, где мы впервые встретились. На тот момент я все списывала на совпадение, но теперь я не была так уверена. Я думаю, что это была наша связь, как Кровных половинок, которая заманивала меня к нему, подобно тому, как Луна влияет на приливы и отливы.

Я закрываю глаза и пытаюсь заглушить звуки вокруг, ориентируясь только на эхо стука сердца Эша, которое бьется внутри меня. Звук поначалу слабый, это словно тиканье часов, чем больше я слушаю, тем громче он становится, пока вдруг это все, что я слышу, как он стучит в ушах. Ба-бум, ба-бум, ба-бум. Я чувствую небольшое тянущее чувство в моей груди. Я открываю глаза.

— Сюда, — говорю я, указывая на улицу через дорогу, под названием Прокторский переулок.

У Дестени с Элайджей озадаченно вид, а Дей и Жук просто ухмыляются.

Мы мчимся через оживленную дорогу, не обращая внимания на рев гудков. Прокторский переулок — извилистая улочка, с домами, выложенными красным кирпичом, с цветущими, красочными весенними цветами в ящиках на окнах. Через несколько минут мы выходим к перекрестку, и я закрываю глаза, ожидая, что мое сердце подскажет куда идти. Оно слабо тянет влево, в сторону Колониальной улицы.

— Сюда, — говорю я.

Никто не жалуется на то, что мы пробираемся через лабиринты переулков более часа. Я начинаю чувствовать небольшую одышку и головокружение — мне, вероятно, не следует заставлять себя быть такой энергичной, потому что, может, лечение и помогает, но во мне еще есть вирус Разъяренных, и тело болит от нагрузок — но я спешу, так как полна решимости найти Эша. Элайджа бросает на меня несколько обеспокоенных взглядов, поэтому я выдавливаю улыбку, делая вид, что чувствую себя хорошо.

Мы проходим еще одну милю, и я начинаю беспокоиться, что веду их по ложному следу, в то время как мы доходим до большого канала возле заброшенного склада. Грустное выражение на лице каждого означает, что все думают об одном и том же.

— Может, нам стоит пойти обратно на Транспортёр, подружка, — любезно предлагает Дестени. — Мы можем перегруппироваться, а затем придумать план получше.

Я вздыхаю, кивая.

— Извините, ребята. Я действительно думала...

— Элайджа?

Мы все оборачиваемся. Недалеко, на тропинке, снаружи одного из складов стоит высокий парень Бастет с взъерошенными, каштановыми волосами и красивым, мальчишеским лицом, одетый в темные брюки и зеленую рубашку, с закатанными до локтей рукавами. Его руки и тело в грязи и крови. Мы виделись лишь однажды, но я сразу узнаю его.

— Эйс! — восклицает Элайджа.

Ребята мчатся навстречу друг другу, и Ацелот грубо хватает Элайджу, крепко его обнимая, прежде чем отпустить.

— Я так рад видеть тебя, брат — говорит Ацелот.

— Я тоже, — говорит Элайджа, оглядываясь. — Марсель здесь?

Улыбка сходит с лица Ацелота.

— Что стряслось? — спрашивает Элайджа.

Ацелот смотрит на кровь и грязь на его руках.

— Себастьян ударил его ножом. Он... — Ацелот делает глубокий вздох, явно пытаясь сдержать слезы. — Марс не выжил.

Элайджа опускает лицо, его челюсти сжимаются. Ресницы становятся мокрыми от слез.

— С Эшем все в порядке? — спрашиваю я с нарастающей паникой.

Ацелот кивает, ведя нас внутрь склада.

Эш приседает на землю, рядом насыпь из камней и грязи. Как и Ацелот, он весь в грязи и крови. Небольшой импровизированный крест торчит из камней. Наверное, под ними они похоронили Марселя. Эш вдруг застывает, прижимая руку к груди. Он оглядывается вокруг. Наши глаза встречаются. Эш моргает один раз, второй раз, похоже, он не может в это поверить.

— Натали...

— Привет, — говорю я мягко. — Я получила твоё сообщение.

Он бежит ко мне, сокращая разрыв между нами в несколько шагов, и обнимает меня. Его губы впиваются в мои. Поцелуй глубокий, отчаянный, изысканный, посылает мурашки электрического тока по моим венам и в мое тоскующее сердце. Я запускаю руки в его волнистые волосы, которые закручиваясь, наматываются вокруг моих пальцев, в то же время как его руки сжимают мою спину, притягивая меня ближе. Его запах окутывает меня: костра, мускуса и дождя. Я дома. Эш осторожно разрывает поцелуй. Его сверкающие глаза ищут мои, его большой палец гладит мою щеку.

— Я думал, что больше тебя не увижу, — говорит он хрипло. — Где ты была?

— В Галлии, — отвечаю я. — Нам столько нужно рассказать тебе.

— Как ты нас нашла? — спрашивает Эш.

Я опускаю руку ему на грудь.

— А как ты думаешь?

— Эй, братан, — раздается голос Жука.

Эш поднимает глаза. Его губы растягивает широкая улыбка, обнажив его сверкающие клыки. Я отхожу в сторону, и ребята быстро обнимаются. Рядом неловко стоит Дей. Ей никогда не удавалось подружиться с Эшем, но они терпят друг друга.

Элайджа идет к груде камней, пока я представляю Дестени Эшу и Ацелоту. Мы присоединяемся к Элайдже у могилы Марселя, и Ацелот проводит короткую, но красивую поминальную службу. Я бросаю взгляд на Эша, который чуть заметно кивает головой,

понимая невысказанный вопрос в моих глазах, прежде чем я провожу пальцами по Элайдже. Он цепляется за мою руку и слезы текут по его щекам. Это первый раз, когда он плачет после ухода из Виридиса, горе, наконец-то, накрывает и его. Я сомневаюсь, что слезы только из-за Марсея, они из-за всех, кого он потерял за эти последние несколько недель. Я не знаю, как он держал это все в себе.

В конце службы мы по традиции культуры Бастетов кладем безделушку на могилу Марсея. Мы должны положить то, что есть под рукой. Эш оставляет свою зажигалку, пока я рву шапки одуванчиков и аккуратно раскладываю их сверху по поверхности всех камней. Мягкий ветер шевелит семена одуванчиков, разбрасывая их в воздух.

Похороны окончены, Эш хватает свою синюю сумку, которая запятнана кровью Марсея, и мы возвращаемся Транспортёр Дестени в северной части города. Элайджа держится в конце группы. Эш целует мою руку, а затем подходит к нему.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— На самом деле нет, — говорит Элайджа. — Мы с Марсом ненавидели друг друга, но я никогда не желал ему смерти. Он был моим братом.

Эш кладет руку на плечо Элайджи и ободряюще сжимает. Они идут в молчании несколько шагов.

— Спасибо, что ты поехал с Натали, когда Гаррик забрал ее, — говорит Эш.

Элайджа пожимает плечами.

— Да это было не сложно.

— Твоя правда, — говорит Эш. — Но тебя могли убить, а ты все равно поехал.

Элайджа слабо улыбается.

— Я понял, что задолжал тебе после того, как ты сделал такую штуку в Виридисе: если-двинитесь-то-получите-оба-пулю.

Эш, слегка посмеиваясь, чешет затылок.

— Да? Ну ладно. Значит, в расчете? По рукам? — Эш протягивает руку. Элайджа секунду колеблется, а затем пожимает ее.

— По рукам — говорит Элайджа.

На нашем обратном пути к Транспортёру, мы рассказываем все, что случилось. Эш держит меня за руку все это время, как будто он боится, что я вновь исчезну, если он отпустит ее. Его челюсть сжимается, когда я говорю ему о базе Стражей-повстанцев в Галлии, об их плане нападения на Центрум, о моих родителях и их причастности к моему «похищению».

— Они забрали тебя от меня? — спрашивает он тихо. — Почему?

— Они беспокоились о моей безопасности. Страна в хаосе, и они просто хотели защитить меня своим дезинформированным контролирующим способом. Я все, что у них осталось, Эш. — Я опускаю ресницы. — Плюс, они думают, что ты плохо на меня влияешь. — Я смотрю вверх, и успеваю увидеть вспышку боли на его лице. — Они просто не знают тебя так, как я.

Он чуть улыбается.

— Так они собираются напасть на Центрум, да?

Я киваю.

— Через пять дней. Повстанческое движение очень впечатляет, Эш — тебе нужно увидеть все оружие, которое у них есть. Пистолеты, гранаты, ракеты, целый флот Транспортёров. Мы и мечтать о таком не могли.

— Мы отлично справлялись, — Жук бормочет рядом со мной.

— Я не пытаюсь принизить наши заслуги, — отвечаю я. — Я просто говорю, что у них гораздо больше оружия, чем у нас. Нам повезло, что есть Стражи-повстанцы.

— Так «Люди за Единство» участвуют в атаке? — спрашивает Эш.

Жук пожимает плечами.

— Вряд ли нас введут в курс, братан. Но я подозреваю, что нет.

Эш и Жук обмениваются понимающим взглядом, и мои щеки начинают гореть. Почему я вдруг опять чувствую себя так, как несколько месяцев назад, когда я застряла посередине между «Людьми за Единство» и Стражами?

— Сигур спасен, — говорит Дей, быстро меняя тему.

Я на одном дыхании обрисовываю ему детали, и напряженность в теле Эша испаряется.

— Слава Богу, — бормочет он.

— И Натали лечат от вируса Разъяренных, — добавляет Элайджа по мере приближения к Транспортёру, припаркованному на пустыре.

Голова Эша резко поднимается и его черные глаза сверкают надеждой.

Я достаю мешочек со шприцами из кармана куртки.

— Меня еще не вылечили, но Доктор Крейвен сказал, что прогноз хороший. Я просто должна принимать лекарство каждый день.

Эш притягивает меня к себе и нежно обнимает мое лицо, покрывая меня, легкими, как перышки, поцелуями по щекам, губам и векам, отчего мою кожу покалывает, где его губы касаются меня. Он улыбается, немного показывая клыки.

— Думаю, мне следует поблагодарить твоих родителей. Никогда не думал, что буду говорить такое.

— Как насчет вас, ребята? — спрашивает Дей.

— Мы выяснили, куда ушли тетя Люсинда и остальные, — говорит Эш.

— Куда? — спрашивает Элайджа.

— К Горе Альба, — говорит Эш. — Я уже потом понял, когда увидел тот гобелен в посольстве Бастетов, на котором была изображена Гора Альба до извержения, и угадайте что? Это был этот пик в форме когтя.

— Коготь! — произношу я, начиная понимать.

Он кивает.

— У неё не только нужная форма, но и расположение — рядом с Янтарными Холмами...

— Подождите, разве это не то место, где твоя мама и тетя выросли? — спрашиваю я, вспоминая как Эш рассказывал мне об этом несколько недель назад в поезде в Бесплодных землях.

— Да, — отвечает он. — Я думаю, что Гора Альба и есть то место, где они спрятали «Ора». Все сходится.

— Но Гора Альба в «Десятом», — говорит Дей.

— Это объясняет, почему я ничего не слышал о моей маме уже несколько недель, — бормочет Элайджа. — Должно быть, они схватили ее.

— Но как же мы найдем их? — спрашивает Дей. — Территория громадная.

— Если это что-то типа лагеря, как в Бесплодных землях, то у них должен быть регистрационный офис со списком всех заключенных, — говорю я.

— Он должен сообщить нам, в какие бараки они были отправлены.

— Эй, ребята, вы, же не серьезно говорите о походе в «Десятый», да? — спрашивает Дестени.

— Еще как серьезно, — говорю я. — Мы должны спасти маму Элайджи.

— И мою тетю Люсинду и Кирана, — добавляет Эш. — Я не оставлю их там.

— Но ты даже не знаешь наверняка, что они в «Десятом», — говорит Дестени.

— Мы нагрянем регистрационный офис. Если их не будет в списке, тогда мы уйдем, — говорю я. — Регистрационные офисы обычно стоят возле въездных ворот. Нам даже не придется слишком далеко заходить в лагерь.

— Вы сумасшедшие, если думаете, что я собираюсь позволить вам провернуть это, — говорит Дестени.

— Я не спрашиваю твоего разрешения, Дес, — отвечаю я твердо. — Мы собираемся туда с твоей помощью или без. Если ты не пойдешь с нами, я пойму.

Она смеется.

— Да неужели, детка! Мне уже грозят большие неприятности. А как ты думаешь, что мной сделают твои родители, если я вернусь к Галлию без тебя? Они меня пристрелят, вот что. — Она вздыхает и снимает свои пузатенькие черные военные часы, передавая их мне. — В них есть GPS и чип слежения. У меня будет возможность следить за вашим перемещением по монитору в Транспортере. Когда вы добудете то, что вам нужно, нажми эту кнопку. — Она указывает на небольшую красную кнопку на боковой стороне корпуса. — И я заберу вас.

Я обнимаю ее.

— Спасибо, Дестени.

Она выпускает тяжелый вздох, бормоча:

— Мне все равно никогда не нравилось быть солдатом.

— Итак, как нам попасть внутрь «Десятого», есть предложения? — спрашивает Дей.

— Да, такие же, как и всегда, — говорит Эш. — Мы сядем на поезд.

ЧАСТЬ 2 ДЕСЯТЫЙ

13

ЭШ

МЫ ДОЖИДАЕМСЯ НАСТУПЛЕНИЯ СУМЕРЕК, что бы начать наши приготовления к отправке в «Десятый». Жук и Дей сидят на полу Транспортера, скрестив ноги по-турецки, и в тишине чистят свои пистолеты. Их движения синхронизированы, выражение их лиц жесткие и сосредоточенные — они выглядят, как солдаты готовые идти в бой. Дей заплела свои длинные, черные волосы обратно в косу практически обнажая карамельную кожу ее шеи. На ней есть тонкий шрам, от пули, задевшей ее. Как близко они оба были к смерти за эти последние несколько недель? Жук, почувствовав, что я смотрю, ухмыляется.

— Братан, я знаю, что я симпатичный, но достаточно выкатывать на меня глаза, ладно? Я смеюсь.

— Кто-то о себе большого мнения.

На скамейке рядом с ними, Элайджа спокойно разговаривает с Ацелотом. Ацелот ободряюще положил руку на плечо Элайджи, но он явно изо всех сил старается сдержать слезы. Элайджа кивает изредка, его взгляд сосредоточился на золотых браслетах вокруг его запястьев.

Ацелот смотрит на браслеты.

— Зачем тебе это? Папы больше нет, а ты больше не слуга.

Элайджа пожимает плечами.

— Вообще-то, слуга. Я служу Консулу. То есть тебе...

— Ты знаешь, я всегда считал, что у нас слишком много слуг. — Ацелот снимет одни из браслетов и одевает на собственное запястье. Он усмехается и братья обнимаются. Я отворачиваюсь и направляюсь в кабину пилота.

Натали сидит ко мне спиной и смотрит в монитор на панели управления. Дестени сидит в кресле пилота рядом с ней.

— Это я? — спрашивает Натали, играя с GPS-часами на ее запястье.

— Конечно, подруга, — отвечает Дестени. — Помни, просто нажми на красную кнопку сбоку часов, когда вы захотите, чтобы я прилетела и забрала вас.

Я обвиваю руки вокруг талии Натали, и она издает легкий вздох восторга.

— Ты не возражаешь, если я украду свою невесту на какое-то время?

Я увожу Натали в корпус самолета. Она прислоняется к металлическому корпусу и цепляется пальцами за петли моего ремня, привлекая меня к себе. В эту секунду я забываю всё, что хотел сказать. Я всегда чувствую себя одурманенным рядом с ней. Она всматривается в меня. В уголках ее глаз все еще присутствует слабый оттенок желтого — признак вируса Разъяренных. Поверить не могу, что я был так слеп и ничего не замечал, когда она заболела... У меня сбивается дыхание и замирает сердце от мысли, что у нее вирус. Ее лечат, но она все еще больна.

— Все в порядке? — спрашивает она.

— Да, — шепчу я. — Тебе нельзя со мной в «Десятый», блондиночка. Это опасно. Очень велика вероятность того, что нас убьют.

Натали улыбается, в её глазах появляется дерзкий блеск.

— С каких пор это останавливало меня?

— Это правда, — говорю я. — Это одна из многих причин, почему я люблю тебя.

Ее пальцы играют с петлями моего ремня.

— Да? А какие другие?

Я прижимаю ее ближе к себе.

— Ммм, дай-ка подумать. Ты добрая и храбрая, и умная, и ты ненавидишь, когда тебе указывают, что делать. — Она слегка краснеет. — Но больше всего я люблю тебя за эти малюсенькие веснушки прямо здесь, — говорю я, указывая на веснушки у неё на шее.

Она хихикает, когда я опускаю голову и слегка целую ее шею. Ее пульс трепещет под моими губами, и яд наполняет мои клыки. Она вздыхает, когда я мягко кусаю ее кожу, осторожно, чтобы не повредить поверхность. Дей внезапно кашляет позади нас, и мы отстраняемся. Щеки Натали покраснелись, я уверен, что и мои тоже. Я обернулся, чтобы посмотреть на остальных. Жук и Дей стоят рядом, небольшие точечные светильники в потолке танцуют польку белым светом на их коже. Они засовывают недавно почищенное оружие в кобуру на бедрах. Позади них, Элайджа завязывает свой шнурок, а Ацелот сморкается в платок с монограммой. Дестени по-прежнему в кабине пилота, ее рука лежит на оружии, поскольку она всматривается в ветровое стекло для предотвращения любых признаков неприятности.

— Если вы хотите вернуться, то сейчас самое время это сделать, — говорю я.

Жук хихикает.

— Кто-то должен прикрывать твою спину, приятель.

— И кто-то должен наблюдать за ним, — говорит Дей. Он криво ей ухмыляется.

Элайджа встает.

— Я не останусь здесь, когда мама в «Десятом». Я ей нужен.

Я смотрю на Ацелота.

— Я всегда любил приключения, — говорит он.

— Спасибо, ребята. — Это рискованное предприятие, но я благодарен за их поддержку.

Мы собираем наше оружие и застегиваем наши куртки с капюшонами. Натали сует свои сердечные препараты и черный мешочек со шприцами в один из ее карманов. Я наблюдаю за ней с восхищением. Несмотря на болезнь, она все еще хочет бороться. Когда мы готовы, Дестени открывает люк, и мы сходим с Транспортера. Ночной воздух прохладен и звезды мерцают над головой. Натали берет меня за руку и нервно смотрит на меня. Я целую ее в щеку.

— Пойдем, — говорю я.

* * *

На станции до жути тихо, когда мы крадучись идем по терминалу, который освещается только бледным светом луны, пробивающимся сквозь арочные окна. Я пробираюсь вниз по железной лестнице, которая выходит к платформе шесть.

На платформе темно, кроме нескольких участков янтарного света, отбрасываемого масляными фонарями, висящими на проводах над головой. Тени предлагают нам много места, для того чтобы быть незамеченными. Поезд стоит на рельсах дальше у платформы, товарные вагоны набиты арестантами вместо домашнего скота. Их руки торчат между деревянных реек. Они просят воды. У противоположного конца поезда группа Стражей-гвардейцев грузят десятки белых мешков в один из вагонов. На мешках написано: «ПРАЧЕЧНАЯ СЕРЫЙ ВОЛК». Мы быстро ныряем под лестницу, прежде чем гвардейцы смогут увидеть нас.

— Нам нужно попасть в этот вагон с прачечной, — шепчу я.

— Как мы собираемся добраться туда незамеченными? — спрашивает Натали.

Будет трудно проникнуть на поезд сейчас, не будучи замеченными, поскольку поезд находится слишком далеко от нас, и нет людей на платформе, чтобы смешаться с ними.

— Нам придется запрыгнуть на него, когда он будет проезжать мимо нас, — говорю я.

Дей с тревогой смотрит на Жука, но он лишь сжимает ее руку.

Мы остаемся в тени, ждать нужного момента. Когда гвардейцы загрузили все мешки из прачечной в поезд, они потащились вверх по лестнице на другой конец платформы. Только начальник станции остался позади. Он дает свисток, и поезд готовится к отправлению. Пар клубится из трубы дымохода, и я жду, что начальник станции уйдет, но вместо этого он вынимает пачку сигарет и прикуривает. Поезд дергается вперед и все заключенные начинают кричать.

— Он не уходит, — говорит Натали себе под нос.

Я смотрю на охранника. *Ну, уходи!* — убеждаю его я.

Он делает глубокую затяжку сигареты, струйки белого дыма по спирали поднимаются в воздух. Поезд начинает катиться в нашу сторону, набирая скорость.

— Что нам делать? — спрашивает Натали.

Просто бежим! — кричу я мысленно.

Вагоны просвистывают мимо нас, шевеля мои волосы. Крики заключенных сливаются в одно размытое пятно шума, поезд едет все быстрее и быстрее. Прачечный вагон почти рядом с нами.

Наконец, начальник станции направляется в свой офис.

— Сейчас, — говорю я.

Я пересекаю платформу, прыгаю на движущийся поезд, ухватившись руками за деревянные перекладки. Мое тело ударяется об вагон, и я ворчу от боли, поднимаясь на крышу вагона. Холодный воздух ударяется в меня, но мне удается удержать равновесие. Натали бежит к поезду, и я наклоняюсь, чтобы схватить ее руку и подтянуть ее наверх. Она падает в мои объятия. Вагон ужасно качается, и мы скользим по крыше, но я успеваю схватиться за ручку аварийного люка, прежде чем мы свалимся с поезда. Я ставлю нас в вертикальное положение, в то время как Ацелот и Элайджа изящно прыгают на крышу. Они, кажется, не имеют никаких проблем с поддержанием равновесия, их хвосты, должно быть, помогают им, и они быстро помогают Дей с Жуком забраться на крышу.

Я открываю аварийный люк, и мы прыгаем внутрь вагона, наше падение смягчают холмики ткани. Элайджа прыгает последним в вагон, и захлопывает за собой люк. Я роюсь в мешках прачечной, вытаскивая одежду. Большинство это — красно-бело-полосатые робы, которые, должно быть, для новых заключенных. Я вскрываю еще один мешок и выпускаю торжествующий вопль. Мешок заполнен униформой Стражей-гвардейцев. Я достаю пять комплектов униформы для других.

— Наденьте это, — говорю я.

Девочки идут в другой конец вагона и укрываются за стеной прачечных мешков, когда переодеваются. Ребята раздеваются без смущения, Жук пытается надеть штаны во время покачивания поезда, комично прыгая на одной ноге. Я переодеваюсь как можно быстрее, игнорируя, как Ацелот смотрит на ожоги верхней части моего тела. Девочки возвращаются минуту спустя, одетые в свои черные мундиры. Маскировка не надежна, но все равно будет ночь, когда мы прибудем в лагерь, поэтому люди не должны рассмотреть наши лица. Мы разваливаемся среди мешков белья, я обнимаю Натали, в то время как Дей прижимается к Жуку.

Элайджа с опаской смотрит наверх, на люк.

— Здесь же нет никаких Разъяренных, не так ли?

В последний раз, когда мы были вместе в поезде, путешествуя через Бесплодные земли, три Разъяренных — Дарклинги, превратившиеся в диких из-за смертельного Вируса Разъяренных C18, проникли в вагон через аварийный люк на крыше, и напали на всех.

— Только я, — говорит Натали, слегка улыбаясь.

Элайджа морщится.

— Прости.

— Кажется, однако, что я слышал ворону, — дразню я его, вспоминая, что у него патологический страх перед птицами, вспоминая, как он испугался, когда был в том же поезде, и что-то промелькнуло мимо окна, а он подумал, что это кондор.

— Что? Где? — спрашивает Элайджа, его глаза полны паники.

Я ухмыляюсь.

Он хмурится.

— Не смешно.

Ацелот хихикает.

— Немного смешно, брат.

Смех быстро стихает, наши нервы на пределе. Единственный звук — холодный ветер, врывающийся через решетки вентиляции на стенках вагона. Натали прижимается ближе ко мне, слегка дрожа. Я еще крепче обнимаю ее.

Я не знаю, как долго мы в поезде — такое ощущение, что несколько часов, но, наверное, не более сорока минут — прежде чем раздается визг тормозов, и поезд замедляется. Я встаю и всматриваюсь через щели в стене. Все, что я вижу — это длинная бетонная стена, похожая на стену в Блэк Сити, но эта, кажется, тянется вечность. На стене написано большими, черными буквами: «ЕГО МОГУЩЕСТВО ВИДИТ ВСЕХ ГРЕШНИКОВ». Целый хор крика звучит из других вагонов, когда поезд со скрежетом останавливается.

Мы на месте.

Снаружи поезда какофония шума: лай собак, стук шагов, хаотичные выкрики Стражей-гвардейцев друг другу. Прожекторы с ближайших вышек освещают поезд, но кругом черным-черно. Если мы сможем сойти с поезда и не быть пойманными, мы должны быть в состоянии уйти незамеченными.

Гвардейцы рывком открывают двери поезда, и заключенные буквально вываливаются из него, вагоны настолько переполнены. Сотни Дарклингов, людей и Бастетов валяются на грязном полу. Другие же, в то время, спотыкаются об них, не желая получить пулю, задерживаясь в вагоне слишком долго. Все выглядят растерянными и испуганными, они так и льнут друг к другу.

Молодая женщина с золотисто-каштановыми волосами тяжело падает на землю. Она одета в желтое, национальное платье, а в руках у нее маленький мальчик с кудрявыми, черными волосами. Ему не более двух лет. Они немного напоминают мне Жизель и Лукаса, двух Даков, которых мы встретили во Фракии. Стоит только вспомнить о Жизель, девушке, которую я случайно застрелил при попытке убить Люпина по имени Джаред, как меня накрывает волной чувство вины. Судя по внешнему виду, женщина и ее сын тоже Даки. Я не удивлен, что и они здесь: Даки тоже входят в список Скверны Пуриана Роуза, наряду с Дарклингами, Бастетами и любыми другими людьми, которых считают предателями расы.

— Вставай! — кричит женщина, Страж-гвардеец с черными волосами, тыкая пистолетом в молодую женщину Дака, обнимающую мальчика.

Женщина слишком напугана, чтобы двигаться, и слезы текут по ее бледным щекам.

— Пожалуйста, произошла ошибка. Он всего лишь мальчик, ребенок. Он не должен быть здесь.

Гвардеец нажимает на курок раз, второй, убивая их. Я ударяюсь спиной о противоположную стену вагона. Я ненадолго закрываю глаза, в то время как запах их крови щиплет ноздри.

— Каждый хватайте по мешку с бельем, — говорю я.

Они все подбирают по белому мешку, пока я выглядываю между рейками двери вагона. Заключенные расставлены в два ряда: молодые и здоровые становятся в первый ряд, а больных, травмированных и старых, ставят во второй ряд. Я могу только предположить, что половина из них будет отправлена в Примас-Два — работать на заводах, а остальные будут отправлены в Примас-Три, где на них будут ставить эксперименты и они будут уничтожены. Сейчас наш лучший шанс выбраться, пока гвардейцы не начнут выгрузку белья и найдут нас.

Я тихо, скользящим движением открываю дверь, потом подбираю мешок из прачечной,

кладу его на свое плечо так, чтобы он скрыл часть моего лица. Я выхожу из вагона, мой пульс учащается. Остальные выходят следом за мной. Мы идем в сторону главных ворот, мимо черноволосой женщины-гвардейца.

— Эй, ты, — говорит она.

Лед сковывает мои вены.

— Да? — проворчал я за мешком из прачечной.

— Отнеси эти мешки на склад, понял? — говорит она. — А не просто свали их в грязь на улице как в прошлый раз.

— Конечно, — хрипло отвечаю я и продолжаю идти дальше. Я рискую заглянуть через свое плечо, и Натали ловит мой взгляд. Она выглядит окаменевшей. Рядом с ней находятся Жук, Дей, Элайджа, а затем Ацелот. Звуки выстрелов звучат справа от меня, заставляя вздрагивать. Другой заключенный падает на землю.

Мы держимся в тени по мере приближения к входу в "Десятый". Бетонная стена около тридцати футов высотой, с колючей проволокой сверху. В интервалах по пятьдесят футов на стене расположены сторожевые башни, в каждой из которых сидит два гвардейца, вооруженные автоматами, нацеленными на заключенных, которые только что сошли с поезда. Каждую минуту или типа того ночное небо озаряется вспышками пульей, подобно метеоритному дождю, падающему на заключенных, убивая любого, кто попытается сбежать, в то время когда они окружены и сгоняются в лагерь. Я не оглядываюсь назад, не желая видеть разруху, но воздух насыщен запахом крови.

Страж гвардеец с немецкой овчаркой патрулирует стену рядом с главным входом — огромными, коваными воротами с тернистыми, металлическими розами, скрученными вокруг решеток. Это не то, что я вообще ожидал, они похожи на тот тип ворот, которые вы бы увидели на кладбище. Собака рычит и огрызается на Элайджу и Ацелота, когда мы подходим к входу. Рука Элайджи ненавязчиво тянется за пистолетом на поясе. Я тянусь за своим. Охранник дергает собачий поводок.

— Что с тобой, Макс? — спрашивает гвардеец у собаки и тащит ее прочь.

Ворота распахиваются, и мы проходим через них. Длинный, мощеный проспект, достаточно широк для проезда грузовиков, приводит в город через несколько сотен метров. По обеим сторонам проспекта тянутся ряды деревянных крестов, каждый десяти футов в высоту, такие же, как тот, к которому я был пригвожден во время моей неудачной казни. На каждом кресте висят гниющие трупы Дарклингов и людей, их изодранные одежды развеваются ночным ветерком. Запах стоит ужасающий. Я могу только предположить, что они здесь как предупреждение, чтобы заключенные не доставляли никаких хлопот.

— О Боже, — задыхаясь, выдохнула Натали.

Я отрываю глаза от распятий, и мы вшестером шагаем по проспекту в сторону города. Живописная вывеска гласит: «ПРИМАС-ОДИН». Месяц назад, Гаррик показал нам спутниковую карту «Десятого», и если мне не изменяет память, лагерь состоит из трех городов: Примас-Один, Примас-Два и Примас-Три. Примас-Один — базовый лагерь, где все новопривывшие будут зарегистрированы и оценены. Те, кто имеют право работать, направляются Примас-Два, в южной части лагеря. Остальные отправляются Примас-Три для экспериментов или уничтожения.

Я то и дело рискую взглянуть на сторожевые башни на стене, но гвардейцы сосредоточены на заключенных из поезда, а не на нас. Хотя сейчас ночь, я могу разглядеть вдали очертания Горы Альба, по прозвищу «Коготь», которая вырисовывается на фоне

звезд. Вулкан примерно два километра в высоту и несколько километров в ширину, а его когтеобразный пик сейчас выглядит, как глубокий подковообразный кратер, благодаря извержению несколько десятилетий назад.

Мы приходим на большую площадь. В центре городской площади — пик церковного шпиля, утыканный острыми иглами, торчащими из земли наподобие современной скульптуры. Лавина вулкана, должно быть, похоронила большую часть старого города. Вокруг площади стоят несколько уродливых, офисных зданий. Несколько гвардейцев патрулируют улицы, однако здесь тихо, потому что некоторые надзиратели спят, а заключенные находятся в Примас-Два или Три.

— Которое из этих зданий офис регистрации? — спрашивает Жук приглушенным голосом.

Мы оглядываемся. Позади нас Стражи-гвардейцы почти довели заключенных до проспекта. Когда заключенные видят распятия, они начинают рыдать. Справа находится большое трехэтажное здание. Свет в нем горит в одной из комнат на первом этаже.

— Должно быть это, — говорит Натали.

Мы спешим вниз по переулку к соседнему зданию, сбрасывая мешки из прачечной по пути. В задней части здания находится большая парковка, заставленная военными грузовиками. На некоторых из них на боку напечатан номер 2, на других — 3, и я предполагаю, что из себя будет представлять городок, когда заключенные будут приняты и зарегистрированы. В грузовиках не наблюдается никаких водителей — они, должно быть, сидят внутри, в тепле, пока не пришло время везти заключенных в их новые дома. Почти весь свет в здании выключен. Мы всматриваемся в окна, в поисках архива. Дей останавливается возле одного из окон.

— В этой комнате множество шкафов, — шепчет она.

Я осторожно открываю окно, и мы залезаем внутрь. В центре комнаты стоит длинный интерактивный стол. Я его включаю, но он сразу же требует ввести пароль. Я выключаю его. Нам придется сделать это по старинке. Я с силой открываю один из запертых ящиков, чтобы найти стопку файлов внутри в алфавитном порядке. Их тысячи, что удивляет меня, учитывая, что «Десятый» официально функционирует только после голосования, которое прошло всего несколько недель назад. Пуриан Роуз, должно быть, тайно открыл лагерь раньше.

Я открываю один из документов. Внутри фотография заключенной — женщина Дарклинг по имени Тельма Гривс, тридцати двух лет, разновидность Нордин, идентификационный номер 0000458712, лаборатория 6, Примас-Три. Штемпель «МЕРТВА» красные буквы которого перечеркивают собою весь документ. Я убираю файл обратно и перехожу к другим.

— Мы ищем Люсинду Кумбус и Иоланду Теру...

— Филлион, — исправляет Элайджа. — Мама была папиной любовницей, не женой. Только я взял его фамилию, потому что это традиция в нашей культуре.

Никто из нас не знает, какая фамилия у Кирана, поэтому мы не сможем найти его.

— Мы должны искать и Эми, — произносит Дей. Она говорит о нашей подруге Эми Джонс. — Я думаю, что Страж забрал ее сюда, после того как они убили Стюарта.

Жук помогает мне с поиском файла Люсинды в ящике «К», Натали и Элайджа взяли ящик «Ф», а Ацелот и Дей ищут файл Эми в «Д»-ящике. У меня нет проблем со зрением в лунном свете, но остальные явно пытаются прочитать файлы.

Дей издает разочарованный вздох.

— Я не могу найти в каталоге Эми.

— Это же хорошо, верно? — говорит Натали. — Может она сбежала?

Жук смотрит на меня. Или, может быть, Эми умерла до того, как она попала сюда.

Звук шагов приближается к двери и все замирают. Жук достает пистолет и мягко взводит курок, направив его в сторону двери. Я жду, мое сердце отсчитывает несколько секунд: одна, две, три, четыре. Охранник проходит мимо двери. Я выдыхаю. Мы продолжаем поиск.

— Вот, — говорит Натали возбужденным шепотом, передавая файл Элайдже.

— Это мама! — говорит он. — Ее держат в лаборатории семь, в Примасе-Три.

Натали начинает закрывать ящик, а потом останавливается. Между ее бровями формирует складка. Она открывает ящик снова и достает документ.

— Ага! — говорит Жук рядом со мной, обращая на себя мое внимание. Он держит файл.

— Люсинда Кумбус, лаборатории семь, Примас-Три.

Есть большая вероятность, что Киран был сослан туда же. Это такое облегчение знать, что они все еще живы, хотя если они в научной лаборатории в Примас-Три, они недолго будут там.

— Пойдем, — шепчу я, протягивая руку в сторону Натали.

Она по-прежнему держит документ, ее лицо бледное. Слезы появляются в ее голубых глазах.

— Что это? — спрашиваю я.

— Мне так жаль, — шепчет она, передавая мне файл.

Я открываю его. Фото седовласого, немолодого мужчины внимательно смотрит на меня. Слово «МЕРТВ» проштамповано поперек документа. Я отшатываюсь назад, бросаю файл на пол.

Этот мужчина на фотографии — мой отец.

14

НАТАЛИ

ЭШ ПАДАЕТ НА КОЛЕНИ и содержимое файла его отца, разлетается по полу переминим. Он зажимает рот руками, пытаюсь сдержать вой, угрожающий сорваться с его уст, зная, что он не может шуметь, не здесь, не сейчас. Я знаю, что он чувствует; он берет всю свою волю в кулак, чтобы сдержать крик, который ползет вверх по горлу, как паук.

Я становлюсь на колени, сминая бумаги под ними, и обнимаю. Он зарывается лицом в мои волосы и издает страдальческий вопль, не в силах сдерживать себя больше, звук заглушается моими кудрями. Он отчаянно цепляется за меня пальцами, всем телом содрогаясь от горя.

— Мне так жаль, — шепчу я, снова и снова, и слезы катятся по моим щекам.

Жук поднимает упавшую фотографию, и лицо его бледнеет.

— Это его папа, — бормочет он.

Дей задыхается.

— Боже, — бормочет Ацелот.

Из того, что я прочитала на титульном листе, Гарольд попал в плен две недели назад и был доставлен в одну из лабораторий в Примас-Три. Он умер три дня назад от полной функциональной недостаточности органов. Какие, должно быть, ужасные эксперименты они делали с ним, если они привели к тому, что все органы отказали. Что они здесь делают?

Слышно через открытое окно, что снаружи, завелся двигатель грузовика. Стражи-гвардейцы возвращаются к своим автомобилям на парковке, готовые доставить первую партию пленных в бараки.

— Нам нужно уходить, — тихо говорит Элайджа.

Я не знаю, как мы собираемся увести отсюда Эша. Я не уверена, что он может стоять.

— Эш? — шепчу я, поглаживая его шелковистые волосы. — Ты в состоянии двигаться дальше? Дестени может забрать нас.

Он делает глубокий вдох, его щеки блестят от слез.

— Я должен забрать свою тетю.

Эш встает и забирает фотографию у Дей. Он засовывает ее в карман штанов и выбирается из окна. Я поспешно собираю разбросанные на полу бумаги и засовываю их в ближайший шкаф, и после мы следуем за ним. Эш ждет нас в переулке. На расстоянии приблизительно в пятьдесят футов, черный вход офиса регистрации открывается, и первые заключенные, сопровождаемые несколькими вооруженными гвардейцами, идут через парковку на противоположный конец стоянки к ожидающему грузовику, отмеченному цифрой 2.

— Мы должны сесть на один из этих грузовиков, — указывает Жук на ближайшие к нам транспортные средства, отмеченные цифрой 3.

— Как мы сядем туда? — шепчет Дей.

Мгновение спустя полный, среднего возраста Страж-гвардеец выходит из офиса регистрации и идет к одному из грузовиков, крутя ключами вокруг левого, указательного пальца, в другой руке он держит сигарету. Он насвистывает веселую мелодию себе под нос. Мы крадемся по тени, чтобы он не заметил нас. Круглолицый гвардеец подходит со стороны водителя к одной из черных машин, которая находится ближе всего к нам.

Прежде чем я осознаю, что происходит, Эш уверенно шагает к мужчине. Мое сердце подпрыгивает. Что он делает! Эш хлопает гвардейца по плечу.

— Есть прикурить? — спрашивает он.

Круглолицый охранник поворачивается, улыбаясь.

— Конечно.

Улыбка сползает с губ мужчины. Эш зажимает ему рот и толкает в сторону грузовика, прежде чем мужчина успевает позвать на помощь. Он вонзает свои клыки в шею гвардейца. Мужчина борется с Эшем, роняя при этом ключи, но его сопротивление не идет ни в какое сравнение с силой Полукровки. Я подбегаю к ним и хватаю Эша за руку, оттягивая его прочь от несчастного, пока он не убил его. Кровь сочится из проткнутых ран на шее мужчины, она будто нефть разливается по его черной рубашке. Его карие глаза тускнеют от Дурмана.

Эш яростно вытирает кровь с губ.

— Почему ты остановила меня?

— Потому что это убийство, — говорю я. — Я знаю, что ты злишься и я тоже. Но ты не убийца.

Он прикрывает глаза.

Остальные спешат к нам и переносят одурманенного мужчину в заднюю часть грузовика, пока Ацелот подбирает ключи с земли. Он взбирается на водительское сиденье и заводит двигатель. Мы с Эшем залезаем в кузов грузовика с другими, и занимаем свои места. Грузовик трогается с места.

— Есть какие-либо идеи, в каком направлении я должен ехать? — кричит Ацелот через

плечо.

— На восток, — говорю я, вспоминая расположение Примас-Три на карте «Десятого», которую мы видели еще в Блэк Сити несколько недель назад.

Я смотрю в окно, проверяя, не гонится ли кто-нибудь за нами, но никого не видно. Я откидываюсь на сиденье и беру Эша за руку. Он закрывает глаза, пока Ацелот везет нас в Примас-Три.

* * *

Путешествие занимает несколько часов, горные дороги ухабисты и неровны. «Десятый» — это огромная территория, растянувшаяся на сотни миль. С высоты нашего положения, мне отлично видна тонкая линия Пограничной Стены, которая змеится через леса под нами, отрезая лагерь от остального штата Серый Волк. Иногда я замечаю дом, проглядывающийся сквозь деревья. Я уверена, что большая часть бывших жителей этой зоны была эвакуирована, или схвачена и казнена до того, как построили Пограничную Стену, но так как территория настолько огромна — размером с небольшое государство — вполне возможно, что несколько человек, попавшие в эту паутину, до сих пор живут здесь, не способные скрыться.

Слева от нас находится Гора Альба, ее серо-пепельные склоны разрезают туманное, желтое, рассветное небо. Все еще можно различить первоначальные пути лавы, которая стерла область с лица земли после извержения, хотя большая часть у основания вулкана, где мы сейчас находимся, покрыта пышной растительностью. В большинстве своем земля покрыта деревьями Кэрроу, с их знаменитыми звездообразными листьями цвета огня. Таким образом, создается впечатление, что вся местность объята пламенем.

Элайджа сидит впереди с Ацелотом, болтая с братом, чтобы не дать ему заснуть, в то время как Жук, развалившись на одной из скамеек, громко храпит. Рядом с ним Дей только проснулась. Она разминает плечи и шею, пытаясь расслабить затекшие мышцы.

На одном из сидений лежит круглолицый Страж-гвардеец, на которого напал Эш прошлой ночью. У его кожи неприятный серый оттенок, и мне не нужно проверять его пульс, чтобы понять, что он мертв. Эш, должно быть, впрыснул ему слишком много Дурмана. Я не чувствую жалости к этому человеку, просто грустно, что Эшу придется нести этот груз всю оставшуюся жизнь. Может, я слишком мнительная. Может быть, Эшу все равно. Мужчина отвозил пленных, таких как отца Эша, в Примас-Три на казнь. Может быть, бесчувственно так думать, но он получил по заслугам.

Эш крепко спит, положив голову мне на колени. Я глажу его волосы, стараясь не плакать, убитая горем от знания, что Гарольд умер, и что Эш один в этом мире. Ну, может быть, не совсем. У него есть я. Теперь я о нем забочусь.

Дей подсаживается к нам, садясь на сиденье передо мной. Ее обычно безупречные, черные волосы завились и спутались от сна. Она вытирает уставшие глаза, а потом надевает очки. Они тут же сползают на кончик носа.

— Как он? — шепчет она, поправляя очки.

— Не слишком хорошо, — признаю я, почувствовав эхо его страдающего сердца в своей груди.

— Странно, что о захвате Гарольда не было объявлено в новостях, — говорит Дей.

— Гвардейцы, должно быть, не опознали кто он. Фотографии Гарольда могло и не быть в газетах, потому что он человек, не Дарклинг — так что его связь с Эшем не сразу бросается

в глаза. Наверное, так все и было.

Дей жует нижнюю губу.

— Ты думаешь, Логан и Марта тоже здесь?

Я даже не подумала об этом, что следующий по старшинству после Сигура, Логан, и моя старая служанка Марта ехала с Гарольдом. Меня гложет чувство вины, что я даже не подумала искать их файлы в Примас-Один. Если они здесь, то есть небольшой шанс, что они живы, но если над ними проводят эксперименты, смерть может оказаться более предпочтительным вариантом.

— Как ты думаешь, Эми жива? — спрашиваю я.

Дей трясет головой и ее глаза блестят. Она смотрит из окна машины, изучая Гору Альба слева от нас.

— Это странное место для «Четырех Королевств», чтобы скрыть «Ора», ты так не думаешь? — говорит она, имея в виду террористическую организацию, возглавляемую Люсиндой.

Я пожимаю плечами.

— Не совсем. Это место удаленное, они знают территорию, и оно относительно необитаемо.

— Да, но это также активный вулкан, — говорит она. — Это не лучшее место для хранения, используемой в военных целях, желтой чумы. Или разбивать здесь лагерь, если на то пошло.

— Ну, я предполагаю это единственное место, где он мог бы построить лагерь, не возбуждая лишних подозрений, поскольку этот район был в значительной степени необитаем. Плюс, я сомневаюсь, что его волнует заключенные, которые могут погибнуть, если будет другое извержение, — говорю я. — А может быть, Элайджа ошибся. Возможно, «Ора» — не желтая чума.

— Тогда, что это?

— Даже не представляю, — говорю я устало.

Мы предполагали, что «Ора» это желтая чума. Мы опирались на исследования, которые Элайджа нашел в лаборатории своей мамы. Она генетик, специализирующийся в ксенотрансплантации — пересадке клеток или органов от одного вида другому — но во время первой войны она работала с «Четырьмя Королевствами» над созданием оружия с вирусами, которые будут поражать только людей с определенными генами. Она разрабатывала штамм желтой чумы, ориентированный на людей с V-геном — геном, который помогает человеку чувствовать Дарклингов. У всех Ищеек он есть. Однако, после того как «Четыре Королевства» отравили воду в Блэк Сити, Люсинда была арестована и Иоланда ушла в подполье, так и не доделав своей работы. Мы решили, что они спрятали желтую чуму на секретной базе на Горе Альба, поэтому и пришли найти ее, чтобы они могли закончить то, что начали. Волна усталости накрывает меня, и я вытираю лоб. Он покрыт слабым блеском пота. Моя кожа на ощупь горячая, меня лихорадит.

День сужает глаза, смотря на меня.

— Как ты себя чувствуешь, родная?

— Так, как будто у меня вирус Разъяренных. Что напоминает мне... — Я достаю черный мешочек из кармана куртки, стараясь не разбудить Эша. Дей помогает мне с уколами, которые нелегко сделать, когда грузовик сильно качается на столь ухабистой дороге, но я не знаю, когда мне еще выпадет шанс сделать это сегодня. Грузовик попадает в выбоину в тот

момент, когда я убираю шприцы подальше, и мальчики просыпаются от рывка. Жук поднимается в вертикальное положение, его лицо помято от лежания на куртке, а Эш проводит усталой рукой по лицу.

— Ребята, мы на месте, — говорит Ацелот с переднего сидения.

Мы приближаемся к другой Пограничной стене, которая окружает Примас-Три. Она выкрашена в зеленый цвет, чтобы слиться с растительностью. Жук смотрит в заднее окно. С нашего наблюдательного пункта нам видно на много миль вниз по изгибу дороги.

— Есть и другие грузовики дальше у подножья горы, — говорит он. — У нас в запасе тридцать минут форы, прежде чем они доберутся сюда.

Ацелот притормаживает по мере приближения к ряду железных ворот. Они тут же распахиваются, и мы едем по извилистой, горной дороге несколько миль не доезжая до сердца Примас-Три. Здесь восемь Шлакоблочных зданий, окружающих огромный двор, который примерно в двадцать раз больше, чем площадь в Блэк Сити. В медицинских учреждениях все выглядит одинаково: четыре этажа, с плоской крышей, с широкой дверью и с номером, нарисованным на ней. Дорога окружает здания по кругу.

— Лаборатория семь — это вон там, — указывает Элайджа на здание справа от нас.

— Подгони грузовик к черному входу, приятель, — говорит Жук Ацелоту.

Он поворачивает вправо и едет по обсаженной деревьями дороге вокруг задней части здания. На дороге мало движения, но еще рано. Впрочем, я представляю, как лагерь проснется в ближайшее время, и как ученые будут готовиться к встрече новоприбывшим.

Ацелот паркует грузовик близко к черному входу лаборатории семь, таким образом, чтобы мы смогли быстро сбежать. Это не должно возбудить слишком много подозрений, так как я вижу, что и другие транспортные средства, припаркованы возле другой лаборатории дальше вниз по дороге. Мы вылезаем из грузовика и направляемся к черному входу, на котором стоит большая цифра «7», написанная белой краской. Элайджа дергает ручку. Она заперта. Дей указывает на сканер-ключ, установленный на стене рядом с дверью. Я должна была догадаться, что лаборатория будет иметь такую же систему безопасности, как и в офисе регистрации. Зная, что здесь Стражи разрабатывают всякие биологические оружия, похожие на вирус Разъяренных C18, то последнее, чего они хотят, будет распространение вирусов среди основного населения и убийством всех подряд.

— погоди, — говорит Жук, бегом возвращаясь к грузовику. Он возвращается через минуту, неся ключ. Он забрал его у мертвого охранника. — Я думаю, у него был допуск, поскольку он вез заключенных сюда. — Мы скрещиваем пальцы, когда он проводит карточкой по сканеру, и загорается зеленый. Дверь распахивается. Да! Жук вынимает свой пистолет и входит в здание, проверяя, чтобы путь был свободен, прежде чем остальные попадут внутрь. Эш рядом со мной, рука его ободряюще лежит на моей спине.

Внутри здания все режущее белое, как в больнице Стражей-повстанцев на базе в Галлии. Воспоминание об этом заставляет мои внутренности сжиматься. Интересно, что мои родители делают сейчас. Прошло двадцать четыре часа, они, должно быть, сходят с ума от беспокойства. Они отправили поисковую группу, за нами? Я надеюсь, что нет. Довольно паршиво, что я уговорила Дестени помочь нам, я не хочу втягивать больше Стражей-повстанцев во все это.

— Дерьмо, — бормочет Эш себе под нос. Он указывает на камеры слежения в дальнем конце холла. Они медленно поворачиваются навстречу нам.

— Положись на меня, — говорит Ацелот, подойдя к съемной панели, встроенной в

глянцевой, белой стене. Выключатель завинчен. — Элайджа, помоги мне.

Братья, стиснув зубы, отрывают панель от стены, обнажая сеть предохранителей и проводов. Камера постоянно поворачивается. Она почти направлена на нас. Ну, давай, давай! Ацелот тщательно изучает провода, бормочет молитву и дергает синий. Камера в дальнем конце зала замирает. Он издает вздох облегчения и криво улыбается.

— Так и знал, что это те самые, — говорит он неубедительно. — Это должно было вырубить все камеры в этом здании.

— Пошли, — говорю я. — У нас всего, наверное, минут пять форы, ну может десять, прежде чем они обнаружат, почему камеры вышли из строя и отправятся искать нас.

Мы спокойно идем по пустым коридорам. Я заглядываю через окна в дверях, когда мы проходим мимо. Все комнаты на этом этаже — это высокотехнологичные лаборатории, со сверкающими белыми полами и с мебелью из нержавеющей стали. В одной лаборатории вдоль стены стоит огромный, застекленный холодильник. В нем сотни ампул, наполненных мерцающим, молочным флюидом. Мне эта жидкость напоминает «Золотой Дурман», за исключением того, что она имеет серебристый оттенок, а не золотой. Знаки биологической опасности висят на каждой двери, наряду с уведомлениями, предупреждая людей, чтобы они носили маски «ВСЕ ВРЕМЯ»!

— Давайте поднимемся на один этаж, — говорит Элайджа. — Их здесь нет.

Мы находим лестницу и поднимаемся на второй этаж. Двери во все комнаты здесь очень массивные с небольшим смотровым окошком. Я заглядываю через одно из них. Всю заднюю стену заполняют клетки, забитые белыми мышами. Меня передергивает. Мы продолжаем идти по коридору, я впереди, проверяя каждую комнату, которую мы проходим. Все одно и то же: мыши, крысы, кролики. Как ни странно, одна комната заполнена клетками с деревьями. Я поворачиваю за угол и сразу же замираю.

На меня смотрит испуганная женщина в белом лабораторном халате. Она морщит свой ухоженный лоб, поскольку в коридоре появляются остальные. Ее карие глаза переводят взгляд с меня на Эша. Она узнает его. Нет времени думать. Я поднимаю пистолет и нажимаю на курок. Пуля попадает женщине в грудь. Она смотрит вниз, на красное пятно, расцветающее на ее белом халате, а затем обратно на меня. Ее рот формирует удивленное «О», когда она падает на пол.

— О Боже... — удивляюсь я, и пистолет выскальзывает у меня сквозь пальцы. Он со стуком падает на землю. — О Боже... о Боже... ох, — слово застревает в горле, когда меня охватывает паника. *Я не могу дышать. Я убила ее. Я стреляла в безоружную женщину.* Я замечаю золотое кольцо на левой руке. Я убила безоружную, замужнюю женщину. У нее был муж, может быть, даже дети, и я — о Боже, о Боже, о Боже. Эш обнимает меня.

— Тебе пришлось это сделать, — говорит Эш мне в волосы. — Она бы позвала остальных.

Я слабо киваю, не в силах оторвать глаз от женщины. Ее каштановые волосы рассыпались веером вокруг ее красивого, тонкого лица. У нее возле бледных губ пролегли глубокие морщины, хотя ей, вероятно, не больше тридцати. Должно быть, она много улыбалась. *Мне пришлось ее убить.*

Жук и Элайджа спешат к женщине и берут ее тело, а Эш поднимает мой пистолет, кладя его обратно в мою руку. Моя кожу словно жжет, как будто я держу огонь, а не холодную сталь, и это отбирает все мои силы. Я не бросаю его. Вместо этого, я запикиваю пистолет за пояс.

Ребята перетаскивают женское тело в ближайшую комнату — к клеткам с деревьями в ней — и используют ее пропуск, чтобы открыть дверь. Мы следуем за ними внутрь и быстро закрываем дверь. В комнате тусклое освещение и она заполнена рядами клеток, каждая из которых размером в десять квадратных футов, стены которых сделаны из тонкой, проволочной сетки. Внутри каждой клетки находится выращенные деревья Кэрроу, хотя есть что-то странное в них. Их кора серебристо-голубого цвета.

— Положите ее туда, — говорит Ацелот, показывая на темный угол за одной из клеток.

Жук и Элайджа тащат ее тело через лес зарешеченных деревьев и сваливают его к дальней стене. Ее голова плюхается вперед, волосы каскадом ложатся ей на лицо. Ее лабораторный халат пропитался кровью. Должно быть, я попала прямо в сердце, что вызвало такое сильное кровотечение. Эш берет меня за руку, и я смотрю на него снизу вверх. Он смотрит на кровавое пятно на женской куртке, его черные глаза, наполнены тоской.

— Это жуткое место, — говорит Ацелот, оглядывая комнату.

Я высвобождаю руку Эша и подхожу к одной из клеток, и заглядываю через проволочную сеть. Кажется, там нет ничего внутри кроме дерева Кэрроу. Это странно. Почему Стражи выращивает деревья в этих клетках.

Кора на стволе дерева вдруг начинает рябить. Я моргаю. Что? Я касаюсь проволочной сети, а потом отступаю назад в испуге, когда сотня бабочек поднимается в воздух, окружая дерево облаком серебристо-голубого цвета. Я знаю, что некоторые виды бабочек питаются древесным соком, значит, вот почему тут так много деревьев Кэрроу. Насекомые напоминают мне бабочку на шпильке тех мужчин-Жестянщиков, которых я видела в Галлии. Одно слово вдруг всплывает в голове. *Крылья*.

15

ЭДМУНД

БРЕЗЖИЛ РАССВЕТ, прямо за горами на горизонте, заливая золотистым оттенком лес так что листья мерцают подобно огню, врывающемуся из земли. Начало прекрасного дня, но не для людей Янтарных Холмов.

Поселок был тих и печален с прошедшей жестокой ночи. Все двери закрыты, шторы задвинуты, хотя никто не спал. Я сомневаюсь, что кто-нибудь будет спать в течение следующих дней после того, что случилось. На ногах всего несколько человек — Гильдия, плюс Патрик, Харриет, Дрю и я. Мы собрались на городской площади у деревянного креста.

Дед спокойно утешает папу Эрика Крэнфилда — худого, красивого мужчину, с длинными, рыжими бакенбардами и аккуратными усами. Его прозрачно-голубые глаза опухли и окружены красным ободком от слез, выплаканных за ночь. Его сын мертв, а тело лежит рядом с Кэтрин в нефе церкви, оба завернутые в белый саван.

Рядом с ним мистер О'Мэлли со своими детьми Харриет и Дрю. Как и у их отца, их светлые глаза глядят с тревогой, светлые волосы вымыты, лица вычищены. У Харриет несколько царапин на лице после вчерашнего боя, но Дрю вышел сухим из воды. Патрик стоит рядом с ними. Его лицо пепельного цвета и вытянуто, на правой скуле красуется темно-фиолетовый синяк, где я ударил его прошлой ночью. На нем его охотничий наряд: коричневые кожаные штаны, белая рубашка и зеленый сюртук. Его левая рука спрятана в кармане куртки, где он, кажется, крепко сжимает что-то, но я не знаю что именно. Он скользит холодным взглядом по мне, его глаза блестят. Я отвожу взгляд.

Поодаль от остальных стоит его отец, мистер Лэнгдон. Его плечи ссутулились, как

будто они несут его печаль, и я понимаю, как он себя чувствует. Сами мысли о Кэтрин отяжеляют воздух, и он давит на меня. И, наверное, я скоро рухну под его тяжестью. Каждый раз, стоит мне закрыть глаза, как я вижу выражение ее лица, когда дедушка сворачивает ей шею. Я впиваюсь пальцами в мои бедра, концентрируюсь на боли, чтобы постараться держать себя в руках. Но неважно, как сильно я стараюсь, правда продолжает вырываться наружу. Я убил лучшего друга. Может, это не я сломал ей шею, но это могло случиться. Мое желание, мой голод, моя скверна — все это привело к ее смерти. Но это еще не все, я сделал убийцей деда, чтобы он мог защитить меня. Я уничтожил две души за одну ночь.

Мистер Лэнгдон идет ко мне.

— Спасибо, Эдмунд, что присоединился к нам в охоте, Кэтрин... — его голос срывается на ее имени. — Моя дочь очень любила тебя.

Чувство вины сдавливает мне грудь. Я кошусь на деда.

— Мы должны идти, отец, — говорит Патрик, бросая еще один холодный взгляд в мою сторону.

Мистер Лэнгдон обращается к мистеру Крэнфилду.

— Я обещаю, мы привезем обратно голову Аларика Бэйна. Он поплатится за то, что его свора сделала с Эриком и моей маленькой девочкой.

— Спасибо, — говорит хрипло мистер Крэнфилд.

Члены Гильдии прощаются и возвращаются в свои дома. Только мистер Лэнгдон, Патрик, брат и сестра О'Мэлли и я идут в лес охотиться на Люпинов, оставив остальных для защиты города.

— Удачной охоты, — говорит дедушка, сжимая мое плечо. Это кажется обнадеживающим жестом, но я знаю, что это такое: предупреждение. Он хочет, чтобы я нашел девушку-Ревуна, Ульрику, и убил ее прежде, чем кто-либо узнает правду о том, что случилось с Кэтрин. Ее убийство не будет ничего значить, если нас поймают.

Патрик ходит по группе, и мы проверяем наши запасы. У каждого из нас достаточно еды и воды, которых нам хватит на три дня, ружье, арбалет и серебряный кинжал. Мои пальцы возятся с пулями, пересчитывая их. Харриет нетерпеливо вздыхает.

— Зачем Эдмунду нужно идти с нами? — жалуется она Патрику громким шепотом. — Мы что, не можем просто бросить его у ворот?

— Если этот урод хочет быть съеденным Ревуном, то я не собираюсь его останавливать, — отвечает Патрик.

Я ничего не говорю, но мистер Лэнгдон одаривает меня извиняющийся взгляд. Мы подбираем наши припасы и направляемся к пограничным воротам. Я трепещу от предвкушения. Я никогда не покидал город, а сейчас пойду в лес, на охоту на кровожадных Ревунов, с группой людей, которые с радостью бы увидели меня мертвым. Я начинаю задаваться вопросом, а не приманка ли я.

Патрик отпирает тяжелые железные ворота, и мы выдвигаемся в лес. Рассвет сменяет вечер, когда тьма спускается на нас. Лишь немногим лучам, пятнами солнечного света, удалось проникнуть на верхушки деревьев, разбрасывая длинные, черные тени по замшелой земле, которые танцуют каждый раз, когда прохладный ветер шевелит листья Кэрроу. Место, безусловно, жуткое. Я издаю короткий, нервный вздох, когда что-то темное мелькает между деревьями. Харриет смеется.

— Расслабься, это просто олень. Ревуны живут на Когте, — говорит она, указывая на вулкан Альба. — Самый опасный здесь — это Дрю.

Он усмехается, бросив свой кинжал в ближайшее дерево, нанизав на него белку. Я морщусь, когда он выдергивает лезвие из мертвого грызуна и бросает его мне.

— Они вкусные. Похожи на курицу, — говорит он.

Я запикиваю окровавленную тушку животного в сумку, стараясь не обращать внимания на ноющую жажду, почувствовав запах крови. Я не люблю пить кровь животных, так как она очень кислая, но отчаянные времена требуют отчаянных мер, и я буду голоден после трех дней похода в лесу.

Мистер Лэнгдон остается со мной, пока остальные прокладывают путь вперед, мастерски передвигаясь через папоротники и заросшую растительность. Он пытается быть добрым, оставаясь со мной, но это последнее, что мне нужно. Я должен найти Ульрику и заставить ее замолчать. Моя рука обхватывает рукоять кинжала.

— А где точно находится поселение Люпинов? — спрашиваю я слишком громко, спугивая животных в подлеске. Патрик бросает на меня нетерпеливый взгляд через плечо.

— Мы не знаем, — отвечает мистер Лэнгдон. — Где-то на Когте. Берегись!

Мистер Лэнгдон пихает меня, и я падаю на землю с тяжелым грохотом. Харриет и Дрю смеются. Мистер Лэнгдон указывает в сторону проволочной ловушки на земле, частично скрытой под опавшими листьями. Я замечаю, что другой конец проволоки привязан к ветке, висящей на высоте около двенадцати футов над головой.

— Пружинная ловушка, — говорит он. — Если бы ты наступил на нее, то висел бы уже на дереве вверх ногами.

Патрик подходит к нам и помогает мне подняться на ноги. Нетипично дружеский жест.

— Люпины ставят силки, ловушки для оленей по всему лесу, так что смотри, куда ставишь ноги, идиот.

— Спасибо, — бормочу я, поглядывая на ветку над нами. — Кажется это немного экстремально, висящий олень на нескольких метрах над землей.

Патрик пожимает плечами.

— Это сохранит добычу от других хищников.

Я снова смотрю на силок, слегка содрогнувшись. Если бы я был здесь один, то был бы покойником. Основной источник питания Люпинов может быть оленина, но они будут рады и случайному человеку — как оказалось за последние шесть недель — особенно, если этот человек настолько глуп, чтобы идти прямо в их ловушки.

Харриет и Дрю ухмыляются мне прежде, чем поворачиваются спинами, и продолжают поход через лес. Я вздыхаю, отряхиваю себя, и следую за ними. Холодный ветер шелестит листьями, которые издают странный, шепчущий звук, когда ветер проходит по ним. Я беру один из оранжевых листьев с дерева, заметив поврежденный белый кокон на нем. Внутри — наполовину сформировавшийся Ночной Шепот, его тело деформировано, как и мое.

Мистер Лэнгдон берет у меня лист и переворачивает его. На нижней стороне несколько очень тонких, подобных трубкам, вен. Мне кажется, что я никогда должным образом не осматривал листья дерева Кэрроу прежде, хотя они есть в нашем саду.

— Вот, что заставляет деревья говорить, — объясняет он, указывая на трубки. — Ветер дует сквозь них, создавая этот шепчущий шум. — Он отпускает лист и тот плавно опускается на влажную землю. — Твоя мать очень любила шум деревьев, когда мы приходили сюда.

Мои глаза расширяются.

— Вы приходили в лес с моей мамой?

Он кивает, и мы продолжаем идти по следу, отмеченному для нас Патриком и другими.

Они в ста футах впереди нас, так что они не могут слышать наш разговор.

— Мы с Кэсси часто убегали сюда, когда твой дедушка ложился спать, — говорит он. Я помню, как Кэтрин рассказывала мне, что ее папа и моя мама встречались, когда были подростками, так что я могу представить, как это все случилось. *Непристойность*. — Она любила бывать здесь. Она считала, что жизнь в Янтарных Холмах удушающая, что она как в ловушке внутри этих каменных стен, но здесь была свобода и приключения. — Он вздыхает и смотрит на меня. — Хотя я никогда не разделял ее энтузиазма, когда мы приходили в лес. Еще в те времена, это место кишело Дарклингами.

Дрожь тонкой струей проходит по моей спине, когда он смотрит в мои глаза. Я смотрю в сторону, в ужасе, что он видит меня насквозь и откроет секрет, который таится в тишине пространства, где следует биться моему сердцу.

— То были опасные времена, Эдмунд. Хотя, твоя мать не боялась. — Он качает головой. — Она не считала Дарклингов демонами. Кэсси не последователь веры.

— Что? — Я касаюсь круглого кулона на шее — символа нашей веры. Моя мама не была верующим человеком? Но она была дочерью священника, как она могла не следовать вере? Я хмурюсь. Я слышал много страшных слухов о маме на этой неделе: что она сумасшедшая, что она повесилась и теперь это? Я не знаю, почему это беспокоит меня так сильно, но тот факт, что она не была верующей... ну, я разочарован. Моя религия дала мне столько сил, это держало меня на истинном пути все эти годы. Я думаю о Кэтрин и о сладком вкусе ее крови на языке, и сильнее сжимаю кулон. Такого больше не повторится.

— Я не мог жениться на девушке, которая не следовала вере, так что мы расстались, — говорит мистер Лэнгдон.

Ах. Так вот как он оказался с миссис Лэнгдон? Она была его вторым выбором.

— Мне жаль, — бормочу я.

Мистер Лэнгдон пожимает плечами.

— Сара прекрасная жена, и у нас есть... было... двое прекрасных детей. — Рыдание срывается с его губ и это застаёт меня врасплох.

Я отворачиваюсь, не в силах видеть его горе, когда я тому виной. Патрик смотрит через плечо и замечает, что его отец плачет. Патрик и отпрыски О'Мэлли мчатся к нам, их ноги крушат подлесок.

— Что, черт возьми, ты ему сказал? — кричит на меня Патрик.

— Ничего, — отвечаю я.

Патрик бросает на меня полный ненависти взгляд, а потом обнимает отца за пояс, чтобы поддержать его, поскольку мы продолжаем наш поход через лес в сторону Когтя. Это гораздо дальше, чем я предполагал, и к обеду мы все еще в нескольких милях от горы. Я не против. Деревья, которые я когда-то нашел зловещими, теперь кажутся своеобразно красивыми. Мои ноги легко передвигаются по неровной земле, едва ломая ветки. Скоро я иду впереди всех. Я оглядываюсь назад и ловлю взгляд Харриет, которая смотрит на меня с невольным восхищением.

Где-то справа от меня я слышу рокот водопада. Я проверяю свою флягу. Она пуста. Я иду на звук падающей воды, пока не нахожу естественный водоем, расположенный среди листвы. Я собираюсь окунуть флягу в воду, когда улавливаю запах тухлых яиц. Я морщу нос. Мне, кажется, запах исходит от воды.

Дрю легким шагом подходит ко мне и зажимает свой нос.

— Господи, Эдмунд, это ты?

Я краснею.

— Это вода.

Дрю ухмыляется.

— Ну конечно.

— Наверное, в воду стекает серный газ, — бормочу я.

— Не напрягай, вулкан спал много веков, — говорит Дрю.

— Почему бы нам не отдохнуть? — говорит мистер Лэнгдон, присаживаясь на землю.

Я не протестую. У меня болят ноги, и я устал от похода. Остальные садятся рядом с водоемом, в то время как Патрик собирает дрова и начинается разводить огонь. Харриет греет несколько банок бобов над огнем, и все от души едят свой обед. Я черпаю бобы из банки, делая вид, что ем. Когда никто не смотрит, я выбрасываю еду в ближайшие кусты.

Я глажу мой живот, демонстрируя, что сыт. Патрик прищуривается, и сомнение начинает раздражать мои внутренности, как зуд, который я не могу почесать. Он подозревает, кто я? Он знает, что я ношу зубные протезы, он выяснил, почему?

— Я собираюсь вздремнуть часок, если все в порядке, — говорит Дрю.

— Я посторожу, — вызываюсь я.

Харриет фыркает, но мистер Лэнгдон сонно мне улыбается.

— Спасибо тебе, Эдмунд.

— На этот раз уж постарайся, чтобы никого не убили, — отвечает Харриет, напоминая о миссис Хоуп.

Я гневно смотрю на нее. Патрик садится и прислоняется к дереву, пока остальные ложатся на землю у костра, используя свои мешки в качестве подушек. Я присаживаюсь на скале возле водопада и проверяю свою винтовку, чтобы убедиться, что она заряжена. Патрик, молча, наблюдает за мной, когда другие спят.

— Твой дед сказал, что Люпин убил Кэтрин, — говорит Патрик.

Я крепче сжимаю винтовку. Я смотрю вверх, пытаюсь не позволить моей панике проявиться.

— Это же он сказал и мне, — отвечаю я.

— Ты был там, когда это случилось?

Да.

— Нет.

Он прищуривается.

— А где ж ты был?

Я сглатываю.

— Дома. Я побежал домой в тот момент, когда началась заварушка. Я испугался.

Патрик склоняет голову, думая верить мне или нет.

— Самое забавное, что я говорил сегодня утром с директором похоронного бюро и он сказал мне одну странную вещь. Оказывается, а шее Кэтрин были следы укусов.

Я сжимаю руки, чтобы они не тряслись.

— Ревун, должно быть, это сделал.

— Я так и сказал, — отвечает Патрик. — Но вот что самое странное: он сказал, что следы укуса похожи на человеческие. Разве это не странно?

— Да, довольно странно.

Патрик долго смотрит на меня. И этот мучительный момент кажется мне вечностью.

— Хотя, я думаю, он ошибался. Я имею в виду, зачем кому-то кусать Кэтрин?

Он мне холодно улыбается, а затем закрывает глаза. Как только он засыпает, я делаю несколько глубоких, рваных вдохов, пытаюсь заставить мою панику утихомириться. Он никак не может привязать меня к смерти Кэтрин, свидетелей не было. Других, не Ульрики. Успокоенный этим фактом, я начал успокаиваться. Я смотрю на огонь, наблюдая, как янтарные языки пламени танцуют, и нахожу это успокаивающим. У него ничего нет на меня, все будет в порядке. Их гипнотическое движение заставляет мои веки закрыться...

* * *

Я просыпаюсь. Черт! Сколько я проспал? Мне казалось секунды, но пламя потухло, и остались только тлеющие угольки. Мистер Лэнгдон и остальные, тяжело дыша, крепко спят. В лесу холоднее, чем раньше, предполагаю, что сейчас поздний вечер. Мы проспали нескольких часов. Благодарю Его Могущество, что все живы-здоровы. Я никогда себе не прощу, если кого-то еще убьют на моих глазах. Я встаю и проверяю периметр, недоумевая, что меня разбудило. Потом я слышу это. Чей-то голос.

— Киран! — кричит девушка из леса, где-то слева от меня.

Боль в груди скручивает меня, и я морщусь. Аааа! Какого черта? Она просто похожа на судорогу, которую я ощутил в тот вечер, когда миссис Хоуп была похищена. Не сейчас! Я грубо тру свою грудь, пытаюсь заставить боль пройти, и хватаю свою винтовку. Правильнее было бы остаться здесь и разбудить мистера Лэнгдона, но что-то заставляет меня идти на голос, как на зов сирены. Я снимаю оружие с предохранителя и направляю его на лес, игнорируя ноющую грудь. Свет мгновенно тускнеет, когда я продираюсь через деревья, стараясь ступать тихо.

— Киран? — девушка действительно зовет снова. Есть что-то знакомое в ее голосе, и все же я уверен, что я никогда не слышал его раньше. — Киран, ты где?

Я крепче сжимаю оружие и иду дальше вверх по склону горы, в сторону голоса. Девушка должна быть Люпином, так как больше никто не живет здесь. Должно быть, мы ближе к их деревне, чем думали. Я продираюсь через лес, мои нервы на пределе. Впереди я замечаю полянку между деревьями Кэрроу. Странное тянущее ощущение не отпускает мою грудь, говоря идти в этом направлении. Я направляюсь в сторону поляны, несмотря на голос, который кричит в голове, чтобы повернуть назад и позвать мистера Лэнгдона.

— Киран! Вот ты где, — говорит девушка и выступает вперед. — Какого черта ты здесь делаешь с ними?

— Расслабься, Ти, — отвечает парень. — Люси и Аннора мои друзья.

— Если твоя кузина узнает об этом, она с тебя шкуру сдерет, — отвечает девушка.

— Хотелось бы на это посмотреть. Пусть Ульрика только попытается, — насмехается Киран. — Ты же не скажешь ей, правда, же?

Я крадусь по направлению к поляне, страх пульсирует во мне. Боль в груди ухудшается с каждым шагом, и я стиснув зубы, пытаюсь ее уговорить.

— О...! — вздыхает девушка

— Ты в порядке? — спрашивает Киран.

— Да... да, я хорошо. Пустяк.

— Эй, как ты узнала, что я здесь? — говорит Киран. — Ты меня преследуешь? Боже мой, ты запала на меня или что, Ти? Я так и знал.

— Ха! В твоих мечтах, псина, — протягивает другая девушка.

— Я беспокоилась о тебе, — объясняет первая девушка Кирану. — Здесь не безопасно. Теперь я понимаю, почему ты убежал, не сказав никому ни слова. Откуда ты знаешь этих девчонок?

Я подбираюсь к поляне. Сквозь листву я вижу силуэт девушки — она высокая, примерно футов шесть, стройная, с длинной гривой волос. Наверняка Люпин. Она стоит ко мне спиной.

— Я встретил их несколько недель назад, — отвечает Киран. — Им можно доверять, клянусь. Только не говори Ульрике, ладно? Она не поймет.

Я поднимаю оружие, делаю шаг и...

— Ааа! — кричу я от неожиданности, когда что-то щелкает вокруг моей лодыжки и мир возвращается с ног на голову. Винтовка выскальзывает из пальцев и падает на землю в шести футах ниже меня. Где-то в глубине моего сознания, я понимаю, что я ступил в пружинную ловушку, но трудно хорошо соображать, когда тебя разрывает боль в лодыжке и груди, заставляя задыхаться.

Слышится треск веток и шаги лап, идущие ко мне.

— Не убивайте меня! — кричу я, зажмурившись, и произношу безмолвную молитву. Я вздрагиваю, когда сладкое дыхание девушки достигает пределов моего лица. Острые ощущения удовольствия слегка проносятся через мое тело, несмотря на мой ужас.

— Назови хоть одну вескую причину не делать этого, — говорит девушка, приставив нож к моей шее.

Я открываю глаза.

— Я... — Слова теряются на губах.

Пара гневных, серебряных глаз смотрит на меня. Они в обрамлении белых ресниц, которые соответствуют снежной коже девушки. Несмотря на то, что я смотрю на нее вверх ногами, я могу сказать, что она красива — лицо в форме сердечка с полными губами и розовым румянцем на щеках. Мы проходим долгим взглядом друг по другу, никто из нас не говорит. Я едва дышу. Складка формируется на лбу девушки, потому что выражение ее глаз постепенно изменяется от гнева к растерянности, к чему... к чему-то еще. Осознание? Она моргает, порвав связь

— Я тебя знаю? — спрашивает она.

— Я так не думаю. — Такое чувство, как будто мы с ней уже встречались, но, конечно, я бы запомнил ее. Мой кадык нервно дергается, заставляя щетину на шее двигаться по лезвию девушки. — Я Эдмунд. Как тебя зовут?

— Что ты делаешь здесь, Эдмунд? — Она давит ножом сильнее.

— Охочусь на оленей, — пишу я. — Я заблудился.

Она сужает глаза, пытаюсь решить, верит ли она мне или нет. Наконец, она вздыхает и убирает нож от моего горла, затем разрезает веревки, держащие меня на дереве. Я падаю на землю с тяжелым грохотом. Люпин прячет нож в пояс и смотрит на меня сверху вниз.

— Тиора, — говорит она. — Меня зовут Тиора.

16

ЭДМУНД

— ТИОРА, — ТИХО повторяю я, смакуя каждую букву. — Красивое имя.

Она слегка краснеет.

— Спасибо.

Теперь, когда я не вишу вниз головой, я могу получше рассмотреть ее. Она одета в легкое платье желтого цвета, стянутое на талии грубым поясом, и в охотничью куртку. Она опускает серые глаза и смотрит на землю. Я следую ее примеру. Мое оружие! Прежде чем успеваю что-либо сделать, она быстро хватается винтовку и осторожно делает шаг назад, не спуская с меня глаз, когда я поднимаюсь. Мне следовало бы бояться, но ничего подобного. На самом деле, я чувствую жуткое волнение.

Она зло смотрит на меня в упор, но при этом в ее взгляде читается и любопытство. Понятно, что она также заинтригована мной, как и я ей. Я никогда раньше не видел никого похожего на Тиору. Она явно Люпин, но чем больше я рассматриваю ее, тем больше странностей замечаю. Ее нос тоньше, чем обычного Люпина, лицо круглее и глаза у нее миндалевидные. Она выглядит... ну, она выглядит немного похожей на меня.

— Спасибо, что спустила меня вниз, — говорю я, наконец.

Ее брови поднимаются, как будто в удивлении, почему она сделала это.

— Я не хочу, чтобы меня обвиняли, если тебя сожрут Дарклинги, — отвечает она, в конце концов.

— Нам бы не пришлось есть его, — говорит девушка справа от меня.

Я вздрагиваю, при звуке девичьего голоса. Я и забыл, что мы здесь ни одни. Все мое внимание было сосредоточено на Тиоре. Я обернулся, чтобы взглянуть на девушку.

Если бы у меня было сердцебиение, то оно бы остановилось.

В нескольких метрах от меня стоят парень и две девушки. Парень-Люпин, который, как я полагаю, Киран. На вид ему около четырнадцати или пятнадцати лет, хотя он очень высокий. У него серебряная полоса на белой гриве. Но не от его вида у меня застыла в жилах кровь — от вида двух девушек рядом с ним. Старшая из двух, выглядит на год или около того старше Кирана, одета в зеленое платье, а младшая — держащая Кирана за руку — одета мальчишеские брюки и серый топ. У них у обеих бледная кожа, волнистые, черные волосы и мерцающие глаза цвета оникса. Я судорожно сглатываю.

Дарклинги.

Головокружительная смесь эмоций пробегает через меня, трудно схватиться за одну и держаться за нее. Это так захватывающе, наконец-то встретиться с такими же, как я. Но я был воспитан так, чтобы не доверять этим демонам, и это правильно, потому что один из их вида изнасиловал мою маму.

— Как давно они вернулись? — рычу я.

Киран встает в оборону напротив двух девушек Дарклингов. Младшая из них — одетая брюки и серый топ — вызывающе смотрит на меня из-за него.

— Немногим более шести недель, — отвечает Тиора.

Шесть недель? Именно столько времени Люпины крадут людей из нашей деревни. Это не может быть совпадением.

— Что происходит? — спрашиваю я. — Почему вы пытаетесь развязать войну между нашими видами?

— Мы этого не делаем. Мы пытаемся сохранить мир, — объясняет Тиора. — Я знаю, что это звучит противоречиво, но ты не понимаешь. Икар вернулся.

Страх поднимается во мне. Икар? Почему мне знакомо это имя? Потом до меня доходит. Он был Дарклингом, убившим десятки наших людей во времена Мучения.

— Когда Икар вернулся, он начал забирать наших людей для подпитки, — объясняет Тиора. — Нас так мало осталось, Эдмунд, нам пришлось что-то делать...

— Так вы взамен предложили ему наших людей? — Представляю, как Икар был в восторге от этой сделки — из всего того что дедушка рассказывал мне о Дарклингах, и что я знаю из моих собственных... желаний, они предпочитают человеческую кровь всем остальным, хотя и не побрезгуют кровью Люпина.

— Мы брали только слабых и больных особей, как та старая женщина, которую я похитила...

— Так это ты похитила миссис Хоуп той ночь?

Тиора кивает.

— Мы отдавали их Икару в качестве жеста доброй воли, — отвечает Тиора. — Он до сих пор счастлив. Он не нападал ни на ваш город, ни на наш.

Это объясняет, почему миссис Хоуп осталась на камне, подобно жертвенному агнцу, потому что она именно им и являлась.

— Почему сестру Ульрики обнаружили рядом с телом миссис Хоуп? — я думаю о Люпине-девушке, которую утопили.

Тиора опускает бледные ресницы.

— Она охраняла его, ждала, когда Икар придет.

Я кошусь на двух Дарклингов, чувствуя прилив гнева. Старшая из двух девочек, которая в зеленом платье, отшатывается, явно испугавшись меня. У ее угловатого лица почти проказливый вид, с маленьким ртом и узким подбородком.

Я оглядываюсь на Тиору.

— Почему вы просто не пришли к нам и сказали нам все это?

— Мы сделали это, — говорит она. — Священник дал нам разрешение забирать жертв, пока мы держим возвращение Икара втайне от односельчан, он думал, что это вызовет ненужную панику. Вот почему он заставлял нас забирать жертв ночью, он хотел убедиться, что горожане будут винить нас за похищение, и они не будут подозревать о возвращении Икара. — Тиора вздыхает. — Мы думали, что остальная часть Гильдии была в курсе этой договоренности. Но они убили Наоми, так что я думаю, что они не ничего не знали.

Я провожу рукой по волосам. Мой дед стоял за похищениями? Он лгал мне во всем, в том числе и Гильдии! Зачем держать возвращение Икара в секрете от них? Я сжимаю руки в кулаки. Это все дед виноват! Если бы он не проворачивал дела за спиной Гильдии, они бы не пошли на поиски тела миссис Хоуп, и девушка-Ревун, Наоми, не была бы схвачена и казнена. Аларик не пришел бы в город, чтобы забрать ее тело, а Эрик и Кэтрин были бы живы. И теперь мистер Лэнгдон, Патрик, Харриет и Дрю внизу у водопада, собрались убить Аларика Бэйна, чтобы отомстить за смерти Кэтрин и Эрика, а иду убивать Ульрику. Так много крови. Как он мог позволить этому случиться? Почему он просто не сказал правду Гильдии?

Я настолько погружен в мысли, что не сразу замечаю, что птицы прекратили щебетание. На самом деле весь лес стал мертвенно тих. Тиора смотрит вверх, на деревья, явно тоже заметив тишину.

— Что происходит? — говорит она. — Почему стало так ти...

У нее не хватает времени, чтобы закончить предложение, в то время как начинается землетрясение, сбивая нас с ног. Гром грохочет под землей, как пробуждение Титана. Девочки-Дарклинги кучкуются вместе с Кираном, когда галька и небольшие камни несутся вниз по лесным склонам, ударяясь по нашим рукам и спинам. Вокруг нас деревья Кэрроу начинают трястись, вибрация заставляет их листья кричать, как баньши, и я боюсь, что они рухнут нам на головы.

— Что происходит? — кричит Киран.

— Землетрясение! — кричу я сквозь рев сотрясения грунта под нами.

Я пригибаюсь, когда больше камней и лесных завалов разрываются над моей головой, почти вычищая все. Я никогда не видел ничего подобного. Весь мир дрожит, грозя разорваться, поглотить нас целиком. Киран вскрикивает от боли, а воздух наполняется запахом крови.

— Киран!

Я поднимаю глаза вовремя, чтобы увидеть, как Тиора борется за то, чтобы встать. Она пытается добежать до раненого мальчика, но ее ноги скользят. Она настолько сосредоточена, чтобы добраться до него, что не замечает, как валун, крушащий деревья, направляется прямо на нее.

— Тиора! Берегись! — я бросаюсь к ней, толкая ее в сторону, в то время как валун грохочет мимо нас в нескольких дюймах. Мы оба падаем тяжело на землю, и я кричу в агонии, не в силах дышать, не в состоянии делать ничего, кроме как копать пальцами в грязи, когда мое тело разрывается от боли. Все, о чем я думаю, что я умираю, я умираю, я умираю, ощущения настолько интенсивные. Я скатываюсь с Тиоры, хватая ртом воздух, в то время как дрожь энергии пульсирует по венам, устремляясь к одной точке в груди. Я думаю, что боль никогда не закончится, и я молюсь Его Могуществу забрать меня, пусть землетрясение проглотит меня, что-нибудь, что положит этому конец. А затем...

Все кончилось. Лес затихает.

И в этой тишине, один звук барабанов в ушах.

Ба-бум, ба-бум, ба-бум

17

ЭШ

— ЗАЧЕМ ИМ ТАКОЕ большое количество «Ночного Шепота»? — спрашивает Ацелот коснувшись клетки наполненной большим количеством бабочек. Их серебристо-голубые крылья взволнованно трепещут.

— «Ночной Шепот»? — спрашивает Натали, смотря на меня. — Почему мне это кажется знакомым?

— Жизель молола их на своей кухне, во Фракии, — отвечает Элайджа. — Она подмешивала это в чай. Когда ты пьешь его, это помогает по-настоящему расслабиться.

— Может быть, они используют его здесь в качестве анестетика для пациентов? — предполагает Дей.

— Я не думаю, что они очень заботятся о своих пациентах, — говорю я решительно, думая о моем отце. Мое сердце сжимается и Натали вздыхает, чувствуя мою боль. Вот только одна проблема с Кровавыми половинками — когда твоя душа болит, ее тоже. Она переводит голубые глаза на меня. Они преисполнены заботой. Я смотрю в сторону, пытаюсь держать себя в руках, но я чувствую себя, как треснутое стекло, которое готово разбиться в любой момент.

— Пурин Роуз заставляет своих людей принимать новое лекарство, под названием «Крылья», — говорит Натали, глядя на насекомых. — Сомневаюсь, что это совпадение: что серебряные медали в виде бабочек, которые взялись носить те мужчины, очень похожи на «Ночной шепот».

— Ты думаешь, что он разрабатывается здесь? — спрашивает Дей, поглядывая на меня.

— Я не хрена не знаю! — выпаливаю я, и она вздрагивает. — Мы напрасно тратим время.

Я резко поворачиваюсь и мчусь в сторону двери. Остальные спешат за мной. Натали смотрит на меня обеспокоенно, и я делаю глубокий вздох, пытаюсь успокоиться. Я выглядываю, хочу убедиться, что путь свободен, прежде чем мы опять выйдем в коридор. На полу кровавое пятно там, где Натали застрелила ученого. Она смотрит на след и ее лицо бледнеет. Жук вытирает пятно рукавом прежде, чем мы продолжим наш путь до следующего лестничного пролета. Мы подходим к одиночным стеклянным дверям, и сразу же понятно, что это нужный нам этаж, так как перед нами большой зал, заполненный больничными койками. Натали проводит карточкой вниз по сканеру, и мы входим в комнату.

Первое, что поражает нас — это вонь. Мы все вздрагиваем. Длинная палата окрашена в белый цвет, как в лаборатории внизу, и освещается только рассеянным, утренним светом, который пробивается сквозь высокие окна. Свисающие с потолка лампы — УФ-лампы. Они предназначены для сжигания кожи. Это как форма пыток для Дарклингов — у нас серьезная аллергия на УФ-лучи. Я содрогаюсь, хотя свет и не горит в данный момент, вспоминая о камере в Блэк Сити, где меня держали, когда мама Натали устраивала мне допрос из-за смерти Криса Томпсона от Дурмана несколько месяцев назад.

В палате должно быть более чем двести коек, к которым прикованы голые люди, Дарклинги или Бастеты. Есть даже несколько несчастных Люпинов, которые, должно быть, перешли не на ту сторону из Стражей-гвардейцев. Они все истощены, воняет мочой или чем похуже, их кожа покрыта сочащимися пролежнями. Люди выглядят больными, их кожа землистого цвета и сверкает потом, как будто их лихорадит. Я вздрагиваю при виде Дарклингов, чьи рты зажаты, а к их клыкам прикреплены трубки.

— Что они делают с Дарклингами? — шепчет Ацелот.

— Доят их, — отвечает Элайджа. — Они делали то же самое со мной в Блэк Сити, чтобы извлечь мой яд и использовать его в «Золотой Дурмане».

Натали прикрывает глаза, ей стыдно.

— Зачем им столько яда Дарклингов? — спрашивает Дей.

Все молчат.

— Пойдемте, нам нужно спешить. Жук, Дэй — вы берете эту сторону со мной, — говорю я, указывая на кровати справа. — Остальным проверить другую.

Мы расходимся и быстро просматриваем лица людей на кроватях.

— Сюда! — восклицает Элайджа мгновение спустя.

Мы спешим к нему. Красивая Бастет-женщина прикована к постели за тощие руки и лодыжки. Только колюче выглядящее одеяло отделяет ее изможденное, голое тело от матрасных пружин и жесткой подушки. На кровати около нее спит Люпин средних лет с пестрой гривой. У него на груди вырезано слово «ПРЕДАТЕЛЬ». Я предполагаю, что это Киран. Он шевелится, открывая глаза. Он смотрит на меня, удивленно моргает, а потом односторонне улыбается.

— Знаешь, ты так похож на свою маму, малыш, — говорит он.

— Спасибо, — говорю я, сняв с него оковы и помогая ему подняться. Ацелот накидывает одеяло на плечи Кирана, что нелегко, учитывая, что Люпин на два фута выше ростом.

Элайджа становится на колени рядом с кроватью матери.

— Мама, это я!

Иоланда переводит медового цвета глаза в сторону Элайджи. Она в замешательстве, а затем у нее на лице появляется паника.

— Эли? — говорит она, охрипшим голосом. — Что ты здесь делаешь?

— Мы пришли спасти тебя. — Он развязывает ее, и Натали накидывает свою куртку на женщину.

— Люсинда здесь? — спрашиваю я Кирана.

— Там, — хрипит он, кивнув в сторону кровати в конце комнаты.

Я с Натали следую за ним. Моя тетя Люсинда растянута на матрасе, ее рот держится открытым с помощью металлической трубки. Как и у других, ее запястья и лодыжки прикованы к каркасу кровати. Она не похожа на пухлую, улыбающуюся девушку на фото моей мамы. Эта женщина в синяках, она сломлена, ее черные волосы, острижены коротко, что видно несколько залысин. Киран нежно удаляет зажим с ее сухих губ, а Натали снимает оковы. Люсинда тут же обнимает Кирана стоит ей освободиться.

— Привет, лягушонка, — бормочет Киран у ее щеки.

— Привет, псина, — отвечает Люсинда. — Что-то ты долго добирался до меня. Ты же знаешь, я тут лежу уже три недели, — дразнится она.

Он негромко посмеивается.

— Да, что я могу сказать? Я был привязан. — Он отпускает ее, и она изо всех сил старается держаться в вертикальном положении. — Ты можешь поблагодарить малыша. Он приехал и добрался до нас.

Люсинда впервые замечает меня.

— Эш?

— Привет, — я снимаю куртку и отдаю ей. — Мы собираемся вытащить вас отсюда.

— Тебе не стоило приходить, — говорит она, надевая ее. — Это было глупо.

Я хмурюсь. Я думал, что она будет рада меня видеть.

Натали пытается помочь Люсинде, но моя тетя отмахивается от нее.

— Я в состоянии ходить. — Она нетвердо встает на ноги, но делает только два шага, прежде чем спотыкается. Киран ловит ее. Она не возражает, когда он приобнимает ее для поддержки.

Другие пациенты шевелятся в кроватях, разбуженные нашими голосами. Они начинают стонать и хныкать. Я осознаю, что на нас все еще надета форма Стражей — они, должно быть, думают, что мы здесь, чтобы навредить им. Я перехватываю взгляд Натали.

— Мы не можем оставить их, Эш, — говорит она.

Я не собирался освобождать всех заключенных, но теперь, когда мы здесь, я не могу позволить им остаться в таком состоянии. Это люди чьи-то родители и родственники.

— Здесь их слишком много, братишка. Мы не можем взять их с собой, — говорит Жук.

— Я знаю, — говорю я. — Все равно развяжите их.

Элайджа помогает маме подняться на ноги, пока остальные спешат к каждой кровати, отцепляют трубки и снимают оковы. Освобожденные пациенты помогают нам освободить следующих. Внизу я слышу движение — топот ног, щелчки разблокировки дверей, усталые голоса, желающие друг другу доброго утра.

Пациенты не ждут приказов, они, просто пошатываясь, идут к открытой двери. Я замечаю два знакомых лица среди толпы — Палло и Ангела, двух министров из Ассамблеи Дарклингов Блэк Сити. Как и у Люсинды, волосы Палло подстрижены, у него есть несколько рубцов на его теле, но в остальном он по-прежнему выглядит сильным, как бык. Ангел же

выглядит не так хорошо. Она избита и в синяках, ее сиреневые глаза опухли, но в них осталась твердая решительность. Они оба завернуты в одеяла. Они видели меня, но не поздоровались. Они никогда меня не любили, и я никогда их не любил. Единственное признание, которое я получаю это — краткий кивок от Палло, прежде чем он быстро выходит с Ангелом из комнаты.

— Натали, сюда! — зовет Дей, подбегая к одной из кроватей рядом.

На кровати лежит пожилая Дарклинг-Шу'Цин, женщина с седеющими волосами и фиолетовыми глазами. Как и все Дарклинги-Шу'Цин, у нее когтистые лапы. Они единственная порода Дарклингов, у которых такие уникальные, физические возможности.

— Марта! — Натали несется к постели, чтобы помочь Дей развязать ее. Они заворачивают голую старушку в простыню.

— Здравствуйте, дорогие мои, — воркует Марта, поднимаясь. — Настолько же прекрасно, видеть вас.

Натали обнимает Марту, крепко ее держа. Женщина явно морщится от боли, но не отпускает. Ее ноги трясутся, она еле стоит. Я подбегаю к ним, и Марта улыбается мне. Она дружила с моими родителями и даже нянчила меня, когда я был ребенком, поэтому я испытываю нежность к старой женщине. Я поддерживаю ее, и она измученно прижимает голову к моей груди.

— Мы заберем тебя домой, — говорит Натали, ободряюще сжимая ее руки.

Внизу я слышу звуки выстрелов, сопровождаемые криками.

Люсинда направляется по проходу в сторону двери.

— Нужно уходить.

Элайджа помогает маме, когда мы идем к двери. В коридоре хаос, потому что люди, Дарклинги и Бастеты разбегаются в разные стороны. Мы прорываемся сквозь толпу и сбегает вниз по лестнице.

Запах крови ударяет, стоит нам только оказаться на втором этаже. Крики повсюду, Бастеты, Дарклинги и двое Люпинов запрыгивают на ученых, вырывая им глотки или душат их. Я замечаю Палло и Ангела в конце коридора, их лица, покрыты красным. Мои ноги поскальзываются на луже крови, и я почти падаю с Мартой. Кто-то включает сигнализацию и вокруг ревет сирена. Черт! Недолго осталось ждать, когда это место будет кишеть Стражами-гвардейцами.

— Идите к грузовику! — кричу я всем.

Они кивают, и мы пробираемся мимо драки Дарклинга с человеком. Я задерживаю дыхание, стараясь не вдыхать запах, моя жажда нарастает. Марта стонет, ее губы раскрываются, обнажая ее зубы. Это, должно быть, мука и для нее тоже. Я смотрю на Люсинду. Она зажимает нос и рот, когда спотыкается в коридоре, жадно разглядывая кровоточащего человека на полу.

Мы добираемся до первого этажа, когда первая волна Стражей-гвардейцев прорывается через передние двери и направляется вверх, на звук криков. Двое гвардейцев увидев нас, скидывают оружие. Я только глянул за угол, как пуля попадает в штукатурку на стене позади меня. Мы несемся по коридорам, два гвардейца сидят у нас на хвосте. Пули свистят, и одна задевает руку Дей. Она морщится, но продолжает бежать, зажимая рану другой рукой, ее черная коса бьется об ее спину с каждым шагом.

Мы отказываемся в знакомом коридоре и бежим мимо лаборатории, которую проходили по пути сюда. Черный вход маячит впереди, всего в тридцати футах. Ацелот

вырывается вперед и проносится через дверь. Я с облегчением вижу, что грузовик все еще припаркован снаружи. Он забирается в машину и заводит двигатель. Дей следующая, а за ней Люсинда и Киран, и, наконец, Элайджа с мамой. Натали, находясь почти у двери, вдруг останавливается и разворачивается, а потом бежит по направлению к одной из лабораторий.

— Что ты делаешь? — кричу я.

Натали проводит карточкой вниз по сканеру и входит в лабораторию. Я оглядываюсь. Гвардейцы приближаются. Она несется через всю лабораторию к холодильнику в задней части комнаты и выхватывает одну из ампул с серебристо-белой жидкостью. На выходе, она замечает что-то на рабочем столе и хватается за это.

— Стой! — кричит один из гвардейцев, стреляя. Пуля проносится мимо моего уха.

Жук разворачивается и, одновременно достает свой пистолет, и стреляет в двух гвардейцев. Они замертво падают на пол.

Натали присоединяется к нам в коридоре. В ее руке флакон и синий, цифровой диск с подписью: «ОПЫТЫ НАД ПАЦИЕНТАМИ». Она засовывает их в карман, как мы выбегаем. Грузовик ждет нас на дороге. Жук прыгает в кузов грузовика и забирает Марту у меня. Я помогаю Натали забраться, затем забираюсь сам, когда Ацелот разгоняет двигатель, и мы набираем скорость. Когда я закрываю двери, я замечая, как группы Дарклингов и Бастетов вываливаются из лаборатории. Некоторые бегут по дорогам, другие несутся в сторону леса. Вдалеке я замечая несколько Транспортеров, направляющихся в нашу сторону. Подкрепление. Несколько Стражей-гвардейцев выбегают из здания, и один из них замечает нас.

— Давай в лес! — говорю я.

Я скатываюсь с сиденья, когда Ацелот берет резко вправо, съезжая с дороги. Грузовик дико трясет, когда он едет по ухабистой местности, ускоряясь вверх по крутому склону. Все напрягаются, когда мы врываемся в лес. Свет сразу же гаснет, как будто солнце закрывается тентом. Ацелот мастерски рулит грузовик сквозь деревья и Элайджа издает возглас, ударяя потолок, как будто мы на американских горках, а не убегая, спасая наши жизни. Ацелот усмехается. Братья действительно наслаждаюсь этим. Иоланда хихикает над сыном.

Натали достает шприц из черного мешочка и аккуратно помещает стеклянный пузырек с серебристо-белой жидкостью внутрь, в то время как Жук забинтовывает руку Дей. Грузовик перепрыгивает через какой-то папоротник, и затем мы выезжаем на старую, грунтовую дорогу, которую Стражи, должно быть, использовали во время строительства лагеря, чтобы привозить древесину из леса.

Натали нажимает красную кнопку на своих часах.

— Дестени скоро прилетит и заберет нас.

— Мы вначале должны доехать до Ульрики, — говорит Киран и Люсинда кивает.

— Кто эта Ульрика? — спрашиваю я.

— Моя кузина, — объясняет Киран. — Именно к ней мы сюда приехали.

Я обмениваюсь взглядами с Натали. Она пожимает плечами. Очевидно, что она тоже ничего не понимает.

— Ваша кузина живет здесь? Это сумасшествие! — говорит Жук. — Она не боится быть схваченной?

— Нет, — говорит Киран. — Гвардейцы знают, что она здесь. Им сказали оставить ее в покое.

Теперь я действительно в недоумении.

— Это почему?

Киран поворачивается в кресле, игнорируя мой вопрос.

— Езжай по тропе около пяти километров, пока не увидишь развилку, затем сверни направо, — наставляет он Ацелота.

— Мы едем за желтой чумой? — спрашивает Элайджа маму.

Иоланда недоуменно хмуриться.

— О чем ты говоришь, милый?

— Про оружие, за которым вы пришли сюда, — отвечает Элайджа. — Это же желтая чума, не так ли? Я видел твои исследования в лаборатории...

Люсинда усмехается, а Иоланда бросает на нее холодный взгляд, прежде чем повернуться к сыну.

— Я отказалась от этого проекта много лет назад, когда мне стало ясно, что он не будет работать, хотя некоторые из нас не были согласны, — говорит Иоланда, бросая беглый взгляд на Люсинду, чьи губы сжались. — Он бы убил всех людей, а не только тех, у кого есть V-Ген. Это была черта, через которую я не собиралась переходить.

— Если «Ора» — это не желтая чума, тогда что это? — спрашивает Натали.

— Ора? — усмехается Иоланда.

— Оружие, — говорит Элайджа, явно растерявшись. — Люсинда упомянула его в письме, которое она отправила тебе. Мы долго искали его.

Люсинда смеется.

— Господи, — бормочет она.

Элайджа хмурится, его щеки краснеют.

— Что смешного?

— Это была не «Ора», — объясняет мягко Иоланда. — Это была Тиора. Это девушка.

— Я не догоняю, — говорю я. — Как женщина может быть оружием?

Иоланда смотрит на мою тетю. Люсинда вздыхает и начинает рассказывать.

— Это началось тридцать лет назад, с парня по имени Эдмунд Роуз.

Прим. переводчика: имя Тиора на английском пишется как Theora, в то время название желтой чумы: - the ora.

18

ЭДМУНД

У МЕНЯ ВЫРЫВАЕТСЯ испуганный смех, звук, застрявший где-то между истерией радостью. *Сердцебиение*. У меня есть сердцебиение! Я наклоняю голову, чтобы посмотреть на Тиору, которая лежит на земле рядом со мной. Землетрясение милостиво прекратилось, и на гору оседает тишина. Длинные, белые волосы Тиоры, усыпаны ветками и лесным мусором. Рука прижата к груди. Чувствует ли она что-то похожее? Мы долго смотрим друг на друга. Пульс стучит у меня в ушах, звук оглушительный, после восемнадцати лет молчания. Я понятия не имею, что происходит, но я почему-то уверен, что это связано с ней.

— Как ты сделала это? — шепчу я.

— Ты о чём? — спрашивает она в ответ.

Я нахмуриваюсь, в замешательстве.

— Мое сердце...?

Она хмурит брови.

— А что с ним?

Я с мгновение изучаю её, задаваясь вопросом, неужели она и правда не знает, что происходит, или врет мне. Но не нахожу в ее глазах не нахожу никакой подсказки.

— Ничего, — говорю я, в конце концов.

Я разочарован.

Я быстро отряхиваюсь и помогаю подняться Тиоре. Мое сердце сжимается, когда наши руки соприкасаются — оно сжимается! — и любой крошечный повод для сомнений, который у меня мог бы возникнуть, что Тиора не в ответе за мое новообретенное сердцебиение, тут же исчезает.

— Спасибо, что спас меня, Эдмунд, — говорит она, стряхивая мусор с волос.

На ее лице неожиданно появляется паника.

— Киран!

Мы бежим к тому месту, откуда доносятся стоны мальчика, который лежит рядом с двумя девушками Дарклингами. Старшая девочка в зеленом платье, трет опухшие лодыжки, а младшая склоняется над Кираном. С нашего угла зрения, похоже, что она пьет его кровь.

— Слезь с него! — кричит Тиора, грубо отталкивая Дарклинг-девушку в сторону.

— Люсинда пыталась остановить кровотечение, — говорит Киран, морщась.

Люсинда демонстрирует окровавленные руки Тиоре, и та слегка краснеет. Старшая Девушка-Дарклинг стонет от боли, и Люсинда поворачивает к ней голову.

— Аннора! — кричит Люсинда, спеша к ней. Она аккуратно осматривает ее лодыжку, которая начинает приобретать фиолетовый оттенок.

Я изучаю двух девушек-Дарклингов, Аннору и Люсинду, пытаюсь увидеть в них себя. У них, у обеих, узкие черные глаза, нежные рты и подбородки. Трудно поверить, что эти, невинные на вид девушки, демоны для Гильдии, но, наверное, благодаря их облику мы просто не чувствуем никакой опасности. Я никогда не должен забывать, кто они на самом деле: Нечестивые. Греховные. Скверные. Однако, если Дарклинги так плохи, то почему, девушка помогала Кирану? — шептал внутренний голос. Но один из их вида изнасиловали мою мать! — на что я тут же внутренне себе возражаю. Я не тешу себя иллюзиями, я знаю, на что они способны, потому что их греховность и во мне тоже.

Я опускаюсь на колени рядом с Тиорой. Она приподнимает рубашку Кирана. У него скверная рана вдоль всего бока и темные синяки вокруг его грудной клетки. Я задерживаю дыхание, стараясь не вдыхать запах его крови.

— Плохо, Ти? — спрашивает он.

— Нормально, жить будешь, но останется довольно неприятный шрам, — говорит Тиора.

— Крутяк! — Киран выдавливает из себя улыбку. — Девчонки любят шрамы.

Тиора смеется, но от меня не укрылось беспокойство в ее серебристых глазах.

Киран пытается подняться. Он смотрит на волосы Тиоры, покрытые веточками и листьями, упавшими от землетрясения. Хоть он и морщится от боли, но продолжает смеяться.

— Ты похожа на пугало.

Она краснеет и крутит головой, пытаясь вытащить этот мусор из снежной гривы. Большая его часть выпадает, но упрямый лист Кэрроу держится чуть выше ее левого уха. Недолго думая, я вытаскиваю его.

— Листик, — говорю я, показывая его ей.

— Спасибо, — отвечает она, заливаясь краской. — Должно быть, я выгляжу как полная...

Пистолет щелкает позади нас.

Я поворачиваюсь, сердце грохочет в груди. Патрик выходит из тени, его пистолет, направлен прямо на нас. Я инстинктивно, перемещаюсь, закрывая Тиору.

— Как долго ты был здесь? — спрашиваю я.

— Достаточно долго, — отвечает Патрик, идя медленно к нам, не сводя с нас голубых глаз. Аннора хватает Люсинду, тянет ее к себе за спину. — Я всегда знал, что с тобой что-то не так, урод. Нутром это чувствовал. Но Кэтрин продолжала уверять, что я просто чересчур заботливый брат. Но вот ты здесь, помогаешь кучке Ревунов и этим кровососам, и я начинаю думать, что мои подозрения насчет тебя были верными.

У меня внезапно пересыхает горло.

— И в чем же они заключались?

— В том, что за восемнадцать лет я ни разу не видел, как ты ешь. Что ты убегаешь при виде крови. Что у тебя вставные зубы там, где должны быть клыки. — Он скользит взглядом по мне и девушками-Дарклингами. — Все это теперь обретает смысл. Ты один из них.

Тиора смотрит на меня недоуменным взглядом.

Я нервно облизываю сухие губы. Все эти годы я думал, что был таким осторожным, я и понятия не имел, что все это время, пока я наблюдал за Кэтрин, ее брат наблюдал за мной.

— Это просто смешно, — говорю я. — Ты ошибаешься.

— Мда? Тогда объясни это. — Он вытаскивает что-то из кармана и бросает к моим ногам. Это фиолетовый букетик; тот самый, который я хотел подарить Кэтрин на танцах. Он выпал из кармана куртки, когда я напал на нее! Лепестки покрыты засохшей кровью. Мне становится по-настоящему страшно. Красивое лицо Патрика искажает ярость.

— Ты убил ее, — рычит Патрик. — Ты убил мою сестру, а потом заставил своего деда лгать, ты чертов кровосос!

Он направляет пистолет на мою голову. Я закрываю глаза, ожидая пули, а затем...

— Патрик! Эдмунд! Где вы?

Мои глаза резко открываются, услышав голос мистера Лэнгдона. Патрик поворачивает голову, на мгновение отвлекаясь. Именно это нам было и нужно. Тиора отталкивает Кирана в сторону от греха подальше, а я, в ту же секунду, бросаюсь на Патрика. Мы падаем на землю, его пистолет стреляет, пуля попадает в дерево, перед которым еще несколько секунд назад находилась Тиора.

— Отец! Сюда! — кричит Патрик, борясь со мной. Он ударяет меня в щеку прикладом винтовки, отбиваясь. Он встает на ноги и направляет пистолет на меня.

— Не так быстро! — Тиора поднимает свою винтовку и направляет прямо на Патрика. — Бросай!

Он отпускает оружие, и оно падает в грязь. Я хватаю его и поспешно встаю, и тут же беру его на мушку. Мой палец замирает на спусковом крючке.

— Сделай это, урод! — кричит Патрик. — Убей меня, как убил мою сестру.

Я опускаю оружие.

— Я не хотел причинить ей боль, — шепчу я.

— Патрик, ты где? — зовет Харриет.

Они всего в нескольких метрах от нас, у нас мало времени. Я беру Тиору за руку, и мы впятером — я, Тиора, Киран, Аннора и Люсинда — спешим в густой лес, когда Харриет,

Дрю и мистер Лэнгдон выходят на поляну.

— Все за ними! — слышу я, как кричит им Патрик.

Мы мчимся через лес, следуя за Тиорой, которая мастерски передвигается в густом подлеске. Киран и Аннора позади группы, оба стараются не отставать, несмотря на свои травмы. Я отпускаю руку Тиоры и помогаю Кирана, держа винтовку в другой руке, в то время как Люсинда помогает Анноре. Старшая Дарклинг морщится от боли, прихрамывая из-за вывихнутой лодыжки.

Чем дальше мы идем в лес, тем круче становится местность. Мы начинаем подниматься вверх по склону горы Альба. Внизу горы, Патрик и другие продираются сквозь деревья, следуя за нами. Дрю видит меня и стреляет. Пуля пролетает рядом с моей головой, промахнувшись всего на миллиметр. Я отстреливаюсь, больше для того, что напугать, чем ранить кого-то.

— Я убью тебя, Эдмунд! — кричит Патрик и его голос проносится эхом по лесу. — И когда я закончу с тобой, я распну на кресте твоего деда!

— Ребята, мне нужно остановиться, — говорит Киран. Его рубашка мокрая от крови.

— Нет времени, — ворчу я, забрасывая парня себе на плечо. Он весит почти столько же, сколько и я, несмотря на то, что он младше — Люпины совсем не маленькие — и я изо всех сил карабкаюсь вверх по крутому склону за девушками, а мои ноги скользят по неровной земле. Мои ботинки проскальзывают на неровных камнях, и я чуть не роняю Кирана. Он крепче цепляется за мою спину.

Я рискую оглянуться. Патрик и остальные сокращают расстояние между нами. Он поднимает пистолет и еще одна пуля проносится над нами. Она попадает в плечо Анноры. Она кричит от боли, ее ноги подгибаются, и она летит вниз по склону прямо к Патрику, волоча за собой Люсинду.

— Люси! — кричит Киран прямо около моего уха.

Тиора разворачивается и бросается за ними. Она успевает схватить Люсинду за руку, но Аннора падает вниз по склону. Нам до нее не дотянуться.

— Аннора! — кричит Люсинда, когда Тиора забрасывает девушку на плечо и продолжает бежать вверх по склону горы. Она бьет кулаками спину Тиоры.

— Отпусти меня! Это же моя сестра!

— Мы не можем вернуться, нас застрелят! — говорит Тиора.

Я бросаю еще один взгляд назад. Аннора лежит на земле и Дрю целится ей в голову. Ее ониксовые глаза полны страха.

— Не убивай ее пока, — приказывает мистер Лэнгдон, его голос уносит ветер. — Притащим ее в Янтарные холмы, я хочу, чтобы весь город посмотрел на сжигание демона.

Дрю с Харриет ставят Аннору на ноги, а мистер Лэнгдон с Патриком продолжают подниматься на гору по направлению к нам. Я отворачиваюсь. Сейчас мы ничем не можем ей помочь.

Трудно поспеть за Тиорой, когда мы бежим через лес, и я спотыкаюсь больше, чем один раз, то об упавшую ветку, то об коряги. Это ее территория, и она знает ее, как свои пять пальцев. Она внезапно роняет Люсинду на землю, прыгает на одно из вечнозеленых деревьев, и легко его наклоняет. Она протягивает толстую ветвь, и помогает нам залезть, и мы успеваем вовремя, потому что тут же появляются Патрик и мистер Лэнгдон. Дальше вниз по склону, Харриет и Дрю удерживают Аннору.

— Куда они делить? — спрашивает мистер Лэнгдон.

— Я уверен, что они побежали этой дорогой, отец, — говорит Патрик.

Патрик изучает землю в поисках наших следов. Он ничего там не найдет, потому что слишком много растительности, чтобы обнаружить их. Он издает разочарованный вопль.

— Они должны быть рядом! — говорит Патрик. Его лицо, покраснело от ярости.

— Давай вернемся обратно в Янтарные холмы, — говорит мистер Лэнгдон

— Нет! Эдмунд убил Кэтрин, он не может просто так уйти, — говорит Патрик.

— Не уйдет, — Мистер Лэнгдон наклоняет голову и говорит громким, раскидистым голосом: — У нас твоя подружка Дарклинг и твой дедушка, Эдмунд! Если ты вернешься к Гильдии, то они будут помилованы. Если нет, то мы казним их обоих. У тебя есть время до полудня завтрашнего дня!

Я не могу позволить дедушке и Анноре умереть за меня! Я сдамся сейчас. Я начинаю двигаться, но Тиора качает головой.

— Они застрелят их, — шепчет она, кивая в сторону Кирана и Люсинды.

Я замираю.

Патрик и мистер Лэнгдон уходят. Они присоединяются к остальным внизу на склоне горы и возвращаются в Янтарные холмы. Когда они исчезают из вида, я обращаюсь к Тиоре.

— Мне придется вернуться, — говорю я.

— Они убьют тебя, Эдмунд, — говорит Тиора.

— Но мы должны спасти мою сестру! — говорит Люсинда. — Вы слышали, что они говорили. Если Эдмунд не сдастся им завтра в полдень, они казнят ее! — Люсинда делает шаг, чтобы уйти. — Мне нужно рассказать семье, что произошло. Дерьмо... когда дядя Икар узнает, он разозлится. Он держался подальше от Янтарных Холмов только потому, что они удовлетворяли его потребности, но это все меняет.

Я хватаю ее за руку.

— Он не должен узнать. Если он пойдет за Аннорой, то много людей может погибнуть, и в том числе мой дед, — говорю я. — Большинство населения Янтарных Холмов хорошие люди. Они не заслуживают смерти.

— Эдмунд прав, мы не можем допустить еще большего кровопролития, — говорит Тиора.

Люсинда возмущенно поднимает брови:

— Но Аннора...

— Мы спасем ее, я обещаю, — отвечает Тиора. — Мы пойдем сегодня вечером, когда стемнеет, в Янтарные Холмы и вызволим деда Эдмунда и Аннору. Может быть, если мы вернем ее в целости и сохранности, то сможем убедить Икара не мстить. Но до тех пор, вы оба должны вернуться в мою деревню. Здесь не безопасно, и Кирану действительно нужно к доктору.

Киран стонет и хватается за бок. Кровь просачивается между его пальцами.

Люсинда смотрит на меня, и я киваю. Это лучший план, что у нас есть. Мы слезаем с дерева. Тиора и Люсинда грациозно спрыгивают с нижней ветви и мягко приземляются на землю. Киран тяжело спускается вниз, морщась весь путь, но ясно, что он опытный скалолаз. Я же очень неуклюж и почти сразу же сваливаюсь в заросли папоротника.

Тиора усмехается и протягивает руку. На мгновение наши пальцы соприкасаются, и в мою грудь через руку пробегает электрическая дрожь. Тиора резко вдыхает, ее щеки краснеют. Чувствует ли она тоже самое? Мы не отрываем взгляд друг от друга. И даже не

дышим какое-то время. Я, пытаюсь увидеть в ее серебристых глазах какой-нибудь знак, что, черт возьми, я не единственный, кто чувствует и переживает. Это трудно описать, словно я знаю Тиору всю жизнь, что сумасшествие, потому что мы только что встретились! Хотел бы я понять, что происходит. Я никогда не слышал, чтобы чье-то сердце самопроизвольно начинало работать после восемнадцати лет молчания. Как это вообще возможно?

Мы добираемся до горы, покрытой лесом, что, возможно, увеличивает расстояние между нами и Патриком. Здесь все кажется одинаковым, легко заблудиться, если не знаешь куда идти. Наше продвижение замедляется из-за Кирана.

— Ты как, держишься, псина? — спрашивает его Люси.

Он пытается ухмыльнуться.

— Да, я в порядке. Просто двигаюсь медленно, так что бы вы, девочки, могли идти со мной в ногу.

Люсинда закатывает глаза.

— Итак, как вы двое встретились? — спрашиваю их я.

— Я попала в одну из оленьих ловушек Кирана, — бормочет Люсинда.

Тиора бросает удивленный взгляд на меня. Жар поднимается вверх по моей шее.

Я обращаюсь к Люсинде.

— Ну и где ваш клан разбил лагерь? — Мне бы хотелось знать, куда вести Аннору. Надеюсь, это не слишком далеко.

Она бросает подозрительный взгляд на Тиору, который не остался незамеченным Кираном.

— Все хорошо, лягушонка, ты можешь ей доверять, — говорит он. — Она никому не скажет. Не так ли? — Он адресует этот вопрос Тиоре. Она качает головой.

Люсинда оборачивается и бросает взгляд на меня.

— В пещерах, примерно в миле за пределами Янтарных Холмов.

— Вы живете в пещерах? — удивляюсь я.

Она пожимает плечами.

— Там сухо, безопасно и далеко от солнца. — Она внимательно смотрит на тусклый солнечный свет и слегка морщится. — Оно прекрасно. Именно там дядя Икар жил раньше, ну, вы знаете... — говорит она, ссылаясь на годы Мучения.

— А где же вы жили последние восемнадцать лет? — спрашиваю я.

— В разных местах, — отвечает Люсинда. — Мы редко оставались в городе дольше нескольких месяцев. Дядя Икар — причина слишком многих неприятностей.

Деревья вдруг редуют, и мы достигаем отвесную скалу, около ста футов высотой. На верхней части плато — деревня Люпинов. Крутые, каменные ступени, выдолбленные в скале, ведут к ней.

— Итак, ты действительно убил сестру того парня? — спрашивает меня Тиора, когда мы взбираемся по ступеням.

— Нет, — тихо говорю я. — Но я пил ее кровь.

— О, — молвит она, а затем громче: — О! Так ты...

— Полукровка-Дарклинг, — бормочу я.

Я ожидал, что она будет ахать, кричать, но вместо этого она просто говорит:

— Я тоже гибрид. Наполовину Люпин, наполовину человек. — В уголках ее розовых губ появляется улыбка, и мое сердце дергается.

— И Люпины не парятся, что ты гибрид? — спрашиваю я. Это не то, что бы былс

терпимо в моем городе.

Она кивает.

— Конечно. Они очень хорошо обо мне заботятся после смерти моих родителей.

— Что с ними случилось?

— Икар убил их во время Мучения, — говорит она, взглянув на Люсинду. Девушка-Дарклинг делает вид, что не слышала, но щеки ее краснеют. Не знаю, как она терпит близость Люсинды, когда Дарклинги убили ее родителей. Она более всепрощающий человек, чем я. — Двоюродная сестра Кирана — Ульрика и ее отец практически удочерили меня. Она моя лучшая подруга, — объясняет Тиора. Моя левая рука сжимается вокруг винтовки. — Я провожу больше времени в ее доме, чем в своем.

— Я так сожалею о твоей потере, — говорю я с уважением.

Она пожимает плечами, немного нахмурившись.

— Так что случилось с сестрой этого парня?

— Мой дед застал меня, когда я пил ее и... — Я ненадолго закрываю глаза, вспоминая звук хруста шеи Кэтрин. — Он не мог рисковать, она могла рассказать кому-нибудь. Ульрика все видела. — Мне кажется лучше всего сказать ей правду, прежде чем Ульрика сделает это.

— Вы не охотились на оленей в лесу, не так ли, Эдмунд?

Я опускаю взгляд.

— Гильдия послала нас убить Аларика, в качестве расплаты за прошлую ночь.

Она останавливается.

— Если ты причинишь вред кому-нибудь из моего народа, я вырву тебе глотку. Уловил?

Я киваю, передаю ей свою винтовку в знак доверия.

— Я не собираюсь никому причинять вреда.

Она изучает меня долгим взглядом, затем кивает, и продолжается идти вверх по ступенькам, но держит пистолет сбоку наготове. Мы все запыхались к тому времени, когда достигли деревни. В скалистом склоне горы высечены многоярусные уровни, которые соединены лабиринтом ступенек и крутых тропинок. Каждый уровень — это высокие, блочные, каменные здания, ютящиеся вплотную друг к другу.

Люпины бегают туда-сюда по деревне, помогая выносить раненых из их домов, или чинят разбитые окна и упавшие двери, которые были повреждены в результате землетрясения. Мы находимся на центральной площади, окруженной торговыми рядами, которая примерно такого же размера, что и в Янтарных Холмах.

Крыша одной из палаток осела. Рядом с ней стоит средних лет Люпин с бело-черной гривой, как у Кирана, и вожак стаи Люпинов — Аларик Бэйн со своей дочерью Ульрикой. Она одета в тот же наряд, что и прошлой ночью — кожаные брюки и облегающий топ, на руке бинт в том месте, где она была подстрелена одним из горожан Янтарных Холмов. Ее обрезанные волосы спутались вокруг мальчишеского лица, а под глазами у нее темные тени. Я сомневаюсь, что она успела поспать.

— Мы должны были покинуть деревню, — говорит человек с пятнистой гривой.

— Это было просто землетрясение, Пенн, — возражает Аларик. — Они бывали и раньше. Нет никакого основания полагать, что у нас угроза извержения.

Ульрика поворачивает голову, почувствовав нас.

— Дядя Пенн, они вернулись! — кричит она.

Пенн тоже переводит на нас взгляд. Облегчение, проступающее на его лице, быстро сменяет бледность, когда он видит Кирана. Он мчится к нам вместе с Алариком и Ульрикой.

— Что за хрень, что они здесь делают, Тио! — говорит Ульрика, указывая на меня и Люсинду. — Ты забыла, что они наши враги?

— Люси — моя подруга, — скулит Киран.

— Неужели ты не понимаешь, в какую опасность ты нас ставишь, приводя ее сюда? — продолжает Ульрика. — А что если другие Дарклинги придут за ней?

— Не придут, — говорит Люсинда. — Не до наступления темноты, во всяком случае. Мы с Аннорой часто не выходим весь день.

— Люсинда вернется обратно к Икару сегодня вечером, после того, как мы спасем ее сестру, — объясняет Тиора.

— Эта та девушка, к которой ты бегал видаться тайком, сынок? — спрашивает Пенн.

Киран хватается за бок.

— Аргх, пап, мы можем поговорить об этом позже? Я вроде как кровью истекаю. — Его колени задрожали, и отец подхватывает сына.

— Отведи его в мой дом, Пенн. Он ближе, — говорит Аларик. — Положи его в комнату Наоми.

Ульрика вздрагивает при упоминании имени ее сестры, но не протестует, когда ее дядя несет Кирана в соседний дом с желтой дверью. Как только они уходят, Аларик поворачивается ко мне.

— Тебе хватило наглости придти сюда, мальчишка! — рычит он.

— Я пригласила его, — объясняет Тиора. — За нами гнались охотники. Я не могла оставить Эдмунда и Люсинду в лесу. Это было не безопасно.

Аларик вопросительно смотрит на меня.

— Что происходит?

— Гильдия отправила охотничий отряд, чтобы убить тебя, в знак расплаты за прошлую ночь. — Я рассказываю им все, начиная с того, что случилось с Наоми во время похорон миссис Хоуп, вплоть до текущего момента, не скрывая ничего. Глаза Аларика расширяются, когда он узнает, что я наполовину Дарклинг, в то время как Ульрика хмурится. — Они забрали сестру Люсинды, и собираются убить моего деда.

Аларик сжимает переносицу.

— Вся эта затея превратилась в черт знает что. Нельзя было доверять Гектору разбираться с этим. Он соврал Гильдии о нашей сделке, и сейчас моя маленькая девочка... — Он морщится. — Но я думал, что он заботился о своем народе.

— Он заботится, — говорю я. — Мой дед посвятил всю свою жизнь жителям Янтарных Холмов...

Аларик хмурится на меня из-под своих густых бровей.

— Я говорил не о них.

— Тогда о ком? — запутавшись, говорю я.

Он раскидывает руки, словно указывая на всю деревню. Я моргаю в недоумении, и тогда до меня медленно доходит, *что* он имеет в виду, когда смотрю на человека с серебряными глазами — серебряными, как у моей мамы, как у моего деда, как и у меня. Меня только что, будто ошпарили. Правда не щадит меня. Я наполовину Люпин.

За исключением того, что я осознаю, что это — правда. У него такие же серо-стальные глаза, как и у Аларика, и он слишком высокий.

— Гектор полукровка, — объясняет Аларик. — Его отец был человеком.

Я морщу лоб. Итак, если мой дед полукровка, как Тиора, значит, я... кто? У них даже нет названия для таких, как я: наполовину Дарклинг, со щедрой щепоткой человека тире Люпина. Смешайте ингредиенты вместе, чтобы получился Эдмунд Роуз.

— Я думал, ты знал, — говорит Аларик.

— Нет, — бормочу я. — Дед никогда не рассказывал о прабабушке и прадедушке, так что я понятия не имел, что один из них был Люпином. — Все, что я знаю только, что он осиротел еще в детстве и воспитывал его дядя в Кэрроу Фоллс, который умер от желтой чумы, когда деду было всего пятнадцать. Он переехал в Янтарные Холмы и работал подмастерьем у одного из первых членов Гильдии, женился, когда ему исполнилось девятнадцать, и стал священником после того, как его молодая жена скончалась во время родов моей матери. Вот и все, что мне известно. Почему он не сказал мне, кем он был? Моя кровь кипит от острой боли его предательства, но с другой стороны понятно, почему он все эти годы принимал меня. Мы одно и то же. *Уроды.*

— Так кем была моя прабабушка? — спрашиваю я.

Аларик ведет нас в сторону каменного здания, в которое вошли его брат Пенн с Кираном. Ульрика проталкивается мимо меня, натыкаясь на мое плечо — не могу сказать, нарочно она сделала это или нет, я мог бы быть частью стаи, но это не значит, что она мне доверяет — и входит в дом раньше меня. Тиора в тоже время одаривает меня ободряющей улыбкой.

В прихожей тесно и темно, и заставлено мебелью. Аларик скидывает свою куртку, вешая ее на вешалку у двери, а потом отправляется с нами в гостиную в конце коридора. По пути мы проходим приемную. Дверь открыта, и я останавливаюсь на полушаге. На столе лежит тело Наоми, окутанное в кисейную ткань и окруженное сосновыми венками. Ульрика закрывает дверь. В ее серебряных глазах неимоверная боль.

— Мы не можем кремировать ее до завтрашнего полнолуния, — говорит Тиора. — Это традиция Люпинов.

— Мне очень жаль, — бормочу я никому не нужные слова.

Тиора хмурится.

— Это не твоя вина.

Нет, это мой дед виноват, согласившись отдавать Люпинам наших людей для прокорма Икара. Я до сих пор не могу понять, почему он был таким коварным и считал, что необходимо скрывать всю эту ситуацию и возвращение Дарклингов от всех, включая меня. Если бы он просто был честен, может быть, Кэтрин и Наоми были ли бы живы.

Мы направляемся в гостиную. Полы сделаны из камня, поэтому в ней холодный, сырой воздух. Стены полностью завешаны старыми фотографиями и картинами Люпинов. Ни единого свободного клочка стены.

— Кто все эти люди? — спрашиваю я.

— Наша стая, — говорит Аларик, поднимая стопку книг со стула, указывая мне, где присесть. Люсинда плюхается на стул прежде, чем я успеваю сделать это. Тогда, я сажусь на полосатый, фиолетовый диван рядом с Тиорой. Ульрика садится на кожаное кресло у камина и кладет ноги на журнальный столик. Она вытаскивает кинжал из-за пояса и вкалывает его в подлокотник, ее сердитый взгляд останавливается на Люсинде.

Аларик снимает круглую рамку со стены, и передает фотографию мне. Картина явно старая, с выцветшими тонами и с грибком, начинающим цвести на разлагающейся бумаге. Мне улыбается красивая, молодая Люпин, одетая в очень неудобное платье с большими приподнятыми рукавами и высоким воротником. Ее грива аккуратно заплетена.

— Это Пруденс Блэк. Твоя прабабушка, — говорит он. — Она была вожаком нашей стаи, пока не умерла. Ее наследие должно было перейти дальше к ее сыну, Гектору, но он был тогда еще совсем ребенком и род заканчивался на нем. Поэтому его отправили в Кэрроу Фоллс к дяде, который был человеком, а должность вожака стаи передалась другой семье. Моей семье. Мы приглашали Гектора к себе после того, как узнали, что его дядя умер, но он отказался. На том этапе жизни он переехал в Янтарные холмы и был там счастлив.

— Расскажите о моем прадедушке? Каким он был? — спрашиваю я.

Аларик пожимает плечами.

— Какой-то простой фермер из Кэрроу Фоллс. Он умер от туберкулеза за несколько месяцев до рождения Гектора.

Я поднимаю взгляд.

— Мой дед был полноправным вожаком стаи?

Аларик сжимает губы.

— Да. Но он отказался от должности, когда достиг совершеннолетия.

Я опускаю взгляд на фотографию прабабушки. Почему дедушка решил остаться в Янтарных Холмах, с репрессивным режимом Гильдии, вместо возвращения к своей семье, сюда? И тут до меня доходит. Он познакомился с моей бабушкой. Он остался из-за любви. Интересно, если бы его жена знала, кем он был. Скорее всего, она знала. Не могу представить, чтобы у него получилось сохранить это втайне от нее. Я передаю фотографию обратно в Аларiku, и он вешает ее на стену.

Я замечаю еще одну фотографию на каминной полке, над камином. Это Наоми. Она обнимает Ульрику и Тиору. Они все улыбаются в объектив фотоаппарата. Аларик смотрит туда же, куда и я и его лицо омрачает печаль.

— Зачем Икар вернулся, — говорит он, и его голос ломается. — Моя замечательная девочка была бы с нами, если бы он оставался где-нибудь в другом месте.

— Почему бы нам не спросить «друга» Кирана? — говорит Ульрика, скользнув взглядом по Люсинде.

Она облокачивается на спинку стула.

— Он вернулся за своим сыном. Мальчиком из Янтарных... ох! — Люсинда смотрит на меня. — Это ты.

Мое сердце замирает. Икар — мой отец. Так вот из-за чего дедушка дал то безрассудное обещание и держал возвращение Икара втайне от Гильдии? Он был в ужасе, что все узнают, что я Полукровка-Дарклинг и убьют меня. Я хватаюсь за голову. Это трудно принять. Я причина того, что Икар вернулся и причина смерти Наоми и всех остальных.

— Почему он вернулся за тобой сейчас? — спрашивает Аларик. — Прошло уже восемнадцать лет.

Я смотрю на Люсинду, надеясь на какие-то ответы.

— Существует обычай: как только первенцу главы клана исполняется восемнадцать лет, он принимает клятву крови, которая заключается в том, что он в основном обещает, что будет править кланом, когда его отец умрет. Это старая традиция, но Икар действительно в нее верит. И ты его единственный сын.

— Мне исполнилось восемнадцать в прошлом месяце, — бормочу я.

— Он несколько недель пытался тебя увидеть, — добавляет Люсинда. — Он отправил послание твоему дедушке, сразу же, когда мы только здесь появились, с просьбой встретиться с тобой, но твой дед отказал.

— Он сказал, что «время прошло», вот и все, — говорит Люсинда.

Ульрика наклоняется вперед.

— Если Икар настолько отчаялся увидеть Эдмунда, то почему он просто не пошел в Янтарные Холмы и не поговорил с ним напрямую, а?

— Гмм, может потому, что Гильдия попыталась бы убить нас? — отвечает Люсинда. — Дядя Икар вернулся сюда, чтобы не воевать с ними, если этого можно избежать. Наш народ сильно пострадал от их рук во времена Мучения. Плюс, он хотел, чтобы его сын вернулся к нему добровольно, это часть ритуала: его сын должен «вернуться в лоно по своей воле и принять его бремя лидера», или что-то типа того, — продолжает она. — Он просто хотел поговорить с Эдмундом и тогда мы бы продолжили наш путь. Но его терпение на исходе, он очень злится на деда Эдмунда.

— И пока Икар ждал, чтобы поговорить с Эдмундом, он заставлял наших людей добывать ему пропитание, так чтобы Гильдия не заподозрила, что он вернулся? — Ульрика скидывает руки вверх. — Прелестно, реально, черт возьми, прелестно.

Я покосился на Аларика. Мой дед пытался исправить ситуацию, позволяя Люпинам забирать больных и пожилых людей из Янтарных Холмов для Икара. Пока Гильдия верила, что Люпины стояли за похищением людей, не было никакой причины для них знать, что Дарклинги вернулись и спрашивать, почему Икар здесь. Мой дед сделал все это, чтобы защитить меня. Он наверное надеялся, что Икар поймет намек и уйдет, но ситуация вышла из-под контроля.

— Вы должны поверить мне, я понятия не имел обо всем этом, — говорю я собравшимся.

— Это не твоя вина, Эдмунд, — говорит Тиора, опустив свою руку на мою.

Ульрика замечает этот жест и сужает глаза.

Тиора поворачивается к Аларику.

— Что мы будем делать с сестрой Люсинды и с Гектором? У нас есть время только до полудня завтрашнего дня, чтобы спасти их.

Аларик вздыхает.

— Я не так уверен, что нам стоит вмешиваться...

Люсинда вспыхивает и в панике смотрит на Тиору.

— Но ты обещала! Если Аннора умрет, дядя Икар будет вынужден предпринять ответные меры, что он и сделает.

— Это будет Мучение снова и снова, — говорит Тиора.

— Я возьму Аннору и Икара на себя, и закончим на этом, — говорю я Аларику. — Никто больше не должен умереть. Все о чем я прошу вас, пусть мой дедушка останется с вами, ему будет больше некуда идти.

Аларик раздумывает мгновение, а затем кивает.

— Мне нужно бежать, но для начала зайти в Лигу. — Я предполагаю, что Лига — это Люпинский эквивалент нашей Гильдии. — Я пойду и поговорю с ними немедленно. Мы уйдем с наступлением темноты. — С этими словами Аларик уносится из комнаты.

Как только он ушел, Ульрика вытаскивает свой кинжал из подлокотника и прячет его

обратно за пояс. Она встает.

— Я собираюсь проверить как там Киран.

Люсинда следует за ней, не спрашивая разрешения, оставив меня и Тиору в одиночестве в темной захлавленной комнате. В углу комнаты громко тикают дедовские часы. Я вдруг осознаю, насколько близко друг к другу мы сидим на диване, между нами всего лишь несколько фиолетовых полосок обивки дивана. Тиора двигается, и ее колено соприкасается с моим. Я сглатываю, не в силах сосредоточиться на чем-то, кроме одного дюйма кожи, где наши ноги прижаты друг к другу. Я поднимаю глаза и смотрю на нее. Кровь приливает к ее щекам, и она отводит взгляд в сторону, но на ее губах появляется непроизвольная полуулыбка. Повисает неловкая пауза, поскольку никто из нас не знает, что сказать.

— Пойдем, прогуляемся, — в конце концов, говорит она вставая.

Снаружи, Люпины по-прежнему заняты уборкой бардака, оставленного землетрясением, поэтому они не обращают на нас никакого внимания, когда мы идем по деревне. Мы минуем дом весь увитый глицинией, и Тиора задевает рукой фиолетовые цветы, которые источают резкий, медовый запах. На крыльце стоит старая женщина с длинной седой гривой и подбирает осколки разбитых горшков. Вокруг ее ног разбросаны сотни лепестков орхидей.

— О нет, — говорит Тиора, с разочарованием. — Они были гордостью и радостью Хетти. Она должна быть раздавлена.

Она спешит вверх по ступенькам крыльца, а я пока жду внизу, не зная, следует ли мне присоединиться к ней или нет. Я стою и смотрю, как Тиора говорит старухе слова утешения. Поразительно, как же сильно она напоминает мне Кэтрин. У них обеих добрые сердца. Тиора не должна была приводить меня сюда, она могла бы легко оставить меня в лесу, не брать с собой. Но вместо этого она помогает мне и Люсинде, несмотря на то, кто мы такие. Старушка трет глаза и улыбается Тиоре. Они быстро обнимаются, и после Тиора снова присоединяется ко мне. Мы продолжаем нашу прогулку по деревне.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я, когда мы подходим к окраине.

Тиора усмехается.

— Ты боишься высоты?

— Нет, — отвечаю я, хотя у меня плохое предчувствие.

Она указывает жестами следовать за ней вверх по каменным ступенькам, которые высечены в склоне горы. Мы поднимаемся по ним в течение нескольких минут, идя бок обок, несмотря на то, что там на самом деле не достаточно места для нас двоих. Иногда наши руки соприкасаются, и мой желудок скручивает, будто от боли, но не в плохом смысле. Я отчаянно хочу, переплести свои пальцы с ее, но это безумие! Я даже не знаю эту девушку, но каждая моя клеточка ужасно хочет дотронуться до нее.

К тому времени, когда мы дошли до самого верха, я сильно запыхался, а вот Тиору даже пот не прошиб. Мы на скалистом утесе в нескольких сотнях футов над деревней Люпинов. Здесь, наверху, воздуха намного меньше и у меня кружится голова, хотя это может быть просто потому, что я стою рядом с Тиорой. Небо над головой мутное и серое, и в воздухе витает какой-то странный сероводородный запах, такой же, как у того водопада, где мы хотели разбить лагерь. Это немного сбивает с толку, особенно после землетрясения, но никого, кажется, это не беспокоит, кроме меня. Может быть, это нормально, я не знаю. До сегодняшнего дня, я бы никогда не рискнул оказаться вне стен Янтарных Холмов, так что,

возможно, воздух здесь всегда так пахнет? Сложно представить, сколько всего произошло с тех пор: я встретил Тиору, обрел сердцебиение и теперь я в розыске.

— Вот что я хотела показать тебе, — говорит Тиора, указывая на круглое здание на краю пропасти. У здания нет стен, это просто куполообразная крыша, опирающаяся на несколько мраморных колонн. — Это наш храм.

— Ох, — говорю я, все еще пытаюсь отдышаться от подъема. — Симпатичное.

Тиора негромко смеется, когда мы входим в храм. Отсюда виден Лес Теней. Вдалеке, я вижу Пограничную Стену, окружающую Янтарные Холмы.

— Можно увидеть, где я там живу. — Я указываю в сторону шпиля церкви моего деда, который возвышается над стеной. Неожиданно на меня накатывает волна печали, когда я осознаю, что могу никогда не вернуться туда. Я бездомный. Я инстинктивно хватаюсь за круглый кулон на шее. Он всегда утешает меня, когда я чувствую себя потерянным или испуганным.

— Что это? — спрашивает Тиора, указывая на мой кулон.

— Это символ моей веры, — говорю я. — Все в Янтарных Холмах следуют за Праведностью.

— Праведностью?

— Мы считаем, что Дарклинги — демоны, посланные из ада развращать наши души. — Я пытаюсь улыбнуться, но улыбка тут же исчезает.

Тиора смотрит на меня, и между ее бровями появляется небольшая складочка.

— Ты веришь в это, несмотря на то, кто ты есть?

— Особенно поэтому, — говорю я. — Моя вера удерживает меня в непорочности. Это помогает мне контролировать свои порывы, чтобы я не вредил людям. Это работает. — Я вспоминаю звук хруста шеи Кэтрин. — Ну, большую часть времени.

Тиора хмурится.

— Я не могу себе представить такой жизни. Того, что я должна скрывать кто я из-за страха быть убитой. — Она берет меня за руку, и мое сердце сбивается с ритма. — Тебе, наверное, было очень одиноко.

Она отпускает мою руку и ложится на мраморный пол, похлопав по полу рядом с собой. Я тоже ложусь. Камень пронзает мою спину ледяным холодом, но я не хочу упустить возможность такой близости с Тиорой. Мы лежим так близко друг к другу, что моя левая рука лежит поверх ее, но она не делает никаких попыток отодвинуть ее подальше. Я улыбаюсь и смотрю в потолок. Куполообразная крыша была расписана как ночное небо, с вкраплением жемчуга, повторявшего звезды. В центре крыши отверстие, через которое видно настоящее небо.

— Мой народ... наши люди, — исправляется она, — поклоняются богине Луны. И каждый месяц, в полнолуние, можно увидеть ее прекрасный лик через это отверстие. — Тиора поворачивает голову в мою сторону. Наши взгляды встречаются, и я чувствую, что мой желудок опять нервно крутит. Ее глаза близко ко мне и я понимаю, что они не серебряные, а серо-стальные с крошечными, металлическими крапинками, как мишура, которую мы используем во время новогоднего фестиваля Винтерфеста. — Это мое самое любимое место в целом мире, — шепчет она.

— Спасибо, что поделились им со мной.

Она слегка улыбается.

— Я подумала, что ты бы хотел немного знать о своем наследии. — Ее улыбка исчезает,

и она какое-то время лежит молча.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я ее.

— Об Икаре, — говорит она. — Ты должен знать, что когда ты вернешь Аннору ему сегодня вечером, он же будет ожидать от тебя, что ты останешься с ним?

— Я знаю. Но у меня нет выбора, — говорю я. — Чем дольше он здесь, тем больше опасности для Люпинов и для людей из Янтарных Холмов. Я не хочу больше крови на руках. — Я думаю о миссис Хоуп и Наоми.

Мы впадаем в долгое молчание и просто глядим друг на друга. Ее глаза блуждают по моим старым следам от ожогов на щеках, вдоль широкой линии губ, по узкому носу, возвращаясь к глазам.

— Что случилось? — спрашивает она. Я знаю, что она имеет в виду ожоги.

— Моя мама оставила меня в ванной с кипятком, — говорю я. — Тебя волнуют мои шрамы?

Она кивает.

Я опираюсь на локоть.

— Почему ты так добра ко мне? — спрашиваю я. — Я имею в виду, я — Дарклинг и мой отец убил твоих родителей. Ты должна ненавидеть меня. Я ненавижу себя.

— Ты не можешь осуждать всю расу из-за действий одного человека. — Мой пульс учащается, когда она кладет руку на мою грудь. — Легко ненавидеть, Эдмунд. *Настоящая проверка наших сердец — это прощение.* — Она слегка хмурится. — Почему ты так сильно себя не любишь?

Я переворачиваюсь на спину.

— Потому что я — урод. Пока мы не встретились, мое сердце даже не билось.

Ее глаза расширяются.

— Что?

— Что-то случилось со мной в лесу, — говорю я, не подумав. — Когда я родился, то был проклят, мое сердце не билось, — это случается с порождением Дарклинга и человека — но когда мы коснулись друг друга, мое сердце ожило. Я не знаю, что это значит, но это удивительно и потрясающе, и страшно, потому что у меня есть чувства к тебе, Тиора, — продолжаю я. — Похоже, я чувствую связь с тобой, как будто мы созданы друг для друга, хотя я понимаю - это безумие, мы только что познакомились, и я даже не понимаю, и, черт возьми, пожалуйста, скажи что-нибудь! Скажи мне, что ты тоже что-то почувствовала, — говорю я, ловя ртом воздух. Я никогда не говорил столько предложений за раз.

Она смотрит в сторону.

Я сажусь.

— Ты почувствовала что-то, не так ли?

— Я не знаю, — говорит она, наконец. Она садится и смотрит на меня. — Прежде чем я увидела тебя в лесу, я чувствовал это... это дерганье... в груди. Это было действительно странно. Потом, когда ты упал на меня, после землетрясения, я...

— Что? — говорю я взволнованно.

Крошечная морщинка появляется между ее бровями.

— Я почувствовала острую боль в сердце. Я думала, что это просто от шока, что ты упал на меня, но теперь... — Она вздыхает. — Я не знаю, что происходит, Эдмунд. Что-то явно произошло еще в лесу, но я не чувствую, что «создана» для тебя так, как ты это описал. Я считаю, что ты привлекательный, но это не из-за... — она показывает на мою грудь — того,

что испытываешь ты.

— Ты думаешь, я привлекательный? — говорю я, чуть улыбаясь.

Она краснеет.

— У тебя, правда, не было сердцебиения, пока мы не коснулись друг друга?

— Правда, — отвечаю я.

— Ты когда-нибудь прежде слышал о таком?

Я качаю головой.

— Но я никогда не встречал Дарклингов до сегодняшнего дня, так что я не знаю, что считается нормальным поведением для нашего вида, а что нет, — признаю я.

Она встает.

— Хорошо, пойдем, спросим кого-нибудь, кто может знать.

20

ЭДМУНД

МЫ ОБНАРУЖИВАЕМ ЛЮСИНДУ дома у Аларика, сидящую рядом с Кираном деревянной кровати. Он обложен несколькими подушками и накрыт по пояс одеялом ручной работы. Он без рубашки и я вижу рану на боку, которая зашита несколькими стежками и намазана вонючей мазью. Он бледен, но, кажется, в порядке. У него на губах играет улыбка, он явно наслаждается тем, как Люсинда вытирает его лоб влажной тряпкой.

Ульрика сидит на синем стуле в углу комнаты. Она смотрит в окно, ее тело напряжено, как будто она предпочла бы быть где угодно, но не здесь, со своим раненым двоюродным братом и его подругой Дарклингом. Она проводит пальцами сквозь свои короткие спутанные волосы. Когда мы входим в комнату, она поворачивает голову и испепеляет взглядом наши сомкнутые руки.

— Что происходит, Тио? — спрашивает Ульрика.

— Эм, нам нужно поговорить с Люсиндой, — отвечает Тиора. Девушка-Дарклинг поглядывает на нас. — Нечто странное произошло. У Эдмунда появилось сердцебиение, которого раньше у него не было.

Я на одном дыхании объясняю, что произошло. У Ульрики и Кирана расширяются глаза от удивления, в то время как Люсинда просто кивает, слушая.

— Ты знаешь, что происходит со мной? — спрашиваю я.

— Да. Тиора — твоя Кровная Половинка, — отвечает Люсинда.

— Моя кровная что? — переспрашиваю я.

— Кровная Половинка, — медленно повторяет Люсинда, словно я тупой. — Когда Дарклинги встречают свою истинную любовь, их вторые сердца оживают. Или в вашем случае, только одно твое сердце.

— Свою истинную любовь? — спрашивает Тиора, растерянно глядя на меня. — Но я не Дарклинг, моя мама была Люпином, а папа человеком. Так как я могу быть его Кровной Половинкой?

— Я не знаю, — отвечает Люсинда. — Может быть, это потому, что Эдмунд порождение трех рас: Дарклингов, людей и Люпинов — поэтому он может встречаться с любым из этих видов? Или, может быть, у тебя есть что-то от ДНК Дарклинга? Я имею в виду, все возможно, верно? — добавляет она, когда видит растерянное выражение лица Тиоры. — Если проследить наши родословные далеко к предкам, я уверена, в нас много чего намешано. Так что, возможно, у тебя есть неактивный ген Дарклинга, и он активизировался,

когда ты познакомилась с Эдмундом? — Люсинда взмахивает руками. — Я не знаю. Мне всего лишь четырнадцать.

— Вполне возможно, — бормочет Тиора. — Я немного знаю об отцовской семье. У него мог быть в далеком прошлом родственник Дарклинг.

— Но если это правда, то, как получилось, что ты родилась с сердцебиением, а я нет? — спрашиваю я.

— У нее, наверное, нет простейшей Трипаносомы вампириум в крови, — говорит Люсинда. Я в замешательстве поднимаю брови. — Да ладно, ты должен знать, что это! Как ты думаешь, как ты живешь?

Я пожимаю плечами. Дед ничего не знал о физиологии Дарклингов, и не похоже, что я мог бы спросить кого-нибудь в городе об этом.

— Это такие крохотные-крохотные существа, которые живут в твоей крови, — объясняет Люсинда.

— Фууу, — произносит Киран, кривя рот.

Она хлопает его по руке.

— Они насыщают кислород органы, по сути, они делают всю работу вместо сердца, и в результате чего, за ненадобностью, оно «впадает в спячку», — продолжает она. — Но когда ты встретил Тиору, оно сработало на встречу с Кровной Половинкой и бац! Здравствуй, сердцебиение.

Я смотрю на свои руки, пытаюсь представить эти микроскопические существа, которые беспорядочно бегают у меня внутри. Это противно.

— Итак, что происходит с этими штуками, Трипаносомами вампириумами сейчас, когда у меня есть сердцебиение? — спрашиваю я.

Люсинда пожимает плечами.

— Я предполагаю, что они становятся неактивными, как твое сердце до этого.

— Вот это поворот, — бормочет Ульрика со стула.

— В любом случае, сомневаюсь, что у Тиоры есть какая-либо простейшая Трипаносому вампириум в организме, — подытоживает Люсинда. — Если у нее действительно есть какие-то Дарклинги в роду, о которых мы даже не знаем наверняка, то это далекие, далекие, далекие родственники, так что от них, вероятно, уже ничего в ней не осталось. Поэтому у нее всегда было сердцебиение. — Люсинда смотрит на Тиору. — Так у тебя есть романтические чувства к Эдмунду?

Тиора опускает глаза, вспыхивая. Я знаю, что нравлюсь ей, но довольно очевидно, что эта связь Кровных Половинок, которая у нас есть, больше с моей стороны, чем с ее. Из всех людей в мире, с кем можно быть связанным, мое глупое сердце Дарклинга выбрало полукровку-Люпина, которая не может должным образом ответить на это.

— Это не значит, что твое чувство ко мне не настоящее, Эдмунд, — говорит тихо Тиора, взяв меня за руку. — И может быть, когда мы узнаем друг друга получше, мое чувство к тебе будет расти. Мне просто нужно время, понимаешь?

Я киваю. По правде говоря, мне нужна возможность переварить все это. Этого слишком много, чтобы принять. Но я благодарен за то, что это случилось. Я всю свою жизнь хотел иметь отношения с кем-то. Я думал, что буду с Кэтрин, но ошибался. Я гляжу на Тиору, и она улыбается. Возможно, со временем...

Дверь в спальню открывается и Аларик заходит в комнату. Он кивает мне.

— Лига согласилась позволить твоему дедушке остаться с нами, — говорит он, и

облегчение проходит через меня. — Теперь все, что нам надо сделать — это собрать команду по освобождению.

— Я пойду, — сразу говорит Тиора, сжимая мою руку.

— И я, — говорит Киран, скинув одеяло.

Ульрика вскакивает и толкает его обратно на кровать.

— Не фиг! Ты ранен.

— Я в порядке, — говорит он, а потом смотрит на Аларика. — Я хочу пойти, дядя.

Аннора мой друг.

Аларик кивает. Я восхищаюсь тем, что с подростками тут обращаются как с равными.

Ни у кого не встает вопрос — справятся ли они.

— Ну, если ты идешь, болван, тогда я тоже пойду, — бормочет Ульрика.

— Тогда договорились, — говорит Аларик. — Мы выходим сегодня вечером.

* * *

Как только наступает ночь, мы выдвигаемся в Янтарные Холмы, чтобы спасти моего деда и Аннору. Киран скрежещет зубами, когда мы несемся по лесу, стараясь не показать Аларика и Ульрике, что ему больно. Даже, несмотря на то, что темно, у нас есть способность ориентироваться в лесу — у Люсинды и у меня есть хорошее ночное зрение, в то время как Люпины следуют по старым запахам троп после своих предыдущих визитов в город. Тиора берет меня за руку, когда мы пробираемся сквозь деревья, ее встревоженные глаза встречаются со мной взглядом. Я ободряюще ей улыбаюсь, хотя я тоже нервничаю. Я оборачиваюсь, с ощущением, что за нами следят, но там никого нет. Возможно, это просто воображение играет со мной.

Через несколько часов лес редет, и мы добираемся до поляны, отделяющую лес от Пограничной стены, которая окружает Янтарные Холмы. Я всегда чувствовал себя комфортно, видя эту стену, но отсюда, с этой точки зрения, я понимаю, как это было нелепо. Людям Янтарных Холмов приходится проводить всю жизнь в пределах этой стены, защищающей их от Дарклингов. Теперь я понимаю, что имело бы больше смысла заманивать Дарклингов в ловушку, вовнутрь, в то время как мы бы находились снаружи.

Верхнюю часть стены охраняют мистер Кент и трое новых Стражей. Они нас еще не заметили, так как мы по-прежнему скрыты деревьями. Мистер Кент на ближайшей к нам стороне Пограничной стены. Он, молча, шагает верх и вниз, держа в руках винтовку. Где-то в городе, девушка рыдает от боли. *Аннора*. Люсинда бросается вперед, но Ульрика хватает ее и тащит в сторону деревьев, в это время, как мистер Кент оборачивается и глядит в нашу сторону. Он поднимает винтовку и целится в лес. Никто не издает ни звука, когда мистер Кент смотрит в нашу сторону. Я задерживаю дыхание. В конце концов, он опускает винтовку и идет дальше. Я выдыхаю.

— У нас есть две минуты, прежде чем он вернется, — шепчу я, вспоминая маршрут патрулирования Дозорных.

Аларик машет нам следовать за ним. Мы несемся через луг и карабкаемся вверх по стене. Люпины без проблем влезают наверх — они делали это несколько раз за последние недели — но Люсинда и я, с трудом находим за что зацепиться. Она ошибается и хватается за кирпич, который крошится в пальцах.

— Ох! — вскрикивает она, и скользит вниз по стене на несколько дюймов ниже, прежде

чем успевает зацепиться. Она попадает мне ногой по лицу, и я вскрикиваю от боли. — Извини, — шепчет она. Аларик и Тиора наклоняются к нам и подтягивают нас остальную часть пути. Мы спрыгиваем с другой стороны, прежде чем мистер Кент поворачивается. Он нас не видит.

Город тих, когда мы крадемся по мощеным улицам. Но я все равно не в силах избавиться от ощущения, что за нами наблюдают, хотя в переулках нет никого и ничего, кроме танцующих в лунном свете теней.

— Где как вы думаете, они будут? — спрашивает Люсинда.

— На городской площади, — говорю я, думая о деревянном кресте. — Мистер Лэнгдон захочет выставить их напоказ, на всеобщее обозрение.

Шестеро нас спешат по темному переулку, проходя мимо дома миссис Хоуп. Цветы на крыльце завяли и засохли. Сейчас комендантский час, так что я не жду, что встречу кого угодно, но все равно, я начеку, когда мы вступаем на городскую площадь.

Все так же, как и всегда было: церковь доминирует на западной стороне площади, шпиль отбрасывает кинжало-образную тень на залитую лунным светом площадь. Напротив церкви — магазин Лэнгдона, а слева от здания — лавка древностей. Чучела животных в витрине смотрят на нас стеклянными глазами-бусинками. Рядом с ними стоят баночки с сердцами Дарклингов. Я почти слышу их биение: ба-бум, ба-бум, ба-бум.

В центре городской площади стоит деревянный крест. Тиора берет меня за руку. Мой дед привязан к одной стороне креста серебряными цепями. Он обнажен. Его бледная кожа покрыта темно-фиолетовыми синяками. На его груди грубо вырезаны два слова: ПРЕДАТЕЛЬ РАСЫ.

К другой стороне креста привязана Аннора. Она голая, и ее худое тело, окутано серебряными цепями. Как и у Люпинов, у Дарклингов сильная аллергия на серебро, и металл опалил ее чувствительную кожу, которая уже красная и воспаленная, еще и шелушиться начала от воздействия солнца за весь день. У нее чудовищная дыра в плече, от выстрела Дрю. Она вопит от боли, ее потрескавшиеся губы раскрываются, обнажая клыки. Очевидно, мистер Лэнгдон оставил их здесь в качестве приманки, но мы все равно бросаемся к ним.

Люсинда, Киран и Ульрика стягивают цепи, поддерживая Аннору, пока Тиора помогает мне снять серебряные цепи со щиколоток моего деда, ярость и слезы ослепляют меня. Цепи обжигают мою обнаженную кожу, когда я сдираю их с его плоти.

— Эдмунд...? — выговаривает он мое имя, стараясь изо всех сил.

— Я собираюсь вытащить тебя отсюда, — говорю я.

— Уходи... — говорит он. — Опасно...

— Я никуда не уйду без тебя, — твердо говорю я.

Он стонет, когда я снимаю последнюю цепь, и он тяжело падает в мои объятия. Мы падаем на землю. Оооох. Весь воздух покидает мои легкие, когда голова моего деда ударяется о мою грудь. Он с трудом встает в вертикальное положение и замечает Аларика.

— Что ты здесь делаешь? — озадаченно спрашивает дед.

— Ты возвращаешься с нами, — отвечает Аларик. — Эдмунд договорился...

Его речь обрывается, в то время как дверь Магазина Лэнгдона открывается. В дверном проеме появляется Патрик с винтовкой в руках.

— Так, так, так, кровосос вернулся, — громко говорит он.

Он выходит из здания, а за ним идут следом Харриет и Дрю. Как по команде, двери

открываются в зданиях вокруг нас, и на площадь вываливаются горожане. Они, похоже, ждали нас, дожидаясь сигнала Патрика. Они в ярости, их глаза сужены, из ртов вырывается рычание. Во главе толпы члены Гильдии: отец Эрика, мистер Крэнфилд, мистер О'Мэлли и мистер Лэнгдон. Его жена стоит за ним, словно его неизменная тень, одетая в черное. Ее каштановые волосы заплетены и завязаны голубой лентой, вроде той, которую носила Кэтрин.

Я встаю, прикрывая Тиору, Аларик и Ульрика бережно окружают Кирана. Люсинда обнимает Аннору, которая стоит на коленях на мощеной площади, плача от страха. Дед пытается выпрямиться, его подбородок поднимается, когда мистер Лэнгдон приближается к нам. Трудно выглядеть непокорным, когда ты голый, но почему-то у него это получается.

— Я надеялся, что мальчик вернется за тобой, — говорит мистер Лэнгдон деду. — Я хотел, чтобы ты посмотрел, как он умирает. Тогда, возможно, ты поймешь мою боль.

Миссис Лэнгдон всхлипывает, вытирая опухшие, заплаканные глаза.

— Эдмунд не имеет никакого отношения к смерти Кэтрин, — говорит дед. — Он не виноват.

— Не виноват?! — кричит Патрик. — Он чертов кровосос!

Горожане перешептываются взволновано и злобно. Я слышу, как имена Кэтрин, Эрика, миссис Хоуп, мистера Смита разносит толпа, словно боевой клич. Они начинают приближаться к нам. Я обнимаю деда за пояс, в то время как Аларик помогает Люсинде поставить Аннору на ноги. Мы лихорадочно ищем способ выбраться, но это бесполезно. Всюду, куда бы мы ни повернулись, толпа соседей блокирует наши маршруты отступления. Они смыкают ряды вокруг нас, оставляя позади антикварный магазин на восточной стороне площади.

Кто-то бросил камень, который летит мне в голову, но не попадает, и едва задев волосы, врезается в витрину. Тиора прижимается лицом к моей груди, когда на нас летит стеклянный дождь, царапая нашу кожу. Камень врезается в стол, на котором стоят банки с сердцами Дарклингов, и они падают вниз. Из осколков повсюду разливается гнилостная жидкость. Сверкающие сердца валяются на земле, какдохлая рыба. Одна баночка остается на столе не разбитой.

Сразу же раздается душераздирающий крик с восточной стороны города, потом еще с западной, а затем несколько выстрелов с юга. Все выглядят растерянными, гадая, что происходит.

— Дарклинги! — вопит мистер Кент с северной оконечности стены. Слышны еще выстрелы, затем мужской крик, а затем что-то падает с хрустом на землю.

Люди начинают бежать в слепой панике, натываясь друг на друга, не зная, куда податься, напоминая мне те времена, когда бык бежал в загон на окраину города. Потом я вижу их — десятки теней мелькают в переулках и над крышами, медленно принимая форму, выходя на лунный свет: бледная кожа, сверкающие глаза, волосы, как черный огонь.

Теперь я понимаю, почему мне казалось, что за нами следят, но это были не Патрик и другие. Это были Дарклинги. Они, должно быть, искали Люсинду и Аннору и обнаружили Люсинду со мной, последовав за нами сюда. Горожане отбегают в сторону, когда высокий Дарклинг шествует сквозь толпу. Он одет во все черное, полы его плаща, развеваются у него за спиной.

Его темные пронизательные глаза скользят по Патрику, когда он проходит мимо. Парень застывает, его рука сжимается вокруг винтовки, но он слишком напуган, чтобы

использовать ее. Харриет и Дрю держат ножи перед собой, но они тоже застыли в страхе, при приближении Дарклинга к нам.

— Икар, — выдыхает дед, его голос дрожит.

— Здравствуй, Гектор, — растягивая слова, произносит Икар, вперясь в меня своими черными глазами. — Так... это мой сын.

Я краснею, но выдерживаю его взгляд. Вокруг нас, тени передвигаются по крышам, оттесняя толпу. Некоторые из них безмолвно прыгают вниз, на площадь. Должно быть, их Дарклингов пятьдесят, если не больше. Один приближается к нам. Он похож на Икара — узкое лицо, острые скулы, густые брови, более темные глаза — настолько похож, что я предполагаю, что они братья.

— Девочки! — выкрикивает он, направляясь к Люсинде и Анноре.

— Папа! — отвечает Люсинда, глядя с облегчением своим красивым, похожим на эльфа, лицом. Она стаскивает свою куртку, и аккуратно оборачивает ее вокруг тощего тела сестры, помогая подойти ближе к отцу. Киран делает шаг, чтобы следовать за ними, но Ульрика хватает его за руку и качает головой.

Неподалеку, миссис Лэнгдон сердито берет мужа за руку.

— Сделай что-нибудь, Кристофер.

Мистер Лэнгдон шагает вперед и нервно откашливается.

— Ты нарушаешь условия нашего договора. Я настаиваю, чтобы вы ушли или...

Икар поворачивается, и жуткий мрак в его глазах, заставляет замолчать мистера Лэнгдона.

— Или что? — тихо говорит он. — Вы нарушили договор, когда вы захватили мою племянницу Аннору. А значит, наша сделка недействительна. Мы вправе требовать расплаты.

— Отец! — выкрикивает Патрик.

Мы взбиваемся в круг. Мужчина-Дарклинг хватается Патрика. Еще двое держат Харриет и Дрю. Они одним быстрым движением кусают шеи брата и сестры О'Мэлли. Дрю с Харриет подают на землю, свет в их синих глазах гаснет. Где-то в толпе их отец, мистер О'Мэлли, издает гортанный животный рев.

Две девушки-Дарклинга, Аннора и Люсинда, смотрят на это с ужасом. Есть большая разница между питанием кровью человека и убийством. Это тонкая грань, но я не собирался переходить ее с Кэтрин. Дарклинг, держащий Патрика, наклоняет голову набок, обнажив клыки, собираясь вонзить их в шею парня.

— Нет! — кричит мистер Лэнгдон. — Только не мой сын! Пожалуйста!

Икар почесывает руку.

— Довольно. Нам надо прийти к соглашению.

Дарклинг закрывает рот, но не отпускает Патрика.

Икар делает несколько шагов в сторону мистера Лэнгдона, сужая глаза.

— Мы не встречались раньше? — Дарклинг рассматривает его мгновение, а потом улыбка разливается по его бледным губам. — Да, я помню. Ты был парнем Кэсси. И если мне не изменяет память, также одним из моих лучших клиентов.

Ошеломленный вздох проносится над площадью. Мистер Лэнгдон употреблял Дурман?

— Кристофер? — тихо говорит миссис Лэнгдон, морща лоб.

— Это не правда, — отвечает он.

— Правда, — говорит мой дед, опершись на меня, явно пытаясь встать. — Ты, Кэсси и

эти двое, — он жестом указывает на мистера Крэнфилда и мистера О'Мэлли — часто ходили в лес, чтобы встретиться с этими демонами. — Он практически выплевывает последнее слово. — А потом Кэсси забеременела. Как ты думаешь, почему нам нужно было заставить Дарклингов покинуть лес восемнадцать лет назад? Твои родители вместе со мной сделали это, чтобы защитить тебя от них.

— Вы начали конфликт между нашими людьми и Дарклингами? — говорю я, моя голова кружится от откровения, что мой дед начал Мучение. По крайней мере, теперь я понимаю, как он смог уговорить Люпинов, присоединиться к нашей борьбе. Скорее всего, он был их законным вожаком стаи, и все еще имел определенную власть над ними. Я перевожу взгляд на Аларика. Он мрачен.

— Я священник этого города, Эдмунд, — говорит дед. — Это мой долг — охранять людские души от скверны.

Икар смотрит на меня.

— Ты, кажется, удивлен, Эдмунд. Разве твой дед никогда не рассказывал тебе, как он вел охотничий отряд, который перебил десять невинных Дарклингов во сне?

— Нет, — шепчу я.

Икар скользит любопытным взглядом мимо меня в сторону витрины. Я смотрю туда же, куда и он. Он смотрит на оставшуюся банку с сердцем Дарклинга.

— Разве ты никогда не задумывался, откуда у них эти сердца? — говорит он, вернув свое внимание мне. — Это трофеи, которые твой дед взял у своих жертв той ночью. Два этих сердца принадлежат моим родителям.

Я вздрагиваю, и смотрю на дедушку, изо всех сил пытаюсь разобраться в этом.

— Я сделал это только для того, чтобы защитить душу Кэсси, — говорит дедушка. — Они демоны, Эдмунд. Мир никогда не будет безопасным местом, пока они не будут уничтожены.

Икар делает шаг нам навстречу, и я инстинктивно встаю перед Тиорой. Ее пальцы переплетаются с моими. Этот жест не остается незамеченным Икаром. Он с любопытством поднимает брови.

— Неужели?.. — он кладет руку на мою грудь, и я вздрагиваю. Удивленное выражение появляется на его лице. — Как такое возможно?

Я сбрасываю его руку, и он ворчит на меня, сверкая длинными клыками. Он хватает пальцами мой подборок, наклоняя голову так, что я смотрю в его черные глаза. Находясь близко, я понимаю, что унаследовал от отца широкие губы, длинный нос и его квадратный подбородок. И я снова вздрагиваю.

— У тебя глаза твоей матери, — сказал он. — У Кэсси всегда были самые красивые глаза. Я должен признаться, я, пожалуй, наслаждался, соблазняя ее.

Ярость прожигает меня.

— Так тогда называлось изнасилование?

— Изнасилование? — засмеялся он. — Я не нападал на Кэсси. В чем радость-то? У меня не было желания сделать ей больно. — Его взгляд перемещается на моего деда. — Это Гектора я хотел уничтожить, после того, что он сделал с моими родителями. Я хотел отобрать все, что он любил больше всего на свете, и чем не лучший способ сделать это, как развратить душу его драгоценной дочурки? — Жестокая улыбка заиграла на его губах.

— Моим намерением было только лишь, сделать Кэсси беременной. Я знал, что однажды, когда все увидят ее внебрачного ребенка, ей придется уйти из общины и Гектор

будет опозорен. Я и представить не мог, что она попытается утопить тебя, а потом повесится, но как оказалось, я не могу сказать, что разочарован.

Я поворачиваюсь к моему деду.

— Скажи ему, что это неправда! Мать уронила меня в воду!

Дед опускает глаза.

— Прости меня, Эдмунд, — говорит он тихо. — Кэсси была убита горем, когда он отверг ее. Она не могла жить с таким позором.

Его слова, будто удар в живот. Я опускаюсь на каменные ступени перед антикварным магазином. Моя мама пыталась убить меня? Тиора опускается на колени и обнимает меня.

Икар раскрывается руку и протягивая ее ко мне.

— Присоединись ко мне, Эдмунд.

— Нет! — говорит дедушка. — Ты забрал у меня Кэсси. Разве этого мало?

Икар сердито морщится.

— Я подарил тебе восемнадцать лет с Эдмундом — столько времени ты поделил с Кэсси. Я был более чем щедрым. Но теперь пришло время моему сыну занять свое место в нашем клане.

Все мое тело начинает дрожать, горя от ярости. Икар играл с сердцем моей мамы, и это привело ее к самоубийству, наказав тем самым моего деда — человека, который потратил всю жизнь, защищая меня, направляя меня, даже убивая из-за меня. Я не позволю этому случиться.

Прежде чем я осознаю, что делаю, я бросаюсь к отцу. Икар настолько удивлен моим внезапным нападением, что он не блокирует его, и мы оба падаем на землю, и я оказываюсь сверху. Мой кулак ударяет его в нос и слышится треск сломанной кости. Икар хрипит и хватается меня за волосы, отдернув от себя, обнажая клыки. Кровь струится из его носа. Он сжимает сильные руки на моей шее, его пальцы впиваются в мою плоть, и он ставит меня на колени так, что я на него смотрю. Нет ничего, кроме ненависти в глазах моего отца, когда он смотрит на меня сверху вниз.

— Я прошу тебя еще раз, — мрачно говорит он. — Останься со мной сегодня, и ты займешь свое законное место подле меня, сын.

— Я никогда не буду жить с вами, с демонами! — выплевываю я.

Рот Икара дергается.

— Твое дело.

Я хватаюсь за его руки, когда он медленно, сознательно, начинает сдавливать мое горло. У меня перед глазами начинают всплывать черные пятна, когда воздух вытесняется из моей трахеи. Но все же угловым зрением я замечаю, как что-то белое проносится мимо. Икар вдруг отпускает меня. Я падаю на землю, хватая ртом воздух. Вокруг меня медленно занимается хаос.

Дарклинги ринулись вперед, люди пытаются бежать. Тела падают на землю, потоки крови льются в щели брусчатки. Бездыханное тело Миссис Лэнгдон падает на землю. Ее муж находится рядом. Ульрика держит Кирана за собой, не подпуская его к толпе, в то время как Аларик дерется с группой Дарклингов. Они набрасываются на него, пока не поглощают его тело своими. Мгновение спустя запах крови Люпина прорывается в воздухе.

— Папа, — истошно кричит Ульрика.

Все это — фоновый шум боя, развивающийся у меня перед глазами. Тиора сидит поверх Икара, ее белые волосы неистово растрепались вокруг нее во время драки. Ее серый топ

порван, на губах кровь, но она не останавливается, ее серебряные глаза поблескивают от ярости. Они катаются по земле, борясь друг с другом. Она пытается прижать его к земле, но он бьет ее по лицу и она падает на землю, ошеломленная ударом. Он встает. Тиора пытается уползти от него, ее пальцы, цепляются за булыжники. Ее панический взгляд перехватывает мой, когда Икар нависает над ней. Все происходит так быстро, что я даже не успеваю вскрикнуть, когда его руки смыкаются вокруг ее головы и сворачивают шею.

Я вздрагиваю, моя грудь сжимается.

Мое сердце сжимается, колит от боли, а затем:

Тишина.

21

ЭДМУНД

ТИШИНА. ОНА ЗАСЕЛА ВНУТРИ МЕНЯ, осязаемая, холодная, несокрушимая, вечная. Это может означать только одно. Мое сердце перестало биться, потому что Тиора мертва. Горе от потери, внезапное и резкое, парализует меня. Мне хочется умереть. Я мертв. Люсинда была права; Тиора была моей Кровной Половинкой. Но теперь она ушла, она ушла, она ушла...

Икар отпускает ее, и Тиора падает на землю, как тряпичная кукла. Где-то слева от меня, Ульрика рыдает от горя. Бой продолжают вокруг нас, но я едва замечая это. Лед уже начинает формироваться в моих венах. Люсинда бросается к телу Тиоры, проверяя ее пульс, но это бесполезно, я знаю, что она ушла. Дед обнимает меня, прижимает к себе.

— Зачем ты это сделал? — кричит Люсинда. — Тиора спасла меня и Аннору! Она была доброй и...

— Дворнягой, — вмешивается он. — Просто дворнягой.

Моя кровь кипит.

— Она была моей Кровной Половинкой!

Икар поворачивается ко мне.

— У меня было сердцебиение, а ты забрал его у меня. Ты... — Я не могу найти слов, они тонут где-то там, в горле. Дед крепко обнимает меня, и я слышу, как он тоже плачет. Желание Икара исполнилось. Даже не осознавая этого, он уничтожил моего деда, отняв то единственное, чего он хотел больше всего для меня.

— Разве я не говорил тебе, Эдмунд? Дарклинги — демоны, — шепчет дедушка мне на ухо. — Вот, что они делают: они забирают все, чем вы дорожите.

Икар переводит взгляд в сторону. Он смотрит на что-то в магазине у меня за спиной. Он переступает через тело Тиоры, чтобы отыскать это и возвращается спустя минуту, неся банку с сердцами Дарклингов. Он черпает органы из банки, аккуратно положив их на землю, а потом ногами переворачивает Тиору на спину. Я застыл в ужасе, и не могу пошевелиться, в то время как он наклоняется над ее телом, скрывая его от моих глаз. Раздается треск костей, запах крови, звук чего-то падающего в жидкость. Мгновение спустя Икар встает. Он идет ко мне, а садистская улыбка искажает его губы. В его окровавленных руках зажата стеклянная банка. Внутри нее плавает сердце Тиоры.

— Это традиция в нашей культуре, забирать сердце Кровной Половинки после того, как они умирают, — говорит он насмешливо. — Это мой подарок тебе, сын. Примета такая, похожая на ту, когда твой дед забрал сердца моего народа. Он жестом указывает на груды сердец на земле и передает банку мне.

Я смотрю на нее, отвращение накрывает меня. Это не подарок. Это жестокое напоминание обо всем, что было недолго и я не испытаю это снова.

Он убил ее.

Мерцающая жидкость в банке начинает вибрировать, и на мгновение я думаю, что сердце Тиоры бьется внутри стеклянного контейнера. Затем я слышу грохот в недрах земли, сначала тихий, потом он нарастет, нарастет, как и как гнев закипает внутри меня.

Он забрал ее у меня.

Дома начинают трястись, колокол звонит на шпилье церкви, стекла разлетаются. Боевые действия на площади останавливаются, когда земля яростно дрожит. Все люди вокруг меня кричат от ужаса. Киран хватается за Ульрику, в то время как Люсинда карабкается обратно к Анноре и ее родителям. Плитка соскальзывает с крыши лавки древностей, разбиваясь вокруг нас. Неподалеку, Патрик отбивается от Дарклинга, который по-прежнему держит его, но существо отказывается отпустить его.

В этот момент, низкий, зловещий рокот проносится в отдалении. Все поворачиваются, чтобы посмотреть на гору Альба, которая вырисовывается на фоне звезд. Деревья, растущие по склону горы, начинают дрожать. Наступает тишина, как будто мир затаил дыхание, а затем...

БУМ!

Взрывная волна сбивает всех с ног. В небо извергается столб пепла и дыма, образуя грибовидное облако на несколько миль над горой Альба, где теперь стоит когтеобразный пик. Интенсивный жар опаляет мои брови и ресницы. Уши пульсируют от звуков рева, бурления и извержения вулкана, как будто он изрыгает из себя все внутренности земли.

Все начинают кричать, даже Дарклинги. Дед отпускает меня. Я озираюсь по сторонам. Слева от меня, Ульрика рядом с Кираном, недалеко от лежащего, помятого, бездыханного тела Аларика; справа от меня, дедушка, он держится руками за голову; прямо перед нами, Икар со страхом смотрит на небо. Рядом, я замечаю, как Аннору с Люсиндой уводят с площади их отец с довольно симпатичной женщиной-Дарклингом, которую я не заметил ранее. Другие Дарклинги разбегаются, в том числе и тот, который держал Патрика в заложниках. Патрик поднимается на ноги и делает несколько шагов в мою сторону, когда что-то ярко-оранжевое пролетает по небу — вулканическая бомба! Расплавленная скала врежется в городскую площадь.

Бум!

Колоссальный взрыв поднимает булыжники и мусор в воздух, банка у меня в руках трясется, как погремушка. Патрик лежит на земле и стонет от боли. Неподалеку, огромный крест, к которому недавно был привязан мой дедушка, начинает опасно раскачиваться, его поврежденный каркас громко скрипит.

— Берегись! — кричит Ульрика.

Икар оглядывается, его глаза расширяются, когда он замечает дрожащий крест. Мы с дедом встаем на ноги, в тот момент, когда деревянные щепки начинают разлетаться. Он падает прямо на нас! Дед толкает меня в сторону за долю секунды до того, прежде чем Икар хватается его и тащит к себе. Крест приземляется на них, раздавив их обоих своей тяжестью.

— Нет! — кричу я. — НЕТ!

Я пихаю стеклянную банку в руки Ульрики и пытаюсь поднять крест с тела деда, но он слишком тяжелый. Я толкаю его, пинаю, но он совершенно не двигается с места. Ульрика дергает меня за руку.

— Эдмунд, остановись! — говорит она. — Он умер! Нам надо выбираться отсюда!

Слезы катятся по моим щекам. Их нет. Вначале Тиора, сейчас мой дед. Все, кого я когда-либо любил, ушли. Мой взгляд метнулся к мертвому телу Икара. Это его вина. Он отобрал у меня их обоих. Его последний поступок на земле должен был убить моего деда, и оставьте меня в покое в этом мире. Бездушные черные глаза моего отца таращатся на меня, в них пустота, но на холодных губах застыла издевательская ухмылка.

Еще одна вулканическая бомба падает на город, встряхнув землю, на его восточную сторону. К счастью большинство жителей бегут в северную часть города, недалеко от конюшен. Там есть вторые ворота, которые ведут к главной дороге, соединяющей Янтарные Холмы с ближайшим городом, штата Серый Волк.

— Эдмунд, надо уходить! — говорит Ульрика, быстро моргая, от осевшего пепла на ее ресницах.

— Мы должны в первую очередь добраться до отца, — говорит Киран, указывая на гору. — Вся наша стая там наверху, мы...

Земля снова дрожит. Ульрика падает рядом со мной, чуть не выронив стеклянную банку из рук. Раздается еще один грохот от извержения вулкана и обжигающий поток камней и грязи сползает вниз по склону горы, подобно реке, топя лес, круша все на своем пути, включая деревню Люпинов. Он направляется прямо на Янтарные Холмы!

— Папа! — Киран кричит, как будто его голос может каким-то образом перенестись через мили. Мы ничего не можем сделать, только наблюдать, как лес окутывается облаками из расплавленного пепла.

— Нам нужно уходить! — перекрикивает Ульрика рев оползня.

Я смотрю на тела деда и Тиоры, зная, что это последний раз, когда я вижу их. Потом мы мчимся и присоединяемся к толпе людей, пытающихся спастись. Я бросаю взгляд в сторону горы Альба. Оползень все ближе и ближе разрывает землю. Пограничная Стена остановит этот процесс на некоторое время, но я не знаю, как надолго. Пепел и мелкие камни дождем падают на нас, режут нашу кожу, сжигают нашу одежду, но мы не останавливаемся. Запах гниющих яиц наполняет мои ноздри, и я прикрываюсь рукой.

Мы перепрыгивают через трупы. Что-то хватает меня за лодыжку, и я почти падаю. Я смотрю вниз. Патрик сжимает руку вокруг моей ноги. У него большая рана на бедре.

— Помогите мне, — умоляет он.

Я могу бросить его. Я должен оставить его. Он пытался убить меня. Но это не значит, что я лучше. Если бы я не пил кровь Кэтрин, моему деду никогда бы не пришлось убивать ее.

Я смотрю на Ульрику.

— Направляйтесь к конюшням! Просто следуйте этому пути и попадете туда.

Она уходит с Кираном, стеклянную банку держит подмышкой, а я помогаю Патрику подняться. Он быстро оглядывается на бездыханные тела своих родителей на площади, и после мы бежим по улицам так быстро, как можем с его поврежденной ногой, в сторону ворот за пределы загонов. Трудно смотреть, когда дождь из вулканического пепла падает на нас сверху вниз, обжигая мое горло с каждым вздохом. Сквозь песчаный туман, я замечаю Пограничную Стену, вырисовывающуюся впереди. Ворота уже открыты, и люди выбирают из узкого прохода во внешний мир. Мы бежим в сторону ворот, но на полпути Патрик кричит от боли, его нога подгибается.

— Оставь меня, — он задыхается.

— Нет. — Я стискиваю зубы и перекидываю его через плечо.

Я выношу его из ворот и бегу вниз по главной дороге так быстро, как только возможно, стараясь преодолеть как можно больше расстояния между нами и Янтарными Холмами, насколько это возможно. По пути мы проносимся мимо жителей, которым удалось покинуть город. Я замечаю Ульрику и Кирана среди них.

— У тебя получилось! — говорит Ульрика, затаив дыхание. Она все еще несет сердце Тиоры в банке.

Мы бежим вчетвером, бежим, бежим. Я бегу от оползня, я бегу от Янтарных Холмов, я бегу от жизни, которая у меня когда-то была. Я не останавливаюсь, пока мои ноги не начинают гореть, а мои легкие не могут сделать еще один глоток воздуха. Я сбрасываю Патрика на землю и оседаю, тяжело дыша, пытаюсь отдышаться, но меня рвет желчью и пеплом. Он стонет, но умудряется сесть, обхватив свою окровавленную ногу.

Киран падает на землю рядом с ним.

— Я думаю, мы в безопасности.

Я смотрю вниз по дороге. Трудно разглядеть что-либо из-за смога и пепла, но я думаю, что он прав. Пограничная Стена, должно быть, замедлила оползень достаточно, чтобы сдерживать его от проникновения в такую даль.

— Спасибо тебе, — говорит Патрик.

Я гляжу на него. Все его тело покрыто пеплом, он серый с головы до ног. Я такой же — и небо, и земля и наши лица — серые. Все одинаковое.

— Без проблем, — просто говорю я.

Ульрика протягивает мне стеклянную банку. Она покрыта сажей. Я вытираю черную грязь, и внутри становится видно сердце Тиоры. Горе накрывает меня, думая о жизни в которой мы могли быть вместе. Я никогда не смогу любить ее или она никогда не влюбиться в меня. Я никогда не почувствую, как мое сердце вновь бьется. Икар украл это у меня. Я хочу Тиору назад, но этого не случится.

Я сую банку в руки Ульрики. Она ничего не говорит, когда принимает ее.

— Что нам теперь делать? — спрашивает Патрик.

Я смотрю на дорогу. Нет смысла идти обратно в Янтарные Холмы, там ничего не осталось, некуда возвращаться. Я поворачиваю голову. Дорога в эту сторону ведет в Серый Волк, потом дальше... свобода. Я могу идти, куда хочу. Быть тем, кем захочу. Мои возможности неограниченны. Но есть одна вещь, в которой я уверен: я заставлю Дарклингов страдать за то, что они забрали у меня. Я хватаюсь за круглый кулон на шее, и у меня в голове начинает формироваться план. Будущее простирается передо мной, и я вижу, как я хочу, чтобы это было:

Мир без греха.

Мир по ее подобию.

Мир един.

Ибо так говорит Господь нам всем.

22

ЭШ

— ИТАК, ТЕПЕРЬ ВЫ ЗНАЕТЕ правду о Пуриане Роузе, — устало говорит Люсинда.

Все молчат. Я сажусь обратно на сиденье, пытаюсь прокрутить в голове все, что услышал. Пуриан Роуз мой родственник? Неудивительно, что моя мама никогда не говорила о своей семье. Кто захочет признаться, что ее двоюродный брат — это человек,

ответственный за войну, которая убила миллионы Дарклингов? Должно быть, ей было так стыдно, да и страшно тоже — данный факт мог поставить нашу семью в рискованное положение во время войны.

— Ульрика и я жили с Эдмундом и Патриком некоторое время в Сером Волке, — говорит Киран. — Но это не сработало. Они стали фанатичными приверженцами религии, проводя день и ночь в переписывании писаний Гильдии, которые были потеряны в результате извержения, поэтому они переделывали их в соответствии со своими убеждениями...

— Книга Сотворения? — вставляет Дей, ссылаясь на священный текст, на котором основывается Праведная Вера.

Киран кивает.

— За это время ненависть Эдмунда к Дарклингам только усилилась. Он винил их во всех грехах в своей жизни. — Он вздыхает, потирая голову. — Он взбесился, когда узнал, что я до сих пор общаюсь с Люси и Аннорой, так что мы расстались. Ульрика вернулась сюда, пока я отправился в путешествие с Люси и Аннорой, посещая митинги гражданских прав по всей стране, а Эдмунд с Патриком переехали в Центр, чтобы сделать себе имя в политике.

— Когда он пришел к власти спустя несколько лет, как Пуриан Роуз, мы знали, что надо остановить его, — добавляет Люсинда. — Вот почему мы создали «Четыре Королевства».

Элайджа обращается к маме.

— Как ты оказалась в группе?

— Я встретила Люси и остальных на митинге во Фракии, — отвечает Иоланда. — Мы все остановились у Эсме в таверне «Лунная звезда».

Киран улыбается при упоминании его жены и дома. Натали мельком смотрит на меня виноватым взглядом. Никто из нас не успел сказать ему, что Эсме умерла. Сейчас не подходящее время.

— Почему «Четыре Королевства» не раскрыли истинную личность Эдмунда? — спрашивает Дей.

— Потому что у нас не было никаких доказательств, только слова, — говорит Люсинда. — И никто нам не поверил бы, особенно из-за того, что Эдмунд похож на человека. Мы пытались отследить некоторых бывших жителей Янтарных Холмов, но многие умерли в ту ночь извержения, а остальные не желали говорить.

— Мы обратились к детективу с этими сведениями несколько лет назад, — добавляет Иоланда. — Мы думаем, детектив вплотную приблизился к чему-то. Он сказал, что у него есть зацепка — что-то про внебрачного ребенка, — я бросаю взгляд на Натали, которая бледнеет, — но он погиб во время пожара в доме прежде, чем смог преследовать его дальше. Поджог был совершен умышленно.

— Звучит похоже, что Стражи замешаны в этом, — свирепо говорит Дей.

Стражи-гвардейцы подожгли ее дом после выборов несколько недель назад. Ее младший брат, ЭмДжей, был внутри в то время, хотя нам с Натали удалось спасти его.

— Но вы рассказали, что сердце Пуриана Роуза не бьется? — произносит Элайджа с переднего сидения. — Почему никто не заметил этого?

Люсинда горько усмехается.

— О, я уверена, Пуриан Роуз подкупил или угрожал своему врачу, чтобы тот держал рот на замке.

— Ребята, мы на месте, — говорит Ацелот с водительского сиденья.

Грузовик трясется, пока мы движемся по ухабистой, грунтовой дороге в сторону захудалого сруба, затерянного среди покрытых лишайниками деревьев. Как внутри грузовика, так и снаружи грузовика очень темно, солнечный свет едва проникает в лес. Между деревьями таятся зловещие тени, похожие на преследующих волков, пугая меня до чёртиков. Понятно откуда у леса такое название — «Лес Теней». Он его заслужил.

Ацелот паркует грузовик рядом с хижинкой, и мы выбираемся. Мы в лесу, в долине возле реки. Воздух пахнет хвоей, дождем и свежестью. Мои ботинки утопают в пышной, мшистой земле, когда я выскакиваю из машины и помогаю спуститься Марте, а потом Натали. Ее рука мягкая и теплая. Она улыбается мне, и на секунду мой рот тоже растягивается в улыбке, но потом меня вновь накрывает чувства вины и горя. Я не должен улыбаться, не должен чувствовать себя счастливым, когда мой папа... он... Я сглатываю болезненный комок, вставший в горле. Натали хмурится, и я отворачиваюсь. Сейчас не время для срывов.

Киран подходит к хижинке и громко стучит в дверь, стучит три раза, потом два раза, потом четыре раза. Дом выглядит заброшенным — стены покрыты плющом, окна грязные, и желтая краска на двери потрескалась. Я начинаю думать, что Ульрики здесь нет, когда дверь вдруг открывается. На пороге стоит немолодая Люпин, одетая в кожаные штаны и обтягивающую черную куртку. Она худая, но спортивная, с обветренной кожей, с коротко стриженными волосами и с грязью под ногтями. Она сразу притягивает Кирана к себе.

— Черт тебя дери, я думала, что ты мертв. Я ждала тебя еще несколько недель назад, — говорит она, потом сухо добавляет, — мог бы позвонить.

— Ну, ты же меня знаешь, сестренка. Всегда любил опаздывать, как принято в высшем обществе, — говорит Киран. — Мы попались, когда тайком прокрались в Примас-Один.

Они отпускают друг друга. Ульрика вежливо кивает Иоланде и Люсинде и впервые замечает нас.

— Это мой племянник, Эш, — объясняют Люсинда.

— Я знаю, кто он, — говорит Ульрика, провожая нас вовнутрь. — Кто не слышал о «мальчике, восставшем из пепла».

Я слышу нотку сарказма в ее голосе?

Внутри хижинки прохладно и промозгло. Основной источник света в кухне/гостиной это янтарное мерцание пламени в каменном очаге слева от меня, которое отбрасывает темное, оранжевое зарево на все в этой убогой комнате. Вдоль облупившихся стен стоят полки, забитые деформированными и покрытыми плесенью книгами. На покосившемся шкафу примостился портативный телевизор и покрытый пылью телефон. В центре комнаты — сосновый стол и несколько разномастных стульев. Справа кухонная рабочая поверхность, плита, холодильник и пару буфетов. Над раковиной, с крючка, свисают несколько мертвых кроликов, их свежая кровь капает в фарфоровую миску.

— Мы не можем остаться надолго, — говорит Киран двоюродной сестре. — У тебя есть это?

Ульрика кивает. Она идет к буфету, стоящему на стороне кухни, в то время как Натали и Дей находят место для Марты и помогают старушке сесть. Жук быстро осматривает дом, чтобы убедиться, что здесь безопасно. Ульрика сердито поджимает губы, когда он идет в ее спальню.

— Ты не найдешь ничего подозрительного в комодике с моим бельем, — огрызается она.

Жук выходит из спальни, кончики его ушей ярко-розовые. Он несет несколько хлопковых комбинаций.

— Я подумал, что дамам может потребоваться что-то получше, чтобы прикрыть себя. — Он передает их Иоланде, Марте и Люсинде, которые надевают их под свои одеяла и куртки. Ульрика вздыхает, но ничего не говорит, поскольку она начинает просматривать буфеты.

— Киран сказал, что гвардейцы знают, что вы живете здесь? — говорит Дей.

Ульрика бросает на нее нетерпеливый взгляд.

— Конечно, знают. Эдмунд приходил навестить меня, когда они начали строить стены, давая мне возможность уйти.

— И вы сознательно остались? — выплевываю я.

— Почему бы и нет? — говорит она. — Это мой дом. И, по крайней мере, здесь я в безопасности. В настоящее время, снаружи многие ненавидят Люпинов.

— Вот бы узнать с чего бы это, — бормочет Жук.

— И вас не беспокоит, что миллионы людей были убиты всего в нескольких милях вниз по дороге? — спрашиваю я.

— Конечно, это беспокоит меня, но что я могу поделать? — говорит она.

Мои клыки наливаются ядом, Жук хмурится, морща шрам на щеке. Она много что могла сделать, если бы захотела.

— Надеюсь, вы не возражаете против моего вопроса, почему Эдмунд по-прежнему защищает вас? — спрашивает Натали. — Я думала, что он был зол на вас и Кирана.

— На Кирана больше, чем на меня. Именно он хотел оставаться на связи с Люсиндой и Аннорой, — отвечает Ульрика, бросая холодный взгляд на Люсинду, которая отвечает ей тем же. — Кроме того, Тиора была моей лучшей подругой. А это все-таки, что-то значит для него. — Ульрика закрывает дверцу шкафа и проверяет секцию над раковиной.

Жук поворачивается к Люсинде.

— Как вы думаете, Роуз знал, что вы были в плену?

Люсинда садиться за столом.

— Я сомневаюсь. Он бы, наверное, Кирана отпустил. По крайней мере, если бы ему сказали, что мы были там.

Я думаю о том, что никто не знал, что мой отец умер в лагере — иначе это было бы во всех новостях, если бы они знали — и скорее всего она права. Огромное количество людей попадают в «Десятый» каждый десятый день, сложно, отслеживать всех заключенных. У регистрационного офиса, наверное, не было времени перепроверить имена, чтобы убедиться, что к ним не попали те, кто не должны.

— Ах, вот оно, — говорит Ульрика, вытаскивая пыльную банку из шкафчика. Она ставит стеклянную банку на стол перед нами. Она наполнена ядовито-желтой жидкостью. Внутри плавает сердце Тиоры.

— О, черт, — бормочет Жук.

— Почему вы хранили его столько лет? — спрашивает Дей.

— Тиора была мне как сестра, и мы потеряли целую стаю в ночь извержения, когда она умерла, — говорит Ульрика. — Я хотела сохранить часть ее, часть них, живую... Как то так, мне кажется.

— Как это поможет победить Пуриана Роуза? — спрашивает Элайджа маму.

Мне тоже это любопытно знать.

— Мы собирались пересадить его кому-нибудь, — объясняет Иоланда. — Мы подумали, что если нам удастся найти такого человека, который согласился бы на пересадку сердца, с тем, чтобы реанимировать сердце Пуриана Роуза и воссоздать связь Кровной Половинки,

тогда эта женщина смогла бы уговорить его прекратить войну.

Жук и Дей ошеломленно переглядываются.

— Безумие чистой воды, — бормочет Ульрика себе под нос. — Нет никакой гарантии, что это сработает, даже если у вас все получится с пересадкой сердца.

План сумасшедший, но если кто-нибудь и понимает силу связи Кровных Половинок, так это я и Натали. Если бы она попросила меня, положить конец войне, я бы не раздумывал.

— Я думаю, что это охренительно гениальный план, — говорю я.

Люсинда усмехается. Она становится очень похожей на мою маму, когда так делает. Мама вот так же улыбалась.

— Но разве сердце не старое? — спрашивает Дей. — Хочу напомнить, что оно все это время пролежало в бальзамирующей жидкости. Вы не сможете пересадить его, тем самым не убив.

— Мы могли бы, если бы это была полукровка, — говорит Люсинда, скользя взглядом по мне.

Мой живот скручивает, когда мне приходит в голову мысль, что Люсинда намерена использовать меня, в качестве подопытного. В этом есть смысл. Полукровкам не требуется, чтобы их сердца функционировали, так что я не умру, даже если орган даст сбой. У меня иммунитет к большинству токсинов, поэтому бальзамирующий раствор, сохранившийся в сердце, не отравит меня, и я в силах регенерировать мертвые ткани. Люсинда уже продумала все, кроме одного: я не хочу этого делать. Я не хочу, чтобы кто-то вырвал мое сердце и заменил его на другое. Не говоря уже о том, чтобы я стал Кровной Половинкой Пуриана Роуза! Это заморочка на мега уровне. Мне пофигу на то, что это парень с парнем; у меня раньше было много клиентов мужчин, потребителей Дурмана, и кое-что часто было под парами — мои «дополнительные услуги». Из-за этого клиенты и приходили ко мне вместо того, чтобы покупать флаконы Дурмана у людей дилеров — но с Пурианом Роузом — кровавым палачом Дарклингов, не говоря уже о том, что мы связаны друг с другом. Это... агрх! Просто, агрх! Натали берет меня за руку, почувствовав мои эмоции.

— Это сердце Люпина. Несомненно, тело Эша будет отвергать его, — говорит Дей.

— Нет, если есть генетик, который специализируется в ксенотрансплантации, — отвечает Иоланда.

Так вот почему Люсинде, необходим опыт Иоланды. Это не имело никакого отношения к ее исследованиям желтой чумы, только благодаря ее работе со скрещиванием разных видов. Я не могу поверить, что мы не поняли этого раньше. Что это лучший способ свергнуть Пуриана Роуза, не рискуя чьей-либо жизнью?

— Это все при условии, что Эш хорошо относится к тому, что вы вырежете его сердце, — растерянно говорит Ацелот с другой стороны комнаты. Он выглядывает в пыльное окно, проверяя периметр. Он оставил свою куртку Стража-гвардейца в грузовике, поэтому на нем только белая майка, черные штаны и сапоги. Его пятнистый хвост ритмично колышется у него за спиной, разгоняя пыль на полу. Он поглядывает на меня. — Тебе повезло, мой друг, что мы не должны придерживаться этого *фу-кака* плана, да?

Я благодарно ему улыбаюсь, испытывая в душе облегчение. Я не уверен, что был бы в состоянии это сделать, если бы меня к этому подталкивали. Люсинда бросает насмешливый взгляд на меня и на Натали, которая кратко рассказывает о Стражах-Повстанцах в Галлии.

— И вы доверяете этим людям? — спрашивает Люсинда.

— Эти люди — мои родители, — отвечает Натали односложно. — Так что, да, я им

доверяю.

— У них обалденный арсенал оружия, — говорит Элайджа маме. — Не говоря уже о целом флоте Транспортеров, которые все снаряжены боеприпасами. Это очень профессионально. Они планируют нападение на Центрум через четыре дня.

— И затем что? — огрызается Люсинда. — Мы заменим одних чертовых Стражей на других. Будет ли по-другому?

Натали смотрит на меня с неуверенностью. Люсинда права. Если Стражи-повстанцы возьмут контроль над Центрумом, то это не сильно улучшит наше положение. Это по-прежнему государство Стражей, люди которого будут ставить свои интересы выше наших. По крайней мере, если «Люди за Единство» и «Четыре Королевства» возьмут на себя управление, они будут пытаться создать справедливое и делегированное правительство.

Часы Натали внезапно гудят.

— Это Дестени.

— Я вижу Транспортер, — подтверждает Ацелот, отойдя от окна.

Ульрика раскрывает объятия Кирану.

— Ну, я полагаю, это до свидания, братишка.

— Ты не пойдешь с нами? — спрашивает он.

Она качает головой.

— Это мой д...

Ее слова внезапно прерываются. У нее на лице появляется недоумение. Она открывает рот, пытаясь говорить, но кровь пузырится и течет из маленького отверстия от пули в горле. В оконном стекле, где только что стоял Ацелот, такое же отверстие. Ульрика падает на пол.

— ЛОЖИСЬ! — ору я, как только стекло окошка разлетается от дождя пуль. Они врезаются в деревянные стены, рвут книги, разбивают бокалы.

Элайджа толкает маму на пол, в тот момент, когда книга взрывается над ее головой, отправив конфетти слов в воздух. Все падают на пол. Киран приземляется рядом со мной. У него уже нет части лица.

— Киран! — вопль Люсинды пронзает мои барабанные перепонки. — Киран, КИРАН!

Натали в футе от меня, лежит лицом вниз, руки сложены над головой. Я хватаюсь за ее куртку и тащу к себе, а потом, как щитом накрываю своим телом. Ее пульс скачет. Тень загораживает тусклый свет из переднего окна, и разносится громкий гул двигателей. Еще один свист пули проносится по комнате, когда Жук ползет по полу в сторону входной двери. Он медленно открывает ее и выглядывает наружу.

— Дестени сажает Транспортер! Придется бежать, — говорит он.

Грядет очередной раунд выстрелов, и Натали вздрагивает. Дей вскакивает на ноги и помогает Марте подняться. Они выскакивают за дверь, сопровождаемые Жуком, Элайджей, Ацелотом, а затем Иоландой. Люсинда замерла от страха под столом, не сводя глаз с уничтоженного лица Кирана.

Я смотрю на Натали под собой.

— Беги.

— Только с тобой! — говорит она.

— Я за тобой.

Натали быстро целует меня, затем вскакивает на ноги и бросается к входной двери, ее белокурые локоны взлетают у нее за спиной. Пуля врезается в деревянный дверной косяк в дюйме от нее. Мое сердце сжимается. Нет времени паниковать. Я поворачиваюсь к тете.

— Люсинда, нам нужно идти, — говорю я, протягивая ей руку.

Что-то еще в комнате разлетается и Люсинда съеживается.

— Держи меня за руку, — требую я.

Она моргает, чувства возвращаются к ней, и она берет меня за руку. Мы вылезаем из-под стола. Я хватаю стеклянную банку с сердцем Тиоры — из-за него мы проделали весь этот путь, и я не уйду без него — и мы мчимся наружу.

Самолет примерно в пятидесяти футах от нас, двигатели ревут, от чего деревья качаются, неистово шелестя листьями. Жук уже в люке с направленным пистолетом в сторону деревьев.

— Поторопись, приятель! — говорит он. Остальные уже внутри.

Я слышу над деревьями гул других Транспортеров, приближающихся к нам.

— Вон там! — кричит голос из-за деревьев слева от меня.

Страж-гвардеец выходит из мрака, держа пистолет наготове. Я направляю мою тетю направо, когда он нажимает на курок. Пуля царапает мне руку, и я вскрикиваю от боли. Следует поп-поп-поп ответных выстрелов из Транспортера, Жук разгружает свое оружие, давая нам несколько жизненно важных секунд, чтобы добежать. Я заставляю себя бежать быстрее, мои легкие горят от усилия. Люсинде с трудом удается держать темп. Она спотыкается о поваленное дерево. Я поддерживаю ее в вертикальном положении, когда еще одна пуля проносится над нами. Мы добираемся до Транспортера, и Стражи-гвардейцы оббегают хижину, стреляя в нас. Жук хватается Люсинду за руку и помогает ей подняться на борт. Я запрыгиваю на борт воздушного судна, сильно ударяясь о металлический пол, и чуть не роняю сердце Тиоры.

— Гони! — кричу я Дестени, и Натали подбегает ко мне, помогая мне подняться.

Дестени дергает ручку управления, и Транспортер кренится вверх.

Люк начинает закрываться, но не достаточно быстро. Страж-гвардеец нацеливает свою пушку на самолет и нажимает на курок. Две пули попадают в металлический каркас, но одна залетает внутрь. Транспортер вдруг резко наклоняется. Натали вопит, спотыкаясь об меня, и мы оба летим к правой стене.

В кабине, Дестени морщится боли, пытаясь сохранить управление самолетом, кровь сочится из раны на ее плече. Ацелот, Жук и Дей несутся в кабину. Ацелот берет управление на себя, стабилизируя самолет, а Жук поднимает Стража-девушку из кресла пилота и кладет ее на пустые сиденья. Дей заползает в кресло второго пилота. Поток бранных слов сыплется с губ Дестени, когда она зажимает рукой кровотечение на плече.

Самолет выравнивается и Ацелот прибавляет скорость. Транспортер устремляется вверх, слышится скрежет ветвей деревьев, они как крысы, царапают металлические бока. Мы прорываемся сквозь деревья, и тут же самолет заливают блестящим, белым светом. Слышится звук пулеметного огня та-та-та-та, пули ударяются в бронированные стены, и трещина расплзается на лобовом стекле.

— У нас компания, — говорит Ацелот.

Из расколотого ветрового стекла я замечаю три Транспортера. Они направляются прямо на нас.

— Нажми зеленую кнопку! — говорит Дестени сквозь зубы.

— Какую из них? — паникуя, отвечает Дей. Их несколько на приборной панели.

— Там, рядом с оранжевым переключателем, — хрипит Дестени. — Ракеты автоматически нацеливаются на ближайшую цель, если вы их не нацеливаете в другое место.

— Нашла! — говорит Дэй, хлопнув рукой по зеленой кнопке.

В небе вспыхивает ракета, и через секунду ближайший Транспортёр превращается в огненный шар, рассыпаясь обломками металла. Дей нажимает на кнопку еще раз. Вторая ракета попадает в цель, и крыло самолет взрывается. Самолет по спирали падает на землю. Происходит страшный взрыв, сопровождаемый ударными волнами, которые доносятся до нашего корабля, что каждый подпрыгивает на месте. Третий Транспортёр разворачивается, зная, что мы значительно превосходим силой, и гвардейцы благоразумно пытаются спастись, прежде чем мы выстрелим еще. Мы облетаем лагерь заключенных, пролетая над Примас-Два, потом Один. К регистрационному офису ведут еще несколько новых эшелонов с заключенными. Пограничная Стена маячит впереди. У меня появляется идея.

— У тебя еще есть ракеты? — спрашиваю я.

Она смотрит в монитор.

— Три, на левом крыле.

— Видишь эту стену? — говорю я, кивая в сторону бетонной конструкции. — Разнеси ее.

Дей ухмыляется.

— Слушаюсь, сэр.

Она целится и нажимает зеленую кнопку: раз, два, три раза. Все ракеты поражают цель. Пыль и мусор поднимается в воздух, когда стену разносит в клочья, оставив дыру, шириной около одной мили. Растерянные охранники не достаточно быстро реагируют на то, как заключенные сбиваются в рой и выливаются через дыру к свободе. Один ноль.

Ацелот и Дей увозят нас прочь из «Десятого», и вскоре Гора Альба становится немногим больше, чем оспина в пейзаже. Я возвращаюсь в главную каюту. Жук и Натали ухаживают за раной Дестени, в то время как Элайджа лежит головой на коленях мамы. Я быстро осматриваю рану на моем плече — всего лишь царапина, — и тогда присаживаюсь рядом Люсиндой на металлической скамейке, стеклянная банка в моих руках. Она весит так мало. Трудно поверить, что эта небольшая штука была катализатором кампании террора против Дарклингов, которую начал Эдмунд Роуз. Теперь пришло время покончить с этим.

23

НАТАЛИ

К ТОМУ времени, когда мы добираемся до оплота Стражей-повстанцев в Галлии, день уже в разгаре, так что бронзовые фасады изданий светятся как свечи. Прошло всего чуть больше суток, с тех пор как мы уехали отсюда, но такое впечатление, будто целая жизнь промелькнула. Я смотрю через ветровое стекло на город, проносящийся под нами в тумане меди. Транспортёры взмывают в облачное небо, перевозя грузы в и из оружейных заводов. Не думаю, что нас кто-то преследовал из «Десятого» — я не видела никаких самолетов. Ацелот невероятно опытный пилот, мастерски лавирует Транспортёром между небоскребами и промышленными зданиями. Дей радостно общается с ним, наслаждаясь своим импровизированным уроком летного мастерства.

Эш сидит рядом со мной, молча, стиснув зубы. Он не сказал ни слова с тех пор, как мы покинули «Десятый», и я не трогаю его. Он изо всех сил старается держать себя в руках. Его волосы нежно шевелятся, почуяв кровь вокруг нас. Мы все в порезах и в царапинах после перестрелки, и рубашка Дестени испачкана запекшейся кровью. Ее рана, наконец, прекратила кровоточить, Жук проделал большую работу с ее перевязкой. Он залатал и руку

Эша. Жук сейчас спит на скамейке между мной и Дестени.

Она поглядывает на стеклянную банку на коленях Эша.

— Я не могу поверить, что все это было из-за сердца, — вздыхает она. — Ну, не все так плохо. По крайней мере, Эш с нами.

Я улыбаюсь, и сжимаю его руку. Его вызволение было моим приоритетом, так что я не слишком разочарована, что «Ора» оказалась не желтой чумой. Хотя будет трудно объяснить моему отцу, зачем мы рисковали жизнью, чтобы достать тридцатилетнее сердце Люпина.

Я проверяю карман своей куртки, вспоминая про пузырек с серебристо-белой жидкостью, который украла из лаборатории лагеря. Я вынимаю флакон из мешочка. К счастью, он не поврежден. На стеклянной трубке есть маленькая этикетка с надписью «Ф-09 Крылья».

— Подозрительная на вид штука. Похожа на Дурман, — говорит Эш, взглянув на флакон.

— Да, мне тоже так показалось. — У меня было достаточно опыта с «Золотым Дурманом» — смесью молочно-белого Дурмана, имеющую отчетливую клейкую консистенцию с мерцающим, золотым ядом Бастетов — опознать который я могу, лишь взглянув. Эта смесь молочно-серебристая вместо молочно-золотой. — Интересно, зачем эти серебряные частички смешали с Дурманом. Может, это «Ночной шепот»? — Я задумываюсь, напоминает бабочек, которые мы видели в лаборатории. Их крылья серебристого цвета. Но зачем же Пуриану Роузу понадобилось добавлять их к Дурману?

Я поднимаю его вверх, чтобы посмотреть на свет. Жидкость сверкает, притягивая внимание Иоланды.

— Что это? — спрашивает она, беря у меня его из рук.

— Препарат под названием «Крылья». Он был в лаборатории Стражей в лагере, наряду с этим диском, — говорю я, извлекая из кармана голубой диск с нацарапанной на нем надписью: «ИСПЫТАНИЯ НА ПАЦИЕНТАХ». — Я хочу, чтобы Доктор Крейвен сделал несколько тестов на наркотики, чтобы увидеть, что в нем.

— Я бы хотела, помочь с этим, — отвечает Иоланда, передавая флакон обратно.

Я сунула его в карман и отправилась в кабину.

— В какую сторону? — спрашивает меня Ацелот. Пятнышки гепарда на щеках его красивого лица ярко выделяются в золотом свете заката.

Я указываю в сторону плавильных работ на западной стороне города, которая таит в себе в тоннель, ведущий на базу Стражей-повстанцев. С точки зрения наблюдателя, похоже на то, что мы просто летим на склад фабрики, и это не вызывает подозрения — такое часто можно увидеть здесь, что Транспортеры летят в и из фабрик, когда они переносят груз. Ацелот направляет самолет через открытую крышу фабрики, и Дей тыкает кнопки на панели управления. Фальшь-пол склада разъезжается, открывая вход в тоннель, и мы летим вниз на повстанческую базу. Я возвращаюсь на свое место и пристегиваюсь, чуть позже мы приземляемся внутри самолетного ангара.

— Дом, милый дом, — говорит Элайджа, устало мне улыбаясь. Он, кажется, вымотанным, но счастливым. Опять же, почему бы и нет? Он вернул себе маму.

Дверь люка открывается, издавая гидравлическое шипение. На другой стороне, снаружи стоят моя мать, отец, Гаррик и Саша. Все они в ярости. Ой ей.

— Что ты скажешь в свое оправдание, юная леди? — кричит мама.

Я смущенно смотрю на своего отца, который выглядит злее, чем я когда-либо видела его

раньше, шрамы на его лице искажены от яростной гримасы.

— Нам потребуется много объяснений, Натали, — шипит он сквозь стиснутые зубы.

Эш хватает свою синюю сумку, вынимая ее из-под скамейки, которую Дестени хранила, пока мы были в «Десятом», и берет меня за руку. Лыдисто-голубые глаза моей матери сужаются с неодобрением, но я игнорирую ее. Мне плевать, что мои родители думают об Эше, это не изменит моих чувств к нему.

Гаррик и Саша помогают Дестени сойти с Транспортера, в то время как другие помогают Марте, Люсинде и Иоланде. Они могут ходить, но еле держатся на ногах. Мать неловко обнимает Марту, сильно удивляя тем самым старую женщину-Дарклинга, впрочем, и меня тоже.

Мы направляемся к лифту, мама всю дорогу поливает меня гневными тирадами. Я жую внутреннюю сторону щеки, принимая шквал брани. Она имеет полное право злиться на меня. Иногда я бросаю взгляд на моего отца, но он отказывается встречаться со мной взглядом.

— Мне жаль, что вы волновались, — говорю я, не выдержав больше его молчания. — Но я не сожалею о сделанном. Эшу нужна была моя помощь, и я не могла ждать, пока ты попросишь Командующего, об отправке спасательной операции, чтобы все равно услышать «нет».

Покрытые шрамами губы отца сжались, но он ничего не говорит. Он знает, я права.

Двери лифта распахиваются, и мы входим на базу. Глаза Эша расширяются, когда он вбирает в себя все: поезда метро, оживленные тротуары, металлические здания — много всего, чтобы переварить. Он присвистывает сквозь зубы.

— Ты не преувеличивала, — бормочет он.

Мы направляемся в больницу, где Доктор Крейвен ждет нас, чтобы осмотреть наши раны. Сигур лежит на одной из больничных коек, еще не оправившись от собственных мытарств. Он поднимается в вертикальное положение, когда видит нас. Челюсть Эша сжимается при виде своего Кровного Отца. Длинные, лыдисто-белые волосы Сигура откинута назад, раскрывая в полной мере раны на его мускулистом торсе. На его алебастровой коже рваные раны и УФ-ожоги, плюс от систематических издевательств гвардейцев - синяки по всему телу. На спине два розовых толстых шрама в том месте, где раньше были его крылья, прежде чем их отрезал Себастьян.

— Сын, — говорит Сигур, раскрывая бледные руки.

Эш кладет свою сумку и ставит сердце Тиоры на тумбочку, затем опускается на кровать Сигура и позволяет себе отдаться в объятия Кровного Отца.

— Я сожалею, что оставил тебя, — шепчет Эш замученным голосом. — Я не должен был позволить им причинить тебе вред. Я должен был спасти тебя, прости, о Боже, о Боже, мне так жаль...

Сигур перехватывает мой взгляд.

— Гарольд умер, — тихо говорю я.

Горе омрачает лицо Сигура и он крепче обнимает Эша, понимая, что слова Эша относятся не только к нему. Люсинда сидит рядом с ними и ласково гладит волосы Эша...

В другой стороне комнаты Элайджа, Ацелот и Иоланда стоят вместе, обняв друг друга, оплакивая свою потерянную семью. Если эта война когда-нибудь закончится, я хочу вернуться в Серый Волк, и забрать тело Марсея, чтобы похоронить его с погибшими членами семьи в Виридесе, где ему и место, а не под грудой камней на каком-то

заброшенном складе, с несколькими безделушками и семенами одуванчика на могиле.

Я поворачиваюсь к моему собственному отцу и обнимаю его. Он ничего не говорит, просто крепко прижимает меня к себе. Моя мать легонько поглаживает меня по спине. Мне так повезло с ними. Я поднимаю взгляд, заметив поблизости Марту. Отец протягивает руку к ней. Она принимает ее, и присоединяется к нашему объятию. Моя семья наконец-то снова вместе... почти. У меня внутри все болит при мысли о Полли, нам ее так не хватает. Я думаю, о ноже в моей спальне — я украла его из ультрафиолетовой теплицы — ее имя вырезано на ручке. Я не забыла о моем обещании сестре. Я собираюсь убить Пуриана Роуза.

В конечном итоге я, вытирая глаза, отстраняюсь от них. Гаррик и Саша приносят Дестени. Она находится в соседней палате и окружена заботой доктора Крейвена и нескольких медсестер. Они сняли с нее куртку, поэтому она одета лишь в окровавленную майку, которая открывает ее мускулистые руки и завидную фигуру. Доктор Крейвен намазывает ее кожу обезболивающей мазью, а затем зашивает рану.

Я перевожу взгляд на моего отца.

— Что ты собираешься делать с Дестени?

— Мы обсудим ее наказание позже, — отвечает отец.

— Пожалуйста, не будь с ней слишком суров, — говорю я. — Она была просто хорошей подругой. И она отличный пилот и она вам понадобится еще, если вы планируете нападение на Цент... — Я резко умолкаю, поняв, что сморозила лишнее. Я не должна знать о планируемом нападении на столицу. Отец одаривает меня тяжелый взгляд, и я морщусь. — Не злись на Дестени. Я случайно застучала ее, когда она изучала план атаки в центральном управлении.

Отец поднимает брови.

— Когда это было?

— Несколько дней назад, — говорю я. — А что?

— Ничего, — отвечает он, поглядывая на Дестени.

Доктор Крейвен заканчивает зашивать ее рану и приходит к нам.

— Привет, душечка, — говорит он, даря мне теплую улыбку, хотя его глаза осматривают все лица в комнате. Я не удивлюсь, если он надеется увидеть своего сына Себастьяна с нами.

— Себастьян жив. Он убил брата Ацелота и украл их Минипорт, он, наверное, сейчас в Центруме. — Это наиболее вероятное место, куда мог отправиться Себ.

Доктор снимает очки и трет уставшие глаза.

— Я больше не понимаю этого мальчика, — говорит он тихо. — Мой сын никогда не был идеальным, но он был хорошим мальчиком, пока он не заразился этой бредовой Праведной верой. Это разбивает мне сердце. Я очень рад, что никогда не рассказывал ему об этом месте.

Это касается нас обоих.

— У меня есть кое-что для вас. — Я передаю Доктору Крейвену флакон «Крыльев», кратко объяснив, откуда он у меня. — Я уверена, что молочная составляющая, это Дурман, учитывая его клейкую консистенцию, но я хотела бы знать наверняка, с чем он был смешан. Возможно это «Ночной шепот».

— Я проведу тесты, — говорит он, забирая его в свою лабораторию, расположенную в конце палат.

Эш встает с кровати Сигура и забирает свою сумку и сердце Тиоры. Он выглядит измученным, его лицо изможденное, темные глаза мерцают за длинной, черной челкой.

— Есть запасной бункер на три двери дальше от нас, — говорит отец. — Эш может остановиться там.

— Спасибо. Я заберу свои вещи из нашей комнаты, — отвечаю я. Мать моргает и бросает на отца обеспокоенный взгляд, и я вздыхаю. — Мама, мы с Эшем помолвлены. Я остаюсь с ним.

— Я не уверена, что мне это нравится, — отвечает мама.

Я целую ее холодную щеку.

— Я люблю тебя мама, но это не обсуждается.

Мама хмурится.

— Но...

— Шивон, отстань от них, — мягко говорит отец ошеломленной маме. Я улыбаюсь ему, и он обнимает меня. — Когда ты выросла, а? Я не уверен, что мне это нравится, — шепчет он мне на ухо, а затем отпускает меня. Он протягивает руку Эшу. — Обращайся с моей девочкой хорошо. Она наше сокровище.

— Я также отношусь к ней, сэр, — отвечает Эш, пожимая ему руку.

Отец коротко кивает и отпускает руку Эша. Мы направляемся в наш бункер, останавливаясь в моей старой комнате, попутно забирая мои вещи, в том числе нож с желтой ручкой. Эш замечает надпись на ручке.

— Полли? — спрашивает он. — Имя сестры?

Я запикиваю нож в карман.

— Что ты хочешь делать с ним? — говорит он, прищурившись.

— Ты знаешь, — говорю я. — На следующий день, после того, как я нашла тело Полли, я сказала тебе, что хочу убить Пуриана Роуза. Ничего не изменилось.

Мышца челюсти Эша дергается, но он больше ничего не говорит, не желая начинать ссору. Я беру его за руку и веду его к нашей новой двуспальной кровати.

Наша комната меньшего размера, чем я делила с моими родителями, с двуспальной кроватью, с двумя тумбочками, небольшим письменным столом и шкафом, встроенным в белые, глянцевые стены. Эш ставит стеклянную банку на стол и тихо закрывает дверь. Мы, наконец, одни.

Он пересекает комнату в два шага и обнимает меня, его губы обрушиваются на мои. Поцелуй получается очень настойчивым и нежным одновременно, он желает наслаждаться моментом, но едва ли в состоянии сдерживать себя. Сильное желание обжигает меня, и я прижимаюсь своим телом к нему, мои пальцы погружаются в его волосы. Внезапно я ощущаю вкус соли на моих губах и тут же разрываю поцелуй.

— Эш?

Он уставился в точку на полу, его челюсти плотно стиснуты, и дорожки слез пробегают по щекам. Я беру его за руку, и мы ложимся на кровать, оба полностью одетые. Я мягко целую его, открывая канал между нами, известный как Единение Душ (он есть только у Кровных Половинок), позволяя его эмоциям перетекать в меня. Мое сердце впитывает его горе, вину и боль, пытаюсь забрать хотя бы часть его страданий. По моим щекам льются слезы. Его боль почти невыносима, но я буду держать ее до тех пор, пока он, в конце концов, не решит сам отстраниться. Он нежно пальцами стирает слезы с моего лица.

— Я люблю тебя, блондиночка, — шепчет он.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я, обнимая его.

Он кладет голову на мою грудь, и мы остаемся в таком положении на всю оставшуюся

Я ДОЛГО НЕ МОГУ заснуть, несмотря на то, что мои силы на исходе. Когда я засыпаю в моих снах меня преследуют кошмарные видения истощенных тел, прикованных к больничным кроватям, их челюсти насильно сжаты. Я сдергиваю одно из одеял, раскрывая моего папу, лежащего на грязном матрасе. Его тело серое и исхудавшее, кости торчат из деформированной кожи. Он сжимает мою руку, и пламя извергается из его пальцев, оно ползет по моему рукаву, пока огонь полностью не поглощает меня, как в тот день, когда я стал Фениксом...

Я резко поднимаюсь. Мое горло срывается на крик.

— Шшш, все хорошо, все хорошо, — говорит Натали, обнимая меня. Я цепляюсь за нее, пытаюсь отдышаться, когда волна горя накрывает меня, вспоминая, что мой отец мертв. Я сосредотачиваюсь на дыхании: выдох — вздох — выдох, пока, в конце концов, не успокаиваюсь.

Через несколько минут, я нехотя отстраняюсь от Натали и смотрю на часы на тумбочке. Уже одиннадцать утра. Мы встаем с постели, принимаем душ и переодеваемся. Я вытряхиваю свою сумку на кровать и начинаю откладывать некоторые вещи. Сложенный листок бумаги падает на пол. Натали берет его.

— Что это? — спрашивает Натали.

— Да какой-то лабораторный отчет, забранный тобой с Бесплодных Земель, о «Проекте Куколка», — отвечаю я.

Она разворачивает документ и просматривает его. Ее глаза расширяются от удивления. Она разворачивает лист бумаги, чтобы показать мне эмблему серой бабочки, напечатанной в верхней части страницы.

— Ничего не напоминает? Это про «Крылья». Я не могу поверить, что у нас была эта информация все это время! Мы должны передать это доктору Крейвену, это может быть важно.

Мы направляемся в главный корпус. База Стражей оказалась даже больше, чем я себе представил, увидев ее впервые. Каждые несколько минут мимо нас со свистом пролетают поезда метро, заполненные солдатами, и проходят Стражи-повстанцы, эмоционально переговариваясь шепотом о «предстоящем нападении».

Мы проходим в центр управления — в комнату со стеклянными стенами, уставленную высокотехнологичными цифровыми экранами и массивными интерактивными столами. Вокруг стола стоят родители Натали, молодой мужчина с песочно-светлыми волосами и зелеными глазами, его имя написано на бейджике — Адам Слейтер, Роуч, Ацелот и Люпины, Гаррик с Сашей. Рядом с ними стоят Дестени и Сигур. Я удивлен, увидев, что они уже смогли подняться с больничных коек. Сигур стоит, слегка сгорбившись, но в остальном выглядит внимательным и сосредоточенным, когда изучает голографическую карту, проецируемую над интерактивным столом. Похоже, у них важная встреча и я не был приглашен! Я злобно толкаю дверь и следую за Натали.

— Мы ударим по целям здесь, здесь и здесь, — говорит генерал Бьюкенен. — Чтобы заблокировать доступ к городу.

— Что происходит? — спрашиваю я.

Они поднимают глаза.

— Хорошо, что ты вернулся, Феникс, — говорит Роуч. Ее голубые дреды завязаны сзади, открывая ее веснушчатое лицо. Она очень похожа на Жука.

Я поворачиваюсь к Сигуру.

— Почему вы не позвали меня на собрание?

— Я хотел, дать тебе отдохнуть, сынок, — отвечает он.

— Это план атаки? — спрашивает Натали, изучая карту.

Генерал Бьюкенен быстро пробежался для нас по плану нападения на Центрум. Он будет в три этапа. Вначале мы атакуем Порт Кассандра. Это на окраине города, где стоит в доках основной флот Эсминцев. Потом они взрывают все мосты и связующие дороги, изолируя обнесенный стеной город от внешнего мира, и ударяют по стратегическим целям, в том числе по Излому — небоскребу в форме осколка — где находится штаб-квартира Стражей в Центруме. После этого, сухопутные войска захватят город.

— Когда это произойдет? — спрашиваю я.

— Завтра, ровно в семь часов, — отвечает генерал Бьюкенен.

Я гляжу на план атаки. Завтра война закончится. Я должен быть в восторге, но я не рад. Что-то не так. Дестени вдруг морщится от боли.

— Простите, генерал. Мне кажется, что мои швы скоро разойдутся, — говорит она.

Папа Натали отпускает ее и она уходит.

Я снова поворачиваюсь к карте.

— Что вы хотите от меня? Что мне делать?

— Ничего, — говорит генерал Бьюкенен. — Ты с Натали остаешься здесь.

Рот Натали открывается.

— Ты же это не серьезно?

— Я чрезвычайно серьезен, — говорит он. — Нет никаких причин, вам отправляться туда. Мы держим ситуацию под контролем. Мы вернемся за вами тогда, когда Командующий захватит власть и пыль осядет.

Гнев вскипает во мне. Я сверлю взглядом Роуч, которая хмурится. Она, как и я, явно недовольна.

— Итак, позвольте мне все разъяснить. Стражи-повстанцы собираются свергнуть Пуриана Роуза и позволить этому парню, Командующему, получить власть вместо него? — говорю я. — И где же, останутся Дарклинги, когда пыль осядет? Какие планы у вас на нас при вашем новом режиме?

— О них хорошо позаботятся, Эш, я даю тебе слово, — говорит генерал Бьюкенен.

— У них будет право голоса в новом правительстве Стражей? — спрашиваю я.

— Сигуру было предложено вступить в Совет, — отвечает мама Натали, Эмиссар Бьюкенен.

— А как же Бастеты и Люпины? — спрашивает Ацелот.

Всем, особенно Гарику, интересен ответ на этот вопрос. Уверен, что Люпины очень хотят знать, где будет их место при новом режиме Стражей.

— Мы надеемся на место в Совете, — говорит Гаррик. — Мы рискнули всем, чтобы поддержать вас, Эмиссар.

Роуч фыркает.

— Люпины выступили пособниками Роуза. Почему они должны быть вознаграждены?

— Не все слепо следуют за Роузом, — ошетинивается Саша. — Многие из нас считают,

что его политика неправильна. Мы поставили на кон наши жизни, чтобы помочь мятежникам. Мы тоже заслужили право голоса.

— Все будут представлены, — прерывает спор Эмиссар Бьюкенен.

— Но Стражи останутся у власти? — спрашиваю я. — Вы по-прежнему будете командовать?

Она сужает холодные голубые глаза и смотрит на меня.

— Да.

— Хреново, — бормочу я и выскакиваю из комнаты. Натали бежит за мной.

— Эш...

Я оборачиваюсь.

— В чем это отличается от того, что уже есть сейчас? Я потратил месяцы на агитацию против Пуриана Роуза, борясь с ним, пытаюсь объединить виды, и завтра Стражи-повстанцы наконец-то собираются напасть и... — Я скрежещу клыками.

— Что? Крадут твою славу? — спрашивает Натали.

Я сердито смотрю на нее.

— Нет. Боже, ты же знаешь, что мне даром не сдалось все это дерьмо... Я никогда не просил быть Фениксом, я никогда не стремился становиться героем.

— Я знаю, что ты не такой. Извини, — говорит она. — Тогда что тебя беспокоит? Это то, чего мы хотели — свергнуть Роуза. Я не собираюсь лгать, это неприятно, что мы не одни из тех, кто это сделает, но по сути, какая, в конце концов, разница в таком грандиозном замысле?

— Разница есть?! — говорю я. — Я не хочу менять одно государство Стражей на другое. Откуда нам знать, что все наладится после завтрашней атаки? Мы даже не знаем, кто этот чертов Командующий. Он может оказаться хуже Пуриана Роуза!

Натали слегка сживает рот.

— Я доверяю своему отцу. И... вроде как доверяю своей матери. Они не допустят произвола.

— Но будет ли этого достаточно? Будет ли это именно то, за что мы сражались? — Я беру ее за руку и слегка провожу пальцами по ее ладони. Голубой бриллиант ее обручального кольца сверкает при свете флуоресцентных ламп. — Я не хочу остаться бесправным, когда мы будем вместе. Я хочу, иметь возможность жениться на тебе в один прекрасный день, — тихо говорю я. — Я хочу, чтобы наши дети могли попасть в «Ускоренную Научную программу», чтобы имели работу, чтобы они были приняты обществом. Я хочу, чтобы у них были все возможности, которых никогда не было у меня. Но в глубине души, я не верю, что это когда-нибудь случится, если власть остается в руках у Стражей.

— Но у Сигура будет голос, — отвечает Натали.

— Сигур это всего лишь символ, разве ты не видишь? — Я разочарован. — Ты слышала свою маму, Стражи будут командовать. Он был привлечен в качестве представителя Дарклингов, поэтому, когда он скажет им поддержать новый режим Стражей, они сделают это. Но он не будет отличаться от предыдущего. Без вариантов. Пока Стражи не уйдут, ничего не изменится. Твои родители вешают лапшу на уши тебе, Натали.

Она вырывает свою руку, щеки ее краснеют.

— Это не правда. Я думаю, что ты позволяешь своим чувствам, относящимся к Стражам, повлиять на твое мнение о моих родителях.

— Нет, я думаю, что тот факт, что твой папа работал в лагере в Бесплодных землях и то, что твоя мама пыталась подставить меня, обвинив в смерти Криса Томпсона «повлияло на мое мнение» о них, — возражаю я. — О, и, не говоря уже о том, что они пытались нас разлучить. Так что извини за малейшую подозрительность в их мотивах.

Натали моргает, у неё на глаза наворачиваются слезы.

Я провожу рукой по волосам.

— Мне жаль. Не этого я хотел, — бормочу я.

Натали прикусив губу, качает головой.

— Нет... нет, ты совершенно прав. Именно я слепа. Это было так прекрасно, что мои родители нашлись, я не давила на эти вопросы, потому что это было достаточно трудно, но я должна была. Извини, Эш.

Я целую ее слезы и долго смотрю в глаза.

— Праздники с родственниками обещают быть интересными, когда мы поженимся, — бормочу я, и Натали смеется.

Мы направляемся в больницу в поисках доктора Крейвена. Марта приподнимается в постели. Ее сидящие волосы свободно лежат на костлявых плечах, сморщенная кожа призрачно-белая, но в сиреневых глазах остался юношеский блеск. Она одаривает меня беззубой улыбкой. Я стараюсь не морщиться при виде ее отсутствующих клыков. У всех одомашненных Дарклингов удалены клыки из соображений безопасности. Она нетвердой рукой пытается выпить стакан синтетической крови, обрызгивая ночную рубашку. Натали подбегает к ней и садится на край кровати Марты, потом хватает стакан и подносит к увядшим губам женщины.

— Спасибо тебе, моя дорогая, — говорит Марта.

Натали улыбается ей любящей улыбкой.

— Где Люсинда и Иоланда? — спрашиваю я, осматривая почти пустую палату. Я озадачен увидев, что Дестени не здесь, я думал, что она приедет сюда поправить швы. Хм. Она, должно быть, уже была здесь и ушла.

Иоланда с Доктором Крейвеном, а Люсинда пошла в столовую с твоими друзьями, с Дей и Жуком, и с приятным мальчиком Бастетом, — говорит Марта дрожащим голосом, делая еще один глоток крови, перед тем, как отдать стакан Натали.

Натали ставит стакан на тумбочку.

— Постарайся хоть немного отдохнуть. Я приду почитать тебе позже, ладно? — Она целует женщину-Дарклинга в щеку, а затем мы отправляемся на поиски доктора Крейвена в его лабораторию в задней части больницы.

Лаборатория представляет собой большую комнату с белыми стенами и мебелью, со сверкающим серебристым медицинским оборудованием. Врач всматривается в электронный микроскоп. Доктор Крейвен высокий, с медно-светлыми волосами, которые выются возле ушей, и в очках, сидящих на кончике его длинного носа. Он очень похож на своего сына, Себастьяна, с теми же зелеными глазами и узким лицом. За интерактивным столом, рядом с ним, сидит женщина-Бастет — Иоланда. Она в белом халате поверх зеленого комбинезона, и ее буровато-рыжие волосы зачесаны назад в пучок, подчеркивая ее прекрасное лицо.

Доктор Крейвен поднимает глаза от микроскопа и улыбается Натали.

— Привет, душечка.

— Привет, Док. У вас уже появилась возможность запустить тесты на «Крылья»? — интересуется Натали.

— Появилась. Как ты и подозревала, основной компонент препарата — Дурман и мы нашли следы «Ночного шепота». — Он смотрит на нее гордым, добрым взглядом. Так может смотреть только учитель на любимого ученика. Давным-давно она собиралась стать его лаборантом, прежде чем встретила меня и ее жизнь изменилась навсегда. — Однако мы нашли кое-что другое, примесь. — Он набирает команду на интерактивном столе и голографическая проекция двойной спирали сразу же появляется над экраном. — Это ретровирус, направленный на изменение ДНК.

Натали смотрит с беспокойством на меня.

— Что за хрень, почему Пуриан Роуз пытается изменить мужские ДНК? — спрашиваю я. — Во что он их превращает?

Доктор Крейвен снимает очки.

— Ну, что мы можем сказать? В Люпинов.

— Что? — сплевываю я.

— Ну, если быть более точными, в гибридов, — исправляет Иоланда. — Наполовину людей, наполовину Люпинов.

— Как Тиора, — шепчет Натали. — И дедушка Эдмунда.

У меня скручивает живот.

— Он пытается сделать всех похожими на них. Одна раса...

— Одна вера, — продолжает Натали.

— Одна нация, под его Могуществом. Дерьмо... — бормочу я.

Мы умолкаем на минуту, давая этому откровению проникнуть в нас. Это был план Пуриана Роуза: создать новый мир по облику его Кровной Половинки, где каждый следует одной религии. Вот почему он сгоняет Скверну и отправляет их в «Десятый», потому что только те, кто «чисты» в его глазах заслуживают того, чтобы быть преобразованными в эту новую расу, созданную полностью из гибридов человека и Люпина.

— Однако почему он дает препарат только Жестянщикам? Вы знаете, это такие ребята, которые ходят в серых мундирах с булавкой в форме бабочки? — спрашивает Натали. — Если он искренне верит в «одну расу», то почему они единственные, кто получает ретровирус?

Доктор Крейвен пожимает плечами.

— Он с чего-то начал, и я полагаю, что небольшая группа испытуемых не будет возбуждать слишком много подозрений.

— Он вознаграждает их, — говорю я мрачно. — Он думает, что одаривает их подарком быть первыми людьми, превращенными в его новую, чистую расу.

— Несмотря на это, ретровирус не работает, — добавляет Иоланда. — Мы провели множество симуляций, и результаты были, мягко говоря, тревожные. — Она нажимает другую кнопку, и двойная спираль исчезает, сменяясь светящимся сгустком, который, как я предполагаю, представляет ретровирус. — В общих чертах, — она смотрит на меня, и я благодарно улыбаюсь, наука никогда не была моей стезей, — при правильной работе, ретровирус производит ДНК из своего РНК-генома, используя ее обратную транскриптазу энзимов...

Я поднимаю бровь. Уже ничего не понятно.

Она виновато улыбается.

— Он превращает РНК в ДНК. Эта новая ДНК затем включается в геном хозяина, и воспроизводится, успешно меняя ДНК хозяина без какого-либо вреда для хозяина.

Я киваю, что-то вроде понимая. Натали глядится в голографическую проекцию.

— Но это не работает? — спрашивает Натали.

— Ошибки, происходящие во время процесса обратного перекодирования, вызывают мутацию...

— Из-за того, что не корректируют способности? — спрашивает Натали.

Иоланда кивает. Все, я потерял для них.

— Каков результат этих мутаций? — спрашивает Натали.

— Смерть, — просто отвечает доктор Крейвен. — Ты должна это увидеть. — Он открывает ящик под столом и вынимает синий цифровой диск, который Натали привезла из «Десятого», и вставляет его в интерактивный стол. Голограмма ретровируса исчезает, и начинается воспроизведение видео на экране. Это кадры, снятые внутри больничной палаты, где Иоланда и Люсинда были в плену. Пациенты всегда остаются прикованными к кровати, изможденные, перепуганные. Я просматриваю лица, в поисках отца, едва в состоянии дышать. Его там нет. Я разочарован, но чувствую и облегчение. Рука Натали сжимает мою, когда женщина появляется на экране — это ученый, которую застелила Натали. Она идет по проходу, впрыскивая в организм пациентов «Крылья», в том числе и девочке не старше двенадцати лет с каштановыми волосами и карими глазами.

— Когда я впервые попала в «Десятый», три недели назад, Стражи ученые приходили ко мне в палату каждый день и что-то впрыскивали пациентам-людям, — говорит Иоланда. — Они утверждали, что это была вакцина против лихорадки «Майра».

— Лихорадки «Майра»? — спрашиваю я.

— Это особенно неприятный вирус, — отвечает доктор Крейвен, — который распространяется в таких местах, как тюрьмы и больницы. Стражи-гвардейцы постоянно болели ею в лагере в Бесплодных землях во время последней войны. Это была норма. Поэтому, это правильно — вакцинировать людей против «Майры» так, чтобы персонал Стражей не заразился.

На видеозаписи палата. Дата штампа указывает на то, что прошло несколько недель. Страж-доктор идет по проходу еще раз, проверяя пациентов-людей. Большинство, похоже, в норме, кроме того, что у них теперь жуткие, мерцающие, серые глаза. Камера останавливается на девочке с каштановыми волосами. Ее кожа землистого цвета и гниет. Она кашляет, брызжа кровью. Натали вздрагивает. Доктор Крейвен выключает видео.

— Мне показалось странным, что вакцинировали только людей, поскольку Бастеты тоже заражались лихорадкой «Майра», но я не собиралась жаловаться, — продолжает Иоланда. — Спустя неделю, после введения препарата, примерно пятая часть заключенных начала испытывать симптомы гриппа: потливость, рвоту, лихорадку, и тому подобное — со временем их органы отказали, и они умерли. Я подумала, что это, должно быть, лихорадка «Майра», хотя она редко заканчивается смертельным исходом. Теперь я понимаю, что они были заражены «Крыльями».

Так вот как умер мой отец?

— Однако это не убивает всех подряд?

Иоланда качает головой.

— Нет, на основании того, что я увидела в «Десятом». Независимо от этих мутаций, он убивает только определенных людей, но мы не знаем ничего об их генетике, почему одних это ставит под угрозу, а других нет.

Натали роется в кармане и вытаскивает документ, который она нашла в Бесплодных

землях.

— Может быть это поможет?

— «Проект Куколка»? — говорит Иоланда, изучая документ. Улыбка вспыхивает на ее губах, когда она передает документ доктору Крейвену. — Это результаты первых клинических испытаний «Крыльев».

Доктор Крейвен поправляет очки на носу, когда читает.

— Спасибо тебе, душечка. Это очень пригодится, — смущенно говорит он, уже повернувшись спиной к микроскопу.

— Мы вас оставим, — говорит Натали.

И мы выходим из больницы и идем в столовую туда, куда, как сказала Марта пошли Люсинда, Дей, Жук и Элайджа. Мы встречаем Ацелота, возвращающегося из центрального управления, и говорим ему, куда мы направляемся.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам? Умираю с голоду, — говорит он, поглаживая свой впалый живот.

Я смотрю искоса на него.

— Даже не думай. — Бастеты едят Дарклингов.

Ацелот усмехается.

— Я не могу дать никаких обещаний. Ты выглядишь сегодня особенно вкусным, мой друг.

Солдаты, прибывшие на обед в первую смену, придают оживление столовой. Мы хватаем подносы с едой и находим всех за один из столиков в дальнем углу зала. Жук положил ноги на стул, а руками обнимает плечи Дей. Он как всегда выглядит неряшливым, его каштановые волосы еще спутаннее, чем когда-либо, его комбинезон уже мятый и запятнан каплями подливки. Как он это делает? Дей, с другой стороны, выглядит чистенькой, ее комбинезон аккуратен и накрахмален, ее глянцевые, черные волосы заплетены сзади в косу.

Напротив них Люсинда помешивает в стакане синтетическую кровь. Она сопит, сдерживая слезы. Я не удивляюсь, она наверняка думает о Киране. Рядом с ней, Элайджа общается с симпатичной брюнеткой солдатом за соседним столом. Она что-то шепчет ему, и его щеки приобретают ярко-красный цвет. Он смотрит, как мы приближаемся. Он смотрит на Натали, а затем быстро опускает глаза. Это наверно нелегко для него, видеть нас с Натали вместе. Как я ненавижу тот факт, что еще один парень запал на мою невесту, но я уже не ревную. Это как раз и приводит к душевной боли и размолвке.

Я бросаю куриную ножку на его тарелку, когда сажусь.

— Думал, ты захочешь это. Я знаю, как сильно ты любишь птиц, — дразню его я.

— Ха-ха, очень смешно, — говорит он, закатывая медового цвета глаза.

Ацелот ухмыляется, и забирает куриную ногу из тарелки брата. Мы быстро рассказываем им все, что мы узнали о нападении завтра на Центрум и про «Крылья». Все побледнели, когда мы закончили.

— Это так неприятно, братан, — говорит Жук, качая головой.

Натали смотрит на что-то в центре комнаты.

— Что это Дестени делает?

Я поворачиваюсь. Дестени залезла на один из столов, одетая в белые одеяния Пилигрима. Взгляды окружающих из замешательства быстро превращаются в страх, когда она произносит.

— Его Могущество глянул в ваши души, и увидел всю вашу скверну, — говорит она решительно. — Вы очистите эту землю за грехи, для освобождения места для нового порядка. Одна вера! Одна раса! Одна нация, под Его Могуществом! Ибо так говорит Господь нам всем!

Стаканы у всех на столах начинают дребезжать, когда низкий гул отражается на всем. Натали бросает на меня панический взгляд. Я знаю, что звук.

Эсминцы.

25

ЭШ

Я ТЯНУ НАТАЛИ под стол в тот момент, когда падает первая бомба. Штукатурка летит с потолка на пол и раздается лязг металлических лотков, когда бомба попадает в цель. Запах крови ударяет в ноздри — теплый, вкусный, пьянящий. Столовая наполняется криками. Секундой позже свет моргает и выключается, загораются красные мигалки. Рев сигнализации раздается по всей территории комплекса: виу-виу-виу-виу. Слышится шипение разбрызгивателей, которые включаются при тушении пожаров, которые уже охватили столовую.

Натали в панике. Остальные вместе с нами под столом. Жук держит Дей, Люсинда прикрывает голову руками. Ацелот и Элайджа лежат рядом с ними. Старший парень-Бастет накрывает своим телом Элайджу, защищая его. Искрящийся осколок металла торчит в спине Ацелота. Из раны льется кровь.

— Эйс! — кричу я, стащив его с Элайджи.

Ацелот падает в мои объятия, его безжизненные глаза смотрят на меня. Струйка крови сочится из его приоткрытых губ.

— Эйс, О Боже... — произношу я сдавленным голосом.

Элайджа смотрит на брата.

— Нет, — говорит он, качая головой. — Нет... нет... нет... НЕТ!

Слышен страшный лязг выгибающего металла над головой, и я поднимаю голову. Балки, держащие бетонный потолок, долго не протянут. Вся комната превратится в пещеру.

— Мы должны выбраться отсюда, братан! — перекрикивает шум Жук.

Я кладу тело Ацелота на пол. Элайджа жмурится и слезы струятся по его щекам. Я кладу руку ему на плечо.

— Нам надо уходить, — говорю я.

Элайджа всхлипывает и кивает. Он бросает последний, страдальческий взгляд на своего брата, и после мы выбираемся из-под стола и бежим, перепрыгивая через раненых, мертвых, не останавливаясь, чтобы помочь. Я краем глаза замечаю скрученное, сломанное тело Дестени, обсыпанное штукатуркой, на полу. Я ничего не чувствую. Мы все вшестером выбегаем из столовой, как раз в тот момент, как падает потолок, подняв шлейф пыли. Ударная волна сбивает нас с ног. Я скольжу по полу, ударившись о стену. Ууууух! Воздух ударом об стену вылетает из моих легких, но нет времени останавливаться, я должен убраться отсюда. Я встаю на ноги и помогаю встать Натали.

Вокруг нас раздаются ужасающие бух-бум-бух-бум-бух-бум, еще больше бомб обрушивается на бункер, которые превращаются в бесконечный шквал, сотрясая здание, как погремушку. Мне кажется, что мы в снежном шаре, который встряхнули.

— Нам нужно добраться до Транспортеров, — говорит Дей.

— Мне надо добраться до мамы, — говорит Элайджа.

— Мои родители, — отвечает Натали, — Марта! О, Боже, Эш!

— Где Роуч? — говорит Жук.

Роуч была в центральное управление с родителями Натали... У меня скручивает живот. Сигур. Я не могу разом потерять его и отца. Не могу. Не могу. Не могу. Мы мчимся вниз по дороге, ведущей к центральному управлению, которая ведет по пути в больничную палату. Люди бегут во всех направлениях. Некоторые соблюдают аварийный протокол, но и все остальные, включая нас, просто в бегах, чтобы найти своих близких. Везде куда я не посмотрю, рушатся стены, поезда метро сходят с рельс и кабели, тянущиеся вдоль железной дороги, искрят голубым электричеством.

Слышны звуки выстрелов, когда мы поворачиваем за угол. Слейтер бежит по дороге к нам навстречу, подняв оружие. Ужасающую, сердце-скручивающую секунду я думаю, что он пристрелит нас, но затем он нацеливает свою винтовку поверх наших плечей и стреляет в людей позади нас. Я резко поворачиваюсь. Рой Стражей-гвардейцев вываливается из ближайшего входа, который ведет парень-подросток, одетый в серый мундир с блестящей булавкой в виде бабочки на груди. Себастьян. Даже отсюда я вижу металлический блеск в его серебряных глазах.

— Эш, его глаза, — задыхается Натали.

— Вижу, — отвечаю я.

Он замечает нас и указывает в нашу сторону.

— Вон туда!

Элайджа толкает меня в сторону, и пуля присвистывает рядом с моим ухом.

— Спасибо, — отвечаю я на бегу.

— Обращайся, — отвечает он.

Натали хватается за руку и тащит нас в боковой проход, подальше от Себастьяна. Дорога впереди завалена обломками. Слева от меня железнодорожный путь, где дорога обычно шла, а на противоположной стороне еще один путь. Дело ясное. Мы прыгаем на скрученные рельсы и спешим к краю платформы. Элайджа грациозно прыгает на пустую дорогу в нескольких футах над нами и помогает нам всем подняться. Мы бежим, не останавливаясь, наши мысли только о спасении наших семей.

Бух-бах, бух-бах, бух-бум. Еще больше бомб сбросили на бункер, которые сотрясают стены и заставляют нас спотыкаться. Кусок бетона приземляется в нескольких дюймах от Дей, и она кричит в испуге.

— Туда! — говорит Натали, указывая на центральное управление. Стекло все еще цело — оно, должно быть, спроектировано так, чтобы выдерживать взрывы. У двери стоят Гаррик и Саша, стреляя в любых проносящихся мимо Стражей-гвардейцев. Родители Натали находятся внутри, вместе с Сигуром и Роуч. Я вздыхаю с облегчением. Они живы.

Мы гоним по оживленной улице, избегая летящих пуль и трещин в трубопроводах откачки пара. Вокруг нас оглушительно орет сигнализация: виу-виу-виу. Гаррик заталкивает нас внутрь комнаты, хлопнув дверью. Мгновение, и там тишина. Сигур спешит ко мне, притягивая меня в свои объятия, в то время как родители Натали обнимают ее.

— Мы только собирались идти искать вас, — говорит генерал Бьюкенен Натали.

— Мы должны добраться до больницы, — говорю я, отстраняясь от Сигура. — Иоланда, Марта и доктор Крейвен там.

— Мы не можем, — говорит генерал Бьюкенен, указывая в сторону цифровых экранов

на стене, которые в прямом эфире показывают, что творится в бункере. На одном из мониторов я замечаю Себастьяна бегущего по дороге. Он рыщет злобными глазами в поисках нас. — Враги повсюду. Мы должны в первую очередь вывести отсюда детей. Это главная задача.

— Я должен найти маму, — говорит Элайджа.

— Мы не можем оставить Марту! — добавляет Натали. — Я не уйду без нее.

— Хорошо, — отвечает генерал Бьюкенен, зная, что он не сможет переубедить Натали. — Берите оружие из шкафчика.

Он указывает на шкаф, который я не заметил раньше, на противоположной стороне комнаты. Мы мчимся к нему, и каждый хватается за оружие. Я передаю одно Натали, и Жук передает еще одно Дей. Она убеждается, что оно заряжено, оглядывая его тяжелым взглядом. Это не первая ее перестрелка. Элайджа берет два: одно для него, другое для его мамы, когда мы ее найдем. Генерал Бьюкенен и Роуч берут полуавтоматы, в то время как Эмиссар Бьюкенен подвешивает кобуру вокруг ее тонкой талии и кладет туда пистолет.

— Пошли, — говорит она.

В момент, когда мы выходим из центра управления, наши уши атакованы какофонией звуков: сигналов тревоги, бомб, криков, выстрелов, грохота бетона, взрывающихся газовых труб. Генерал Бьюкенен хлопает Гаррика по плечу, и Люпин берет инициативу на себя, а Люпин с розовыми волосами, Саша, прикрывает тыл. Каждые несколько секунд слышится гул перестрелки: та-та-та, когда мы пробираемся к больничной палате. Я прикрываю Натали собой. Жук поднимает пистолет и сжимает курок: бум-бум-бум. Трое Стражей-гвардейцев падают на тротуар впереди нас на рельсы.

— Справа от тебя! — кричит Дей, когда пара Стражей-гвардейцев появляется с бокового прохода.

Жук направляет пистолет туда. Бах-бах. Еще два трупа.

Мы добираемся до больницы. Стекло в двери разбилось, и наши ботинки скрипят, наступая на хрустальные осколки. Фонари свисают с арматуры, оборудование валяется разбитое на кафельном полу, а кровати покрыты пылью и штукатуркой. К счастью, больница была почти пуста до этого.

— Марта! Марта! — зовет Натали.

Она проталкивается мимо меня и бежит к кровати Марты. Старая женщина-Дарклинг лежит на земле, скорчившись между ее кроватью и комодом. Натали помогает Марте встать на ноги, положив руку вокруг ее талии. Старушка пытается идти, таща Натали вниз вместе с собой. Саша шагает к ним и поднимает Марту одним простым движением, как будто она весит не больше подушки.

Дверь в лабораторию открывается, и появляются доктор Крейвен с Иоландой. Она держит скальпель, а доктор Крейвен прижимает свою кожаную, медицинскую сумку к груди. Она набита бумагами и бутылочками, которые гремят, когда он подбегает к нам. Элайджа быстро обнимает маму.

— Что за чертовщина творится? — спрашивает Доктор Крейвен.

— Дестени сдала нас, — отвечаю я. — Она работала на Роуза.

— Себастьян здесь, он командует штурмом, — добавляет Натали, и доктор Крейвен краснеет.

— Мы должны добраться до ангара, — говорит Эмиссар Бьюкенен. — Выдвигаемся!

Гаррик следует тем же путем, каким мы уходили из больницы. Мы спешим по дороге,

уворачиваясь от пуль, летящих в любом направлении. Бух-бум-бух-бум-бух-бум. Взрывы потрясают бункер, разрывая подземный город. Разбрызгиватели не могут справиться с пожарами, полыхающими в каждой комнате, все вышло из-под контроля. Удушливый дым заполняет проходы, заставляя нас кашлять и плевать. Трудно сказать, где мы находимся, но у Стражей-повстанцев нет никаких проблем с навигацией по городу. Они знают это место как внутри, так и снаружи. Я вижу, как все вокруг нас вспыхивает черным и красным — Стражи-гвардейцы уже близко, стремительно продвигаются по всей территории комплекса, убивая всех.

Бах-бах-бах.

Пуля врезается в стену над головой Жука. Он даже не дрогнул.

— Сюда! — кричит Гаррик через плечо.

Мы перескакиваем через бесконечные проходы, минуя офисы и общежития. Мы направляемся к знакомому на вид коридору, и я замечаю бункер, который я делил с Натали.

— Стойте, — кричит Натали. — Мне надо кое-что забрать.

Она убегает от меня и вскоре исчезает среди пыли и мусора.

— Натали! — кричу я, и бросаюсь вдогонку, нагибаясь, когда пули со свистом проносятся рядом с моей головой.

Натали выходит из нашей комнаты. Из ее кармана торчит что-то — я предполагаю, что это ее лекарство — и под мышкой у нее стеклянная банка с сердцем Тиоры. Она бежит ко мне, и мы присоединяемся к другим. Гаррик толкает тяжелую дверь, и мы направляемся вниз по стальным ступенькам лестницы по направлению к ангару, перепрыгивая через мертвое тело — это тот солдат-блондин, Слейтер. У него отсутствует затылок. Вокруг нас стены начинают трескаться, потолки скрипеть. Если мы не выберемся отсюда в ближайшее время, то окажемся в ловушке внутри нее, как в склепе.

Бах-бах.

Саша кричит от боли. Она кувыркается вниз по ступенькам с Мартой, ударяясь при приземлении о стену. Моя голова поворачивается вверх, в сторону источника выстрелов. На лестничной площадке над нами стоит Страж-гвардеец. Генерал Бьюкенен поднимает пистолет и нажимает курок, когда мужчина стреляет в него. Гвардеец ударяется об стену, его кровь разбрызгивается по всей поверхности. Я закрываю нос и рот, пытаюсь заглушить манящий запах.

Натали впикивает стеклянную банку в руки Дей и бежит вниз по ступенькам с Гарриком в сторону Саши и Марты, которые распластались на лестничной площадке этажом ниже. Гаррик проверяет пульс Саши, хотя очевидно, по ее неестественному положению головы, что шея сломана. Натали переворачивает Марту на спину. Аккуратный круг крови на груди женщины там, где пуля пронзила ее сердце.

Я хватаю Натали вокруг талии и поднимаю ее на ноги.

— Я не могу оставить ее! — рыдает она.

— Она мертва! — говорю я и тяну, пинающую и кричащую на всю лестницу, Натали. Я не отпускаю ее, пока мы не достигаем ангара.

Хаос. Тела разбросаны по полу, а их кровь разливается вокруг наших ног. Большинство Транспортёров в огне. Когда Стражи-гвардейцы замечают нас, на нас обрушивается шквал выстрелов. Роуч и генерал Бьюкенен снимают их с помощью полуавтоматов.

— Этот! — говорит Гаррик, указывая в сторону Транспортёра, стоящего близко к выходу. Это один из немногих самолетов, которые пока не горят.

Мы перебегаем ангар.

Бах-бах-бах.

Гаррик хрипит и спотыкается, чуть не падая. Он хватается за живот. Кровь брызжет между пальцами. Я разворачиваюсь. Себастьян стоит в диспетчерской в конце ангара.

— Я знал, что вы придете сюда! — кричит Себастьян и направляет свое оружие на нас.

— Себастьян, сынок, пожалуйста, не надо! Подумай, что ты делаешь! — говорит доктор Крейвен.

Серебряные глаза Себастьяна сужаются. Рычание срывается с его губ.

— Я знаю, что я делаю. Очищаю мир от Скверны, такой как ты.

Он нажимает курок. Пуля задевает руку доктора Крейвена, разрывая куртку. Доктор настолько ошеломлен, что не двигается, когда Себастьян нажимает на курок снова. Я успеваю вовремя сбить мужчину с ног. Пуля проносится мимо моей щеки, опалив кожу.

Генерал Бьюкенен и Жук стреляют в Себастьяна, прикрывая нас, пока мы мчимся в сторону Транспортера. Мама Натали нажимает кнопки на внешней стороне самолета, и люк открывается. Люсинда с Элайджей помогают Гаррику подняться на самолет. Он морщится от боли, схватившись за живот. Он оставляет за собой тропинку кровавого следа. Мы все забираемся в самолет и быстро закрываем люк.

— Ты сможешь поднять самолет? — спрашивает генерал Бьюкенен Гаррика.

Мужчина хмыкает, качая головой. Его кожа лосниться от пота.

— Разве вы не знаете, как летать на нем? Вы же военный, — говорю я.

— Я в сухопутной армии, а не ВВС, — отвечает генерал Бьюкенен.

Пули попадают в обшивку самолета: дзынь-дзынь-дзынь. Себастьян ведет ответный огонь. Ничего не говоря, Дей ставит стеклянную банку с сердцем Тиоры на одну из металлических скамеек и направляется в кресло пилота. Она садится и включает двигатели. Они пробуждаются к жизни. Она бормочет под нос и щелкает несколькими переключателями и кнопками, набирая команды.

— Пристегните ремни, — говорит она через плечо.

Мы все занимаем места, поспешно пристегиваясь ремнями, когда Дей берет управление на себя. Люсинда, схватив стеклянную банку, держит ее, крепко прижимая к себе. Слышится глухой стук металла, когда освобождаются зажимы, затем Транспортер содрогается от толчка и движется вперед. Мы набираем скорость в туннеле, ускоряясь тревожным темпом. Натали сжимает мою руку. Элайджа замуривает глаза. Жук просто ухмыляется. Остальные бормочут молитвы себе под нос.

Дей тянет рычаг управления на себя и самолет кренится вверх так быстро, что закладывает мои уши. Тьма, тьма, тьма, а потом яркий свет, как только мы врываемся в голубое небо. Мы летим так быстро, что мне кажется, что мы собираемся врезаться в Эсминцы, парящие в нескольких сотнях футов над бункером. Эсминцы примерно пятисот футов в длину и окрашены в белый цвет с красной розой на боку: эмблема Пуриана Роуза. Они ближе, ближе, ближе, заполняют весь вид ветрового стекла, уже так близко, что я вижу винты, скрепленные вместе листы металла.

— Дей! — кричит Натали.

Дей наклоняет рычаг управления вправо, и самолет наклоняется. Мы стремительно пролетаем через узкий зазор между двумя Эсминцами. Корабли подлетают ближе, грозя раздавить нас. Черт, черт, дерьмо! Я вжимаюсь в скамейку. Дей нажимает несколько кнопок и нацеливает ракеты по бортам кораблей, когда мы пролетаем мимо. Огонь расцветает по

всей их поверхности, создавая достаточную мощь, чтобы оттолкнуть корабли на расстояние нескольких метров, что дает нам пространство для полета. Она снова тянет управление и самолет, как ракета, поднимается вверх, вверх, вверх, настолько высоко, что давление давит на глаза, пока мы летим над Эсминцами. Вскоре мы залетаем в облако. Удачи в наших поисках, думаю я. Я подозреваю, что этот самолет не так легко обнаружить на радаре.

— Отличный полет, детка, — кричит Жук.

Дей ничего не отвечает, но я знаю, что она ухмыляется.

Генерал Бьюкенен отстегивает ремень и встает, опираясь рукой об металлическую стену, стараясь удержать равновесие, когда Транспортёр швыряет вверх и вниз в бурных потоках воздуха.

— Все в порядке? — спрашивает он.

Бледный доктор Крейвен сидит намертво вцепившись в свою медицинскую сумку. Я не уверен, плохо ли ему от турбулентности или потому, что его сын только что пытался его убить.

— Его глаза были серебристыми, — бормочет доктор Крейвен. — Вы видели? Это не мой мальчик, Джонатан, он... он... — доктор закрывает лицо руками.

Элайджа сидит напротив меня с закрытыми глазами. Слезы текут по его окровавленным щекам. Я отворачиваюсь не в силах больше терпеть боль. У меня щемит сердце. Натали кладет голову мне на плечо. На ее щеках пятна сажи.

— Я такая идиотка, — говорит Натали. — Я доверилась Дестени, я думала, что она была моей подругой. А она просто хотела вернуть вас назад вместе с «Орой», собрав нас всех в одном месте, чтобы взорвать. — Она смотрит на меня. — Эш, что мы будем делать?

Я застыл, ничего не сказав. Я понятия не имею.

Доктор Крейвен вытирает красные глаза, потом поднимает свою сумку и обрабатывает раны Гаррика.

— Куда мы направляемся? — кричит Дей с места пилота.

— В Центр, — говорит мать. — У меня есть друзья там, которые спрячут нас.

Это заявление встречается недовольствами и бормотанием в знак согласия.

— Мы должны отправиться в Северные Территории, — говорит Доктор Крейвен. — Нет никаких причин оставаться здесь и погибнуть, Шивон.

Жук хмурится, в его карих глазах сверкает гнев.

— Мы по-прежнему обязаны свергнуть Пуриана Роуза! Это еще не конец. — Он смотрит на Сигура. — Не так ли?

Я тоже смотрю на него, надеясь на какой-то внятный ответ по данному вопросу. Так я выхожу из моей заторможенности.

Сигур тяжело вздыхает. Он сдается.

— У нас нет никакого оружия. Стражи-повстанцы мертвы, мой народ - в «Десятом», и большинство «Людей за Единство» захвачены в плен или убиты, — говорит он. — Я изо всех сил пытаюсь понять, что мы, в количестве тринадцати человек, можем сделать.

Мои клыки пульсируют. Это не тот ответ, который я ожидал услышать от него. Я знаю, что ситуация ужасна, но я никогда, в миллион лет не подумал бы, что он предложит нам сдаться!

Жук смотрит на меня с вызовом.

— Ты тоже так думаешь, братан?

Натали присаживается. Все смотрят на меня, ожидая услышать то, что я скажу, даже мама Натали, кажется, хочет знать, и это внезапно ошеломляет меня: они ожидают, что я поведу их. То, что я скажу сейчас, изменит все. Поэтому возникает вопрос: остаемся ли мы и будем сражаться, хотя, скорее всего, умрем, или мы отправимся в Серверные Территории и выживем?

Выбора не было.

— Нет, — говорю я с горячностью. — Пуриан Роуз пытал нас, убивал наших родных и разрушал наши семьи, и теперь он заражает людей смертельным ретровирусом. Его надо остановить, и мы это сделаем. Он должен узнать, что мы никогда не сдадимся. Мы никогда не отступим. Нами не правит страх!

— НЕТ СТРАХА! — скандирует Жук.

Роуч поднимает кулак.

— НЕТ ВЛАСТИ!

Дей набирает координаты Центрума.

ЧАСТЬ 3

ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ГОРОД

26

НАТАЛИ

ТРАНСПОРТЕР ПРОРЫВАЕТСЯ сквозь кучевые, белые облака и мы появляемся над городом Центрум, столицей Соединенного государства. Я аккуратно снимаю руку Эша с моих плеч, и встаю. Все спят, все физически и эмоционально истощены. Я разминаю ноги, которые затекли за восемь часов полета, и присоединяюсь к Дей в кабине.

— Соболезную по поводу Марты, — говорит она.

— Спасибо, — бормочу я, слишком усталая, чтобы что-либо чувствовать кроме оцепенения.

Дей поворачивает ручку управления влево, и мы пикируют над городом. Парящие, позолоченные небоскребы блестят золотом в солнечных лучах, а улицы и тротуары сверкают, как будто они покрыты бриллиантами. Огромная башенная стена, сделанная из глянцевого мрамора и позолоченного камня, опутывает весь город, увенчанный тысячами апельсиновых деревьев и розовых кустов.

Встроенные в стены небоскребов огромные цифровые экраны, примерно в десять раз больше, чем те, что в Блэк Сити. Некоторые из них транслируют последние новости из Си-Би-Эн с «Февральских Полей», другие показывают рекламу о предстоящей публичной церемонии «Очищения» во вторник, а остальные мелькают постоянным циклом сообщений правительственной пропаганды: ОДНА ВЕРА, ОДНА РАСА, ОДНА НАЦИЯ ПОД ЕГО МОГУЩЕСТВОМ! ЕГО МОГУЩЕСТВО ВИДИТ ВСЕХ ГРЕШНИКОВ! Мы летим настоящими золотыми куполами Золотой Цитадели, где живет Пуриан Роуз. Внизу на огромной площади, снаружи цитадели, Бутсы заняты возведением большой сцены, похожей на ту, которую, как я видела, строили в Галлии.

Кто-то заходит в кабину, и я, поворачиваясь, обнаруживаю маму. Ее волосы в беспорядке, свободными, черными локонами лежат на узких плечах, обычно безупречная кожа поцарапана, комбинезон покрыт сажей. Даже так, она выглядит красивой. Вокруг узких бедер висит черная, кожаная кобура. Пистолет высовывается из кобуры.

— Держи курс в сторону улицы Кэтрин, — говорит мама, давая Дей координаты. — Ты

увидишь круглое здание с посадочным местом для Транспортера на крыше.

— Но это же дом эмиссара Брэдшоу, — говорю я, а затем мои глаза расширяются. — Ой! Он — Командующий?

Мать кивает. Теперь я понимаю, почему они должны были сохранить его личность в строжайшем секрете. Эмиссар Брэдшоу отвечает за штат Доминион, и его должность является самой желанной для всех эмиссаров. Он уступает только Пуриану Роузу в плане важности в правительстве, и — я думала, — что он верный сторонник диктатора. Мы сталкивались с ним в прошлом году, после того как были эвакуированы из Блэк Сити во время воздушных налетов.

— Я не могу поверить, что он все это время работал против Пуриана Роуза, — говорю я.

Мама криво мне улыбается. Она вводит что-то на интерактивном экране, встроенного в панель управления. Мгновение спустя на экране появляется сообщение: «Командующий говорит, приземляйтесь — это безопасно».

Остальные пробуждаются, когда Дей уводит Транспортер влево. Он быстро спускается, когда мы достигаем знакомую, круглую башню, высотой с пятьдесят этажей, каждый из которых принадлежит эмиссару Брэдшоу. В его распоряжении в этом здании все, что ему нужно: множество квартир, офисов, спа-салон и тренажерный зал, роскошный ресторан, чтобы выпить вина и пообедать со своими гостями, и даже частный кабинет врача для любой секретной пластической операции, какую он захочет сделать. Это же не штаб-квартира Стражей - пугающее здание по форме напоминающее осколок стекла, высотой более чем в двести этажей, как кинжал, пронзающий небеса.

— Ребята, я никогда раньше не сажала Транспортер, — нервозно говорит Дей.

Люпин, Гаррик, с кряхтением встает с металлической скамейки неподалеку. Он бледный и вспотевший, его мехоподобная грива спутана ото сна. Он, пошатываясь, садиться на сиденье второго пилота, держась за раненый бок. Он нажимает несколько переключателей и начинается ворчливо инструктировать Дей. Костяшки ее пальцев белеют, когда руки обхватывают рычаг управления.

— Будет трясти, — говорит Гаррик, при приближении здания к нам.

Эш хватается банку с сердцем Тиоры, в то время как все остальные крепко держатся за свои места. Дей приближается к посадочной площадке слишком быстро, и мы бухаемся на крышу. Самолет вибрирует, и я ударяюсь головой о металлическую стену, испустив стон, мои мысли путаются. Несколько криков паники раздается от других, но затем слышно немного нервного смеха, когда самолет не превращается в шар огня. Дей выключает мотор и с улыбкой смотрит на меня, поправляя очки на носу. Я улыбаюсь, потирая ушибленную голову.

Когда мы выходим из самолета и пересекаем ветреную крышу, нас всех немного шатает после резкого приземления. Воздух теплый и свежий, и пахнет розами. Мы подходим к открытой лестнице, которая ведет нас вниз к широкому коридору в пентхаус.

Роскошный, белый ковер мнется под нашими ногами, стены вокруг позолочены сусальным золотом. По стенам развешаны картины современного искусства. Они написаны какими-то известными художниками и стоят миллионы, но по мне, они смотрятся, как всплески сине-красной краски. На меня нахлыывают воспоминания, потому как я оказываюсь в своей среде. Моя мать, Полли и мы с Себастьяном жили в этом здании в прошлом году, хотя наша квартира была на тридцать восьмом этаже. Это так странно вернуться сюда.

Мать нажимает на звонок снаружи белых, двойных дверей, который издает мелодичный динг-донг, и мгновение спустя мы вступаем внутрь квартиры. Она оформлена в том же стиле, что и коридор: белоснежные ковры и золотые стены. Мы в огромной гостиной с полукруглыми окнами, из которых открывается вид на мерцающий город. В середине зала расположен круг белых, кожаных кресел. На противоположной стороне комнаты — золотые двери, которые, если мне не изменяет память, ведут к многочисленным спальням, столовой, ванной комнате, библиотеке и кухне.

С правой стороны от нас расположен мраморный камин. Над каминной полкой висит огромный портрет эмиссара Брэдшоу — полного мужчины с румяными щеками, тонкими, светлыми волосами и бледно-голубыми глазами. Вероятно, он был красавцем в молодости, но годы посещения пышных государственных банкетов, очевидно, оставили свой след. Золотые двери открываются, и настоящий эмиссар Брэдшоу проходит в комнату, одетый в темно-синий сюртук, темные брюки и узорчатый жилет, который растянут из-за его большого живота. Он разводит руками и широко улыбается.

— Шивон. Так приятно, что ты вернулась в мой дом.

Мать обнимает его.

— Спасибо, что пригласили нас.

Отец слегка кивает ему.

— Это очень великодушно с вашей стороны, Командующий.

Эмиссар Брэдшоу кладет руки мне на плечи, осматривая меня с ног до головы.

— Моя дорогая, ты стала взрослой?

— Такое порой случается, — говорю я, с большим оттенком резкости, чем хотела. Эмиссар Брэдшоу — близкий друг моих родителей, и я ничего не могу поделать с тем, что у меня создается ощущение, что они сговорились между собой, чтобы держать Эша подальше от меня. Вероятно, он думал, что помогает им, но он ранит меня этим.

Улыбка Эмиссара Брэдшоу колеблется.

— Ну, да, наверное, ты права. — Его голубые глаза скользят по мне, и он сильнее сжимает мне плечи. — Что ты здесь делаешь?

Я свою очередь интересуюсь, к кому он обращается.

Люсинда рычит на него, ее черные глаза горят враждебностью.

— Давно не виделись.

— Вы знаете Люсинду? — спрашиваю я Эмиссара Брэдшоу.

Он отпускает мои плечи.

— Мы с Люсиндой давно знакомы, не так ли, милая? — Она смотрит на него свирепым взглядом. — Не думаю, что есть смысл пытаться скрывать это, что Люсинда все вам уже рассказала. Когда мы были подростками, мы встретились в лесу за пределами Янтарных Холмов.

— Подождите... что? — говорю я, пытаюсь сложить два плюс два. — Вы Патрик Лэнгдон?

Он кивает.

— Почему вы изменили свою фамилию на Брэдшоу? — изумленно спрашиваю я.

— О, это Эдмунд настоял на этом. Фамилия Лэнгдон навевала ему плохие воспоминания, — говорит он, прогуливаясь в кабинете возле камина. — Могу я предложить вам выпить? Мне напитки обычно готовят слуги-Дарклинги, но они все были сосланы в «Десятый» на прошлой неделе. Эдмунд обещал прислать мне несколько Бутсов, но они еще

не прибыли. Война — это так неудобно.

— Можно и так сказать, — рычит Эш.

Эмиссар Брэдшоу бросает пристальный взгляд в сторону Эша, должным образом заметившим его впервые.

— Ах, и это должно быть пресловутый Феникс.

— В сгоревшей плоти, — язвительно замечает Эш. — Почему вы работаете против Пуриана Роуза? Я думал, что вы двое были лучшими друзьями после того, как он спас вашу жизнь в Янтарных Холмах.

Эмиссар Брэдшоу издает глумливый звук.

— Я задолжал Эдмунду благодарность и у нас одинаковая жажда власти, но друзья? Нет. Я никогда не забуду, что он сделал с моей сестрой. Кэтрин была для меня всем. — Его черты лица омрачаются, и на короткое мгновение я вижу, какой был этот мальчик тогда: злой, мстительный, вредный. — Кроме того, у Эдмунда не лежит душа к бизнесу. Он изнуряет эту страну непосильным трудом с этими проклятыми войнами. Нужно время, и мы заменим его кем-нибудь другим.

— И этот человек, вы? — резко говорит Эш.

— Я самый квалифицированный человек для этой должности, — говорит Эмиссар Брэдшоу.

Я ловлю взгляд Эша, он хмурится. Я знаю, о чем он думает: у эмиссара Брэдшоу может быть самый большой опыт, но это не значит, что он правильный человек для этой должности. Разве можно по-настоящему доверять человеку, который помогал писать Книгу Сотворения, которая утверждает, что Дарклинги это демоны? Неужели он лучший кандидат представлять новое правительство? Я так не думаю.

— Ну, теперь, когда мы во всем разобрались, давайте я покажу вам ваши комнаты, — говорит Эмиссар Брэдшоу.

Мы находим комнату для Гаррика и укладываем раненого на кровать. Доктор Крейвен меняет повязки, в то время как остальные находят место для сна. Нам все равно, где спать — в роскошной квартире около пятнадцати спален. Эш и Жук остаются в гостиной, и Эмиссар Брэдшоу провожает меня и Дей в наши спальни, которые мы разделим с ребятами. Я несу подмышкой стеклянную банку с сердцем Тиоры. Дей мечтательно улыбается, как будто мы вышли на прогулку в широкий коридор. Она проводит пальцами по дорогим, позолоченным обоям и старинной мебели.

— Если бы мама могла увидеть меня сейчас, — бормочет она. Не так давно, Дей стремилась стать эмиссаром штата Доминион — мечта активно поощрялась ее матерью Самриной, так как она хотела лучшей жизни для своей дочери. — Ну, по крайней мере, у меня хоть что-то получилось. Я здесь, пусть и в качестве разыскиваемого преступника скрывающегося от закона.

Я смеюсь, толкаю ее бедром, и она усмехается.

Эмиссар Брэдшоу показывает Дей одну из стандартных комнат для гостей и затем ведет меня в шикарные люксы дальше по коридору. По пути в свою комнату мы проходим белую дверь с ручкой из синего стекла. Дверь приоткрыта, и я слышу, как девушка плачет внутри помещения. Звук приглушен, будто она рыдает в подушку. Эмиссар Брэдшоу закрывает дверь и улыбается мне с извинением.

— Это моя горничная. Бедная девушка не очень хорошо себя чувствует, — объясняет он.

— Я думала, что ваших слуг забрали, — говорю я.

— Просто одна из Дарклингов. Не волнуйся, моя горничная очень лояльная. Она не скажет никому, что вы здесь. — Он кладет руку на нижнюю точку моего позвоночника, немного низковато на мой вкус, и уводит меня подальше от комнаты. Мы останавливаемся перед дверью с красной ручкой. — Вот мы и на месте, милая. — Его рука скользит на мою левую ягодицу, и меня охватывает гнев.

— Что это вы делаете по-вашему? — говорю я.

Он поднимает руки в успокаивающем жесте.

— Моя дорогая, это случайность.

Я сужаю глаза, не веря ему ни на секунду.

— Ну, хорошо, допустим. Но не два раза подряд, — говорю я твердо. Посыл ясен: не прикасайся ко мне снова.

Эмиссар Брэдшоу поджимает губы.

— Наслаждайся комнатой.

Он поворачивается на каблуках и шагает по коридору.

Я вхожу в спальню и захлопываю дверь за собой. Мудак! Я ставлю стеклянную банку на тумбочку, затем иду в ванную и брызгаю немного холодной воды на лицо, бормоча проклятия себе под нос. Я думаю, рассказывать ли кому-нибудь о том, что произошло, но решаю не делать этого. Родители будут в ярости, и я даже боюсь представить реакцию Эша. Мне не хочется думать, что он сделает Эмиссару Брэдшоу, если узнает. Мне хватило переживаний, после всего, что случилось с Себастьяном в Блэк Сити. Нет, как бы сильно меня это не печалило, мы прямо сейчас нуждаемся в помощи Эмиссара Брэдшоу, так что я буду держать этот инцидент в тайне. Но если он когда-нибудь, еще хоть раз попробует снова провернуть этот трюк, я оторву его чертову руку.

Как только я успокоилась, я достаю вещи из кармана комбинезона — черный мешочек со шприцом, капсулу с сердечным препаратом и желтый, ручной нож, который я украла из УП — и аккуратно раскладываю их рядом с раковиной.

Я принимаю лекарства, а потом возвращаюсь в гостиную. Люсинда, свернувшись калачиком, сидит у огня в одном из кожаных кресел, а Иоланда находится в кресле рядом с ней. Их лица умыты, но они обе все еще одеты в грязные комбинезоны. У ног матери сидит Элайджа. Иоланда гладит его рыжие волосы, а он играет с одним из золотых браслетов, надетым вокруг его левого запястья. Он поднимает глаза цвета топаза, когда я вхожу в комнату, и в них плещется глубокая, ноющая печаль. Я слегка улыбаюсь ему и присоединяюсь к Эшу на диване, уткнувшись в него. Я слышу его стабильное сердцебиение под комбинезоном. Ба-бум, ба-бум, ба-бум.

Он играет с одним из моих локонов.

— Ты в порядке, блондиночка?

— Мм-хмм, — уклончиво произношу я, все еще злясь на Эмиссара Брэдшоу.

Я оглядываю комнату. Сигур и Роуч играют в шахматы на небольшом столике рядом, подтрунивая друг над другом, в то время как Жук и Дей делят одно из кожаных кресел по правую руку от нас. Они хихикают и перешептываются.

Золотые двери открываются и в комнату входят моя мать, отец, доктор Крейвен и эмиссар Брэдшоу, что-то обсуждая. Они садятся. Стул слегка поскрипывает под весом Эмиссаром Брэдшоу. Трудно представить его красивым, безжалостным охотником, таким, как Люсинда описывала его, и все же он сохранил стальной взгляд. Все мы поворачиваемся к нему. Пришло время поговорить о делах.

— Итак, вот такая ситуация. Мы должны свергнуть Пуриана Роуза, но наши солдаты мертвы и у нас нет оружия, — говорит Эмиссар Брэдшоу. — Есть идеи как нам это сделать?

Мать кивает.

— Мы расскажем миру, кто такой Эдмунд на самом деле. Закон Стражей гласит, что не человеку не разрешено вступать в должность, и ему придется уйти в отставку.

Люсинда издает нетерпеливый звук.

— Мы уже пробовали. У нас нет никаких доказательств.

— Это не совсем верно, — говорит Эмиссар Брэдшоу, поглядывая на мать.

Она кивает, и он вытаскивает себя из кресла и идет к собственному портрету над камином. Он снимает картину, чтобы открыть сейф, врезанный в стену позади нее. Он открывает его. Внутри множество папок, пачки наличных, и немного ювелирных украшений. Он передает мне красную папку.

Мы Эшем перелистываем документы, рассматривая графики и фотографии. Вот файл на мою сестру, Полли. Все здесь о ней: ее свидетельство о рождении, отчет о ДНК, прядь ее волос в герметичной, вакуумной упаковке, в другой — прядь черных волос с надписью «Эдмунд Роуз». Фотографии травм Полли после того, как она подвергалась пыткам в ту ночь, когда мой отец инсценировал свою смерть. Мое сердце сжимается. Здесь есть и диск.

— Что на нем? — спрашиваю я.

— Записи моих... э-э, встреч... с Эдмундом. — Мама нервно смотрит на моего отца.

Его голова дергается.

— Что? Ты записывали их? — Его лицо краснеет, и мы все чувствуем себя дискомфортно на наших местах. — Я не... Я не могу... У меня нет слов! Как ты могла?

— Это была страховка! — отвечает мать. — Я переживала из-за работы, Джонатан. Служебные романы редко заканчиваются хорошо для работника. Мне хотелось держать в запасе козырь, на случай, если бы он попытался меня уволить.

Отец недоверчиво качает головой.

— Ох, мама, — бормочу я, разочаровавшись в ней. Это так типично для нее — всегда думать о своей карьере, даже когда дело доходит до бурного романа, но я думаю, мы должны быть благодарны за коварство ее природы. Это все доказательства, которые нам нужны, чтобы свергнуть Пуриана Роуза.

— Мне жаль, Джонатан, — говорит она.

Отец поворачивается к жене спиной и смотрит на живой огонь в очаге, сжимая руки в кулаки. Люсинда и Роуч читают документы, и выражения их лиц становятся непроницаемыми.

— А вы знали, кем был Пуриан Роуз, когда вы с ним встречались? — обращается Дей к ней без обиняков.

Мать вспыхивает, но к ее заслуге отвечает.

— Нет, в то время, нет. Я узнала только во время беременности, потому что мы с доктором Крейвеном это выяснили. Хотя у Полли наблюдались довольно очевидные признаки того, что она не человек.

Прежде, чем я успеваю подтолкнуть ее к деталям, Роуч кидает документы на стол.

— Какого черта вы не сделали это несколько лет назад? — спрашивает Роуч.

— Потому что я не хотела, чтобы мир знал, что моя старшая дочь была... — Мама умолкает и судорожно вздыхает.

— Кем? Кровососом? — спрашивает Эш.

— Нет, — отвечает мать односложно. — Я не хотела, чтобы мир знал, что она была ребенком Пуриана Роуза. Разве вы не видите, что так или иначе, она была в опасности? Если бы Стражи выиграли войну, они бы распяли ее за то, что в ней смешанная кровь. И если Дарклинги бы выиграли, они бы убили его дочь. Я пыталась защитить ее.

Я не сомневаюсь, что она пыталась защитить Полли, но я подозреваю, что она и себя защищала. Если правда бы всплыла, что она родила ребенка от человека, в котором течет кровь Дарклинга, она была бы заклеимена правительством Стражей как предатель расы и казнена. Мать берет документы, поглаживая рукой фотографию Полли.

— Когда я присоединилась к Стражам-повстанцам в прошлом году, я поняла, что нет никакой необходимости обнародовать эту информацию, поскольку в нашем распоряжении было много оружия. Мы могли бы свергнуть Пуриана Роуза силой, а я могла бы защитить семью и репутацию. — Она закрывает папку. — Теперь это не важно. Полли мертва и моя карьера все равно разбилась в пух и прах.

— Если это не удастся, то Стражи повесят на тебя клеймо предателя расы, — тихо говорю я.

Она смеется.

— Если это не поможет, мы все будем казнены. Нам нечего терять.

За исключением наших жизней, думаю я мрачно.

Мои родители с Эмиссаром Брэдшоу обсуждают, как они собираются выпустить информацию в различных СМИ по всей территории Соединенных Штатов Стражей. Как только она будет выпущена, как самый главный эмиссар в правительстве, Эмиссар Брэдшоу автоматически получит власть. Во время их обсуждения, нога Роуч раздраженно качается вверх и вниз, в то время как Сигур принимает все это спокойно. Люсинда и Иоланда смотрят неодобрительно.

— А «Крылья»? — спрашиваю я. — Когда мы опубликуем эту информацию?

Эмиссар Брэдшоу снисходительно улыбается мне.

— Я считаю, что лучше сейчас молчать об этой информации, сладенькая. Доказательств о Полли достаточно, чтобы снять Эдмунда с должности и отдать власть мне. — Он складывает руки на большом животе. — Это не будет легкой победой над существующим кабинетом. Все было бы гораздо проще, если бы мы захватили власть силой и заменили правящий кабинет людьми, верными мне, как мы и планировали изначально. Но так как это сейчас не вариант, мы должны планировать все очень аккуратно.

Эш застывает рядом со мной. Мать кивает.

— Если мы выпустим данные о «Крыльях», это вызовет множество беспорядков в кабинете и в народе этой страны, — добавляет она. — Мы хотим плавного перехода власти. Как только Патрик будет при исполнении служебных обязанностей и завоюет доверие кабинета министров и наших граждан, он может начать подготовку, чтобы положить конец войне. Это может занять больше нескольких месяцев, чем мы изначально планировали.

— Месяцев! — говорит Роуч, ее конопатое лицо становится пунцовым. — Это не приемлемо!

Я кошусь на Дей, которая нахмурилась в ответ, слегка качая головой в отчаянии. Я татуировку Черной Розы на моем запястье. Эш был прав — это не то, за что мы так боролись. Я не хочу заменить одно правительство Стражей на другое, но какой у нас выбор? Эш смотрит на меня и кивает в сторону двери в коридор.

— Мне надо отдохнуть, — говорю я, вставая. Мать прикрывает глаза. Отец по-прежнему

стоит у камина, отказываясь смотреть на нее.

Дей, Жук и Элайджа следуют за нами, даже ничего не спрашивая. Мы направляемся в нашу с Эшем спальню. Когда мы заходим в комнату, Эш яростно хлопает дверью, заставляя стеклянную банку на тумбочку пошатнуться. Мы рассаживаемся, кто на ковер, кто на кровать королевского размера, за исключением Эша, который ходит туда-сюда по немалой комнате.

— Я не доверяю этому парню, — говорит Эш. — Он заботится только о том, чтобы прекратить эту войну из-за ущерба, которого она наносит экономике. Он не фига не собирается улучшить положение Дарклингов.

— Тогда что же мы будем делать? — спрашиваю я.

Эш резко плюхается на кровать.

— Я не знаю.

Элайджа пристально смотрит на баночку на столе.

— Есть одна вещь, которую мы могли бы попробовать.

— План Люсинды, — подхватываю я. — Ты думаешь, это сработает?

Элайджа пожимает плечами.

— Стоит попробовать, красотка. Однажды у Роуза была Кровная Связь с сердцем Тиоры. Это может сработать снова.

— Доктор Крейвен может произвести операцию на Эше, — говорит Дей.

— Ух, ты! Стоять! Я не буду этого делать, — говорит Эш. — Без вариантов, вы не вырежете мое сердце, чтобы я мог стать мальчиком-игрушкой Пурина Роуза.

— Ты говорил, что хочешь свергнуть Пуриана Роуза, чего бы это ни стоило, — говорит Элайджа.

— Это не то, что я имел в виду! — Эш умоляюще смотрит на Жука. — Прикрой меня здесь, братан.

— Это довольно дерьмово, брат, — признает Жук. — Но если бы мы могли закончить войну, разве мы не должны попробовать? Это то, ради чего мы так боролись.

Эш поворачивается ко мне.

— Натали?

— Это не будет длиться вечно, — говорю я мягко. — Мы можем имплантировать сердце обратно тебе после...

Боль вспыхивает на его лице.

— А что если это не сработает? Я думал, ты поймешь, почему я не могу сделать этого.

Прежде чем я говорю еще хоть слово, он выбегает из комнаты, хлопнув дверью.

27

ЭШ

КРОВЬ СТУЧИТ у меня в висках, когда я иду по коридору, направляясь к стеклянным дверям, ведущим на балкон. Мне нужно срочно подышать свежим воздухом. Балкон огромный — около тридцати футов шириной, и словно кольцом опоясывает всю башню по периметру. Можно прогуляться вокруг всего здания, если захотеть. Позолоченными плитками выровнен пол, декоративные деревья растут в терракотовых горшках, а розовые кусты взбираются на балюстраду.

Я прогуливаюсь по балкону, пытаюсь выпустить пар. Натали знает, как долго я жаждал сердцебиения, так почему же она все-таки рассматривает возможность пересадки сердца?

Почему она хочет отобрать у меня это? Я знаю, что мы можем имплантировать сердце обратно, но нет никакой гарантии, что это снова сработает. Наша Кровная Связь будет разорвана, и я не буду больше ее, а она не будет моей.

И дело не только в этом. Мне действительно совсем не охота становиться Тиорой. Я не хочу иметь связь Кровных Половинок с Пурианом Роузом, независимо от того, что это на краткое время. Как они могли даже предположить это? Я лучше умру! Я яростно ударяю по растению в терракотовом горшке, и оно падает на пол. У меня за спиной открываются двери.

— Все в порядке, сынок? — спрашивает Сигур.

Я поворачиваюсь и понимаю, что нахожусь прямо напротив гостиной.

— Как проходит обсуждение? — спрашиваю я с оттенком горечи.

Сигур глубоко вздыхает.

— Я не верю, что Эмиссар Брэдшоу — ответ, который мы так долго искали. Чутье подсказывает мне, что мы не можем доверять ему, и похоже Роуч чувствует то же самое.

Теперь нас трое.

Мы подходим к балюстраде и смотрим на город. В отдалении, бьют церковные колокола, оповещая Пилигримов, что настало время дня Очищения. Горожане ликуют. Они будто единое целое. Это другой мир. Я понимаю, как граждане-Стражи спокойно закрывают глаза на страдания других людей, покуда они продолжают жить счастливой жизнью в своем золотом городе.

— Жук и другие хотят опробовать на мне план Люсинды, — бормочу я. — Они хотят, чтобы я стал подопытным. Натали согласилась с ними.

— Ааа. Это объясняет разбитый горшок, — говорит Сигур

Я, вздыхая, потираю шею.

— Что если они вернут мое сердце, а оно не заработает? Почему Натали готова рискнуть всем, что у нас есть?

— А что если твоя связь с Натали сильнее, чем любая связь Кровных Половинок, — говорит он. — Любовь не исчезнет, как только сердце перестанет биться. Я всегда буду любить твою маму, и Натали всегда будет любить тебя. И Пуриан Роуз явно все еще думает о Тиоре, иначе он бы не пытался превратить людей в ее подобие, — продолжает он. — Но ты же знаешь, твоя любовь к Натали не просто основывается на вашей Кровной Связи. Так что же действительно беспокоит тебя?

— Что если я потеряю мое сердцебиение навсегда? — Я смотрю на Золотую Цитадель в отдалении. — Они не понимают, каково это — когда сердце молчит. Я был ходящим призраком среди живых, никогда по-настоящему не был частью этого мира, — говорю я. — Это был ад. Я не могу снова через это пройти.

Сигур кладет руку на мое плечо.

— Мы что-нибудь придумаем.

С этими словами он уходит обратно внутрь. Я прислоняюсь к балюстраде и закрываю ненадолго глаза, слушая, как мое сердце ритмично бьется в груди. Готов ли я потерять этот звук, когда как провел всю жизнь в поисках его? Это бы убило меня.

Итак, представляю, каково это, на что это будет похоже, получить его обратно.

Я открываю глаза. Возвращение Пуриану Роузу сердцебиения — самое мощное оружие, которым мы располагаем. Поэтому я уступлю. Я собираюсь позволить им забрать мое сердце.

НАТАЛИ

— МЫ НИКОГДА НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПРОСИТЬ Эша делать это, — говорю я опаской поглядывая на стеклянную банку на тумбочке, содержимое которой напоминало мне свернувшуюся змею. — Это худшее, что кто-то мог сделать с ним. Мы были жестоки, даже предлагая это. — Это было жестоко с моей стороны.

— Да, ты права, — вздыхает Жук, почесывая шрам на щеке. — Я помню, каким был Эш до того, как он встретил тебя. Он был на темной стороне. Если есть даже малейший шанс, что он не получит обратно свое сердцебиение, я не уверен, что смогу поступить так с ним.

— Мы должны извиниться, — говорит Дей.

— Что же нам делать? — спрашивает Элайджа. — Мы еще не разработали план свержения Пуриана Роуза.

— Мы что-нибудь придумаем. Я иду искать Эша. — Я встаю, и Жук встает. — Могу я сначала поговорить с ним наедине? — Я подозреваю, что мне придется долго упрашивать его простить меня.

— Только дай ему знать, что я сожалею, хорошо? — просит Жук.

— Нам, вероятно, следует выяснить, что замышляют «взрослые», — говорит Дей, закатывая карие глаза.

Мы идем по коридору. Элайджа, Дей и Жук направляются в сторону гостиной, а я крадусь по коридорам в поисках Эша. Я иду к белой двери с ручкой из синего стекла. Она открыта. Я заглядываю внутрь спальни, любопытствуя, что за горничная, которая плакала сегодня и чувствует ли она себя лучше.

Девочка-подросток сидит у окна, одетая в элегантное, желтое платье с оранжевым поясом вокруг талии, который совпадает с цветом ее огненно-рыжих волос. У нее бледная, веснушчатая кожа и небесно-голубые глаза, которые сильно обведены золотыми тенями. Ее губы накрашены цветом меди, как у девочек Даков во Фракии.

Я удивленно вздыхаю.

— Эми!

Она смотрит на меня.

— Натали! Боже мой, неужели это ты? — Эми бросается ко мне и обнимает меня за шею. От неё пахнет дорогим цветочным парфюмом.

— Я думала, что ты умерла, — говорю я, отпуская ее.

Эми качает головой.

— Когда Джуно и Ник погибли, мы со Стюартом убежали. Мы пытались бежать через границу, — поясняет она. — Мы дошли до Стального Моря прежде, чем нас поймали. Они застелили Стюарта, и забрали меня на один из Эсминцев. Они собирались отправить меня в «Десятый».

— Тогда, как ты оказалась здесь? — спрашиваю я.

Эми опускает глаза.

— Один из Стражей-гвардейцев послал меня сюда. Человек по имени Виктор.

Мое сердце сжимается. Я знаю Виктора. Со времени нашей неудачной миссии по спасению Полли несколько недель назад, когда мы сели на Эсминец, на котором находились сотни людей в плену, готовых на высылку в «Десятый». Пока я была на самолете, я встретила Виктора — ужасного человека, сбросившего в истерике женщину из шлюза Эсминца, позволив ей умереть, упав с высоты сотни футов. Я узнала, что он продавал

молодых мальчиков и девочек бизнесменам в Центруме, которые хотели детей, чтобы удовлетворить свои извращенные желания. Мужчину, запустившего этот процесс в Центруме, называли...

Патрик.

— Господи, — задыхаюсь я. — Ох, Эми...

Она падает на меня и начинает плакать.

— Лучше бы меня сослали в «Десятый».

Я обнимаю её, позволяя ей выплакаться. Я только могу представить себе ужасы, которые ей пришлось пережить за эти последние недели, под «опекой» Эмиссара Брэдшоу. Мы ни за что не должны допустить, чтобы этот человек пришел к власти. Он монстр, хуже, чем Пуриан Роуз во многих отношениях.

Я заправляю прядь каштановых волос за ухо Эми.

— Я вытащу тебя отсюда.

Она робко берет меня за руку, и мы направляемся в сторону гостиной. Когда мы добираемся туда, моя мать и Роуч в разгаре жарких дебатов. Как и все остальные, мать все еще одета в комбинезон, пистолет висит на ремне ее узких бедер, где сейчас находятся ее руки в сердитой позе.

К моему облегчению, Эш около камина, разговаривает с Жуком. Все остальные здесь, включая доктора Крейвена, позаботившегося о Гаррике. Он сидит в одном из кожаных кресел. Эмиссар Брэдшоу занимает место рядом с ним. Рука Эми боязливо хватается меня за руку, то и дело с опаской поглядывая на Брэдшоу.

— Мы должны уходить, — говоря я. — Прямо сейчас.

— Эми! — восклицает Дей, когда видит нас.

Мама смотрит на меня с любопытством.

— О чем ты говоришь? Мы не можем уйти.

— Это чудовище, — говорю я, указывая Эмиссара Брэдшоу, моя рука дрожит от гнева, — он занимается продажей детей тем, кто больше заплатит. Он, держал Эми для себя.

Отец оборачивается к Эмиссару Брэдшоу. Его изувеченное лицо горит от ярости.

— Это правда?

Его взгляд становится жестким.

— Мне нужно было как-то заработать. Как ты думаешь, чем мы платили за все эти Транспортеры и оружие?

Мать бледнеет.

— Ты продавал детей?

Прежде чем я осознаю, что происходит, Эми бросается вперед и выхватывает пистолет из кобуры матери. Слышен звук выстрела и голова Эмиссара Брэдшоу откидывается. Кровь брызгает на золоченую стену позади него.

Все слишком ошеломлены, чтобы двигаться, слишком ошеломлены, чтобы говорить. Руки Эми дрожат, но она продолжает держать пистолет перед собой, явно в шоке. Я знаю, как она себя чувствует. Я помню, как застрелила женщину в лагере.

Я вытираю липкие руки о штаны, пытаюсь вытереть воображаемую кровь на них. Эш шагает к ней и забирает пистолет, положив оружие на каминную полку, прежде чем осторожно тянет ее в свои объятия. Она вначале застывает, а затем разражается рыданиями. Он баюкает ее, шепчет ей успокаивающие слова на ухо. Люсинда прикрывает нос и поспешно выбегает из комнаты, запах крови явно взбудоражил ее. Иоланда бежит за ней.

— Что мы будем теперь делать? — бормочет мама, вышагивая по комнате. — Без него у нас ничего не выйдет.

Я смотрю на тело Эмиссара Брэдшоу. Его губы сереют, под левым глазом аккуратная дырка от пули. Удачный выстрел — ну, не для Эмиссара Брэдшоу. В гостиной скрипят и открываются двери. В комнату входит бледный и истощенный Гаррик, держащийся рукой за раненый живот. Он все еще одет в свой окровавленный комбинезон, сняв верхнюю часть, обнажая белую майку.

— Тебе следовало бы быть в постели, — говорит мама.

— Я слышал выстрелы. Что происхо... о-о-о, — говорит он, обнаружив обмякшее тело в кожаном кресле. — Он все равно был задницей. — Гаррик пошатывается к одному из стульев и, кряхтя, садится. — Нам стоит переживать, что кто-то услышал эти выстрелы?

— Я так не думаю, — отвечает мама. — Охранники находятся у главного входа, ниже нас на пятьдесят этажей. Они начнут свой очередной обход, — она быстро смотрит на часы, — через двадцать минут.

Я помню, как проходила мимо охранников каждое утро, когда мы жили здесь. Если я правильно помню, то там было четверо мужчин, размещенных в фойе и на этом все. Каждые три часа, один из них патрулирует этажи, но они были настолько ленивы, что редко поднимались выше двадцатого этажа, где у Эмиссара Брэдшоу расположен собственный ресторан, развлекающий VIP-гостей, перед тем, как своровать пиво с кухни и направиться обратно вниз.

— Нам придется заняться ими, — спокойно говорит отец матери, которая кивает. Мне не нравится, как это звучит. Он подходит к телу Эмиссара Брэдшоу. — Кто-нибудь, поможет мне вытащить его отсюда?

Сигур, доктор Крейвен и Роуч присоединяются к моему отцу. Они приподнимают толстые конечности Эмиссара Брэдшоу и выносят его раздутое тело из комнаты, оставляя красное пятно на кожаном кресле. Я не знаю, куда они его несут, и честно говоря, мне плевать. Я надеюсь, что в мусорный пресс. Он сам мусор.

Я иду на кухню, беру тряпку и миску с водой, и направляюсь обратно в гостиную. Эш и Элайджа помогают мне, когда мы молча моем стены. Красная вода капает на сусальное золото, как слезы. Жук оттирает пятна на кожаном кресле и на белом ковре, пытаясь соскрести последние останки Патрика Брэдшоу с этой земли, но это бесполезно — его кровь уже испачкала мебель. Дей с Эми сидят на коленках у камина, уставившись на пламя, их руки сплетены. Все это время моя мать бормочет про себя: «Что мы будем теперь делать?»

— Я согласен, — спокойно говорит Эш нам с Элайджей. — Я буду подопытным телом. Я перестану драить.

— Нет, Эш. Тебе не придется, это было неправильно нам просить тебя.

— Больше никого нет, — говорит он. — У нас нет другого выбора.

— Я не хочу, чтобы это был ты, — говорю я.

Эш берет пальцами мой подбородок, наклоняя мое лицо так, что я смотрю на него снизу вверх.

— Я люблю тебя, — шепчет он. — Это ничего не изменит, ты же понимаешь?

— Понимаю, — говорю я. — Но мы говорим о твоём сердцебиении, я не смогу жить, если ты потеряешь его снова. И дело не только в этом. Чем больше я об этом думаю, тем больше неразбериха. Ты же будешь его Кровной Половинкой. — Я содрогаюсь.

Раздается звонок около входной двери, напугавший всех.

Я в панике смотрю на Эша. Возможно, это один из охранников решил сделать свою работу и на самом деле пришел сюда, и услышал, как мы двигались?

Эш поворачивается к Эми.

— Избавься от них.

Она кивает и спешит к входной двери, а мы все прячемся за мебелью. Те, у кого есть оружие, достают его. Эми открывает дверь

— Чем могу помочь? — спрашивает она.

— Я здесь, чтобы увидеть Сигура, — отвечает женский голос.

Сигур встает и улыбается.

— Ах, это должно быть ко мне. Впусти ее, Эми. — Он поворачивается к остальным, и мы выходим из нашего укрытия. — Я надеюсь, вы не возражаете, но я взял на себя смелость связаться моим хорошим другом, который, как я думаю, сможет нам помочь.

Эми отходит в сторону, впуская гостя. Девушка, одетая в длинную, синюю накидку, заходит в комнату. Она опускает капюшон, открывая нам длинные, до пояса, черные волосы, которые, лежат как рябь на поверхности океана, и сверкающие глаза цвета ночи. Она смотрит на Эша, и мое сердце сводит.

— Привет, Эш, — говорит она.

Он шумно выдыхает от неожиданности.

— Эвангелина.

29

НАТАЛИ

РЕВНОСТЬ ЗМЕЕЙ СКОЛЬЗИТ ПО МНЕ, когда Эвангелина обнимается с Эшем. О идеально смотрятся вместе — оба высокие, смуглые и сногсшибательно красивые — но это не удивительно. Они должны были быть Кровными Половинками, но когда я была ребенком, мне требовалась пересадка сердца, так доктор Крейвен вырезал ее сердце и отдал его мне, и в результате у меня с Эшем образовалась связь вместо нее.

Даже, несмотря на то, что Эш любит меня, мне до сих пор становится больно от осознания того, что ему суждено было быть с другой девушкой. Особенно, когда та девушка ростом пять футов одиннадцать дюймов, с пухлыми, розового оттенка, губами, с длинными, черными волосами, с алебастровой кожей и чувственными изгибами. Я обернула руки вокруг себя. У меня тоже есть изгибы, но из-за моего роста — или его отсутствия — я не выгляжу так же, как Эвангелина. Мне вдруг захотелось расчесать свои спутанные волосы. Дей смотрит на меня с тревогой. Она знает, как смертоносна Эвангелина. Словно почувствовав нас, уставившихся на нее, Эвангелина метнула взгляд своих черных глаз в нашу сторону. В них есть что-то пугающее, крайне опасное.

— Привет, Натали, — говорит она прохладно.

— Привет, — отвечаю я столь же жестко.

Когда мы жили в Блэк Сити, Эвангелина преследовала меня некоторое время. Она убила моего телохранителя и кота, вырезав у них сердца. Она грозилась вырвать и мое. Признаюсь, мне не было грустно услышать, что она оставила Блэк Сити. Я тайно надеялась, что она никогда не вернется. Но видя, с каким восхищением Эш смотрит на неё, я понимаю, что он, очевидно, не разделяет мою точку зрения. Я опускаю взгляд на его руку, которая нежно покоится на ее узких бедрах, и во мне опять разгорается ревность.

— Моя прекрасная Эвангелина, — говорит Сигур, раскрывая объятия.

Она бежит к нему и Сигур кружит ее. Посол Дарклинггов воспитывал Эвангелину как родную дочь. Он взял её к себе, когда ее родители погибли во время войны.

— Я так обрадовалась, когда ты позвонил мне, — говорит Эвангелина, стоило ему только отпустить ее. — Я следила за твоими судебными разбирательствами в новостях. Я не знала, что делать, я понятия не имела, как спасти тебя. Потом до меня доходили слухи, что ты сбежал, но я не была уверена. — Она обнимает его снова. — Я так счастлива видеть тебя.

Он целует ее в лоб.

— Я тоже. Спасибо тебе, что пришла.

— Все для тебя, — отвечает она.

— Как ты миновала охрану? — спрашивает Эш.

Эвангелина смеется.

— Этих тупиц? Я тебя умоляю, Эш, — говорит она надменно. — Я была в состоянии передвигаться в Блэк Сити и не попасться, так что я знаю, что делаю. Я уже давно в Центруме, и никто пока меня не заметил.

Сигур кратко представляет ее всем остальным, и мы садимся. Элайджа прислоняется к камину и лениво проводит пальцами по своим волнистым волосам, его глаза цвета топаза обследуют Эвангелину. Она замечает, что он следит за ней, и он отводит взгляд в сторону. Эвангелина чуть улыбается. Доктор Крейвен с моей матерью благоразумно держатся на расстоянии от Эвангелины, когда она садится на ковер, ведь именно они забрали у нее сердце.

Я опускаюсь на один из стульев, и Эш садится на пол передо мной, прислонившись к моим ногам. Я нежно глажу его по волосам. Эвангелина смотрит на меня ледяным взглядом, и я останавливаюсь. Это не справедливо, афишировать наши отношения перед ней, несмотря на все, что она сделала. В этот момент Люсинда и Иоланда заходят в комнату. Люсинда останавливается как вкопанная, когда она видит Эвангелину и насмешливо смотрит на Эша. Он объясняет, кто она, и женщины обнимаются.

— Я думал, ты искала еще полукровок, — говорит Эш Эвангелине.

— Я искала, — говорит она, играя с прядью черных волос. — Я путешествовала по всей стране в поисках их.

— И ты нашла еще кого-нибудь похожих на нас? — спрашивает он робко.

Эвангелина хмурится.

— Пока нет, но есть все еще много мест, где стоит поискать.

Эш поворачивается к Сигуру.

— Как ты узнал, что Эвангелина в Центруме?

— До того, как я попал в плен, мы с Эвангелиной были на связи, — отвечает Сигур.

— Почему ты мне не сказал? — спрашивает Эш, явно уязвленный.

— Я попросила его ничего тебе не говорить. Я думала, что вам будет проще, если меня не будет в вашей жизни, — говорит Эвангелина, мельком взглянув на меня. — Так почему я здесь?

Тени от огня танцуют на ее бледной коже, когда мы рассказываем ей историю Эдмунда Роуза и Тиоры, про наш план пересадить сердце его любимой внутрь полукровки. Гнев омрачает красивое лицо Эвангелины, когда я объясняю нашу теорию о замысле Роуза: обратить всех людей в гибридов человека-Люпина, используя препарат «Крылья». На нас удивленно смотрят мои родители и Гаррик — мы все были настолько истощены и в шоке после нападения на Стражей-повстанцев, что заснули в Транспортере, и мне так и не выпал

шанс рассказать им. Отец сжимает руку моей матери, и она бросает на него обеспокоенный взгляд.

— Но почему гибриды? — спрашивает Эвангелина.

— Его дедушка, его Кровная Половника, Тиора - были гибридами, — говорю я. — Он любил их больше всех на свете.

— Он пытается вернуть свою семью, — спокойно говорит Эвангелина, улавливая мысль.

Когда мы заканчиваем рассказывать ей все, что знаем, солнце поднимается над городом, окрашивая небо в ярко оранжевый цвет, заставляя золотистые здания переливаться золотом. Я скучала по Центруму. Здесь действительно красиво. Эвангелина глубоко вздыхает, переваривая все.

— Значит, вы хотите, чтобы я была тем телом. А сработает ли это? — спрашивает она, адресуя вопрос доктору Крейвену. Это первый раз, когда она признала его существование. Я не могу представить, как тяжело ей находиться рядом человеком, который вырвал ей сердце, пока она была еще в сознании, и отдал его мне.

— Я честно не знаю, — говорит он. — Сердце очень старое, и может быть слишком сильно разложившимся даже для полукровки, чтобы регенерировать ткани. И не забудь, это сердце Люпина.

— Я могу помочь с этим, — добавляет Иоланда. — Наша главная проблема заключается в получении доступа к больнице.

— Здесь есть частный кабинет врача ниже этажом, под гимназией, — говорит Эми застенчиво. — У Патрика были проблемы с сердцем из-за его веса, так что там много всякой техники.

Сигур поворачивается к Эвангелине.

— Я знаю, что прошу о многом, и все же: ты подумаешь об этом?

Эвангелина вздыхает.

— Хорошо, я согласна.

Эш наклоняется и обнимает ее. Ее руки задерживаются сердцебиение дольше, чем мне бы хотелось. Я отрываю взгляд. Он любит меня. Следующий час мы проводим, обсуждая, что делать дальше, в то время как Жук и Люсинда идут на кухню и готовят еду для всех. Они приносят тарелки спелых фруктов, даже сыра с плесенью и несколько бокалов синтетической крови. Должно быть, у Эмиссара Брэдшоу были некоторые запасы, оставшиеся со времен его слуг Дарклингов. Все с жадностью набрасывается на еду, пока Эми включает большой, настенный экран, который сразу отображает новости Си-Би-Эн.

Диктор «Февральских Полей» улыбается нам пустым взглядом, когда зачитывает новости: *«напоминание принять участие в церемонии Очищения; предстоящий банкет в честь дня рождения Пуриана Роуза будет проходить в Золотой Цитадели; разрушительный «взрыв» на металлургическом комбинате в Галлии, в котором обвиняются «Люди за Единство» (Ха! Так типично для правительства крутить сюжет в соответствии с их повесткой дня); «ко всему прочему произошла «реорганизация» кабинета Стражей»*. Читая между строк, я предполагаю, что реорганизация предполагает увольнение нескольких министров, которых Роуз подозревал в связи со Стражами-повстанцами. Улицы Центрума сегодня станут красными.

Элайджа наклоняется, чтобы достать виноград с подноса, и его руки дотрагиваются до Эвангелины в то же мгновение, когда она тянется к синтетической крови. Она поднимает

глаза и их взгляды встречаются. Они оба краснеют, быстро отвернувшись. Небольшая улыбка играет на губах Эвангелины. Наш разговор окончательно сводится к обсуждению «Крыльев».

— Итак, позвольте мне все разъяснить, — говорит Эвангелина. — Пуриан Роуз заставляет мужчин принимать этот новый препарат «Крылья», который представляет собой комбинацию Дурмана, Ночного шепота и некого ретровируса, который превращает людей в гибридных Люпинов?

Доктор Крейвен кивает.

— Но формула нестабильна. Некоторые люди умирают.

Она хмурится.

— Если Пуриан Роуз намерен превратить всех людей в гибридов, то, как он планирует это сделать?

— Ему придется инфицировать каждого «Крыльями» одновременно, — говорит Гаррик, слегка морщась. Он все еще сутулится, сидя в кресле, держась за свой живот.

— Каким образом он это сделает? — говорит мой отец.

— Водоснабжение? — предполагает Люсинда.

Рты Сигура и Иоланды дергаются. Я помню, как Сигур рассказывал нам несколько недель назад, что Люсинда попыталась отравить водоснабжение Блэк Сити во время первой войны, до того как Сигур и мой отец остановили ее. Вскоре после этого, Люсинду отправили в лагерь в Бесплодные земли и «Четыре Королевства» были расформированы.

Мать качает головой.

— Гидротехнические сооружения оснащены немедленным отключением, если они выявят любые вирусы. Мы внесли поправки после вашей неудачной попытки диверсии.

— Всегда, пожалуйста, — сухо отвечает Люсинда.

— Кроме того, вода ослабит в препарате эффект Дурмана и Ночного шепота. Роуз добавил их в «Крылья» не просто так, мне кажется надо как раз разбавить его, чтобы победить, — говорит доктор Крейвен. — Нет, у препарата должна быть большая концентрация, чтобы он был эффективным.

Как бывший начальник отдела «Науки по борьбе с Дарклингами и Департамента Технологий», а также как создатель «Золотого Дурмана», он знает многое об эффективности действия того или иного препарата. Он снимает очки и устало трет глаза. Иногда меня застаёт врасплох понимание того, как же сильно он похож на своего сына Себастьяна — у них одинаковые волнистые волосы, такая же смуглая кожа и тонкое лицо, и те же зеленые глаза. Но когда я видела его сына в последний раз, глаза Себастьяна сменили цвет на серебристый, как у Пилигримов во Фракии, и тех мужчин, которых я видела в магазине Скотта в Галлии.

Вспоминая тот визит, у меня мурашки бегут по спине. Я вспоминаю о бездомном, которого я увидела перед входом в часовню рядом с магазином Скотта, с его гниющим лицом... Ой! Я выпрямляюсь, уставившись на Эша, который сидит рядом со мной. Бомж был окружен стеклянными бутылками с молочно-серебристым осадком в них. Такими же как «Крылья»! Я думала, что бутылки были с какой фигней Скотта, но теперь я понимаю, что это не так. Они принадлежали церкви по соседству. Я помню звон церковных колоколов, когда Пилигримов звали на...

— Церемония Очищения! — взволнованно говорю я. — Общественная церемония Очищения! Вот как Пуриан Роуз собирается инфицировать всех. Он заставит их пить, как часть ритуала. — Я кратко объясняю свою теорию другим, рассказывая им о Пилигримах во

Фракии с серебряными глазами, и о божже в Галлии.

— О, да, я помню его, — вздрагивая, говорит Элайджа.

— Бомж был очень болен, — говорю я, поворачиваясь к доктору Крейвену. — Очень похож на девушку, подопытную с видео, которое вы мне показали на базе повстанцев. Он, должно быть, употреблял «Крылья», не понимая, что это было на самом деле, и заболел.

Роуч опускается в свое кресло, ее голубые дреды падают на веснушчатые плечи.

— Дерьмо, миллионы людей примут участие в этом.

— Как же тогда, Пилигримы во Фракии инфицировались? — размышляет Дей. — Я думала, что Роуз давал «Крылья» только собственным людям.

На это отвечает доктор Крейвен.

— Я уверен, что Роуз хотел сделать несколько пробных прогонов, чтобы убедиться, что его план сработает, перед тем как пускать его в народ. Во всяком случае, я бы так сделал, — говорит он. — Скорее всего, он послал контейнеры с «Крыльями» в избранное количество церквей по всей стране, похожей на ту, что в Галлии, и указал Пилигримам принимать их в своих ежедневных церемониях Очищения. Наверное, как-то так бедный Пилигрим во Фракии инфицировался. Он был лабораторной крысой.

— Но почему Пилигримы не заметили, что они пили смесь из «Дурмана»? — спрашивает Жук.

— Не все знают, на что похож «Дурман», — спокойно говорит Эш. — Они, наверное, думали, что это было молоко, смешанное с каким-то другим безобидным ингредиентом.

— Вот что-то я не понимаю в «Крыльях», — говорит Эвангелина. — Я понимаю, зачем Пуриан Роуз хочет дать людям ретровирус, но почему он добавил туда «Дурман» и «Ночной Шепот», а? Зачем они там?

— Питье с измельченным «Ночным шепотом» заставляет людей впадать в гипнотическое состояние, — тихо говорит Элайджа. — Они будут делать все, что говорит Пуриан Роуз.

— Только не Даки, — добавляет мрачно Эш. — Разве Жизель не говорила, что у ее народа естественный иммунитет к «Ночному Шепоту».

— Из-за этого, наверное, их и отправили всех в «Десятый», — говорю я.

— Но зачем ему использовать препарат для контроля над разумом на Пилигримах? Те и так пресмыкаются перед ним и делают, все, что он скажет? — добавляет Жук.

— Большинство людей, присутствовавших на публичных церемониях не Пилигримы, они обычные граждане, — отвечает мать. — Для того чтобы сработал его план «Одна Нация», он должен заставить граждан думать так же, как и его по-настоящему преданные последователи.

Роуч садится обратно в свое кресло.

— Хитро. Люди привыкают к Дурману, поэтому они будут продолжать возвращаться за новой дозой.

— Ретровирус превратит их в гибридов, — заканчивает ее мысль Дей.

— А измельченный «Ночной шепот» сделает их безмозглыми марионетками, которые готовы исполнять его приказы, — добавляет Элайджа.

— Все будут думать одинаково, выглядеть одинаково, целая страна по его подобию, — говорю я. — Одна вера, одна раса, одна нация, под его Могуществом.

— Дерьмо, — говорит Эш.

— Когда состоится церемония? — спрашивает Эвангелина.

Я смотрю на экран, на котором бежит строчка новостей о церемонии.

— Через два дня.

Мы смотрим друг на друга, осознавая происходящее. Осталось два дня до того, как Пуриан Роуз обрушит ретровирус на население. Два дня для пересадки сердца Тиоры в Эвангелину и каким-то образом до проникновения ее в Золотую Цитадель. Два дня до объявления победителя в этой войне.

Два дня.

Я встаю.

— Так чего же мы ждем? Пошли готовиться.

30

ЭШ

ДВЕРИ ЛИФТА РАСПАХИВАЮТСЯ, и мы идем в личную операционную Эмиссар Брэдшоу. Эми тихо двигается по комнате, зажигая свет. Комната на удивление небольшая, но хорошо оборудованная, по последнему слову техники. В воздухе стоит неприятный запах антисептика, который щиплет ноздри.

Дей с Натали помогают доктору Крейвену и Иоланде в их приготовлениях к операции, а я ставлю стеклянную банку на соседней тумбочке. Эвангелина ложится на операционный стол и, волнуясь, теребит волосы. Все остальные наверху, ждут нас в пентхаусе Патрика. Я сижу рядом с Эвангелиной и беру ее за руку.

— Ты не должна делать этого, — говорю я ей.

— Да, знаю. — Она смотрит на меня мерцающими черными глазами. Ее темные волосы разметались по подушке, обрамляя ее красивое, худое лицо. — Я хочу помочь, Эш, и я теряю меньше, чем ты.

Она слегка прижимает ладонь к моей груди и по моему сердцу проходит дрожь от ее прикосновения, заставляя сжиматься мой желудок. Желание болью проходит через меня, и я быстро тушу его глубоко, глубоко внутри. Эвангелина — единственный человек в этой комнате, кто действительно понимает, каково это. Наверное, отсутствие сердцебиения могло бы уничтожить меня. Натали смотрит на нас и улыбается, но ее голубые глаза полны беспокойства. Я аккуратно убираю руку Эвангелины с моей груди. К нам подходят доктор Крейвен и Иоланда.

— Эвангелина, ты готова? — спрашивает доктор Крейвен.

Она уверенно кивает, но ее рука снова находит мою.

— Нет никакой гарантии, что это сработает, — говорит Иоланда. — Даже если сердце не будет отвергнуто, мы будем знать наверняка, что это сработало, только тогда, когда Пуриан Роуз коснется тебя.

Я вспоминаю момент, несколько месяцев назад во время урока истории, когда мы с Натали случайно стукнулись лбами, нагнувшись, чтобы достать ее оброненную ручку. Краткое прикосновение — все, что потребовалось, чтобы включить мое сердце.

— Я понимаю, — говорит Эвангелина.

Я слегка сжимаю ее руку.

— Увидимся, когда проснешься.

Она нервно улыбается. Я направляюсь к Натали, и быстро целую ее в лоб, прежде чем отправиться наверх с Эми. Натали с Дей остаются в больнице для оказания помощи доктору Крейвену и Иоланде.

Мы находим всех на балконе пентхауса Патрика. Элайджа опасно сидит на узкой балюстраде, его хвост лениво висит за бортом, а он разглядывает город. Отсюда я могу увидеть знаменитые купольные крыши Золотой Цитадели и рядом осколокообразное здание, котором в настоящее время заседает Правительство Стражей. Миллионы голосов разносят молитву по Центруму, все поклонники Пуриана Роуза. Этот звук рвет мне душу. Нетрудно заметить, как люди становятся опьяненными, как они впадают в транс. Цифровые экраны, встроенные во все небоскребы, они рекламируют церемонию Очищения, которая пройдет через два дня. *Два дня. Твою мать!* Два дня и все закончится, так или иначе.

Элайджа трет рукой свое уставшее лицо. Он выглядит измученным, и я знаю, что это не просто от недостатка сна. Горе, пережитое им, тоже сказывается. Грусть изнуряет. Я знаю, как он себя чувствует. Я мог бы благополучно доползти до постели и больше никогда не проснуться, учитывая половину шанса на успех нашего плана. Я не хочу постоянно помнить, почему моему сердцу так больно.

В чертах Люсинды чувствуется то же самое, хоть она и свернулась калачиком на одном из мягких сидений балкона и крепко спит, а прохладный ветерок шевелит ее короткие, черные волосы. Гаррик осел в одно из кожаных кресел, схватившись за живот. Бодрствующие взрослые спокойно разговаривают. Иногда, Сигур смотрит в сторону двери, словно ожидая, что вот-вот войдет доктор Крейвен, но операция будет идти несколько часов. Жук прислонился к золотому столбу, куря самокрутку. Я с Эми присоединяюсь к нему.

— Ты не собираешься следить за операцией? — спрашивает он.

— Я видел достаточно крови за один день, — отвечаю я, выхватывая сигарету у него, и делая затяжку, прежде чем отдать ее обратно.

— Что будем делать с Эмиссаром Брэдшоу? — спрашивает Жук. — Люди заметят, что он пропал.

Я смотрю на Эми.

— Я скажу охранникам, что он болен, затем сделаю несколько звонков и отменю его встречи, — говорит она. — Я была у Патрика личным помощником, помимо прочего, это не покажется подозрительным, если я позвоню им.

— Это должно успокоить охрану на несколько дней, — говорит Жук, делая очередную затяжку. — А как именно мы собираемся доставить Эвангелину к Пуриану Роузу и оставить их вместе в одной комнате? — Вопрос застаёт врасплох всех собравшихся на балконе.

— Как насчет церемонии Очищения? — предлагает генерал Бьюкенен. Легкий ветер проносится по балкону, растрепав его волнистые, белокурые волосы. — Пуриан Роуз должен быть на мероприятии в Роуз Плазе.

— Там полно гвардейцев, — говорит Роуч.

— Патрик отвечал за организацию безопасности. Я могу достать вам документы, — говорит Эми.

Она направляется внутрь и возвращается спустя несколько минут с портативным интерактивным экраном, поставив его на стол рядом с Сигуром. Мы все подходим к нему. На экране карта Роуз Плазы, с мигающими зелеными, желтыми и красными огоньками.

— Зеленые точки на крышах должно быть ПТ. Пулеметные турели, — объясняет генерал Бьюкенен, когда мы все безучастно смотрим на экран. — У нас были такие же в Блэк Сити, чтобы сбивать любых Нординов, которые пытались перелететь через стену. Мы с Гарриком можем убрать их.

Мама Натали указывает в сторону желтых точек. Ее черные волосы зачесаны назад в

тугой пучок, подчеркивая ее болезненно-худое лицо.

— Желтые точки должно быть Стражи-гвардейцы, которые будут стоять по всему периметру. Но я подозреваю, что там будет еще отдельный отряд, который смешается с толпой.

— Если что, мы просто можем использовать ПТ, чтобы убрать их, — говорит Гаррик.

— Ты не можешь просто начать стрелять в толпу невинных людей, — возражаю я. — Пуриану Роузу может плевать на их жизни, но мне нет.

Генерал Бьюкенен кивает.

— Я согласен с Эшем. Мы не можем так поступить.

— И да, лучший вариант — использовать маскировку, — говорит Жук. — Мы сольемся с другими гражданами. Там будет куча народа. Гвардейцы не смогут следить за всеми.

— А что это за красные огоньки на схеме? — спрашиваю я.

— Это личная охрана Пуриана Роуза, — отвечает Эми.

— Вот они могут стать нашей главной проблемой, — говорю я. — Они могут опознать нас, когда мы выйдем на сцену.

— Это рискованно, приятель, но у нас не так уж много других вариантов, — говорит Жук. — Все, что нам нужно сделать, это доставить Эвангелину к Пуриану Роузу, прежде чем они остановят ее.

— У тебя это звучит так просто, — протяжно говорю я, и он ухмыляется.

Мы обсуждаем наш план на ближайшие несколько часов, прорабатываем детали, хотя все это время я думаю об Эвангелине и операции. Все рассчитывают на ее успех.

— Этого не достаточно, чтобы заставить Пуриана Роуза объявить о прекращении огня, нам придется настроить страну повернуться против власти правительства Стражей и так чтобы они не поставили еще одного из тех придурков у власти, — говорит Роуч, поглядывая на Эмиссара Бьюкенен, которая игнорирует намеки.

— Мы расскажем им о «Крыльях», — говорю я. — Но мы должны предъявить доказательства СМИ. Кому можно доверять?

Эмиссар Бьюкенен вздыхает, смягчаясь.

— У меня есть контакты в новостном центре Си-Би-Эн. Мы можем довериться им.

Балконные двери раздвигаются, и все замолкают. Мое сердце выскакивает из груди. В дверях появляются Дей и Натали. Их одежда покрыта кровью Эвангелины, их волосы блестят от пота.

— Как все прошло? — спрашиваю я.

Натали слегка кивает.

— Похоже, все прошло хорошо, но Иоланда сказала, что ближайшие двадцать четыре часа будут решающими. Организм Эвангелины все еще может отвергнуть его.

— Я могу ее увидеть? — спрашивает Элайджа.

Натали кивает.

— Она в сознании.

Элайджа покидает балкон и Натали поворачивается ко мне.

— Кто-то влюбился, — говорит озорно она.

Меня гложет ревность при мысли об Элайдже и Эвангелине, но я силой отодвигаю ее в сторону, зная, что ревновать глупо. Я не претендую на Эвангелину. Кроме того, я предпочел бы, что Элайджа сосредоточил свое внимание на ней, чем на Натали.

Остальные заходят внутрь. Я следую за Натали в нашу спальню и опускаюсь на кровать,

пока она по-быстрому принимает душ. Я закрываю глаза, как мне кажется на секунду, но когда я открываю их, за окном уже стемнело. Натали нет в комнате.

Я тру глаза, а затем отправляюсь на ее поиски, и нахожу ее в библиотеке с родителями. Это овальная комната, стены которой снизу доверху скрыты под книгами. Генерал Бьюкенен стоит у открытого окна, куря сигарету, а Натали с мамой сидят в красных кожаных креслах рядом с камином из белого мрамора. На столе между ними файл Полли, фотографии разбросаны по всему столу из красного дерева. Натали оборачивается, почувствовав меня. Она машет мне, и я сажусь рядом с ней.

— Как можно было погрязнуть во всем этом? Но Полли была как Пуриан Роуз, да? — спрашивает Натали у мамы. — У нее было что-то от Дарклинга и Люпина?

Эмиссар Бьюкенен слабо кивает. Искры танцуют в ее бледно-голубых глазах от огня, горящего в камине.

— Мы поняли это на первом УЗИ. Доктор Крейвен не мог найти сердцебиение, и я подумала... — Она сокрушенно вздыхает. — Но затем он увидел ее клыки.

— Что? — глухо спрашивает Натали.

— Они растут в период внутриутробного развития в первые несколько недель после зачатия, — объясняет Эмиссар Бьюкенен. — Стало очевидным, что она не нормальный человек.

Я вздрагиванию при слове. Нормальная. Отец Натали смотрит в окно, одну руку засунув в карман, а другой, держа сигарету.

— Крейвен сделал еще несколько тестов после того, как она родилась, и подтвердил, кем она была, — продолжает Эмиссар Бьюкенен. — К счастью, благодаря тому, что она была преимущественно человеком, мы смогли заставить ее забыть, что она не одна из нас с помощью нескольких операций усовершенствований.

— Усовершенствований? — спрашивает Натали.

— Вы стерилизовали ее, — говорю я.

Эмиссар Бьюкенен кивает.

— Она носила виниры. Никто не подозревал этого. Многим Стражам-девочкам делают косметические стоматологические операции в раннем возрасте.

— Полли знала, кто она? — спрашивает Натали.

— Она не знала, что была другой, пока ты не родилась, — говорит Эмиссар Бьюкенен. — Она думала, что у всех маленьких девочек нет сердцебиения, и есть жажда крови. Но ты появилась, она поняла, что что-то с ней не так. Мы с твоим отцом объяснили ей, кем она была, и кто ее настоящий отец, и что она должна держать это в секрете.

— Итак, она всегда знала? — Натали садится обратно в кресло. — А как же ее сердце? Наверняка кто-то заметил, что оно не стучит.

— Ты — нет, — говорит Эмиссар Бьюкенен.

Натали немного краснеет.

— Люди обычно не подходят ко всем, чтобы проверить пульс друг у друга, Натали. Зачем они будут это делать? Кроме того, она выглядела как человек, — говорит Эмиссар Бьюкенен.

— И мы смогли убедить Крейвена осматривать ей, чтобы он мог подделать результаты анализов и прочего, — говорит генерал Бьюкенен из другого угла комнаты. — Никто ничего не подозревал.

— А Пуриан Роуз знал, что она его дочь? — спрашивает Натали.

— Я сказала ему, что она Джонатана, — отвечает Эмиссар Бьюкенен.

Выражение лица генерала Бьюкенена застывает. Он затягивается сигаретой и выходящими клубами выпускает дым изо рта.

— Почему ты не сказала мне, кем она была? — спрашивает Натали. — Почему она не сказала?

— Она боялась, что ты не примешь ее, — отвечает Эмиссар Бьюкенен.

Натали краснеет.

— Почему? Она была моей сестрой! Я любила ее.

— Я знаю, — говорит Эмиссар Бьюкенен. — Я пыталась сделать так, чтобы Полли чувствовала себя частью семьи. Я души не чаяла в ней, я осыпала ее подарками и лаской. Я делала все, что могла, чтобы заставить ее почувствовать себя особенной, красивой, принятой, но она никогда этого не чувствовала. Она всегда считала себя изгоем.

— Да, что ж, такое порой случается, когда вы заставляете людей, как она, жить за стенами гетто, — бормочу я.

Эмиссар Бьюкенен плотно сжимает тонкие губы.

— Как вы можете оправдывать то, что вы сделали с моим народом, когда ваша собственная дочь была одной из нас? — произношу я, и злость кипит внутри меня.

— Она не была одной из вас, — жестко отвечает Эмиссар Бьюкенен. — Полли была в основном человеком. Она была хорошей девочкой, она не представляла никому угрозы, в отличие от Дарклингов.

Я сжимаю руки в кулаки, и Натали качает головой в отвращении.

— Как ты могла позволить Пуриану Роузу пытаться в ту ночь, когда они пришли за отцом? — спрашивает Натали. — Наверное, она была убита горем, что ты выбрала меня, а не ее и позволила, чтобы ее собственный отец сделал с ней такое.

— Я выбрала Полли, потому что она была физически сильнее, чем ты, Натали, — отвечает Эмиссар Бьюкенен. — Эти раны бы убили тебя. Я объяснила это ей позже, и она поняла. Она простила меня.

Натали быстро закатывает глаза.

— Ты не заслужила ее прощения. Ты должна была сказать мне, кем она была. Я могла быть рядом с ней, но ты не дала мне шанса.

Натали встает и выходит из комнаты. Я следую за ней, закрыв за собой дверь, перекрывая звук рыдания Эмиссара Бьюкенен. Мы идем на балкон. Ночь в городе раскрашена красками, словно драгоценными камнями, сверкающими под темными водами. На цифровых экранах новости Си-Би-Эн продолжают информировать о предстоящей церемонии Очищения. Пилигримы уже начали съезжаться в город со всей страны, желая получить благословение самого Пуриана Роуза. Отсюда я могу видеть очертания Роуз Плазы в отдалении. Чуть больше чем через сутки, мы будем там во время церемонии Очищения. Нервы словно натянутые струны, но я пытаюсь их успокоить.

Я привлекаю Натали в свои объятия, и она утыкается лицом в мою грудь.

— Я никогда не знала, что пережила Полли, — глухо говорит Натали. — Все эти годы я завидовала ей, мечтая о ее жизни, желая быть ей. Я не знаю, насколько ей было больно. Каково ей было: ее пытал собственный отец, и предала мать? Неудивительно, что она повредила рассудком. — Я обнимаю ее, когда она плачет, глажу рукой по спине. — Как Полли могла простить мать после того, что она с ней сделала?

— Я недолго знал Полли, но понял, что у нее было доброе сердце, — бормочу я. — Она

не похожа на девушку, которая может на всю жизнь затаить обиду.

— Она и не была такой, — признается Натали. — Полли старалась видеть лучшее в людях, она считала, что каждый заслуживает второй шанс. Она была лучше меня. — Натали отстраняется, вытирая глаза. — Надо извиниться перед моей матерью.

— Ты не возражаешь, если я проведу Эвангелину? — спрашиваю я.

Натали слегка пожимает плечами.

— Нет.

Я целую ее в лоб и затем спускаюсь вниз в больницу, где приходит в себя после операции Эвангелина. В палате тихо и свет выключен, кроме лампы над кроватью Эвангелины. Она выглядит очень бледной, но в остальном довольная.

На ее тумбочке стоит полупустой стакан синтетической крови. Она должна быстро оправиться от операции, тем более что времени у нас в обрез, мы должны отправить ее в... Я смотрю на часы, висящие на стене — дерьмо, осталось тридцать шесть часов!

На ней бледно-зеленый больничный халат, расстегнутый на груди, которая перевязана бинтами, поэтому все пристойно. Элайджа с ней. Они беседуют и смеются. Иногда она трогает его за руку. Его щеки краснеют, и улыбка становится шире.

— Эй, — говорю я, и они смотрят на меня. — Я просто хотел проверить, как ты.

Она пожимает плечами.

— Это похоже на то, что кто-то набил в меня с полкило картошки. Эш, ты думаешь, это сработает?

— Да. Не беспокойся, все будет хорошо. Я обещаю.

— Ты не боишься? — спрашивает она.

Я ухмыляюсь.

— Неа. Это Пуриан Роуз должен бояться, а не мы.

Она закусывает губу.

— Ты думаешь, мое новое сердце может ожить, когда я прикоснусь к Роузу? — Она смотрит с надеждой на меня. — Доктор Крейвен не был уверен, потому что это сердце Люпина, но Люсинда сказала, что Тиора почувствовала искру в груди, когда они касались друг друга, так...

— Да, вполне возможно, — говорю я, ободряюще улыбаясь. Я знаю, как сильно она жаждала сердцебиение. — Я оставлю вас одних.

Я направляюсь к лифту и жму кнопку несколько раз. Звучит «пиу», когда лифт приезжает, и я вхожу. Стены покрыты листами позолоченного металла, которые искажают мое отражение, где я — всего лишь темная тень среди моря золота. Я сажусь на пол и обнимаю голову руками. Я соврал Эвангелине, когда сказал, что мне не страшно. Я в ужасе.

31

ЭДМУНД

Центрум. Штат Доминион.

Сегодняшний день.

Я ВЫХОЖУ НА БАЛКОН Золотой Цитадели, с которой открывается вид на Роуз Плаз: мои руки в перчатках держатся за перила. Все вокруг меня в городе Центрум сверкает в лунном свете, возвышающиеся небоскребы идеально сочетают в себе красоту и мощь. Внизу на площади, была возведена большая сцена в рамках подготовки к официальной церемонии, которая произойдет послезавтра. Все встало на свои места. Тридцать лет подготовки,

наконец-то окупятся. Я должен быть счастлив. Но по каким-то причинам, я чувствую пустоту.

Но тут внезапно налетает ветер. У меня мороз по коже. Я чувствую, что кто-то рядом со мной, и поворачиваюсь. В нескольких метрах от меня стоит Тиора. Она одета в лимонно-желтое платье и в охотничью куртку — тот самый наряд, который был на ней в ту ночь, когда мой отец убил ее. Ее снежно-белая грива шевелится на ветру. Несколько прядей волос падают на ее серебряные глаза.

— Привет, Эдмунд, — говорит она.

Я вздыхаю, горе рвется из меня. Я знаю, что на самом деле ее здесь нет — кажется, я начал слышать голоса в голове, как Патрик утверждал, было и у моей мамы — но увидев ее, все эти воспоминания нахлынули на меня снова. Она смотрит поверх балюстрады на резервуар Очищения на площади.

— Ты действительно хочешь идти напролом, Эдмунд? — спрашивает она.

Я кладу свою руку в перчатке рядом с ней. Каждая часть меня до боли хочет дотронуться до нее, но я знаю, что это невозможно. Она просто плод моего воображения.

— Я делаю это все ради тебя, — говорю я.

— Ты действительно думаешь, что это именно то, чего я хочу? — отвечает она.

— Это то, чего я хочу. Ты и дедушка, были единственными людьми, которые приняли меня, несмотря на то, кто я есть. — Я вздыхаю. — Я скучаю по тебе.

На ее губах появляется грустная улыбка.

— Так это твое решение? Чтобы сделать всех похожими на нас?

— Если мы все будем одинаковыми, тогда настанет мир, в конце концов, — говорю я.

— Ты ошибаешься, Эдмунд. — Тиора смотрит на луну. Переливающийся свет создает вокруг ее бледной кожи свечение. — Ты помнишь, когда я взяла тебя с собой в храм Люпинов на горе Альба?

— Я думаю об это каждую ночь, — шепчу я.

— Ты спрашивал меня, как я могу быть так добра к тебе, после того, что твой отец сделал с моими родителями, — говорит она. — Ты помнишь, что я ответила?

— Нельзя судить всю расу по действиям одного человека.

— И что еще?

Я ненадолго закрываю глаза.

— Легко ненавидеть. Настоящей проверкой наших сердец является прощение.

— Точно, — говорит Тиора, обращаясь ко мне, ее глаза сверкают серебром. — Только прощение — иначе ты никогда не найдешь мир, Эдмунд.

— Этого никогда не произойдет, — говорю я с горечью. — Тебе нужно сердце, чтобы прощать, а Икар забрал его у меня в ту ночь, когда убил тебя.

— Ваше Могущество? — обеспокоенный голос произносит позади за меня.

Я поворачиваюсь и вижу моего слугу Форсайта, стоящего в дверях. Он одет в длинные белые одежды Пилигрима. Его голова выбрита, и у него есть татуировка в виде красной розы над левым ухом, как и у всех моих верных последователей. Он изучает меня тревожными обновленными, серебряными глазами.

— Себастьян Иден здесь, как вы и просили, — говорит он.

Я смотрю в сторону Тиоры, но она ушла.

— Спасибо, Форсайт, — говорю я, отойдя от золотой балюстрады. Бояться мне нечего. Форсайт не расскажет о том, что он только что увидел. Он предан мне.

— У меня есть и другие новости, Ваше Могущество, — говорит Форсайт, пока мы идем обратно внутрь здания. Тела женщины-Люпина, Ульрики и ее двоюродного брата Кирана были привезены в Центр, в соответствии с инструкцией. Что мне с ними делать?

Я провожу языком по верхним зубам, чувствуя острые углы виниров. Я был в ярости, когда узнал, что они были застрелены, особенно Ульрика. Она была как сестра Тиоре.

— Кремируйте их в следующее полнолуние, — говорю я, когда мы входим в мой кабинет.

Мой дед бы ненавидел эту комнату, с ее роскошной мебелью, мраморными полами и позолоченными стенами. Патрик считает же, что это прибавляет мне авторитет, но я не уверен. Я скучаю по выбеленным стенам церкви, в которой я вырос. Мальчик Себастьян стоит возле большого камина, глядя на фотографии на каминной полке. Он одет в серый мундир, его голова чисто выбрита, как у Форсайта. Он разворачивается, когда слышит мое появление и кланяется.

— Ваше Могущество, — говорит Себастьян. У него длинный порез вдоль щеки, который, я предполагаю, он получил во время осады на базе повстанцев. Он сочится кровью, когда он говорит. Отвратительно.

Я обращаюсь к Форсайту.

— Подготовить еще одно место за обеденным столом для мистера Идена. Посади его рядом с Патриком.

— Эмиссар Брэдшоу не сможет присутствовать на ужине сегодня вечером, Ваше Могущество, — говорит Форсайт. Его прислуга недавно звонила. Видимо у него была плохая реакция на... — он понижает голос, — процедуру. Он будет прикован к постели как минимум неделю.

Я нетерпеливо вздыхаю. Для человека, столь толстого, как Патрик, он на удивление глупый, как и его родители. Типично для него, отсутствовать, когда он должен поддержать меня в самый важный день моей жизни, и за это он будет потом наказан.

— Хорошо, — говорю я. — В таком случае, это, наверное, лучше, что он не сможет прийти на церемонию Очищения. Я не хочу им пугать людей.

— Очень хорошо, — говорит Форсайт. Он кланяется и смиренно идет обратно к двери.

— Да, и Форсайт?

— Да, Ваше Могущество?

— Найдите отряд, который несет ответственность за убийство Ульрики и Кирана, и расстреляйте их, — говорю я.

— Весь отряд, Ваше Могущество? — неуверенно спрашивает Форсайт.

— Да, всех, — отвечаю я. — Я не терплю некомпетентности. Я дал им строгие указания, и я ожидал, что они им последуют.

Мальчик Себастьян бледнеет.

— Как пожелаете, — говорит Форсайт, закрывая за собой дверь.

Я подхожу к Себастьяну. На его верхней губе слабо поблескивает пот, выдавая его нервное состояние.

— Я слышал, ты инициировал нападение на базу повстанцев в Галлии, — говорю я. — Поздравляю. Ты проделал прекрасную работу.

— Благодарю Вас, Ваше Могущество, — отвечает мальчик, расправив с гордостью плечи. Булавка в виде бабочки блестит на его груди. — Я живу, чтобы служить вам.

Я изучаю булавку, потом серебряные глаза мальчика. Он принял ретровирус, но

основываясь на его мертвенно-бледном цвете лица, его тело не очень хорошо на него реагирует. Позор. Трудно найти хороших работников. Я кладу свои руки на плечи мальчика, и он слегка вздрагивает.

— Так ты убил Эша Фишера и Натали Бьюкенен, как я тебя просил? — спрашиваю я.

Кадык мальчика дергается вверх и вниз. Он быстро моргает.

— Да, Ваше Могущество.

Я отпускаю его плечи.

— Хорошо. Я не могу позволить себе, чтобы что-то пошло не так во время церемонии.

В первый раз за последние несколько недель я чувствую себя счастливым. С убийством Эша Фишера и Натали Бьюкенен не осталось никого, кто мог бы остановить меня.

32

ЭШ

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ МЫ ПРОВОДИМ В ПОДГОТОВКЕ к церемонии Очищения. Я с Роуч на балконе, их головы недавно побриты, они беседуют с Эми, которая практикуется в живописи в виде поддельных татуировок розы за левым ухом. Жук держится хорошо с побритой головой, но Роуч кажется совершенно несчастной с ее новой стрижкой, учитывая то, как она хмурится.

Я снова мысленно пробегаюсь по нашему плану. Первым делом с утра, генерал Бьюкенен с Гарриком отправятся на Роуз Плазу и устраняют солдат на крышах, задействованных с ПТ. Жук и Роуч будут сливаться с толпой на земле на случай любой неприятности от Стражей-гвардейцев, дислоцированных там, а мы с Натали выводим на сцену Эвангелину. Остальные сядут на Транспортер, под управлением Дей, и будут скрываться в облаках над городом. Если нам потребуется быстро уйти, Натали вызовет их, используя GPS-часы, которые ей дала Дестени. Я поворачиваюсь к Дей, которая сидит с Гарриком на диване.

— На завтра все готово? — спрашиваю я.

— Надеюсь, — говорит она. — Гаррик объясняет мне, как сажать Транспортер, мы скоро поднимемся на крышу и пробежимся по элементам управления самолета.

Я киваю, довольный. Теперь все сходится. Последняя часть плана — это Эмиссар Бьюкенен и доктор Крейвен. В настоящее время они собрали все доказательства, что у нас есть против Пуриана Роуза. В них входят: файл Полли; плюс отчет из лаборатории, который Натали нашла в Бесплодных землях; синий диск; образец «Крыльев», который мы забрали из «Десятого», и который, доктору Крейвену хватило предусмотрительности, положить в свой медицинский саквояж, когда было совершенно нападение на базу повстанцев.

Я беру диск, и мой желудок сжимается. Это жизненно важная часть нашего плана, это видео будет показано во время церемонии Очищения завтра. Эмиссар Бьюкенен отнимает его у меня.

— Вы уверены, что можете доверять своему контакту в Си-Би-Эн? — спрашиваю я. — Мы должны заменить текущий прямой эфир на то, что нужно нам и чтобы вся страна увидела это одновременно.

— Немного веры в меня, мистер Фишер. Это не первое мое родео, — отвечает она.

Я улыбаюсь. Трудно доверять женщине, которая пыталась тебя, а потом пыталась повесить за смерть Криса Томпсона от «Золотого Дурмана», но сейчас очень подходящее время, чтобы начать все заново. Я возвращаюсь к Натали и остаюсь с ней рядом весь день,

потому что хочу использовать каждую секунду, чтобы побыть с ней вместе. Я лениво играю с концами ее светлых волос, она держит свою руку в моем заднем кармане. Ни один из нас не говорит, но мы оба знаем, что это, скорее всего, наш последний день вместе. Я неожиданно тяну Натали в свои объятия, застав ее врасплох, и целую ее. Мне плевать, что мы не одни в гостиной. Несколько человек поднимают свои глаза, но никто ничего не говорит. Она сжимает мою рубашку, прижимает меня к себе, позволяя поцелую задержаться, прежде чем мы, в конце концов, не отрываемся друг от друга. Ее рука снова скользит в мой задний карман.

Дверь апартаментов открывается, и в гостиную входят Элайджа с Эвангелиной. Они провели всю ночь на больничном этаже. Мы не сводили глаз с камер наблюдения, чтобы убедиться, что никто не войдет в операционную, пока они спали. Но, вообще говоря, беспокоились мы напрасно. Патрику принадлежит все это здание, так что, кроме Стражей-гвардейцев, что были у главного входа — которые на данный момент сидели в маленькой комнате — здесь нет никого.

Эвангелина чувствует себя неуверенно, она бледна, но в остальном выглядит нормально. Ее чернильно-черные волосы вымыты и расчесаны, она одета в симпатичное голубое платье, с низким декольте, обнажавшее шрамы от операции. Это выглядит ужасно: грубая, красная кожа скреплена металлическими скобами. Элайджа обнимает ее за талию. Он хлопочет над ней и успокаивается только, убедившись, что ей комфортно, когда она садится, подкладывая ей дополнительные подушки. Натали смотрит на меня, поднимая брови. Я слегка пожимаю плечами.

Доктор Крейвен проверяет жизненные показатели Эвангелины, пока Элайджа сидит со скрещенными ногами рядом с ней. Его хвост слегка трется о ее ноги, оставляя его запах на ней. Он метит территорию. Я морщусь нос от запаха, но Эвангелина, похоже, не возражает.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я ее.

— Болит, — признается она. — Но я думаю, что завтра я буду в порядке. Элайджа разрешил мне попить его кровь, это действительно помогает процессу выздоровления.

Мои клыки пульсируют, думая о том, какая на вкус его кровь, которую я пил у него в Бесплодных землях: сладкая, вкусная, пьянящая. Он перехватывает мой взгляд, и на его губах появляется улыбка. Он определенно прочел мои мысли.

— Даже не думай, Дарклинг, — говорит он.

— В твоих мечтах, котобой, — отвечаю я, ухмыляясь.

Время замедляется, и напряжение в группе нарастает. Смех исчезает, разговоры умолкают, пока все общение просто не сводится к кивку и к качанию головой. К вечеру все мы, молча, сидим вокруг камина, испуганно и тревожно. Дей сидит на коленях Жука, делая вид, что читает книгу, хотя она ни разу не перевернула страницу за целый час. Эвангелина свернулась клубочком на диване с Элайджей. Он водит пальцами вверх и вниз по ее обнаженной руке. Натали держится за руки с родителями, а Роуч спокойно гладит волосы Эми.

Некоторые, ушли на балкон, пить вино «Сангюс» и смотреть на город под нами. Секунды тикают на часах на каминной полке, отсчитывая наши последние минуты вместе. Натали сидит у меня на коленях, ее голова прижата моей груди, слушая мое сердце.

Сон не идет ни к одному из нас в эту ночь, мы все слишком полны адреналина, чтобы уноситься в сновидения. Кроме того, я не уверен, что вообще хочу спать. Это могут быть мои последние минуты на земле с моей семьей, моими друзьями. Я не хочу потратить их

впустую.

Жук слегка кивает мне. Не могу поверить, что мы зашли так далеко. Всего несколько месяцев назад мы были парочкой болванов, тусующихся на своей барже в Блэк Сити, курили, пили и равнодушно рассуждали о революции. Сейчас вот мы находимся в пентхаусе в Центруме, всего за несколько часов перед столкновением с Пурианом Роузом, держа судьбу народа в наших руках. Я никогда не думал, что скажу это, но я немного скучаю по школе. Я скучаю по учителям, учащимся. Я скучаю по своей жизни подростка. А завтра я, наверное, умру. Эта мысль меня пугает. Я крепче обнимаю Натали.

Мою кожу начинает покалывать, когда золотые лучи солнца заливают комнату, медленно отгоняя тени ночи прочь. Сигур и другие возвращаются с балкона. Все рассаживаются, все в состоянии боевой готовности, наши мысли уже на церемонии Очищения. На цифровом экране, искрящаяся блондинка «Февральских полей» уже докладывает о событиях дня. Церемония начнется в два часа, поэтому тысячи Пилигримов уже приехали в город, направляясь в сторону Роуз Плазы. Съемка с воздуха показывает забитые людьми улицы и проспекты, похожие на белое море, с вкраплениями ярких цветов. Это те граждане, которые предпочитают носить обычную одежду вместо белых одежд Пилигримов.

— Пилигримы со всего государства стекались в Центрум всю ночь, чтобы принять участие в сегодняшнем историческом событии, — говорит блондинка. Видео демонстрирует кадры Золотой Цитадели, где Пуриан Роуз стоит на балконе, глядя вниз на тысячи Пилигримов, которые уже собрались на площади. — В два часа дня, Пуриан Роуз обратится к народу перед проведением первой транслируемой церемонии Очищения, здесь, в Роуз Плазе...

Я уменьшаю звук, мои нервы на пределе.

Генерал Бьюкенен с Гарриком берут оружие. Эмиссар Бьюкенен пожимает руку Гаррику, а затем обнимает своего мужа. Он нежно целует ее.

— Скоро увидимся, — шепчет он, приглаживая ее волосы.

Она кивает.

— Я... — Она не может сказать ни слова.

— Я знаю, — говорит он. — Я тоже.

Натали слезает с моих коленей и бросается к папе, обнимая его за шею. Он прижимает ее к себе, уткнувшись лицом ей в плечо.

— Береги себя, папа, — говорит Натали.

— Ты тоже, Тали, — отвечает он, целуя ее в лоб. — Люблю тебя.

Он окидывает свою семью долгим взглядом, прежде чем выходит из квартиры вместе с Гарриком. Дверь закрывается за ними. Теперь наша очередь. Мы отправляемся в нашу комнату и начинаем готовиться...

Я принимаю продолжительный душ, горячая вода, бьет в спину, пытаюсь успокоить мои нервы. Это не срабатывает. Я выключаю воду, обертываюсь полотенцем вокруг талии и вхожу в спальню. Натали сидит на нашей кровати, одетая в простую, белую майку и нижнее белье, и колет себе противовирусное лекарство. Мои клыки наполняются ядом при виде ее голых ног и изгиба груди. Натали поддавливает меня, и смеется.

— Эш, у нас нет времени, — говорит она.

— Я знаю, — говорю я, целуя ее в плечо, успокаивая свое разочарование. Агрх!

Она дергает мое полотенце, когда я прохожу мимо, и оно соскальзывает с бедер.

— Натали, у нас нет времени, — дразнюсь я.

Она смеется, но смех быстро умирает на ее губах. Мы оба пытаемся делать вид, что все нормально, но я ужасно нервничаю. Мы одеваемся в похожие наряды, которые нашли в шкафах в квартире: черные брюки, серый верх и черные куртки с капюшонами с ярко-оранжевой подкладкой — Патрик очень любил красивые вещи. Натали стягивает волосы в пучок и накидывает сверху капюшон. Я опускаю капюшон на голову, и смотрю на свое отражение в зеркале. Тени приглушают узнаваемый блеск моих глаз, и пока я буду держать рот закрытым, никто не должен увидеть мои клыки. Мне привычно сливаться с окружающей средой и вести себя как человек. Я делаю это всю жизнь.

Мы возвращаемся в гостиную, где нас ждут другие. Эвангелина, Жук и Роуч одеты также как мы, хотя под курткой Роуч спрятан небесно-голубой топ — цвет бунта. Я не могу сдержать ухмылки. Она улыбается мне в ответ.

— Ну что ж, мы готовы? — спрашивает Роуч, проверяя поддельную татуировку в виде розы на боку ее бритой головы в соседнем зеркале.

Нет.

— Ага, — говорю я.

Жук хватает Дей, наклоняет ее и смачно целует. Когда он прерывает поцелуй, они оба запыхавшиеся и покрасневшие. Жук аккуратно обхватывает ее лицо руками.

— Береги себя, детка, ладно? — шепчет он.

Она целует его снова.

— Ты тоже.

Элайджа берет Эвангелину за руку и тянет девушку в сторону комнаты. Он что-то шепчет ей, и она краснеет, кусая губы. Она долго смотрит ему в глаза. Я отворачиваюсь. Это не мое дело. Ко мне подходит Сигур.

— Скоро увидимся, сынок, — говорит он. — Удачи.

Люсинда вертится позади него. Она слабо мне кивает. У меня такое чувство, что она не прощается. Натали тихо прощается с мамой, прежде чем обнимает Дей.

— Просто нажми кнопку на часах, если я вам понадобится, — говорит Дей.

Натали вытирает слезы прежде, чем взять меня за руку. Мы впятером — я, Натали, Эвангелина, Жук и Роуч — выходим в коридор, и Жук вызывает лифт. Двери издают «пинг» и открываются мгновение спустя. Рука Натали сжимает мою.

— Нет страха, — шепчет она мне.

Мы входим в лифт.

33

НАТАЛИ

НОВОСТИ НЕ ВОЗДАЛИ должное толпе, понимаем мы, когда пропихиваемся продвигаемся по улице Кэтрин, направляясь к Роуз Плазе. Шум нереальный — люди вокруг орут, молятся, разговаривают. Некоторые рады, но многие с кислыми лицами и ворчат, что пришли сюда. Я постоянно поглядываю вверх, на крышу золотистых зданий, стремясь заметить папу или Гаррика. Я молюсь, чтобы они были в безопасности, и что им удалось взять контроль над ПТ по периметру городской площади. В противном случае мы будем застрелены раньше, чем Эвангелина сможет коснуться Пуриана Роуза.

— Я не понимаю, почему мы должны идти на это дурацкое мероприятие, — слышу я, как женщина шепчет своей подруге. Они обе одеты в замысловатые черные платья с

пышными юбками из тюля, похожими на то платье, которое я носила, когда впервые встретила Эша, под мостом в Блэк Сити. — Я не одна из тех уродов — Пилигримов. Я даже не следую вере.

— Тсс! Хочешь оказаться в «Десятом»? — спрашивает ее подруга, оглядываясь по сторонам. — Неважно, что мы не следуем за Чистотой, сомневаюсь, что хотя бы половина людей здесь следуют вере, поэтому нам всего лишь и нужно, притвориться и идти вместе с остальными. Так что просто смирись с этим, все закончится через час.

Мне очень хочется предупредить их, что это ловушка, что Пуриан Роуз намерен заразить всех их ретровирусом, но я не могу рисковать, раскрывая себя. Не сейчас, не тогда, когда мы так близки к завершению нашей миссии. Я смотрю на Эша. Большая часть его лица скрыта капюшоном, но я вижу решительно-сжатый рот. Его пальцы сжимают мои, чтобы не потерять меня, когда мы пропихиваемся через людей вокруг нас. Дей и Жук находятся слева от меня, а Эвангелина и Роуч с правой стороны Эша. Эвангелина, похоже, нервничает, и ее рука то и дело касается ее груди. О Боже, пожалуйста, пусть это сработает.

Цифровые экраны на всех зданиях показывают прямой эфир с Роуз Плазы. Люди уже выстраиваются в ряды перед гигантской сценой. На меня давит чувство вины при мысли, что все эти люди, собираются принять «Крылья», прежде чем мы сможем их остановить. Эш внимательно смотрит на экраны, потом ускоряет шаг, очевидно, думая о том же.

Мое сердце трепещет, когда мы вступаем на Роуз Плазу. Во главе огромной городской площади стоит Золотая Цитадель — роскошная на вид церковь, где живет Пуриан Роуз. Купольная крыша отражает солнечный свет, блестя и отбрасывая теплый свет на всех, собравшихся на площади внизу. Увидев это здание впервые, я испытала восхищение, но теперь оно вызывает только дрожь. Справа от нас Излом — небоскреб в форме осколка стекла, в котором находится штаб-квартира правительства. Я смотрю на крыши других зданий. Я вроде бы даже могу разобрать черные точки у ПТ. Я не вижу никого рядом с ними. Я испытываю облегчение: моему отцу с Гарриком удалось удалить охранников, закрепленных за оружием.

Сотни Стражей-гвардейцев патрулируют городскую площадь, чтобы заставить людей выстроиться в несколько рядов перед сценой. Они вооружены пистолетами или клинками. Все гвардейцы выглядят утомленными. Может просто слишком рано, чтобы они излучали хотя бы намек на энтузиазм. Только-только пробило восемь часов — церемония вот-вот начнется.

На сцене выставлены длинная скамья и пятьдесят белых чаш. Основываясь на том, что мне известно о церемонии, мы должны дойти до сцены, затем встать на колени перед белыми чашами, которые будут наполнены «Крыльями», и выпить из них. А затем Пуриан Роуз будет помечать наши лбы водой — знаком Чистоты. И в идеале в тот самый миг, когда он коснется Эвангелины, его сердце очнется.

Вокруг площади, на цифровых экранах, установленных в зданиях, идет прямая трансляция. Странно видеть людей на площади и в то же время на экране. Я натягиваю капюшон, опуская его вниз, когда камера скользит мимо нас.

— Встаем в ряды, — скуляющим голосом кричит Страж-гвардеец. Люди начинают становиться в длинные очереди, один за другим. Мы проталкиваемся сквозь толпу, вставая как можно ближе, насколько это возможно, но мы все рано позади двадцати рядов.

— Нам надо пробраться ближе вперед, — говорит Эш.

— Предоставь это нам, — отвечает Жук, ухмыляясь.

Мы следуем за ним, а он протискивается сквозь толпу, ведя нас в сторону первого ряда, не обращая внимания на возмущенные крики Пилигримов, которые терпеливо стоят там, наверное, со вчерашнего дня, судя по мешкам под глазами. Он с Роуч направляются прямо, намеренно к стоящим рядом несколькими Стражам-гвардейцам

— Эй! Она пытается пройти без очереди! — кричит Жук, указывая пальцем на Роуч. Гвардейцы поворачиваются, привлеченные его криками.

— Не фига! — говорит Роуч.

— Фига, я видел тебя! — Жук сильно толкает ее, и она падает на людей, стоявших в первом ряду. Они все падают на землю. Стражи-гвардейцы спешат к Жуку и Роуч, чтобы вытолкать их прочь. Все внимание сосредоточено на них, давая Эшу, Эвангелине и мне возможность влиться в первый ряд, незамеченными Стражами-гвардейцами. Люди вокруг нас встают на ноги и отряхиваются от пыли. Если они и заметили, что мы пробрались в очередь, то ничего не говорят, явно не желая больше неприятностей. Я с левой стороны от Эша, а Эвангелина с правой. Эш сурово смотрит на сцену. Я беру его за руку, и он смотрит на меня, выражение его лица на мгновение смягчается.

Двери Золотой Цитадели открываются. На площадь опускается тишина, когда дивизион в серой униформе гвардейцев колонной вышагивает по позолоченному камню. У всех на груди виднеется булавка-бабочка, сбоку к ремню привязан церемониальный меч. Даже отсюда виден серебряный блеск в радужной оболочке глаз. Они приносят большие стальные бочки, которые на вид, используют в тавернах, хотя я подозреваю, что они заполнены «Крыльями» вместо эля.

Они ступают на сцену, и мое сердце замирает. Себастьян находится в дальнем конце ряда, слева от нас. У него глубокий порез на щеке, возможно, травма, полученная во время нападения на базу Стражей-повстанцев, и его смуглая кожа кажется восковой, но он по-прежнему обезоруживающе красив, собирая восхищенные взгляды женщин в нашем ряду.

— Ээш, — говорю я.

— Да, я вижу его, — отвечает он.

Меня охватывает паника, ноги немеют. Если Себастьян узнает нас, тогда все будет кончено. К счастью, мы находимся в середине ряда, и он ни разу не посмотрел в нашу сторону. Пока. Его взгляд сосредоточен на одном из больших цифровых экранов, установленного на краю площади. Камеры переводят свой фокус на центр сцены. Он в недостижимости камеры. Его губы недовольно искривляются. Он любит быть в центре внимания, которое у него всегда было.

Эш сжимает мою руку, когда фигура появляется в дверях Золотой Цитадели, одетая в длинную, красную накидку и белые перчатки. На шее — круглый кулон. Его черные волосы аккуратно зачесаны назад, его бледная кожа имеет странный, восковой блеск. Теперь я понимаю, он, у него на лице толстый слой грима, чтобы скрыть свои ожоги.

Радостный шепот распространяется по толпе, в то время как Пуриан Роуз спускается по ступенькам, приковывая к себе всеобщее внимание. Миллионы глаз наблюдают за ним, как он идет к сцене. Гвардейцы салютуют Роузу, когда он идет к микрофону на стойке сцены. Когда он говорит, его голос усиливают микрофоны, спрятанные вокруг сцены. Его лицо проецируется на все мониторы вокруг площади, прямой эфир транслируется в каждом городе, на площадях по всей стране, другим присутствующим на их собственных церемониях Очищения.

— Верные Пилигримы, для меня большая честь, что вы присоединились сегодня ко мне,

чтобы принять участие в этом знаменательном событии, — говорит он. — Очищение — это не просто посвящение себя вере Чистоты, или демонстрация своей преданности государству Стражей. — Я смотрю на Эша. Его губы сжались так сильно, что побелели. — Это очищение вашего разума, тела и духа от греха. Я всегда мечтал о нации, свободной от скверны, о мире, в котором мы бы все были едины, и сегодня эта мечта исполнится.

— Ибо так говорит Господь нам всем, — скандирует толпа в унисон.

Пуриан Роуз улыбается, упиваясь этим моментом. До его победы уже рукой подать. Гвардейцы в серой униформе наполняют белые чаши «Крыльями». Непрозрачная жидкость переливается на солнце.

— Первый ряд, шаг вверх, — говорит гвардеец со сцены, возвещая о том, что мы должны двигаться.

Вот оно. Рука Эша сжимает мою. А Эвангелина берет его за другую руку, пока мы идем вверх по ступеням, ведущим на сцену, наряду с остальной частью первого ряда. Дойдя до платформы, мы становимся на колени и склоняем головы. Я исподлобья смотрю влево. Себастьян, снова глядит на цифровые экраны. Он, кажется расстроен.

Пуриан Роуз направляется к правой стороне сцены, и церемония начинается. Один из гвардейцев протягивает Пуриану Роузу красную чашу с водой. К Роузу приближается первый человек из ряда — женщина средних лет с бритой головой и татуировкой в виде розы над левым ухом. Она берет в руки белую миску перед собой и подносит ее к губам. Крик бурлит в моем горле. Я хочу накричать на нее, чтобы остановить, но сжимаю губы, заставляя проглотить слова, когда она пьет «Крылья». У неё на лице тут же появляется выражение блаженства, когда жидкость растекается по ее жилам. Пуриан Роуз опускает, затянутую в перчатку, руку в красную чашу и проводит мокрым пальцем по ее лбу.

— Ты очищена, дочь моя, — говорит он.

Эш толкает меня в плечо, а затем кивает на другую сторону сцены. Я следую за его взглядом. Себастьян покинул свой пост и медленно идет к нам, заложив руки за спину. Он методично ступает, поэтому он находится в середине платформы, в то же время, когда Роуз, приближается к нам с противоположного направления, так они оба появятся у ближайшей снимающей камеры. Таким темпом, он может подойти ко мне в тот же момент, когда Пуриан Роуз подойдет к Эвангелине.

— Что мы будем делать? — шепчу я. Мои мысли разбегаются. Я могла бы попробовать побороться с Себастьяном, когда он приблизится к нам, но не уверена, что смогу удерживать его достаточно долго, чтобы Эвангелина успела схватить руку Пуриана Роуза и запустить его сердце, прежде чем гвардейцы убьют ее.

Я смотрю вправо. Пуриан Роуз сейчас на расстоянии пятнадцати человек, четырнадцати, тринадцати, — Себастьян методично подбирается все ближе и ближе, — двенадцати, одиннадцати, десяти — О Боже, о Боже, что нам делать? — девяти, восьми, семи, — мои ладони начинают потеть, — шести, пяти, четырех, — мускулы Эша напрягаются, готовые ударить, — трех, двух, одного...

Пуриан Роуз оказывается перед Эвангелиной, когда Себастьян останавливается передо мной. Он смотрит на Пуриана Роуза — он еще не увидел меня. Эвангелина берет в руки белую чашу и делает вид, что пьет. Мое сердце бьется так сильно, что у меня такое впечатление, что оно собирается вырваться у меня из груди. Эвангелина ставит чашу, когда голова Себастьяна поворачивается. Его взгляд перехватывает мой.

Пуриан Роуз опускает свою руку в красную чашу...

Себастьян округляет рот...

Роуз дотрагивается своим пальцем до кожи Эвангелины...

Себастьян обнажает меч и...

34

ЭДМУНД

Я ВСКРИКИВАЮ и падаю на колени, когда боль расцветает внутри моей грудной клетки. Все мое тело лихорадит. Всплеск огня, а затем:

Ба-бум.

Мальчик Себастьян встревожено оборачивается, в то время как по всей толпе распространяется озадаченное бормотание, как лесной пожар, их голоса заглушают стук моего бьющегося сердца.

Этого не может быть...

— Ваше Могущество, — говорит он.

Я игнорирую его, уставившись на девушку перед собой.

Как?..

Рядом с ней на ноги поднимается мальчик в черной куртке, он опускает капюшон, открывая угловатое лицо с яростными темными глазами, широким ртом и чернильно-черными волосами. Толпа удивленно вздыхает, и слово «Феникс» шелестом проносится по всему городу. Девушка рядом с ним тоже поднимается на ноги и опускает капюшон — белокурые локоны, голубые глаза, упрямый рот. Бесспорно, Натали Бьюкенен. Злость прожигает меня. Нет! Они должны были быть мертвы. Я сверлю взглядом Себастьяна. Он побледнел. Оторопев, парень быстро поднимает свой меч и замахивается на девушку-Дарклинга, стоящую передо мной. Паника охватывает мое сердце.

— Остановись! — командую я.

Лезвие останавливается в дюйме от шеи девушки-Дарклинга. Я, пошатываясь, встаю.

— Брось свой меч, — требую я.

Брови Себастьяна сводятся вместе.

— Ваше Могущество?

— Выполняй! — говорю я.

Мальчик роняет свой меч, и тот приземляется возле моих ног. Другие мои телохранители в замешательстве бросают взгляды друг на друга, не зная, что делать, в то время как я предлагаю свою руку девушке-Дарклингу. Она принимает ее. На секунду наши руки соприкасаются, толчок электроэнергии проносится через мою руку в мою грудь, и мое сердце сжимается. Я выдыхаю, не веря. Как такое возможно?

Я нежно убираю прядь волос с ее глаз, и мои пальцы задерживаются на ее щеке. На ее бледной коже появляется румянец. Мои глаза опьянены ей, обводят контур ее лица — мерцающие черные глаза, острые скулы, розовые губы, которые слегка раздвинулись, чтобы раскрыть ее клыки. Я не могу перестать смотреть на эти губы...

— Эдмунд, — шепчет она. Ее голос, словно зов сирены, потому что я слышу только его. — Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Что? — говорю я.

— Останови эту войну, — говорит она.

Тьма опускается на мое сердце, как саван. Это уловка! Я отпускаю ее руку.

— Зачем мне это делать? — огрызаюсь я.

— Потому что все кончено, Роуз, — говорит Эш. Я поворачиваюсь к нему, ярость сжигает меня изнутри. — Мы знаем о «Крыльях» и о твоём плане заражения ими всех на сегодняшнем Очищении. — У меня скручивает живот, когда он поднимает белую чашу в руках. — Ты заставляешь людей пить это!

В толпе зрителей просится недоуменное бормотание. Пилигримы, нахмуренные, стоят на коленях у подножия сцены, уставившись на белые чаши в их руках.

— Ложь, — рычу я.

Девушка-Бьюкенен вздергивает подбородок.

— Образцы ретровируса, были отправлены в новостные станции по всей стране, наряду с доказательством того, что он убивает людей!

— Это не правда, — неуверенно говорит Себастьян. Его верхняя губа блестит от пота. — «Крылья» — это допинг, который делает нас сильнее, лучше, вот и все.

Натали смотрит на него.

— Он лгал тебе, Себастьян. Он обманул всех вас. Это ретровирус, и к тому же смертельный. Неожиданные мутации происходят у некоторых пациентов.

— Я не верю тебе, — говорит он.

В этот момент, цифровые экраны вокруг площади начинают мерцать, и на мониторах появляется новая картинка. Это видеокадры, снятые внутри больницы. Женщина врач-Страж с волнистыми каштановыми волосами ходит по палате, проходя мимо изможденных Дарклингов, Бастетов и людей, прикованных к кроватям, их обнаженные тела изможденные, они все в синяках и порезах. Камера останавливается на девушке, которой было около двенадцати лет, ее каштановые волосы мокрые от пота, ее кожа вся в язвах, сочится желтой жидкостью. Она испуганно смотрит в объектив. У ее глаз неестественный оттенок серебра. Она кашляет, извергая кровь, окрашивая свое лицо и грудь в красный цвет. Толпа в ужасе задыхается.

— Пациенту семьдесят шесть был введен вирус Ф-09 «Крылья» две недели назад и теперь проявляются признаки печеночной недостаточности, — говорит врач, поворачиваясь спиной к камере. Она закатывает глаза. — Это уже десятый за неделю. Верни планшет, а?

Мужчина позади камеры смеется.

Видеозапись обрывается и на экраны возвращается текущая трансляция. Пилигримы у основания сцены выливают белые чаши и отшатываются в ужасе. Себастьян смотрит на меня. Рана на щеке сочится, как у девушки на видео.

— Ты говорил мне, что это спасение. Ты обещал мне.

— Новый мир невозможно построить без жертв, — отвечаю я сурово. — Мне казалось, что это был приемлемый риск, большинство пациентов выжили.

Возмущенные крики разносятся из толпы. Воздух наполняют крики «убийца» и «предатель». Я делаю несколько шагов назад, так как люди начинают бросать вещи на сцену, чуть не убив меня. Я сердито гляжу на них, в ярости. Как они смеют? Несколько групп мужчин дергаются в сторону платформы. Их сдерживают Стражи-гвардейцы, но я не уверен, насколько долго они смогут удерживать их.

Девушка-Дарклинг поворачивается ко мне.

— Эдмунд, прекрати это! Наш народ достаточно настрадался!

Она берет мои руки, и какое-то странное ощущение охватывает меня, как открытие дороги между нами и все ее эмоции вливаются в меня. Я чувствую каждое мгновение горя в жизни этой девушки-Дарклинга, будто бы я сам прожил это: раз, и ее родители были убиты

на ее глазах Ищейкой; ужас, когда ее сердце было вырвано Стражем-врачом; ее горе, после ссылки ее за Пограничную Стену. Ее жизнь полна страданий и горя, оно накрывает меня, и я тону в нем. И это моя вина. Я тому виной, я поступил с нею так, как мой отец поступил также со мной. Это слишком!

Я ударяю девушку, сбив ее со сцены в толпу. Она падает и с глухим стуком ударяется о булыжники мостовой. Эш поворачивается, отвлекшись на падение девушки-Дарклинга, и теперь у меня есть возможность для нападения. Я подхватываю меч Себастьяна с земли и хватаю Эша за волосы, дернув его голову назад. Он хрипит от боли, когда я вынуждаю его встать на колени передо мной. Его кожа шипит, когда я прижимаю серебряный клинок к его горлу.

— Отпусти его! — Натали бросается вперед, но ее останавливает мальчик Себастьян. Она кусает его за руку, и он морщится, но не отпускает ее. Я в свою очередь обращаю свое внимание на Эша. Он смотрит на меня с вызовом, холодный ветер, раздувает его черные волосы.

— Это зашло слишком далеко, мистер Фишер, — рычу я. — Я должен был сделать это еще несколько месяцев назад, когда у меня был шанс.

— Так действуй, — выплевывает Эш в меня слова, словно пули. — Теперь это не важно. Каждый в стране знает, что ты предал их. Я сделал то, зачем пришел сюда, так что я не боюсь умереть!

— Нет страха, нет власти, — кричит Натали.

Паника проходит сквозь меня, когда скандирование подхватывает вся остальная толпа. Эти слова распространяются по улицам и переулкам, проползают через каждую дверь, каждое окно, пока весь город не объединяется в один яростный, дерзкий глас:

— НЕТ СТРАХА! НЕТ ВЛАСТИ!

Слышится лязг мечей, когда мои телохранители бросают оружие и убегают со сцены.

— Вернитесь! — кричу я, но на мою команду никто не обращает внимания. Я поворачиваюсь к Себастьяну. Он все еще держит девушку Бьюкенен. — Контролируй своих людей!

Мышца дергается на его лице. Без лишних слов он отпускает ее и спокойно уходит со сцены, следом за остальными телохранителями. Девушка Бьюкенен выхватывает один из брошенных мечей сцене и направляет его на меня.

— Отпусти его! — командует она, сверкая голубыми глазами.

Мое сердце сжимается, от чувства, которого я не испытывал с той ночи, когда умерла Тиора.

Страх.

И я боюсь...

Я смотрю вниз на Эша, и на его губах появляется намек на улыбку.

Он обладает силой.

Ужас сковывает мое бьющееся сердце, сжав его железной хваткой. Я не в силах пошевелиться, парализованный этим новым ощущением, когда Эш хватается за руку. Я роняю меч, который со стуком падает на землю. Он, вставая, пристально смотрит на меня. Когда он двигается, порыв ветра подхватывает его черную куртку, сверкающую ярко-оранжевой подкладкой, так что она становится похожа на крылья из шелкового огня. Я отшатываюсь назад, падая на колени. Феникс возвышался надо мной, он стоит на фоне золотого солнца, поэтому все, что я могу видеть - это силуэт и два жестких и неумолимых

мерцающих глаза, уставившихся на меня.

— Все кончено, Роуз, — говорит он. — Сдавайся.

— Никогда! — выплевываю я.

Он кивает Натали, и она что-то нажимает на ее часах. Почти сразу же, тень затмевает солнце. Я смотрю вверх. Из облаков выныривает Транспортёр и стремительно спускается вниз. Воздух хлещет меня по лицу, когда самолет приближается к сцене, останавливаясь в нескольких футах над платформой. Он парит так близко, что я могу увидеть девочку-подростка, машущую мне из кабины, с ухмылкой на губах.

Девушка умело поворачивает самолет на 180 градусов, и задний люк, шипя, открывается. В грузовом отсеке стоит Шивон Бьюкенен, вместе с Бастетами женщиной и мальчиком, с рыжей девочкой и немолодой женщиной-Дарклингом. У меня уходит всего минута, чтобы осознать, что эта изможденная, сломленная женщина — моя двоюродная сестра, Люсинда. Все они направляют свое оружие на меня. Я в ловушке.

— Эдмунд Роуз вы арестованы! — чеканит слова Шивон Бьюкенен.

Я перевожу взгляд на Люсинду.

— Эдмунд, это должно закончиться, — перекрикивает Люсинда рев самолета. — Ты же знаешь, Тиора хотела бы совсем иного!

Я оглядываюсь назад на подростка девушку-Дарклинга, которая смотрит на меня у подножия сцены. Ее руки прижата к груди, и она умоляюще смотрит на меня. Я закрываю глаза и прислушиваюсь к биению своего сердца, вспоминая слова Тиоры. *Ненавидеть легко. Настоящей проверкой наших сердец является прощение.* Я должен был послушать ее.

Прости меня, Тиора.

Я открываю свои глаза.

— Я сдаюсь.

35

НАТАЛИ

Две недели спустя. Центрум.

РОУЗ ПЛАЗА БУРЛИТ активностью. Я протискиваюсь сквозь толпу, моя голова покрыта капюшоном. Я держу свой путь в сторону Излома — осколокообразного здания, где основало свою штаб-квартиру коалиционное правительство, которое было сформировано в течение нескольких часов после капитуляции Пуриана Роуза. Несколько пар глаз смотрят в мою сторону, и люди начинают взахлеб шептаться друг с другом. Я стала довольно известна за последние дни, но я действительно не хочу внимания. Тем более не сегодня. Моя рука скользит в карман куртки, найдя желтую рукоятку ножа спрятанного там. Я провожу пальцами по слову, вырезанному по дереву. Полли. Мы отслужили панихиду по моей сестре на прошлой неделе, но это было не то, чего я хотела. У меня еще есть одно дело, которое осталось сделать.

Съемочные группы размещаются вокруг площади, в то время как рабочие спешат возвести большой деревянный крест на ней. Они готовятся к казни Пуриана Роуза через пятнадцать минут, под бдительным оком моего отца. Судебный процесс над Пурианом Роузом, состоявшийся еще две недели назад, занял всего день. Он транслировался в прямом эфире. Приговор — смерть. Эш был категорически против казни, сказав, что тогда мы ничем не лучше этого тирана, но он остался в меньшинстве. Я тоже была против этого, но по другой причине. Мой желудок сворачивается в узел, пальцы стягиваются вокруг ножа.

Неожиданно в меня врежется немолодой мужчина-Дарклинг с фиалковыми глазами и темными волосами, сбивая с мысли. Он бормочет извинения и спешит к сцене с красивой, огненно-рыжей женщиной-Даком. Судя по их изможденному виду, еще недавно они находились в заключение в «Десятом». Они проделали долгий путь, чтобы засвидетельствовать в полдень казнь Пуриана Роуза. Но не успевают они добраться до сцены, как им преграждает путь группа крепких на вид мужчин с бритыми головами и татуировками розы за левым ухом.

— Возвращайся в гетто, кровосос, — произносит один из парней, плюя в Дарклинга. — Вы нам здесь не нужны.

Дарклинг сверкает клыками в ответ, и люди вокруг него испуганно отшатываются. Прежде чем они начнут махать кулаками, несколько вооруженных коалицией гвардейцев в небесно-голубой форме подбегают к ним и уводят татуированных мужчин прочь. Несколько гвардейцев остаются с мужчиной-Дарклингом и женщиной-Даком, их послание ясно: не будет никакого насилия сегодня... пока не казнят Роуза, конечно. Я хмурюсь. Уйдет уйма времени, прежде чем напряженность между нашими расами спадет на нет. Честно говоря, я не уверена, что это когда-нибудь произойдет, но мы должны продолжать бороться за мир. Иначе, какой был смысл всего этого?

Я вхожу в Излом. Огромное пространство занимает холл, в центре которого стоит золотая двадцатифутовая статуя Пуриана Роуза. Она должна быть демонтирована уже на следующей неделе, и над ее головой уже полощется голубой флаг. В самом деле, куда бы я не посмотрела, некогда красные с белым баннеры Стражей были заменены небесно-голубыми флагами с четырьмя взаимосвязанными черными кольца на них — символ коалиционного правительства, каждое кольцо представляет собой одну из четырех рас: человека, Дарклинга, Бастета и Люпина.

Несколько коалиционных гвардейцев — люди, Люпины — кивают мне, когда я прохожу мимо. Я отвечаю им вежливой улыбкой, пытаюсь, не обращать внимания на скручивающее чувство в моем животе. Я провожу пальцами вниз, к лезвию в кармане. Мне нужно попасть в подвал, где в камере находится Пуриан Роуз под стражей. Я обещала сестре, что убью его за то, что он сделал с ней, и это именно то, что я намереваюсь сделать. Все эти две недели было невозможно подобраться к нему. Он был спрятан в тайном месте, чтобы остановить людей — вроде меня — пытающих свершить правосудие своими руками. Но этим утром его перевели сюда в рамках подготовки его к казни. Это мой единственный шанс добраться до него.

По дороге к лифту я прохожу мимо зала совета, где собралось коалиционное правительство. Двери нараспашку как символ «открытости и прозрачности нового альянса». Я слышу сердитый голос Эша из комнаты и ненадолго останавливаюсь у дверей. Он расхаживает взад и вперед по овальной комнате. На нем роскошный черный пиджак с оранжевой шелковой подкладкой, черная рубашка и брюки, и дорогие, кожаные ботинки. Это дорогой вариант того, что он носил в день церемонии Очищения. В нем нет неточностей, весь наряд был тщательно продуман для трансляции казни Пуриана Роуза. Эш дергает свой воротник, явно чувствую себя не в своей тарелке.

— Мы не можем участвовать в этой казни, — говорит он. — Это варварство. Я знаю, каково это — быть привязанным к одну из этих крестов, я не могу мириться с этим.

— Бутсам нужно видеть, как его казнят, Эш, — говорит Роуч. Она сидит за длинным столом из красного дерева с другими членами кабинета. Ее лысый череп покрывается

небольшим рыжим пушком там, где начали расти ее волосы, она одета в обтягивающие штаны, белую майку и длинный черный пиджак похожий на пиджак Эша. — Они не почувствуют себя в безопасности до тех пор, пока они не будут знать, что он мертв.

— Стражи будут думать, что мы слабы, если мы не казним его, — добавляет мать.

Рядом с ними сидят министры Люпины: Гаррик и женщина по имени Кассандра, у которой яркие фиолетовые волосы в тон к помаде, которая напоминает мне Сашу. Справа от нее, новый консул Бастетов подмигивает мне. Я улыбаюсь в ответ Элайдже. Как последний оставшийся в живых сын семьи Теру, он унаследовал их положение и проводит потрясающую работу под руководством своей матери, Иоланды, его официального советника. Он коротко подстриг красновато-коричневые волосы, что подчеркивает его топазовые глаза и высокие скулы. Одет он в темно-зеленый сюртук в один тон с брюками и жилетом. Вокруг его левого запястья золотые браслеты. В отличие от Эша, ему, похоже, комфортно в элегантной одежде. Она идет ему.

Напротив них сидят Сигур с Люсиндой — представители Дарклингов. Белые волосы Сигура свободно лежат на его плечах, которые контрастируют с фиолетовой одеждой Посла. Приятно видеть, что он занимает предназначенное ему место по праву. Эш и Эвангелина назначены представлять полукровок. Я нигде ее не вижу, но это и не удивительно. Она была заперта в своей комнате с того самого дня церемонии Очищения, отказываясь видеть кого-либо, кроме Эша и Элайджи. Мы не были уверены, что это произойдет, но когда она прикоснулась к Пуриану Роузу, сердце ее ожило. Она отказалась удалять сердце Тиоры, сказав, что хочет чувствовать его биение внутри себя столько, сколько можно. Я не могу представить, что она, должно быть, переживает сейчас, зная, что через пятнадцать минут ее сердцебиение будет забрано у нее снова.

— Наши люди заслуживают возмездия, — говорит Сигур, указывая на интерактивный стол в центре комнаты, проекцию карты «Десятого». Лагерь был немедленно закрыт после капитуляции Пуриана Роуза. Даже, несмотря на это, было много смертей, когда некоторые преданные последователи казнили целые бараки заключенных, прежде чем мы смогли остановить их. Эти люди тоже будут скоро осуждены.

Прямо сейчас правительство находится в процессе попытки возвращения домой всех Дарклингов. Многие остаются в «Десятом», потому что им больше некуда идти. Понятно, они не видят смысла оставлять одно гетто ради другого, и люди все еще нервничают из-за их интегрирования в города. И ярчайший пример этого я сегодня наблюдала. За прошедшую неделю, коалиционное правительство уже завершило подготовку официальных документов по выделению земли Дарклингам, чтобы они могли построить себе там дома. «Десятый» перестанет быть лагерем для заключенных, но будет первый официальный домом нации Дарклингов. Лично меня, мысль о проживании, где так много людей было убито, заставляет содрогнуться, но опять же, нет ни одного места в стране, где кровь Дарклингов не была бы пролита. Независимо от того, куда они пойдут, их будут преследовать призраки умерших близких.

Кроме того, они не будут строить свои жилища в настоящих лагерях. Коалиция намерена сломать Примас-Один, Два и Три, и превратить их в мемориальные парки. Затем в окрестных парках, где в настоящее время леса и поля, они построят четыре новых города на безопасном расстоянии от горы Альба, давая им названия: Яна, Марта, Зантина и Аннора.

Эш замечает меня в дверях и прекращает расхаживать. Я улыбаюсь ему, стараясь вести себя как обычно, моя рука немного трясется вокруг ножа в кармане. Его брови

приподнимается, и он слегка прикасается к своей груди. Он, должно быть, чувствует, эхо моего сбивчивого сердцебиения. Смотрит в сторону моего кармана. Я быстро отворачиваюсь.

— Натали.

Я спешу к лифту и нажимаю кнопку В. Двери закрываются, как только Эш выбегает в коридор. Я делаю несколько глубоких вдохов, готовясь себя к тому, что собираюсь сделать. Я могу это сделать. Я должна сделать это, ради Полли. Двери открываются.

Я в подвале. Повсюду камеры. Как и везде в здании, коридор искрится белым и золотым, с люстрами, освещающими путь. Даже двери камер больше похожи на те, какие можно было бы увидеть в роскошной гостинице, чем в тюрьме. Я не думаю, что заключенные заслуживают такой роскоши, но я и не думаю, что это, в общем-то, имеет значение. Они уже покойники, и тюрьма остается тюрьмой, независимо от того, насколько она красива.

Я дохожу до позолоченной двери в конце длинного коридора, которую охраняют два члена «Людей за Единство», оба одетые в новую униформу небесно-голубого цвета с эмблемой четырех колец на груди. Они салютуют мне.

— Я пришла увидеть Роуза, — говорю я.

— У него посетитель, — произносит один из парней извиняющимся тоном в ответ.

В этот момент дверь камеры открывается и выходит Эвангелина, лицо бледное, ониксовые глаза блестят от слез. Она поднимает на меня глаза. Я предполагаю, что она просто попрощалась с Пурианом Роузом. Даже если он монстр, у нее все еще есть связь с ним. Она спешно проходит мимо меня, ничего не говоря. Охранники отходят в сторону. Я внезапно чувствую головокружение, желудок разболелся от нервов. Могу ли я действительно пройти через это? Да. Я обещала своей сестре. Я вхожу в камеру.

Роуз сидит на узкой кровати, одетый в простую серую тунику и брюки. На шее у него висит круглый кулон. Его обычно безукоризненные волосы не уложены, и его кожа без грима, раскрывает истинный масштаб его старых шрамов. На туалетном столике, рядом с его кроватью, набор дорогих протезов с двумя блестящими белыми клыками, заменяющие зубы, которые были у него так жестоко вырваны, когда он был младенцем.

Его руки покоятся на коленях. Я никогда не видела его без перчаток. На пальцах нет ногтей, и кожа сморщена — результат того, как его мать пыталась утопить его в ванной с кипятком, когда он был младенцем. Насколько другим был бы этот мир, если бы она преуспела.

— Пришли позлорадствовать, Мисс Бьюкенен? — говорит он, не поднимая головы.

— Нет, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, даже когда я вынимаю нож из кармана.

Его глаза скользят по мне. Они задерживаются на оружии. Похоже, он не удивлен.

— Ааа, — говорит он, — понимаю.

— Ты убил мою сестру, — говорю я, и мой голос, наконец, дает трещину. — Она была твоей дочерью. Как ты мог так поступить с ней?

— Я не знал, что она была моей дочерью, до недавнего времени, — говорит он.

Новости Си-Би-Эн разгласили эту информацию вскоре после ареста Пуриана Роуза, вместе с доказательствами о «Крыльях».

— Это что-нибудь изменило бы? — спрашиваю я, и слезы наворачиваются на глаза. — Вы бы запретили им изнасиловать ее и кромсать на куски, словно скот?

— Нет, — говорит он категорически.

Я моргаю, на мгновение ошеломленная его ответом, а затем меня охватывает ярость. Моя рука сжимается вокруг ножа. Он просто сделал это намного проще. Я шагаю к нему и...

Дверь распахивается и в камеру врывается Эш, в сопровождении двух охранников.

— Натали, остановись! — говорит он, обхватывая своими сильными руками мою талию, и тянет меня назад. Я борюсь с ним, бью руками, пинаю его по ногам. Эш хрипит от боли, но не отпускает.

— Он убил ее, — ору я.

— Натали, прекрати! Ты не хочешь этого делать. — Его руки сжимаются вокруг меня. Двое охранников смотрят друг на друга, не зная, что делать. — Все хорошо, я займусь этим. Вы можете идти.

Они смущаются.

— Это приказ, — рявкает он.

Они послушно выходят из комнаты, закрывая за собой дверь.

— У вашей подруги, мистер Фишер, довольно вспыльчивый характер, — говорит Пуриан Роуз, холодная улыбка расползается по его губам. Он знает, что Эш не позволит мне убить его. От этой мысли я прихожу в неистовую ярость. Это мой последний шанс, чтобы отомстить за смерть Полли!

— Ты обещал мне, Эш! — кричу я. — Ты обещал, что я буду первая, кто доберется до него.

— Натали, ты не убийца, — говорит Эш.

— Я застрелила женщину-ученого в «Десятом», — говорю я, пиная его по голениям.

— То была самооборона, а это убийство, — хрипит Эш, его голос натянут из-за усилия удерживания меня.

— Он этого заслуживает, — кричу я, и слезы текут по моим щекам. — Ты не был там, ты не видел, что они сделали с ней.

Я вспоминаю красную комнату, и застывшее тело Полли, свернувшееся в клубок на металлическом полу.

Они резали ее.

Я помню, синяки на ее бедрах.

Он заслуживает смерти.

Я до сих пор вижу ее пустые серые глаза. Глаза такого же цвета, как и у него.

Он ее отец, шепчет внутренний голос.

Он пытал ее! Он заставил мать выбирать между нами!

И Полли простила ее за это, отвечает голос. *Она не держала обиду*. Она выбрала прощение.

Я разжимаю нож, и он падает со стуком об пол. Я не трепыхаюсь, и Эш отпускает меня. Роуз выгибает бровь, смотря на меня.

— Сестра не хотела бы этого, — говорю я. — В отличие от вас, у нее было доброе сердце. Она верила в прощение. Именно так я собираюсь почтить ее память. — Я долго смотрю на Пуриана Роуза и пытаюсь увидеть парня, которым он однажды был. Все могло бы кончиться иначе, если бы он был больше похож на свою дочь. — Я прощаю тебя, Эдмунд.

Его рот слегка дергается.

Раздается стук в дверь, и входит один из охранников.

— Пора, — говорит он.

Я смотрю на часы. Почти полдень. Я последний раз вглядываюсь в человека на кровати. Он смотрит исподлобья, затем переводит взгляд в сторону пустой стены. Его рука сжимает круглый кулон на шее.

Без лишних слов, я беру Эша за руку, и мы выходим из камеры. Дей, Жук и остальные ждут нас в холле. Все мрачные. Мы выходим на улицу и присоединяемся к собравшейся толпе. Воздух наэлектризован, когда мы занимаем свои места рядом со сценой. Пальцы Эша сжимают мои. Я перевожу взгляд на него. Его сверкающие черные глаза сфокусированы на кресте перед нами, губы стянуты в белую линию. Я знаю, что он думает только о собственном распятии несколько месяцев назад. Его взгляд перемещается в сторону меня, и я ободряюще сжимаю его руку.

Толпа вдруг взрывается шиканьем и насмешками, а я оборачиваюсь. Пуриана Роуза доводит до сцены группа гвардейцев, его руки связаны спереди, подбородок вызывающе вздернут. Он перехватывает мой взгляд, когда поднимается на сцену. Нет никакого раскаяния в них. Только страх. Он поворачивается лицом к кресту.

* * *

Пуриан Роуз умер ровно в 12:08. Казнь была быстрой, его смерть милосердно скорой. Все кончено. Я отворачиваюсь от креста, когда снимают его обгоревший труп, и смотрю на Эша. Выражение его лица пустое, не читаемое.

— Что мы будем теперь делать? — спрашиваю я.

Эш смотрит на меня.

— Мы поедem домой, в Блэк Сити.

36

НАТАЛИ

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ мы уже на роскошном Минипорте и летим обратно БЛЭК СИТИ вместе с моими родителями, доктором Крейвеном, Дей, Жуком, Эвангелиной и Элайджей. Роуч, Сигур, Люсинда и Иоланда остались в Центруме справляться с делами коалиции во время нашего отсутствия. Голова Эвангелины покоится на коленях Элайджи. Она, молча, проплакала всю дорогу, переживая потерю биения ее сердца и Кровной Половинки во второй раз в жизни, но даже так, она держится лучше, чем я думала. Я подозреваю, что Элайджа как-то причастен к этому. Они были близки последние две недели. Еще совсем недавно я бы ни за что не смогла бы представить вместе Бастета и Дарклинга-полукровку, но глядя на них сейчас, я понимаю, что они подходят друг к другу. Элайджа мягко улыбается, глядя на нее сверху вниз, поглаживая ее черные волосы.

Наш план состоит в том, чтобы создать новый региональный офис в Блэк Сити, используя старую штаб-квартиру Стражей. Команда строителей уже была отправлена на место, чтобы начать ремонтные работы. Мои родители останутся на несколько недель, чтобы следить за осуществлением проекта, а затем возвратятся в Центрум, в то время как мы остаемся в городе. Как только мы будем готовы, мы отправим сообщение семье Дей — Майклу, Самрине и ЭмДжею — которые сейчас находятся в Северных Территориях. Мне будет трудно без родителей, но я понимаю, что они нужны в Центруме, а я не хочу жить там. Я хочу строить свою жизнь с Эшем в Блэк Сити. Я беру его за руку и улыбаюсь ему. Он потирает пальцем голубой бриллиант моего обручального кольца.

Минипорт пикирует над развалинами Блэк Сити, следуя вдоль Пограничной Стены, которая делит город, как бетонный позвоночник. Мы летим так низко, что можно разглядеть ободранные плакаты на стене — фотографии Феникса, мальчика, который восстал из пепла.

Все Шлаковые здания вокруг нас светятся, как угольки в костре. Гигантские цифровые экраны, которые некогда украшали крыши сейчас стоят разбитые, мощеные улицы покрыты толстым слоем пепла. Черные спирали дыма уходят в серое небо. Я кошусь на Дей и Жука, которые сидят напротив меня. Они улыбаются, и я знаю, что они чувствуют.

Наконец-то мы дома.

Пилот сажает самолет на Унылой улице, рядом с бывшей штаб-квартирой Стражей, где я жила с матерью. Это элегантное здание из белого мрамора, по крайней мере, было таковым. Часть западного крыла начала разрушаться и поддерживается лесами, но строители заверили нас, что жить здесь безопасно. Мы все заходим внутрь. Все выглядит знакомым и в тоже время необычным. Я думаю это потому, что там нет никаких марширующих гвардейцев или министра Стражей снующего повсюду, чтобы пообщаться с моей матерью. Это место всегда пылало тяжелой активностью. Или может это потому, что Полли и Марты здесь нет, а без них все кажется по-другому.

— Я быстро осматрю комнаты, — говорит отец, направляясь по коридору.

— Я в лабораторию, — говорит доктор Крейвен с искоркой интереса в глазах. Лаборатория — это его гордость и радость, и это место, наверное, даже дом для него. Это впервые, когда я увидела его счастливым, с тех пор, как его сын пытался его убить.

Остальные идут в столовую — теплая, красная комната с массивным, дубовым столом, с огромным камином и чучелами голов животных, украшающих стены.

— Кто хочет поужинать? — спрашивает мама.

Мои брови недоуменно поднимаются. Это впервые, когда она предложила приготовить ужин.

— Я хорошо готовлю, — говорит мать, явно обидевшись.

Она несется на кухню, и мы все садимся за стол. Отец присоединится к нам, когда мать возвращается некоторое время спустя с унылыми бутербродами, несколькими яблоками и со стаканами синтетической крови для Эша и Эвангелины.

— В комнатах все чисто. Я нашел спальный мешок, но квартирант ушел. Нам, на всякий случай, следует включить сигнализацию и как можно скорее, — говорит отец, садясь и настороженно осматривая мамин ужин. — Выглядит аппетитно, дорогая.

Я кашляю, пытаюсь скрыть смех. Отец бросает на меня предупреждающий взгляд, который только заставляет меня смеяться еще сильнее. Мы от всей души уплетаем еду и мирно беседуем. Ненадолго заглядывает доктор Крейвен, чтобы перекусить на скорую руку и снова умчаться к себе в лабораторию. Во время ужина, Эш берет мою руку под столом и немного сжимает, пока отец развлекает нас забавными историями о своем детстве. Это так странно и замечательно быть здесь. Я смотрю на улыбающиеся лица вокруг меня: Стражей, Бутсов, Дарклингов и Бастета. Несколько недель назад мы были врагами, а теперь мы ужинаем за одним столом. Я никогда не думала, что это будет возможно. Жаль, что Полли не увидела это. Печаль обволакивает меня. Я отодвигаю свой стул.

— Ты в порядке? — спрашивает Эш.

Я киваю и целую его в щеку.

— Я просто хочу принять ванную.

Я направляюсь наверх. Звук их смеха стихает, чем выше я поднимаюсь, заглушенный

звукоизолирующей между этажами. Пентхаус абсолютно бесшумен. Даже жутко, на самом деле. Я обнимаю себя, сдерживая дрожь, когда иду по коридору.

Я прохожу мимо маминого офиса, затем мимо спальни Себастьяна — он раньше жил с нами, потому что был моим телохранителем. Я подхожу к белой двери, ведущей в комнату Полли, и поворачиваю ручку.

Я разочарована. Ее комната совершенно разорена. Ни мебели, ни картин, ни ковров. Стерто любое напоминание о моей сестре. Все, что осталось, это вмятины на ковре, где когда-то стояла мебель. Я припоминаю, что видела как Себастьян и Гаррикс сгружали кучу антиквариата на поезд, когда мы с Эшем и Элайджей сбегали во время эвакуации из Блэк Сити, и только сейчас осознала, что именно они грузили. Я не узнала мебель в то время, потому что бежала, спасая свою жизнь.

Я поворачиваю в сторону своей спальни, хотя не знаю, что ожидаю найти там. Дверь скрипит, когда я открываю ее. На удивление, моя спальня такая же, как и прежде, кроме потрескавшейся штукатурки на стенах — единственный признак повреждения от взрывов, которые разнесли весь город.

Вся моя белая мебель на месте, в золоченой раме висит зеркало над туалетным столиком, и коврик для лапок моего кота все еще лежит на плюшевом ковре, пряча кровавое пятно, место, где Эвангелина убила Трюфельку, несколько месяцев назад. Почему он оставил мои вещи и забрал чужие? Может быть, они ему не нужны. Я нахмурилась, немного обидевшись. Мои вещи не так уж и плохи. Я провожу пальцами по мягкой простыне, покрывающей мою двуспальную кровать. Половица скрипит позади меня.

Я поворачиваюсь, ожидая увидеть Эша. Он, наверное, почувствовал, что я чувствую себя подавленной, и пришел утешить меня.

— Эй, я только осмотрелась вокруг...

Мои слова застревают в горле.

В дверном проеме стоит Себастьян.

Я слишком ошеломлена, чтобы кричать. Его состояние ухудшилось, с тех пор как я видела его в последний раз. Его кожа землистого цвета и скользкая от пота, губы бледные, и глаза ярко-серебряные. Он сжимает меч в дрожащей руке.

— Я удивлен, что вы вернулись, — говорит он.

— Что ты делаешь здесь? — спрашиваю я, мои глаза фокусируются на оружии.

— Я пришел, чтобы умереть, конечно. Это мой дом, — говорит он. — Кстати, в следующий раз, когда твой отец будет осматривать дом, ему также следует проверять крышу. Он теряет форму.

Так вот как мой папа пропустил его. Себастьян, должно быть, увидел, когда мы приехали и пробрался на крышу, зная, что мой отец будет осматривать комнаты. Он подходит ближе, и во мне зарождается паника. Я стараюсь придумать пути отступления, чтобы выбраться отсюда, поскольку он загораживает дверной проем. Мой единственный вариант — это выбраться через балкон.

— Себастьян, ты болен. Тебе нужна помощь, — говорю я, делая шаг назад.

— Мне уже не помочь, — отвечает он, держась поближе.

— Твой отец внизу, — говорю я, пытаюсь держать дистанцию. — Он может помочь тебе.

— Никто не может мне помочь!

Я делаю еще шаг назад, и мои ноги ударяются о кровать. Я в ловушке.

— Эш, — кричу я.

— Никто тебя не услышит, — отвечает Себастьян.

— Я могу позаботиться о тебе, — лепечу я. — Тебе не придется проходить через это в одиночку...

— Не веди себя так, будто бы тебе не все равно! — кричит он, наставляя меч на меня.

Я вздрогнула и упала на кровать, тяжело приземлившись на матрац. Себастьян нависает сверху, и прежде чем я успеваю моргнуть, он прижимает лезвие к моему горлу. От него воняет потом, гноем и Шайном. У меня в сознании вспыхивают воспоминания о последнем разе, когда мы были вместе. Он пытался изнасиловать меня тогда, и я не позволю этому случиться на этот раз. Я поднимаю свое колено вверх и ударяю его в пах. Он задыхается, скатывается с меня, и я карабкаюсь по направлению к двери.

Едва я успеваю добраться до коридора, как он догоняет меня и обхватывает вокруг талии. Я кричу, когда он швыряет меня лицом вниз на пол. Вес его тела давит на меня, придавив меня к полу. Невозможно двигаться. Ужас охватывает все мое сознание.

— Эш, помоги! — кричу я.

— Он не придет, — насмехается Себастьян. — Он тебя не слышит.

По щекам текут слезы от знания, что он говорит правду.

Себастьян прижимает острие меча к моей спине между лопаток.

— Нет! О Боже, пожалуйста, не делай этого, — прошу я. — Пожалуйста, отпусти меня пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Полли тоже вот так умоляла, — шепчет он мне на ухо. — Прямо перед тем, как я убил ее.

НЕТ!

— ЭШ! ПОМОГ...

Он вонзает лезвие мне в спину.

37

ЭШ

Я РОНЯЮ СТАКАН с синтетической кровью, когда острая боль раздирает мою грудь словно нож пронзает мое сердце. Кровь расплескивается по дубовому обеденному столу. Все испуганно замолкают.

— Братан, ты в порядке? — спрашивает Жук.

Я качаю головой, задыхаясь. Мое сердце то бьется, то останавливается.

Ба-бум, ба-бум, ба-бум.

И причина тому может быть только одна. Натали. Я стону, отодвинув стул, и спотыкаясь, бреду из столовой в поисках ее. Жук и Дей догоняют меня на полпути вверх по лестнице.

— Что происходит? — спрашивает Жук.

— У меня грудь болит, — хриплю я.

Глаза Дей расширяются с тревогой, понимая.

Я стону и сжимаю свою грудь, когда вдруг другая резкая боль рассекает мое сердце.

— Натали, — кричу я.

Ба-бах... ба-бах...

Мы добираемся до верхней части лестницы, и меня чуть не сшибает с ног запах крови. Кровь тянется по полу алой полоской почти до самых носков моих ботинок. Я стараюсь

обуздать свою панику. Мы идем по тропе, и вот тогда я вижу ее, лежащую ничком на полу, ее белокурые локоны рассыпаны по ее плечам. Себастьян Иден придавил ее к полу, сцепив руки вокруг рукояти меча. Лезвие воткнуто глубоко между лопаток.

— Нет... — выдыхаю я. — Нет... нет... нет...

— Натали! — кричит Дей одновременно с Жуком, который орет: — Отойди от нее!

Ярость охватывает меня, и я бросаюсь на Себастьяна. Мы падаем на пол.

— Я убью тебя! — ору я. — Я на хрен убью тебя!

Он смеется, будто чокнутый. Это смех человека, которому все по фигу. Его холодные глаза — как серебряные монеты, инфекция окончательно завладела его телом.

— Натали, О Боже, О Боже, — рыдает Дей, позади нас.

Ба-бах... ба-бах...

Я бью Себастьяна снова и снова. Кровь сочится из его ушибленных губ, но он не перестает смеяться. Беспокойные голоса пререзают воздух, когда подбегают другие.

— О Боже, моя маленькая девочка... — генерал Бьюкенен.

— Где Крейвен... — мама Натали.

— В лаборатории... — Элайджа.

— Мы должны отнести ее вниз... — Жук.

— Не вынимайте лезвие... — Эвангелина.

— Она умирает, о Боже, о Боже. Натали... — Дей.

Ба-бах... ба-бах...

HeT! HET! HET!

Раздается хруст, когда я ломаю нос Себастьяну.

— Не умирай, Натали, пожалуйста, не умирай... — Дей.

— Давите на рану... — Жук.

Ба-бах...

HEEEEEEEET!

Я кидаю взгляд через плечо. Натали изо всех сил пытается дышать. Я перевожу взгляд обратно на Себастьяна, боль, гнев, ужас крошат мои внутренности. Горячие слезы струятся по моим щекам.

— Я к чертям собачьим убью тебя, — ору я.

— Вперед! — выплевывает он. — Шлюха получила то, что заслужила, как и ее сестра.

Я дергаю его голову в одну сторону и погружаю клыки в его шею, не заботясь о риске заражения. Яд сочится из моих клыков, затопляя его тело Дурманом. Он шарит руками, кулаками стучит по моей груди, но я отказываюсь отпустить его, даже когда его тело становится вялым и мои клыки опустошены. Я не останавлиюсь, пока не буду знать наверняка, что Себастьян Иден мертв.

Я вырываю свои клыки из его шеи и вытираю окровавленный рот, отбрасывая его тело в сторону, затем бегу к Натали и осторожно поднимаю ее, лезвие все еще похоронено глубоко в ее теле. Мы мчимся вниз по лестнице в лабораторию.

Ее сердце, мое сердце — это лишь слабый шепот внутри моей груди.

Ба... бах...

Натали, словно тряпичная кукла в моих руках, ее кровь просачивается через мои руки, капает на мои ботинки. Ее обычно персико-розовая кожа становится бледно-серого цвета, ее мягкие губы раздвинулись, словно она ждет поцелуя. Ее вдохи становятся медленными всплесками. Все как в тумане. Я не могу мыслить здраво. Все, на чем я могу сосредоточиться

это холод, ползущий в мое сердце.

Нет, пожалуйста, нет. Не умирай Натали, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Мы входим в лабораторию. Глаза доктора Крейвена расширяются от шока, когда он видит ее.

— Что случилось?

— Себастьян всадил в нее лезвие... — мама Натали.

— Он здесь?

— Он мертв. — Генерал Бьюкенен. — Помогите ей, пожалуйста.

Доктор Крейвен делает глубокий вдох, затем кивает.

— Положите ее на каталку.

Я кладу Натали на бок на стальную каталку пока все носятся по кругу, устанавливая все необходимое оборудование. Именно здесь Натали сделали ее первую операцию по пересадке сердца, когда ей было восемь лет, так что лаборатория хорошо оснащена... Я глажу посеревшее лицо Натали. Она такая холодная. Ее губы синие. Ей осталось несколько минут.

Ба... бах...

— Вы должны спасти ее, — умоляю я, мой голос срывается. — Пожалуйста, не дайте ей умереть.

Доктор Крейвен отталкивает меня в сторону. Я отступаю назад, когда он вынимает лезвие и начинает оперировать, с помощью Дей и Эвангелины, которые подают ему инструменты. Помимо прочего, у нее еще и трещина ребер.

Я беспомощно смотрю, наблюдаю, как жизнь вытекает из разбитого тела Натали. Все кричат, плачут, инструктируют друг на друга, но их голоса звучат приглушенными и далекими, как будто я погружаюсь все глубже под воду. С каждым ударом сердца я вспоминаю о наших первых неделях проведенных вместе:

Пара васильково-голубых глаз, освещенных фарами проезжающего грузовика.

— Можешь, спасти ее... — Генерал Бьюкенен.

— Клапаны сильно повреждены... — доктор Крейвен.

Прикосновение ее пальцев к моим губам во время обучения на Ищейку.

— Ты должен спасти ее... — мама Натали.

— Повреждения слишком серьезные...

Лежание бок обок на барже Жука под звездами, сверкающими над нами.

— Мы теряем ее...

— Пожалуйста, Крейвен! Сделай что-нибудь. Она наша маленькая девочка...

Яростное выражение ее лица, когда она объявила всему миру, что она любит меня.

— Я не могу спасти сердце...

— Возьмите мое! — кричу я, срывая свою рубашку. — Отдайте ей мое сердце!

Жук не колеблется — он катит другую каталку, поместив ее рядом с операционным столом. Я ложусь на нее. Эвангелина спешит на мою сторону.

— Эш, ты уверен? — шепчет она, беря меня за руку.

Я киваю.

— Нет времени для анестезии, — говорит доктор Крейвен.

— Действуйте, — отвечаю я.

Я протягиваю руку через две каталки, когда доктор Крейвен делает свой первый разрез. Мои пальцы находят Натали. Тепло уходит с ее кожи с каждой секундой.

Пожалуйста, потерпи чуть-чуть.

Когда моя кожа разделяется — это момент стойкости. Холодный воздух устремляется к частям моего тела, которые никогда не должны были почувствовать этого. Я стискиваю клыки, когда мои нервные окончания полыхают, как огонь.

Только держись, Натали.

Треск кости следует за желудочным спазмом и за головокружительной болью.

Я люблю тебя...

Руки сжимаются, как тиски вокруг моего сердца.

Я люблю...

Мое зрение размывается, в то время как доктор Крейвен поднимает что-то сверкающее из моей груди.

Я...

38

ЭШ

ТИШИНА.

Это первое, что я замечаю, когда просыпаюсь. В оглушительной тишине, которая протекает через мои вены, где моя кровь однажды рвалась к жизни. Кровь все еще там, но теперь это обыкновенный, застоявшийся суп из простейшей Трипаномы вампириум процветающей в нем. Я почти чувствую их, как будто они ерзают внутри меня. Я уже и забыл, каково это, когда они были в состоянии покоя в течение месяца. Мои тяжелые веки пытаются открыться, ресницы спутались между собой как плющ, который однажды опутал церковь, когда мы с папой там жили. Свет пронзает мои чувствительные глаза, и я, крича, тут же закрываю их снова.

Моя голова как в тумане и мне ужасно больно, у меня просто убийственная дурманящая головная боль, но это ничто по сравнению со жгучей болью в груди. Я поднимаю вялую руку — как долго я спал? Все мои мышцы вялые — и я прижимаю ладонь к своей голой груди. Под моими пальцами острые углы металлических скоб, скрепляющие розовую, морщинистую кожу, и ниже... ничего. Просто глубокая, бесконечная пустота.

Натали! Я выпрямляюсь в постели, почти теряя сознание от внезапной вспышки боли. Агрх! Такое впечатление, что это похоже на то, как разбить яйцо и вычерпать все содержимое, и я понимаю, что это лучшее, что могло произойти. Кровь сочится из-под скоб, когда я осторожно поднимаюсь с постели. Мои босые ноги касаются холодного пола. Я в спальне, хотя я не уверен, в чьей. Она скудная, с белыми стенами, с мраморным полом и с двуспальной кроватью, покрытой белыми простынями.

Я одет только в черные пижамные штаны, поэтому я хватаю одеяло и набрасываю его на плечи, а затем направляюсь к двери. Моя рука парит над ручкой, не желая поворачивать ее из-за внезапного охватившего меня страха. Что, если я опоздал? Что, если Натали умерла? Как только я ступлю за порог, я буду знать. Но если она мертва, я не хочу знать.

Я считаю, что надо вернуться в постель, так я смогу отложить выяснение истины на попозже, но все, чтобы я не сделал: отсрочка неизбежного. Мертва ли Натали или жива. Никакое время не изменит ситуацию, поэтому я могу все выяснить сейчас. Я поворачиваю ручку.

Коридор пуст. Мои глаза инстинктивно перемещаются в сторону двух пятен крови на ковре. Одно принадлежит Натали, другое - Себастьяну. Он мне снился. В моем кошмаре, он сидел в кресле-качалке, маниакально смеясь, во время превращений из человека в волка, а

потом обратно в человека. Я отрываю глаза от кровавых пятен.

Я слышу голоса Жука и Дей, доносившиеся из комнаты в конце коридора. Я иду к белой двери и кладу дрожащую руку на дверную ручку. Я закрываю глаза. Ну, давай же. Я вхожу в комнату. Жук стоит на балконе в дальнем конце спальни. У него в руках черно-белый котенок, который играет лапками на его груди.

Элайджа с Эвангелиной стоят рядом с ним. Рука Элайджи небрежно обнимает Эвангелину за талию. Она осторожно следит за котенком на руках Жука. Дей сидит на краю двуспальной кровати, одетая в простое изумрудное платье, ее шелковистые, черные волосы завязаны в длинную косу. У нее новая пара очков — высокодисперсные с металлической оправой — хотя они по-прежнему упрямо сползают вниз по ее длинному носу. Рядом с ней ее младший брат, ЭмДжей. Ему двенадцать лет, у него темная кожа, шоколадно-коричневые глаза и густые черные волосы. Его серая рубашка плохо сидит, из-за сторбленной спины — ЭмДжей родился с заболеванием, которое порождает искривление позвоночника.

Он увидел меня и засиял.

— Эш!

— Привет, наглец, — говорю я, мой голос хрипит, я давно не говорил.

— Эш? — раздается тихий голос справа от меня. Я смотрю в сторону кровати. Натали лежит поверх одеяла. Она выглядит очень усталой и бледной, ее белокурые локоны лежат свободными волнами вокруг ее лица в форме сердечка, но она жива. Она жива!

Я спешу к ней, игнорируя боль в моем израненном теле, и осторожно притягиваю ее в свои объятия. Я целую ее мягко, неуверенно, не только потому, что боюсь, что причиню ей боль, а потому, что боюсь, что она оттолкнет меня. У нас больше нет связи Кровных Половинок. Она может не захотеть меня больше. Как будто читая мои мысли, Натали проводит пальцами сквозь мои волосы и притягивает меня ближе. Все мои сомнения как рукой снимает, и я погружаюсь в поцелуй, и на мгновение, всего на долю секунды, я клянусь, чувствую, как биение сердца отдается эхом внутри меня.

Натали отстраняется, прикусив губу. Она плачет. Я беру ее лицо в руки и нежно вытираю ее слезы пальцами.

— Что не так, — шепчу я.

— Я думала, что потеряла тебя, — говорит она.

— Меня? — недоуменно говорю я.

— Ты был без сознания почти две недели, — говорит Жук.

— Что? — говорю я, ошарашено.

— Ты чуть не умер, Эш, — тихо говорит Натали. Трипаносома вампириум в твоей крови не сразу активизировались, потому что они долго были в спячке. Они не подавали кислорода твоим органам.

— Доктору Крейвену пришлось делать тебе переливание крови, которой поделилась Эвангелина, — добавляет Дей.

Я смотрю на Эвангелину и улыбаюсь ей с благодарностью.

— Твой мозг был мертвым в течение нескольких минут, — говорит Жук. — Конечно, никто не заметил никакой разницы сначала...

— Эй! — говорю я, и все смеются.

— Есть еще кое-что, — говорит Жук. — Возможно, ты захочешь посмотреть на себя в зеркало.

Я подхожу к зеркалу и смотрю на свое отражение. Это занимает какое-то время, чтобы

осознать, что парень, на которого я смотрю, это я. Черные волосы. Изможденное лицо. Бледные губы. Серебряные глаза.

Серебряные.

— Ты заразился ретровирусом, когда укусил Себастьяна, — говорит Натали. — К счастью, у тебя нет плохой реакции на него, как была у него.

Я изучаю свое отражение, пытаюсь привыкнуть к моему новому облику, новому я. Я обращаюсь к Натали.

— Тогда ты тоже инфицирована, ведь я отдал тебе свое сердце?

— Вирус Разъяренных в моем организме убил ретровирус прежде, чем он успел что-то сделать, — говорит она. — Я думаю, мне повезло.

Я ухмыляюсь, и она смеется, понимая всю иронию этого утверждения.

— Так ты все еще больна? — тихонько спрашиваю я.

Она кивает.

— Но я принимаю лекарства. — Она указывает на черный мешочек со шприцами на ее тумбочке. — Доктор Крейвен оптимистичен, мне будет лучше через несколько месяцев.

Черно-белый котенок выбирается из рук Жука и прыгает на кровать Натали.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Митенс, — отвечает Натали. — Родители купили ее для меня, чтобы заменить... эм... ну ты понял.

Дей смотрит с прищуром на Эвангелину, которая слегка краснеет. Я протягиваю руку, чтобы погладить котенка, а он шипит, уничижительно оглядывая меня. Натали хихикает.

— Возможно, мы должны дать Эшу и Натали немного побыть наедине, — говорит Дей, вставая. — Я уверена, что им много чего надо наверстать. — Она идет к двери с Жуком и ЭмДжеем, а затем резко поворачивается и несется ко мне, обнимая меня за шею. Я крикаю от боли, но позволяю ей держаться за меня. — Спасибо, что спас Нат. Ты хороший парень, Эш Фишер.

Я улыбаюсь, она отстраняется и поспешно выходит из комнаты.

— Роуч и Сигуру нужно увидеть тебя, как только ты будешь к этому готов, — говорит Жук. — Скопилось много дел.

Я стону, закатив глаза.

— Ты можешь сказать им, что я все еще без сознания?

Жук ухмыляется.

— Верняк, братан. — Он покидает комнату.

Элайджа направляется к дверям. Он прислоняется к дверной раме, пока Эвангелина садится на край кровати. Натали держит Митенс близко к ее груди.

— Как ты? — спрашиваю я Эвангелину.

— Есть хорошие дни и плохие. Я ужасно скучаю по Эдмунду, но потом вспоминаю, что это все было не по-настоящему. — Она вздыхает. — Больно было опять потерять сердцебиение, но не так тяжело, как я думала. — Ее сверкающие черные глаза смотрят в сторону Элайджи, и он улыбается. — Я смогу прожить без этого.

Эвангелина встает и целует меня в лоб, затем оставляет мягкий поцелуй на щеке Натали. Она подходит к Элайдже и берет его за руку. Они покидают комнату, закрывая за собой дверь. Мы с Натали одни. Митенс спрыгивает с кровати и устремляется на балкон.

— Я бы хотела на свежий воздух, — говорит Натали.

Я помогаю ей подняться на ноги и стаскиваю одеяло со своих плеч, обхватив им

Натали, обнажив свой шрам, который зигзагом идет по моей груди.

— Это ужасно? — шепчет она, и я знаю, что она говорит не о моем шраме, а о пустоте, что находится под ним.

— Нет. — Я кладу руку на ее грудь, чувствуя стук своего сердца, бьющегося у нее внутри. — Я всегда буду частью тебя. Это довольно удивительно, если тебе это интересно.

Она сияет, смотря вверх на меня, и я быстро целую ее.

— Я теперь не знаю, что тебе дарить на нашу годовщину, — говорю я. — Как мне перекрыть то, что я отдал тебе свое сердце?

Она хихикает.

— Я люблю конфеты.

Я ухмыляюсь

— Конфеты значит.

Мы направляемся на балкон. Воздух прохладный и свежий, от чего моя кожа становится гусиной, но мне нравится. Это напоминает мне мою спальню в Церкви Плюща. Печали накрывает меня и мое дыхание становится рваным от воспоминаний о моем отце. Натали берет меня за руку и смотрит мне в глаза. Я мягко улыбаюсь ей.

Порыв ветра колышет облака пепла над головой, и на мгновение я мельком вижу васильково-голубое небо, выглядывающее из-за серого. Я притягиваю Натали ближе к себе, когда Митенс прыгает с балкона, погнавшись за хлопьями пепла, которые танцуют и кружатся на ветру.

Улица под нами кипит бурной деятельностью. По дороге едут грузовики, а рабочие коалиции, одетые в небесно-голубые комбинезоны слоняются по тротуарам, убирая мусор. Они уже начали отстраивать город. Инстинктивно я смотрю в сторону Пограничной Стены.

Натали прослеживает мой взор.

— Правительство хотело разрушить ее, но я попросила их подождать, пока ты не очнешься. Я подумала, ты захочешь быть там, когда это произойдет.

— Спасибо, — говорю я.

Разрушение стены гетто в Блэк Сити — это жизненно важно для меня. Этот первый город, который восстал против Пуриана Роуза, это место, где началось восстание, вот где необходимо сначала снести стену, и я хочу быть там, чтобы увидеть это. Я за это боролся. И когда Пограничная Стена будет снесена, я собираюсь убедиться, что такие же стены будут разрушены в каждом другом гетто в стране. Натали кладет голову мне на плечо.

— Были некоторые сопротивления со стороны некоторых государств, — тихо говорит она. — Это займет достаточно много времени, прежде чем эта страна объединится.

— Я знаю, — говорю я, оглядывая дымящийся город. — Но я готов к этому.

Это будет нелегко. Возможно, будет пролито больше крови, возможно даже будет еще одна война, но ничто уже не вернется на круги своя. Наши враги знают, с кем они имеют дело. Это не убить. Это куда опаснее любого оружия. Это что-то вроде меня. Я встаю и протягиваю руку Натали.

— Пойдем, обрушим эту стену, — говорю я.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net